

**Н О В Ы Й
М И Р**

10

МОСКВА

1940

НОВЫЙ МИР

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Москва, 1940 г.

№ 10

Год издания XVI

☆☆☆

СОДЕРЖАНИЕ

Алексей Сурков — Декабрьский дневник, стихи	3
Михаил Пришвин — Лесная капель	10
Николай Асанов — Стихи об Эдуарде Багрицком	29
Л. Компаниец — Этюд, стихи	30
А. Антоновская — Великий Моурави, продолжение	31
В. Вересаев — Невыдуманные рассказы о прошлом, окончание	111
Макс Зингер — Летчик Козлов	128
К. Бадигин — На корабле «Георгий Седов» через Ледовитый океан, про- должение	149
—	
Ю. П. Фролов — Физиология, физкультура и быт	177
—	
Я. Виктор — Современная война и США	191
—	
П. Балашов — Певец народного гнева (о романе Джона Стейнбека «Гроздь гнева»)	200
Борис Гроссман — Лирика Степана Щипачева	218
Г. Корабельников — Гамзат из аула Цада	225
Памяти Павла Низового	232

БИБЛИОГРАФИЯ

Г. Ленобль — «Китайская стена» Тихона Булавина	234
Г. Бровман — «Литературно-критические статьи» Д. И. Писарева	237
Евг. Крекшин — «Литературный Воронеж», альманах № 1 (8)	240
Б. Гимельфарб — «Иворческая лаборатория Золя» М. Эйхенгольца	243
Ан. Тарасенков — «Резьба по камню» Эффенди Каписва	247
Б. Папковский — «Салтыков (Щедрин) в Тверской губернии» Н. Журавлева	250
С. Машинский — «Белинский» М. Иовчука	252
Д. Тимм — «Север», альманах № 6	254

На книжной полке

Джемс Бертрам — «На фронтах Северного Китая»	256
Н. Пфлаумер — «Моя семья»	256

★

Декабрьский дневник

АЛЕКСЕЙ СУРКОВ

Шелестит за окном молодая листва,
Только стих мой сегодня на стуже продрог.
И, ровнясь, встают на бумаге слова,
Что полгода я в сердце ревниво берег.

Голос долга настойчив и неотвратим.
Расскажу, как под ветром шумела тайга;
Как в снегах, по гранитным увалам крутым,
Шли полки по горячему следу врага.

Есть и радость, и боль, и усталость в бою.
Горек дым беспокойных походных огней.
Друг поймет откровенную песню мою
И людей этой книги полюбит сильней.

Домик наш мал. Продырявлен пулями. Около
Бьют батареи за озеро круглые сутки.
С жалобным звоном сыплются битые стекла.
Жесткое шарканье валенок. Говор. Дым самокрутки.

Мы здесь, как дома. Оружие на руки выдано.
Время замкнулось в порядок размеренно-строгий.
Все, что казалось романтикой, стало обыденно.
Боем кончается день, начатый криком тревоги.

Стелются зарева в небе косматыми гривами.
Падают бомбы. От взрывов снега почернели.
Глаз наматался по вспышкам следить за разрывами.
Ухо привыкло к звенящему лёту шрапнели.

Кто нам предскажет — какими путями-дорогами
Выйдем к победе в лесном бездорожье и стуже?
Враг норовит измотать, обессилить тревогами.
Что же? Посмотрим, чьи нервы крепче, чья хватка потуже.

Ни ликованья оркестров, ни звона сверкающей стали,
 Ни сумасшедших аллюров летящих в бессмертье коней.
 Мы, говоря откровенно, поизмотались, устали
 В нервно-тревожном мельканье серых коротеньких дней.

Лица в ожогах мороза бессонницей долгой измяты.
 Радости, скорби, печали замкнуты в тесном кругу.
 Снова железными дятлами в чаще стучат автоматы.
 Снова, сжимая винтовки, лежим на примятом снегу.

И нарастает волнение до нервного тика, до боли.
 Посвисты пуль над окопом. Гускые вспышки в лесу.
 Встали бы в рост на поляне! Вышли в атаку бы, что ли?
 Мы бы рванулись навстречу, штык вынося на весу.

Сдвинута набок литая каска на ближнем соседе.
 Невозмутимо-спокойна эта большая спина.
 Он не торопится. Знает — враз не прорваться к победе.
 Вытерпеть, выдюжить надо. Тяжко?.. На то и война.

★

Снова бой на рокаде¹. Снова
 Кровь и взрывы в снежной пыли.
 Вот, на этот раз, Крохмалева
 Батарейцы в штаб принесли.

Каска смята. В крови солома.
 Пулей жизнь дотла сожжена.
 А его возле Тулы, дома,
 Поджидали мать и жена.

Я его заметил сразу
 У лафета, в тайге седой.
 Был он русский, голубоглазый,
 Был он сильный и молодой.

В полный рост перед вражьем строем
 Встав у пропасти на краю,
 Лейтенант Крохмалев героем
 Принял смерть в лобовом бою.

Мы зарыли его на опушке.
 Запустила его пурга.
 Грохотали салютом пушки,
 Без пощады разя врага.

Вылетала шрапнель со свистом
 Из нагретых стальных стволов.
 Был отважным артиллеристом
 Батарейный наш Крохмалев.

¹ Стратегическая дорога в пограничной полосе.

Чуть в затишье остынут пушки
И взойдет луна в синеве,
Мы напишем его старушке
И его молодой вдове.

Мы напишем, что в ратном споре
Пал их сокол смертью бойца;
Что жены и матери горе
Опалило наши сердца.

Где найти нам такое слово,
Что осушит вдовью слезу?

. . . . .
Выстрел. Выблеск ракеты. Снова
Встав у пушек, несем грозу.

Друг мой! В таежной ночной тишине
Вспышки ракет осветили окно.
Ты на минуту нагнись ко мне,
Я тебе слово скажу одно.

Если порвет пулеметный дождь
Жизни моей непрочную нить, —
Вьнь мое сердце. Ты в нем найдешь
Песню, которая будет жить.

Сердце бьется тревожно. Ко мне
Снова мать приходила во сне.
Будто в детстве, тиха и светла,
Целовала, куда-то звала.

Слыша взрывы сквозь сон за стеной,
Я ответил печальной, родной:
— Не зови меня, погоди.
У меня еще жизнь впереди.

Дорогая, хорошая, сердце мое!
Как медлителен времени бег!
Третий раз эта ночь поднимает в ружье
И бросает на черный снег.

Успокоилось. Лег. Задремал слегка.
Вижу в дымке поволжский плес.
Слышу шелест шагов. И твоя рука
Чуть коснулась моих волос.

Мы над волжским простором вдвоем стоим.
В складках туч проступил рассвет.

И молчаньем твоим, и дыханьем твоим
Я на свежем ветру согрет.

Журавли улетают на юг в вышине.
Разве мы их вернем назад?..

Вновь команда: «В ружье!» Опять по стене
Хлещет крупный свинцовый град.

Если снайпер чужой облюбует меня,
Гряну навзничь, руки вразброс,
Вспомни крик журавлиный, рождение дня,
Ветер, молодость, волжский плес.

★

Звонит под лыжами стеклянный наст.
По перелеску выстрелы блеснули.
Мы под огнем. И кто-нибудь из нас
Не обойдет летящей прямо пули.

И навзничь рухнет в редком сосняке,
И потускнеет взгляд под бровью строгой.
И только чье-то сердце вдалеке
На выстрел тот откликнется тревогой.

Есть высшее из всех гражданских прав:
Во имя жизни встретить ветер боя
И, если надо, смертью смерть поправ,
Найти в огне бессмертие героя.

★

Было холодно, было невесело.
Злился ротный, кусая усы.
По дорогам пурга куралесила.
Тонко выли за озером псы.

И стучали часы, как кузнечики;
И костер дотлевал в шалаше.
Но ввалились с мороза разведчики, —
Сразу стало теплей на душе.

От беседы, от жидкого чая ли
Растопилась ночная тоска.
Мы их видеть живыми не чаяли,
А они привели «языка».

★

Еловая ветка, в костре догорая,
Подернулась пеплом. Не видно ни зги.
И кажется — нет ни конца и ни края
У полночи этой, у этой тайги.

Не спится сегодня комбригу седому.
Он слышит, как снег шелестит на сосне,
Как юноша летчик, тоскуя по дому:
«Марусенька... Маша...» — шепчет во сне.

Мы знали комбрига. Бесстрашен, спокоен
Он был на привалах, в походе, в бою.
Но вспомнил суровый испытанный воин
Далекую, буйную юность свою.

Припомнил таежное мшистое ложе,
Друзей у костра, партизанский привал.
Припомнил, как бредил он девушкой тоже
И тоже Марусей ее называл.

Дозор по тропинке прошел осторожно.
Взметнулась ракета, потемки дробя.
Комбриг приподнялся и вздрогнул тревожно
За юношу летчика,— не за себя.

★

Снегом нашу уютную обитель
Заметает ветер на юру.
С басовитым ревом истребитель
Низко пролетает поутру.

Как там вьюга вихри ни крути,—
Истребитель мчится с лесом вровень.
Мы тебя узнали, друг Коровин.
Ждем с победой! Доброго пути!

★

Осторожно пощупал — кисет не промок,
Вынул бережно щепоть махорки,
Завернул. Закурил. И поднялся дымок,
По-домашнему теплый и горький.

Черным дегтем внизу клочотала река.
В белом инее стыла береза.
По холодному небу текли облака,
Может быть, от родного колхоза.

Он устало присел на подрубленный ствол,
Возле самого края обрыва.
А по мосту, который он за ночь навел,
Горный полк проходил торопливо.

Грохотали орудия разных систем,
Шелестели по наледи шины.
Он сидел и курил и завидовал тем,
Кто ведет боевые машины.

Завивался и таял табачный дымок,
 Как тепло задушевной беседы.
 Он был плотник. И было ему невдомек,
 Что за ним половина победы.

Метель по дороге кружилась вразброс,
 Гнала над сугробами снежную пыль.
 И ветер неожиданно из лесу принес
 Знакомую песню, поволжскую быль.

Как Волга-река по весне, в тишине
 В крутых берегах, извиваясь, текла;
 Как, плавно качаясь на зыбкой волне,
 Разбойничья легкая лодка плыла;
 Как в пене и брызгах играло весло;
 Как в терем вернулся разгневанный муж...

Какими судьбами тебя занесло
 С Поволжья в полярную финскую глушь?

Был голос поющего звонок и чист;
 То птицей взлетал, то в метели тонул.
 Шагал целиной ярославец-связист
 И с песней меж елками провод тянул.

Мандолина выводит тоненько, тоненько
 С переборами гопака.
 Не смущает веселого, статного конника
 Перевязанная рука.
 Пусть чужие дозорные шляются около,
 Пусть над озером ветра вой.
 Он летает по кругу соколом, соколом,
 С гордо поднятой головой.
 И мигает в такт коптилка неяркая,
 Язычок змеинный деля.
 И по черному полу, шаркая, шаркая,
 Пишут валенки вензеля.
 И за стенкой гремят, как удары молота,
 Залпы спрятанных батарей...

Хорошо мне сегодня, просторно, молодо
 В этом братстве богатырей.

Тела друзей разметаны во сне.
 На валенках сапера сохнет глина.
 И рядом с автоматом, на стене,
 Безмолвная уснула мандолина.

От песенки, пропетой невзначай,
От пляски, своевольной и задорной,
Вином прошел по жилам жидкий чай,
Каморка наша сделалась просторной.

Нас в этот братский, тесный круг свела
Одной любви и ненависти сила.
И полночь у разбитого стола
Беседой тихой дружбу закрепила.

Иссякло сало в тусклом ночнике.
Не спится мне... Все кажется, что рядом
Скуластый лыжник ходит налегке,
Сбивая снег с кустарника прикладом.

Умолкли пушки. Тьма и тишина.
За дверью лес, настороженный, строгий.
Спят юноши... Пусть крик ночной тревоги
Не прозвучит и не нарушит сна.

★

Взрыв над полем и рощами круто,
Истребитель гудит в вышине.
Эшелоны по южным маршрутам
Пробегают в ночной тишине.

На теплушках узоры из хвои —
Близкий сердцу армейский уют.
Это с Севера едут герои,
Наши песни в дороге поют.

За платформой, у самого края,
Бесконечный ромашковый плес.
Грустно слушаю, как, замирая,
Удаляется дробот колес.

Ветер. Ночь. Путевые огни.
Водокачка. Тень семафора...
Песня! Ты их в пути догони
И скажи, что встретимся скоро.

*Северная Финляндия, Суомуссальми. Декабрь, 1939
Москва, Внуково. Июнь — август, 1940.*

Лесная капель

МИХАИЛ ПРИШВИН

★

ОТ АВТОРА

Вначале я очень робел записывать впечатления чересчур старательно, боясь подменить жизнь литературой. Страх этот объясняется, конечно, недостаточным опытом. Только мало-помалу потерял я эту робость и стал работать в природе и записывать с таким же деловым вниманием, как делают это живописцы. Последнее мое произведение в этом роде — «Неодетая весна» — написано до того с глазу и на самом месте наблюдения, что записи, на основе которых написано, здесь привести невозможно: это было бы повторением книги.

В «Лесной капели» я собрал записанное мною в последние годы и не напечатанное. Я дорожу этими записями потому, что они свидетельствуют о пройденной мною школе родственного внимания, сменившей натурализм моей юности. Когда-то я подходил к природе с биологическими науками и заменял в себе свободную жизнь образов цепью причин. Конечно, я и теперь не отказываюсь пользоваться научными дисциплинами, но теперь это ничуть не мешает свободному течению образов в процессе моего родственного внимания к жизни природы.

Вот с этой стороны простой записи на ходу, мне думается, и должна заинтересовать читателя моя «Лесная капель». Все приведенные здесь записи «сочинялись» прямо на том месте, где заставляла меня мысль.

ДЕРЕВО

КОРЕНЬ

В ижу перед восходом солнца блестящий опускается на западе месяц, в этот раз настолько левее вчерашнего, что так и не отразился в полде.

То солнце покажется, то закроется облаками, и думаешь: «Вот дождь пойдет», — и все нет дождя. Постепенно теплеет.

Вчера горячие лучи солнца не совсем еще покончили с новым льдом, и он, тонкий, острый, остался широкой лентой

у берегов, и синяя зыбь свободной воды тревожит его, и от этого звук подучается похожий на тот, когда ребяташки по тонкому льду швыряют камешки: будто большой стаей птички-щобетуньи летят.

В некоторых местах полдя от вчерашнего льда остался слой, подобныйлетней ряске: чайки плывут по нему, оставляя след за собой, но мыши, удравшие с берега от мальчишек, по такой ледяной кашнице бегут, не проваливаясь.

Гляжу на единственное во всей пойме деревцо-вяз перед моим окном, вижу, как все перелетные птички присаживаются на него, зяблики, щеглы, зорянки, и все думаю и думаю о том дереве, на которое когда-то, измученный жизнью, присел, да так и слился с ним, и корни того дерева стали моими корнями в родной земле. Так в своей перелетной жизни я и стал когда-то на свой корень.

★

БЕРЕЗА

Зимой березы таятся в хвойном лесу, а весной, когда листья развертываются, кажется, будто березы из темного леса выходят на опушку. Это бывает до тех пор, пока листва на березах не потемнеет и более или менее не сравняется с цветом хвойных деревьев. И еще бывает осенью, когда березки, перед тем как скрыться, прощаются с нами своим золотом.

★

ЕЛЬ И БЕРЕЗКА

Ель хороша только при сильном солнечном свете: тогда ее обычная чернота просвечивает самой густой, самой сильной зеленью. А березка мила и при солнце, и даже в самый серый день, и при дождике.

★

СВЕТОТЕНИ

Береза и осина — самые светолюбивые деревья, и особенно, мне кажется, осина. У нее ведь каждый листик трепещет и со всех сторон купается в свете. Осина светолюбивая, а под осиною растут тенелюбивые травы — папоротники, хвощи. Такой густой осинник, что зайцу не проскочить, а тут еще в густоте из-под низу выбилась высокая крапива.

★

ХМЕЛЬ

Высокая ель над омутом, до того умершая, что даже длинные бороды зеленых лишайников почернели, сжались, попадали. Эту ель облюбовал хмель, стал по ней подниматься выше и выше, — и что он увидел с высоты и что случилось в природе, пока он подымался?

★

ЖИЗНЬ НА РЕМЕШКЕ

Прошлый год, чтобы заметить место березку, она повисла почти только на одном узеньком ремешке коры. В нынешнем году я узнал то место, и вот удивление: березка эта висела зеленая, потому что, вероятно, ремешок коры подавал сок висящим сучьям.

★

ВОЛЧЬЕ ЛЫКО

Как только друг ушел от меня и я оглянулся вокруг себя, внимание мое остановил старый пенёк, весь истыканный пустыми еловыми шишками. Тут дятел работал над ними всю зиму: вокруг пня толстым слоем лежали эти шишки, он их всю зиму таскал сюда и шелушил. А из-под низу сквозь этот слой выбилось на свет, на свою вольную волюшку волчье лыко и сейчас расцвело маленькими малиновыми цветочками. Стебелек у этого самого первого весеннего цветка, и вправду, такой же крепкий, как лыко, и еще крепче: волчье лыко. Без ножа оторвать цветок от эмали почти невозможно, и, пожалуй, этого и не надобно делать: цветок волчьего лыка издали пахнет чудесно, как гиаинт, но стоит его поднести к носу поближе, то запахнет так худо, хуже, чем волком. Смотрю на него сейчас и дивлюсь, и по нем вспоминаю множество своих знакомых людей: издали очень хороши, а подойдешь поближе, и тоже запахнут, как волки.

★

ПЕНЬ-МУРАВЕЙНИК

Есть старые пни в лесу, все покрытые, как швейцарский сыр, дырочками и сохранившие прочную свою форму... Если, однако, придется сесть на такой пень, то перегородки между дырочками, очевидно, разрушаются, и чувствуешь, что сам на пне немного осел. И когда почувствуешь, что немного осел, то вставай немедленно: из каждой дырочки этого пня под тобой выползет множество муравьев, и ноздреватый пень окажется весь сплошным муравейником, сохранившим обличье пня.

★

ЗАРАСТАЮЩАЯ ПОЛЯНА

Лесная поляна. Вышел я, стал под березкой... Что делается! Елки, одна к другой, так сильно густели, и вдруг останавливались все у большой поляны. Там, на другой стороне поляны, были тоже ели, и тоже остановились, не смея двинуться дальше. И так, кругом всей поляны стояли густые, высокие ели, каждая высылая впереди себя березку. Вся большая поляна была покрыта зелеными бугорками. Это было все наработано когда-то кротами и потом заросло и покрылось мохом. На эти взрытые кротами холмики падало семя, и вырастали березки, а под березкой, под ее материнской защитой от мороза и солнца, вырастала тенелюбивая елочка. И так, высокие ели, не смея открыто сами высылать своих малышей на поляну, высылали их под покровом березок и под их защитой переходили поляну.

Пройдет сколько-то положенных для дерева лет, и вся поляна зарастет одними елками, а березы-покровительницы зачахнут в тени.

★

НА ТЯГЕ

Посвистывая очень удачно рябчика в ожидании вальдшнепа, наметил вспомнить всю флору и фауну лесную, как встречалась она мне в личном моем опыте, выискивая постепенно сюжет, объединяющий всю экологическую многоярусность леса. Чудесно, например,

что землеройка, попав в глубокую колею, вынуждена ночью бежать в поле, и по полю — до самой деревни. Она может встретиться и с полевкой, и с лисицей, и сова может броситься, и колесо телеги человеческой.

Внутреннее объединение всех «этажей леса», однако, возможно лишь в человеке, как его дом.

★

ТЕМНЫЙ ЛЕС

Темный лес хорош в яркий солнечный день, тут и прохлада, и чудеса световые: райской птицей кажется дрозд или сойка, когда они, пролетая, пересекут солнечный луч, листья простейшей рябины в подлеске вспыхивают зеленым светом, как в сказках Шехерезады. Чем ниже спускаешься чащей к речке, тем гуще заросли, тем больше прохлада, пока, наконец, в черноте тенивой между завитыми хмелем ольхами не блеснет вода бочага и не покажется на берегу его влажный песок. Надо тихо итти: можно увидеть, как горлинка тут пьет воду. После на песке можно любоваться отпечатками ее лапок и рядом—всевозможных лесных жителей: вот и лисица прошла...

Оттого лес называется темным, что солнце смотрит в него, как в оконце, и не все видит. Так вот нельзя ему увидеть барсучьи норы и возле них хорошо утрамбованную песчаную площадку, где катаются молодые барсуки. Нор тут нарывается множество, и, повидимому, все из-за лисы, которая поселяется в барсучьих норах и воню своей, неопрятностью выживает барсука. Но место замечательное, переменить не хочется: песчаный холм, со всех сторон овраги, и все такой чащей заросло, что солнце смотрит и ничего увидеть не может в свое небольшое окошко. Барсучья тропа от нор направляется краем оврага к шоссе. В сумерках, вечером, мы несколько раз видели, как барсук с той стороны сюда переходил через шоссе, и думаем теперь, что там, за шоссе, находятся другие норы и барсуку оттуда каждый день непременно почему-то надо сюда приходиться.

★

ЗВУКИ МАШИН

Когда ударит орудие на полигоне, нам в лесу кажется, будто где-то тут, в ельнике, глухарь взлетел. А когда захопочет на шоссе мотоцикл, в лесу — будто где-то рябчики пырхают. Но когда по-настоящему гроыхнет глухарь в лесу, уже знаешь: это глухарь. И птицы тоже, как мы, привыкают к звукам машин, и токующий тетерев под грохот заводимого трактора слышит, как подбирается к нему лисичка или подкрадывается охотник.

★

ЛЕСНОЕ КЛАДБИЩЕ

Выхватили на дрова полоску леса и почему-то не вывезли всего, так и остались на вырубке поленницы, местами вовсе исчезнувшие в молодом осиннике с огромными светлозелеными листьями или в частом ельнике. Кто понимает жизнь леса, нет ничего интересней таких вырубок, потому что лес — это книга за семью печатями, а вырубка — страница развернутой книги. После рубки соснового леса солнце сюда ворвалось, и выросли оттого гигантские травы, которые не давали прорасти семенам сосны и ели. Маленькие осинки, буйно густые и лопухие, однако побеждают даже траву и вырастают, несмотря ни на что. Когда осинник заглушит траву, тенелюбивая елка начинает расти в осиннике, обрастает его, и оттого ель обыкновенно сменяет сосну. На этой вырубке, однако, был смешанный лес, но самое главное, что тут были заболоченные моховые пятна, которые оживились и очень повеселели с тех пор, как лес был вырублен.

И вот на этой вырубке теперь можно было прочитать всю жизнь леса, во всем ее разнообразии: тут был и мох со своими голубыми и красными ягодами, красный мох и зеленый, мелкозвездчатый и крупный, и редкие пятна белого ягеля со вкрапленными в него красными брусничинами, ерник, — всюду воз-

ле старых пней на их черном фоне ярко светились в солнечных лучах молоденькие сосны и ели, и березки. Буйная смелая жизни вселяла веселые надежды, и черные пни, эти обнаженные могилы прежних высоких деревьев, вовсе не удручали своим видом, как это бывает на человеческих кладбищах.

—

Дерево умирает по-разному. Вот береза, та гниет изнутри, так что долго принимаешь ствол ее белый за дерево. Между тем там, внутри, только труха. Эта древесинная губка напитана водой и довольно тяжелая; если такое дерево толкнуть и не оберечься, то верхние куски могут, падая, ушибить и, может быть, даже убить. Часто видишь — березовый пенек стоит, как букет: одна только береста остается белым воротником, одна она, смолистая, не гниет, а изнутри, на трухе, и цветы, и новые деревца. Ель и сосна после смерти роняют прежде всего кору, она сваливается вниз кусками, как одежда, и лежит грудой под деревом. Потом валится верхушка, сучья и, наконец, разваливается и самый пенек.

Кто любит всматриваться в подробности земного ковра, то руины такого пня не менее живописны, чем руины дворцового и башенного быта. Множество цветов, грибов, папоротников спешат возместить собой распад когда-то великого дерева. Но прежде всего и оно само тут же возле пня продолжается маленьким деревцом. Мох, яркозеленый, крупнозвездный, с частыми бурыми молоточками, спешит укрыть голые коленки, которыми дерево когда-то держалось в земле, на этом мху часто бывают красные гигантские, в тарелку, сыроежки. Светлозеленые папоротники обступают развалины, красная земляника, брусника, голубая черника. Бывает, нитям ползущей клюквы понадобится зачем-то перебраться через пенек, глядишь, вот и ее кроваво-красные ягоды на тонких нитях с мельчайшими листиками висят, чрезвычайно украшая развалины пня.

★

В О Д А

НЕРЛЬ

Река Нерль течет по болоту, и хорошо здесь только до тех пор, пока не ожил комар. Ее приток Кубря — веселая, соловьиная река. На одной крутой стороне ее лес, такой же дикий, как на Нерли, на другой — пахотные поля. Она так обросла ольхой и черемухой, что едешь по ней на лодке под зелеными сводами. И соловьев здесь так много, как и в больших усадебных садах черноземного края.

Мы ехали на своей лодочке, впереди нас сетью на небе были сережки, цветы неодетых деревьев: сережки ольхи, желтые пылятки ранней ивы и еще разные бутоны, и крупные, полураскрытые почки черемухи. Как грациозны и как стыдливы эти веточки неодетых деревьев, — кажется, лучше застенчивых девушек.

В негодом лесу при запоздалой весне все было видно насквозь: видны гнезда разных птиц, видны сами поющие птицы, соловьи с булькающими горлышками, зяблики, певчие дрозды, лесные голуби. И кукушка на виду куковала, и тетерев ходил, токуя, по суку, бормотал.

Хмель местами вовсе обвил ольху и черемуху, и одна зеленая ветвь, пробиваясь из-под хмеля, старого, прошлогоднего, была похожа на Лаокоона, обвиняемого змеями.

Впереди плавали четыре кряковых селезня. Когда мы приблизились и хотели стрелять из винтовочки, три взлетели, а четвертый оказался подстрелом; с перебитым крылом. Мы избавили бескрылую птицу от мучительной жизни, положили на нос лодки и пользовались ею, как передним планом при фотографировании речки.

★

ОТРАЖЕНИЯ

Снимал чудесные последние белые тропинки в лесу («черепок»). Бывает, тропинка обрывается, из-под нее показывается колея, наполненная водой,

с отражениями деревьев; бывает, белая прерывается маленьким озером, бывает, и вовсе уходит под воду, и оттуда, из глубины, сама виднеется среди огромного отраженного леса. Туда, на ту сторону этого моря, в моих сапогах нельзя перейти, нельзя и подойти к тому большому лесу, но ж отражениям я подошел и даже могу их снимать. Больше! вовсе не прибегая к самолету, не оглушая себя мотором, перед ясной лужицей талой воды я могу стоять и любоваться небольшим облаком подо мной.

★

НАЧАЛО ВЕСНЫ ВОДЫ

Нельзя сказать, чтобы я удалился так, что не слышно было города, — все было слышно: и гудки электровоза, и стукотня всякая, но это было неважно, потому что у леса была своя тишина, очень действенная и увлекающая мое внимание к себе целиком: городского гула я вовсе не слышал.

Я шел, не замечая дождя, но он был. Я впервые догадался о дожде, когда пришел к молодому березняку: он стал чуть-чуть розовым от первой встречи с небесной водой, и большие серые капли висели на ветках, такие большие, почти, как вербы.

Дошел до Черного моста, и тут оказалось, что ручей еще глубоко в сугробах, и только лишь кое-где виднеются воронки с водой. Так что сегодня я был свидетелем самого первого начала весны воды.

На обратном пути я этот сегодняшний выход на волю обдумывал, как выход к воде: перееду в этом году к реке, куда-нибудь в Кострому. Еще в моих планах было не связывать жизнь свою с каким-нибудь местом: и пусть Москва, пусть Загорск, пусть Кострома, — на каждом месте должен быть я сам со своим водоемом, в который вбегают ручьи и реки тех мест.

★

ДОРОГА

Оледенелая, натруженная, набитая копытами лошадей и полозьями саней, занавоженная дорога уходила прямо в чистое море воды и оттуда и в прозрачности показывалась вместе с весенними облаками, преображенная и прекрасная.

★

ОЗЕРКО

Вода или коварная, или ей в большом своем деле не до того: она плеснет на ходу и бежит, а глядишь, после спада на лугу озерко осталось без всякого стока, и в озерке — щука, в чистой мелкой воде — большая рыбина среди луга у всех на виду...

★

В ДЕБРЯХ ОЛЬХИ

Дебри затопленной ольхи, веточки с сережками у самой воды. Струйки всякого рода, прямые, круговые, задумчивые заводы с отражением веток, с сережками, борьба возле застрявших в развилинах деревьев льдин: тут струйки все собираются на помощь друг другу, и шумят, и уносят белую дорогу уплывающих пузырей.

★

БОЧАГИ

С двух сторон глубокие омота, а между ними столько песку унесло, что на перекате даже и курица перейдет, и так в середине лета останутся одни бочаги, и сообщение между ними тайное и невидимое: кажется, будто вода стоит в

бочагах, а положишь палочку на воду, и она поплывет по течению.

★

РЕЧКИ ЧЕРНЫЕ И ГОЛУБЫЕ

В лесах я люблю речки с черной водой и желтыми цветами на берегах; в полях реки текут голубые, и цветы возле них разные.

★

ПОДСОСЕННАЯ ЗАВОДЬ

Кубря, прозрачная, глубоководная, со своими видимыми с берега чудесными подводными лесами, со своими широкими заводами, — прекрасна: я таких прекрасных рек в жизни своей не видал. Иду тихо по берегу, разглядываю подводные чудеса и плавающих между зелеными растениями рыб. Бывает, эти растения показываются, как зеленый туман, сгрудившийся в облако, и начинаешь думать, что из этой массы, может быть, оформясь, и произошли все подводные дива. Блюдца лилий и нитей, идущих от них в глубину, так грациозны, что представляется, будто возникли от удара тонкого музыкального пальца по клавишам фортепьяно. С одной переходишь глазами по всей реке, и кажется тогда, что все эти подводные растения с их чудесными рыбками вышли из музыки: песенка отзвучала когда-то, а они все тут остались.

Я переполнен счастьем, мне хочется открыть всем глаза на возможности для человека жить прекрасно, дышать таким солнечно-морозным воздухом, смотреть и слушать лилии, угадывать их музыку...

ЛЕСНЫЕ ГОСТИ

СЛОЖНАЯ ПРОСТОТА

Надо очень дорожить встречей с животными, делать записи даже и без лирического отклика. Я обыкновенно иду в себе такого отклика, он бывает побудительным мотивом к писанию. Но случается, просто запишешь, например,

что белка переходила по бревну, без всякого отношения к себе внутреннему, и выходит, непонятно почему, тоже хорошо. В этом надо упражняться, потому что это уже не натурализм у меня, а что-то очень сложное в своей простоте.

★

ПУСТЫРЬ

Может быть, когда-то на этом пустыре сосны стояли, и их срубили, и, может быть, после, пользуясь добром, оставленным в песке этими соснами, люди растили хлеба. Теперь следа не осталось тут человеческого: все поросло мохом и вереском, сухими цветами бессмертниками, из-под ног с треском вылетают кузнечики-трескунки на красных и голубых крылышках. Засылав шорох, спрятался в куст черныш, в надежде, что, авось, мимо пройдет человек, очарованный пустынностью такой никому не нужной земли. Мы бы и прошли, но Лада почуяла и, как неживая, стала против куста... Мы стали по сторонам куста и прекрасную птицу взяли себе на обед.

★

ЛЕСНОЙ ОМУТ

Серая бабочка, вроде большой моли, свалилась и легла в омут на спину треугольником, и так, живая, была как бы распята своими крылышками на воде. Она непрерывно шевелила ножками, от этого сама шевелилась, и все движение маленькой бабочки по всему омуту расходилось частыми кругами с мелкой волной. Под бабочкой спокойно во множестве плавали головастики, не смотря на волну, как по-суху носились наездники, завертывали свои петли на воде жучки-вертунки, а щуренок у камня, в тени, стал палочкой,—схватил бы, наверно, бабочку, но, вероятно, там, внизу, не понимал мелкой волны. Под водой, конечно, какая волна! Но над водой эта мелкая непрерывная волна от бьющейся бабочки в тихом омуте как будто возбуждала всеобщее внимание. Тут и смородина дикая свесила к самой воде свои крупные еще зеленые ягоды, и отцветшая мать-мачеха росой и водой подсвежала листья, и зеленый молодой хмель вьюном поднимался выше и выше на высокую, сухую, покрытую длинными зелеными бородами ель, и там, внизу, за камнями, куда не заходила волна от трепетной бабочки, опрокинулся весь лес с высоких берегов и до самого синего неба.

По-моему, щуренок рано или поздно вышел бы из своего оцепенения, обратил бы внимание на круги по всему бочагу. Но, глядя на бабочку, я вспомнил свою борьбу: тоже не раз приходилось лежать на спине и в отчаянии биться за свободу руками, ногами и всем, что бы ни попалося. Вспомнил время своей неволи, ударил по омуту камнем и такую в омуте поднял волну, что она подняла бабочку, выправила ее и помогла подняться ей на воздух: Так вот своя беда учит понимать и чужую.

★

ЗВЕРИ

Все бранятся зверем: хуже нет, когда скажут: «Вот настоящий зверь». А между тем, у зверей этих хранится бездонный запас нежности. Сколько сложно в природе любви, можно видеть, когда дети зверей разлучаются с родной матерью, и на место родной становится чужая.

Маленького слепого лисенка вынули из норы, дали воспитывать молочной кошке, и она вслепую любила его, и он ласкался к ней, как к родной матери.

Окотилась кошкa, котят забросили; другая вскоре окотилась в том же лукошке, ей оставили одного. Тогда обе кошки стали кормить одного котенка: родная уйдет, лезет в лукошко чужая, как будто в молоке ее заключается повелительная сила, которая все чужое роднит. И не только волк, — даже тигр будет с величайшей нежностью заглядывать в глаза, если человек выходит его и с малых лет станет ему вместо матери.

А у собак перед всеми зверями особенная любовь к человеку. Характер этой любви такой же, как любовь слепцов к молочной матери. Собака, выхваченная из дикой жизни, сохранила, вероятно, чувство утраты всей матери-природы и на веру отдалась человеку, как матери. По собаке заметнее всего, какая возможность любви заложена в звере и вообще в дикой природе.

★

ОТРАЖЕНИЕ

Вода сегодня такая тихая, что кулик над водой и его отражение в воде были совершенно одинаковые: казалось, летели нам навстречу два кулика. Весной в первую прогулку Ладе разрешается гоняться за птичками. Она заметила двух летящих куликов, они летели прямо на нее, скрытую от них кустиком. Лада наметилась. Какого кулика она избрала себе, настоящего, летящего над водой, или его отражение в воде? Оба были похожи, как две капли воды.

Ладино дело, погоню за летящими куликами, я перевел на свое: погоню за своей какой-то птицей в моем словесном искусстве. Разве все мое дело не в том состоит, чтобы уберечься от погони за призраком?

Вот бедная Лада выбрала себе отражение и, наверно, думая, что сейчас поймает живого кулика, сделала мгновенно с высокого берега скачок и бухнула в воду.

★

БЕЛИЧЬЯ ПАМЯТЬ

Думаю о белках: понятно, если большой запас, ты помнишь о нем легко, но мы видим сейчас по следам, что вот здесь белка через снег пробилась в мох, достала спрятанные там с осени два ореха, тут же их съела, потом, отбежав десяток метров, опять нырнула, опять оставила в снегу скорлупу от двух-трех орехов и через несколько метров сделала третью полазку. Нельзя же предположить, что она чуяла орех через талый слой снега и обмерзлого льда? Значит, помнила с осени о двух орехах во мху в стольких-то сантиметрах от ели... Притом, помня, она могла не отмеривать сантиметры, а прямо на-глаз с точностью определять; ныряла и доставала.

★

ЗЕМЛЕРОЙКИ

Вдруг на моих глазах плотно убитая дождями и снегом листва на земле стала дыбиться, отдельные листики ста-

ли на ребро, потом в другом месте слышался писк и показался хоботок, и потом все животное величиной с наперсток, — землеройка. Затаенно смотрел я и был на этой поляне таким же полноправным и независимым гражданином, как землеройка: и она поднимала старую листву, и я в своих воспоминаниях поднимал тоже свою листву и поглядывал на свет.

В новой траншее, прорытой нами вчера, сегодня оказалась землеройка. Мы первый раз ее увидели; это самое маленькое позвоночное, над которым все мы ходим в лесу, и может быть, даже так, что под каждым шагом нашим в земле живет один или два зверька. Мехом своим землеройка напоминает крота: мех короткий, ровный, плотный с синеватым отливом. На мышь совсем не похожа: рыльце хоботком, страшно живая, прыгает высоко в банке, дали червя — сразу съела. Петя стал рыть новую траншею, и когда показывался червяк, клал его землеройке в эмалированную кружку в 12 сантиметров высотой.

Было задумано испытать, сколько она может подряд съесть червей. После того на этой же землеройке мы хотели испытать, что она вообще может съесть: давали ей все. В заключение мы решили испробовать, правда ли, что солнечный прямой луч, как говорят, землеройку убивает. Так, убив подземное существо солнечным лучом, мы рассчитывали взвесить ее, смерить, как надо, исследовать внутренности, положить потом в муравейник и так очистить скелет. Да мало ли чего мы хотели! Еще хотели достать крота и посадить их вместе.

Но все наши замыслы так и остались неосуществленными: землеройка выпрыгнула через 12 сантиметров высоты на землю, а земля ей, как рыбе вода, и мгновенно исчезла.

Появление на свет этого необычайного зверька и его мгновенное исчезновение долго не отпускало мысль мою на свободу и все держало ее под землей, куда погружены корни деревьев.

★

ГУСЬ НА СОЛНЦЕ

Вернулось солнце. Гусь запускал свою длинную шею в ведро, доставал себе воду клювом, поплескивал водой на себя, почесывал что-то под каждым пером, шевелил подвижным, как на пружинке, хвостом. А когда все вымыл, все вычистил, то поднял вверх, к солнцу, высоко свой серебряный мокро сверкающий клюв и загоготал.

★

УТКА

Утка гуляет ночью, а перед зарей, до мороза, спешит к гнезду. Если нужно уйти, то прикрывает чем-нибудь яйца. Когда найдешь неприкрытые,—значит, она спугнута и не успела. (Слышал, но не проверил.)

★

ТЕТЕРЕВА НА ТОКУ

Тетерева на току вызывают на бой, воинственно перекликаются, и тетерки на заре со всех сторон бегут к току. Если испугаешь тетерку и она взлетит, то и самец взлетает, но, я думаю, не потому, что ему тетерка нужна, а хлопанье ее крыльев для него сигнал опасности.

★

ЛЕСНЫЕ ЖИЛИЩА

Мы нашли осинку со старым дятловым гнездом, которое сейчас облюбовала пара скворцов. Еще видели одно старое квадратное дупло, очевидно, желны, и узенькую длинную щелку на осине, из которой выскочила гаечка.

Нашли на елях два белчиных гайна, темные клубки прутьев, в которых снизу ничего не разглядишь. Оба гайна помещались на елках средней высоты, так что во всем большом лесу белки занимали средний этаж. Нам удалось также застать белку внизу и загнать ее невысоко на дерево. Белка была еще во всем зимнем меху.

Сарычи вились над вершинами деревьев, очевидно, тоже у гнезда. Карауль-

ный ворон чуть ли не за полкилометра от своего гнезда с криком совершал свой облет.

С необычайной быстротой промчалась тетерка и удачно сбила полет преследующего ее ястреба. Промажнувшись, он разочарованно уселся на сук дерева. У него была белая голова: повидимому, это был кричат или сокол.

Дупла дятлов приходится искать точно так же, как и грибы: все время напряженно смотришь перед собой по сторонам, куда только хватает зрения, и все вниз и вниз, хотя дупла дятлов, конечно, вверх. Это оттого, что именно вот в это время дятлы начинают долбить себе гнезда и роняют светлую посорку на еще темную, не покрытую зеленью землю. По этим посоркам и узнаешь, какое дерево избрал себе дятел. Повидимому, ему не так-то легко выбрать себе подходящее дерево: постоянно видишь вблизи дупла, отработанного дятлом, посорки на этом дереве или на соседних. Замечательно, что огромное большинство найденных нами дупел располагалось непременно под осиновым грибом. Делается это, чтобы предохранить гнезда от дождя, или гриб показывает дятлу выгодное ему мягкое для долбления место, — мы пока решить не могли.

Интересно было дупло у верхушки небольшой распадающейся от гниения березы. Высота ее—метра четыре, одно было у самого верха, другое делалось немного пониже, под грибом. Рядом с этим стволом дерева валялась его верхняя часть, трухлявая, насыщенная, как губка, водой. И самый ствол с дуплом плохо держался, стоило чуть качнуть его, и он бы свалился. Но, может быть, долбежка была не для гнезда.

★

БЕРЕСТЯНАЯ ТРУБОЧКА

Я нашел удивительную берестяную трубочку. Это бывает, когда человек вырежет для себя кусок бересты, остальная береста по кругу начинает свертываться в трубочку. Человек срежет весной, когда береста влажная. После, вместе с теплом, береста сохнет и

все туже и туже закружается. На следующую весну висят уже на березках трубочки, и так их бывает много, что не обращаешь внимания.

Но я сегодня, выискивая дупло, захотел посмотреть, нет ли чего в такой трубочке. В первой же трубочке я нашел хороший орех, так плотно прихваченный, что с трудом палочкой удалось его вытолкнуть. Вокруг берез не было орешников, и в трубочку орех не мог попасть «сам». Быть может, это белка его спрятала, наверное, даже понимая, что трубка будет закрываться все крепче и орех, наверное, не выпадет. Но мало ореха: снизу в трубочке под прикрытием ореха устроился паучишка и всю внутренность ее наполнил паутиной. После мне пришла догадка, что не белка воткнула орех, а ореховка, быть может, выкравшая его из гнезда белки.

★

ПОСРАМЛЕНИЕ ВОРА

Бьюшка, пока мы разводили машину, занялась двумя костями. Одна сорока, жертвуя собой, подскочила к носу собаки. Другая, когда Бьюшка кинулась на сороку, схватила кость и унесла. Всего было вместе семь сорок, и после первой удачи они повели атаку на вторую кость, но теперь Бьюшка поняла их политику и ела кость, как будто не обращая на сорок никакого внимания.

Но это состояние вооруженного мира длилось лишь до поры, до времени. Одна сорока до того обнаглела, что забыла о сорочьей организации и за своих страх и риск подошла к морде Бьюшки. Она хотела обратить внимание на себя и в это мгновение выхватить кость.

Бьюшка, однако, замысел этот хорошо поняла и не только не бросилась на сороку, а, напротив, заметив ее косым глазом, освободила кость и на мгновение отвернула морду в сторону. Это самое мгновение сорока и улучила для нападения: она схватила кость и даже успела повернуться в противоположную сторону, успела ударить крыльями по

земле так, что пыль подлетела. И только бы, только бы еще одно мгновение, чтобы в воздух подняться, как вдруг в это самое мгновение Бьюшка схватила ее. Кость выпала.

Сорока рванулась и вырвалась, но весь радужный длинный узкий сорочий хвост остался у Бьюшки в зубах и торчал из пасти собаки длинным кинжалом.

Видел ли кто-нибудь сороку без хвоста? Знаете ли, в какую смешную и невозможно жалкую птицу превращается эта блестящая воровка куриных и всяких яиц? Бесхвостая сорока села на ближайшее дерево, все другие сороки прилетели к ней. И было видно по всему сорочьему стрекотанию, по суете, что нет в сорочьем быту большей беды, большего срама, как лишиться сороке хвоста.

★

НА СВИСТОК

На свисток, кроме рябчика, прилетела та самая ореховка, которая сидела на четырех яйцах и теперь вывела птенцов, безобразных, с огромными ртами. Для них надо много собирать пищи, вот она и юлит. Прилетели две местные гаечки, дупла которых мы никак не можем найти. Придется как-нибудь последить за ними. С большой высоты (просто удивительно, как он мог слышать такой слабый звук) спустился ястреб-тетеревятник, парил на месте, разглядывая рябчика, и вдруг, заметив меня, бросился, как угорелый.

Это были местные жители: ведь в большом неизвестном лесу почти каждое существо живет на определенном клочке, и среди них только очень немногие мигрируют (если не считать сезонных перелетов).

★

САРЫЧ

Сарыч еще дремал на суке в полдерева. Бесшумно я подкатил к нему на велосипеде и стал для отдыха в ту самую позу, которую советский велосипедист принимает, беседуя с возлюблен-

ной: она что-нибудь делает внизу, скажем, полет огурцы, а он, как «гусар на саблю», опираясь на раму велосипеда, сверху ей улыбается. Сарыч, однако, учуял меня, перевернулся весь ко мне, опознал человека, опять повернулся в прежнее положение и, улетаая, развернул свои огромные крылья.

★

ТРИ НОРЫ

Сегодня возле барсучьей норы вспомнил три норы на Желтой круче в Кабардино-Балкарии. Там, разобрав следы на песке, прочитал я большую историю сожительства барсука, лисицы и дикого кота.

Нору выкопал барсук для себя, но в эту нору подвалили к нему в сожительство лисица и кот. Неопрятная лисица своей вонью скоро выжила барсука и кота. Барсук тогда выкопал себе нору повыше и поселился в ней вместе с котом, а вонючка-лисица осталась в старой норе.

★

ЩУКА

В нашей ставной сети щука остановилась и так запуталась, что стояла неподвижная, как сук. И лягушка села на нее и так присосалась, что мы долго не могли ее оторвать от щуки даже палкой.

Так вот щука, на что уж подвижной, сильный, страшный хищник, и то вот: стоило ей только остановиться, — сейчас же лягушка насела. Оттого, вероятно, хищники в своих злодействах никогда не останавливаются.

★

БОРЬБА ЗА ЖИЛПЛОЩАДЬ

Сын ловит землеройку в ведре за хвостик, опускает в небольшой пузырек от горчицы и закрывает, чтобы не выскочила. Через некоторое время тут же ловит слепя — и в пузырек, она мгновенно хватается его и ест: ей только было бы что есть, хотя бы даже и в пузырьке; а я знаю, некоторые люди в голод-

ное время предпочитали голодать в хорошем отдельном помещении, чем есть в тесноте, и я готов это понимать и в этом видеть путь от самого мелкого позвоночного, величиной в наперсток, до homo sapiens (человек).

★

КРОТ

Крот выкопал себе нору и отдал земле свои глаза, и вывернул себе лапы, чтобы удобней было копать, и стал жить по законам земли на всех правах подземного жителя. Но подкралась вода и залила кротовую родину. Для чего это нужно ей было, по какому закону и праву она подобралась к мирному жителю и выгнала его на свет, в доказательство чего это, по какому назначению, с какой целью?

Крот сделал перемычку, но под давлением воды перемычка распалась, он сделал вторую, потом, третью; четвертую сделать не успел, вода хлынула, и он с большим трудом должен был выбраться, темный, слепой, в подсолнечный мир. Он плыл по широкой воде и не думал, конечно, и не мог допустить какой-нибудь протест и крикнуть воде: «Ужо тебе!», как Евгений Медному всаднику. Крот плыл в ужасе, но без протеста, — это не он, а я за него, я, человек, сын похитителя огня, стал против коварной воли воды.

Это я, человек, взялся строить плотину против воды. И сошлось нас тут много, и вышла наша плотина великая, наславу.

А крот переменял хозяина и стал зависеть не от воды, а от человека.

★

ПТИЦЫ

Молодой сарыч, огромно-нелепый и вялый, вылетел из чащи на поляну и неумело сел на самый нижний сук дерева.

Рябчики выпорхнули и расселись по елкам и березкам, маленькие, с воробья, а уже отлично летают, — и сторож-

кие, совсем как большие. Мать близко сидит на березе, очень сдержанно и глухо дает им знать о себе, и, когда издает звук, хвостик у нее покачивается.

★

ЗАКАТ

Весь день было перемененно: то моросило, то прояснивало. В лесу, когда прояснивало, вспоминалась своя прежняя боль и как эту боль отпускало: лес теперь, казалось мне, был болен той же болезнью. Вдруг сорочка крикнула совсем по-другому, похоже было на галку, и через этот крик впервые я понял родство между этими столь разными птицами. Дятел, как будто не веря перемене погоды, не стучал по стволу, как дятел, а как маленький ползун, опрокинувшись, бегал по стволу и ронял вниз посорки. Как только погода утвердилась, дятел принялся за свою долбню.

Закат солнца был невидим, но после долго в облаках горело и светило в промежутках черных стволов.

★

НА ПЕСКЕ

Жарко и сухо. На пригорке стоит береза, и под ней осыпается песок вниз, в овраг. Корни из года в год обнажаются, и береза скоро вся упадет. Но много ли места нужно, чтобы птичке порадоваться! На песке, возле корней, — та самая трясогузка, в образе которой еще в древнем Египте художники представляли душу человеческую. И вот сейчас прилетел к трясогузке самец, распустил крылышки, надулся и петушком, медленно, чиркая концами крыльев по песку, сделал круг полный и потоптал свою самочку.

★

СЛЕПЕНЬ

Насекомые так сильно жужжали, что какой-то лесной звук, очень постоянный, был непонятен. В сущности, не

тысячи насекомых, а один какой-нибудь слепень возле самого уха перебивает все и заглушает. Вдруг этот близкий звук перестал, и оказалось, что вдали гурковала горлянка. Не успел я обрадоваться горлянке, как вдруг сам заорал: перерыв в жужжании был оттого, что слепень сел мне на шею...

★

ВОРОНА И КРЫСА

Видел по пути множество уток и пролетающих гусей. Еще видел, как пять ворон пытались схватить водяную крысу, и та им все не давалась, и, наконец, одна ворона ухватила крысу за хвост и благополучно бы завладела ею, но другие вороны набросились, она растерялась, выронила крысу, и началась та же борьба.

Выслушав этот рассказ, наш егеря рассказал о такой же борьбе вороны с горностаем и как горностаем впилился в нее так, что ворона едва стряхнула и поспешила на дерево, и все оттуда с опаской смотрела в сторону, где был горностаем.

★

ВАЛЬДШНЕПЫ

Над муравейником на елке так странно тикала какая-то птица, и я по этому звуку, слышанному мной, но забытому, никак не мог догадаться, какая она. Трудно было и разглядеть в густоте, пришлось тихо стоять и ждать событий.

Но комары кусали, я взял ветку рябины, и, как только махнул, рядом в осиннике, очень частом, всполыхнулась, застряла в кроне дерева и едва выбилась какая-то птица.

Тогда я почему-то сразу догадался и вспомнил звук, издаваемый птицей-матерью на елке: это была семья вальдшнепов. Слышал и читал о том, что самка вальдшнепа при опасности подхватывает птенца и летит с ним. Сам не видал.

★

ПОД СНЕГОМ

Удалось слышать, как мышь под снегом грызла корешок.

★

ДЯТЕЛ

Видел дятла: летел короткий (хвостик у него ведь маленький), насадив себе на клюв большую еловую шишку. Он сел на березу, где у него была мастерская для шелушения шишек. Пробежав вверх по стволу с шишкой на клюве до знакомого места, он увидел, что в развалине, где у него защемляются шишки, торчала одна отработанная и несброшенная, и новую ему некуда было девать. И нельзя было ему, нечем было сбросить старую: клюв был занят.

Тогда дятел, совсем как сделал бы в его положении человек, новую шишку зажал между грудью своей и деревом, а освобожденным клювом быстро выбросил старую шишку, потом новую поместил в свою мастерскую и заработал.

Такой он умный, всегда бодрый, оживленный и деловой.

★

ПОСЛЕДНИЕ ЦВЕТЫ

Опять морозная ночь. Утром напали увидел группу уцелевших голубых колокольчиков, на одном из них сидел шмель. Я сорвал колокольчик, шмель не слетел, стряхнул шмеля, он упал. Я положил его под горячий луч, он ожил, оправился и полетел. А на раковой шейке точно так же за ночь оцепенела красная стрекоза и на моих глазах оправилась под горячим лучом и полетела. И кузнечики в огромном числе стали сыпаться из-под ног, а среди них были трескунки, взлетающие с треском вверх, голубые и яркокрасные.

★

СИЛАЧ

Земля, разрыхленная муравьиной работой, сверху покрылась брусни-

кой, а под ягодой зародился гриб, и, мало-по-малу напирая своей упругой шляпкой, поднял вверх над собой целый свод с брусникой, и сам, совершенно белый, показался на свет.

★

БАРСУКИ

Поехал зимой около рождества на пойму за сеном, шевельнул вилами стог, а в нем барсук зимовал.

А то еще было: колхозники собрались бить барсуков. Пустили в нору собаку. Барсучиха выбежала. Увидели колхозники, что барсучиха тихо бегаёт, что можно догнать, не стали стрелять и бросились за ней. Догнали. Что делать? Ружья побросали у нор, палок в руках нет, голыми руками взять боязно. А между тем барсучиха нашла себе новый ход под землю и скрылась. Собачка вытащила гнездо и барсучонка: поряточный, с хорошего щенка.

★

НОЧЕВКИ ЗАЙЦА

Со мной шел маленький Миша по заячьему следу. Вчера моя собака пригнала этого зайца сюда, к самому городу, из далекого леса. Интересно было узнать, вернулся ли заяц на старое место в лес, либо на некоторое время остался жить здесь, около людей, в парке или хорошо заросшем овраге.

Обошли... Если он возвратился, то по третьему следу. Нашли третий. Я сказал: «По этому следу он возвратился к себе в старый лес». След был свеженький; Мише и представилось, что заяц только-что пришел. «Где же он ночевал?» — спросил Миша.

На мгновенье вопрос этот сбил меня с толку, но я опомнился и ответил: «Это мы ночуем, а заяц ночью живет: ночью он прошел здесь, а дnevать ушел в лес, и там теперь он лежит, отдыхает. Это мы ночуем, а зайцы днюют, и им днем гораздо страшнее, чем нам ночью».

★

ЗАПОЗДАЛАЯ КРЯКВА

В крутых берегах в густом ольшанике, речка сужалась до того, что ее тут можно было перескочить. Тут и от лесного тепла, и от силы течения вода не замерзала, и тут задержалась и коротала последние деньки перед зимой запоздалая кряква. Не видя ее в густом ольшанике, мы услышали только шум взлета, крик, и выстрелить удалось, только когда она была высоко над ольхой. Одна из дробинок попала ей в крыло, которое сломалось, кряква полетела вниз головой, как бутылка.

Подстреленная в крыло кряква ищет обыкновенно спасенья в воде, ныряет и затаивается в корнях, высунув только свой темный незаметный носик. Случается, охотник из сил выбьется: вот же, тут упала, сам видел, своими глазами, а найти никак не можешь.

То место, где кряква таилась у быстрой воды, было как-раз поворотное; речка отсюда повертывает, расширяясь на плесе, как пруд, и на спокойном открытом месте замерзла, сохранив на поверхности вид совершенно прозрачной воды.

Падая на эту поверхность вниз головой, кряква собралась было нырнуть и вдруг ударилась. Лед не проломился от удара. Ошеломленная кряква поднялась и пошла на своих красных лапках. Бьюшка, увидев, бросилась за ней, но провалилась, вернулась, подумала и опять, растопыря лапы, раскорякой, медленно пошла, пошла и добралась.

★

СОРОКА

Мы дожидались возвращения гончей и глядели на дальнюю опушку леса через поле, где долго гоняли лисицу. Лисица давно уже понорилась, а Трубоч не возвращался. Вглядываясь в опушку леса, мы увидели в бинокль, что на одном дереве сидела сорока с опущенным хвостом. Тогда мы догадались, что она глядела куда-то вниз и что-то пережидала.

Подумали немного, и все стало ясно: там лежала внизу падаль и, вероятно,

кто-то над ней хозяйствовал, а сорока дождалась, когда этот «кто-то» уйдет. Мы пошли туда, и, оказалось, правда: наш Трубоч терзал дохлого барана.

★

ПАУКИ

Дожди замучили. Мало обещает и нынешний вечер: солнце село в плотную синюю завесу. Долго я дождался в надежде, что хоть под самый конец выглянет солнце и я усну с надеждой на долгожданное росистое утро, когда можно фотографировать орошенные сети пауков. Нет! синяя завеса разорвалась только уж когда солнце село, и тогда на синее вышла красная птица, а в другом месте сидел на коне красный человек.

Ночевал я вместе с хозяйским сыном Сережей в сенном сарае, у самой вырубки, на которой я наблюдаю жизнь лесных ткачей—тенетных пауков с крестом на своем бочонке. Сверкала отдаленная молния, и через щелочки сарая, сквозь мои закрытые веки, этот свет молнии начинал в моей голове нелепые повести. Так, между прочим, снилось мне, будто люди додумались использовать для чего-то паутину и, чтобы в ночное время заставить пауков работать, осветили леса прожекторами. Рано утром, до восхода, пришла к сараю мать Сережи, Домна Ивановна, и стала его будить:

— Молотить пора, вставай, Сережа!

— Работают ли пауки? — спросил я.

Хозяйка моя уже приучена и заинтересована моими наблюдениями. Через короткое время она отвечает:

— Плохо.

— Ну, плохо же,—говорю я,—верно, быть дождю, а ведь гумно-то у вас некрытое.

— Ничего не поделаешь, — ответила Домна Ивановна, — старой муки и на колобок не осталось, помолотим, сколько успеем, а там будет видно.

Сережа встал и пошел молотить.

Выйдя из сарая, я увидел в небе борьбу света с темными облаками, и впечатление оставалось такое, что солнце победит. А роса была уже сильная.

Утро определилось серым, роса же обильная, — так обыкновенно не бывает.

Я обрадовался росисто-серому утру и пошел снимать работу пауков в надежде, что солнце не будет мешать мне оролами и при тихой погоде снимки с выдержкой выйдут у меня лучше моментальных, солнечных. Когда же я пришел на вчерашнее место, то не только новых сетей, но и старых не нашел. Предполагаю, что сети за сутки просто истрепались, изодрала мошкара. По всей вероятности, пауки делают сети в предрассветный час. Но как-раз ночью сегодня сверкала молния, и можно было легко догадаться о ненастье. И они не работали.

Впрочем, не было того, чтобы они совсем не работали; там и тут, в особенности на земле, виднелись сети, но это, была ничтожная часть в сравнении с тем, что бывает в светозарное утро. Поглядев на эти сети немногих пауков, я подумал: значит, и пауки неодинаковы, есть поумней и поглупей.

После часовой борьбы за свет с тучами солнце, наконец, осилило.

Быть может, пауки и начали бы работу, но очень сильная была роса. Нет! скорей всего, еще в предрассветный час пауки уже предчувствовали ненастье.

У птиц тоже не было обычного оживления. Тетерева совершенно молчали. Вот это уж не обманывало. Журавли молчали на пойме. Ястреба, и то не так часто попадались, как обыкновенно. Потом стало чрезвычайно тихо, душно и раздумчиво, как бывает перед грозой. События в атмосфере нарастали с такой быстротой, что не только домой бежать, но успеть бы только найти для защиты от ливня хорошую ель.

И только я устроился, как грянула гроза и ливень. Но я такую нашел ель, что, будь целый день ливень, под ней бы и не капнуло. Как люблю сидеть при сильном дожде под елкой и думать. Зверушки, птицы в это время точно так же сидят. Да, думать... Но самое замечательное, что можно и не думать, и тогда дойдешь до такого счастья, что скажешь себе: «Не думай, сиди так, пахнет хорошо, и слушай!» И вот сидишь и ничего совершенно не думаешь:

только слышишь и чувствуешь. Так, вероятно, и зверушки сидят.

Дождь оказался бесконечным, я вылез из-под елки и пошел себе под дождем домой. В деревне был переполох: решительно все обманулись погодой и теперь с ругательством, мокрые, возвращались с работы. Увидев свою хозяйку, я сказал: «Вот видите, Домна Ивановна, пауки, оказывается, умней нас: только редкий вышел на работу из пауков, какой-нибудь вовсе голодный или глупый, а у нас все обманулись. Пауки-то лучше нас понимают». «А как же?» — ответила Домна Ивановна и впиалась в меня глазами, маленькими, как муравьиные головки.

В деревне вечером очень пахло овинами. Оранжевая заря задержалась, и на ней долго оставались силуэты избышек, овинов, лозин. Под самый конец на луга пробрался белый, низкий, плотный туман, и потом началась сильно звездная ночь.

Тот укрывчивый туман, что вчера выполз на луга перед восходом солнца, встал и, когда солнце взошло, быстро свернулся белой радугой и разошелся. Пала самая сильная матовая роса. Затоковали тетерева. На пойме закричали журавли. Паутины так много, что собачка приходит слепая: на лугах все цветочки связаны паутиной, и между большими непременно висит паучья ловчая сеть, в росе похожая на кружево. Особенно красивы эти зарощенные сети на фоне темных елок. Я начал снимать не только самые сети, но также и способы их прикрепления. Тончайший жемчуг росы на паутинках часто сиял на солнце радугой, и казалось, все эти удивительно красивые, сложные сооружения сами возникли из росы и солнца, как в сказке, и так получилось все, что воистину ни в сказке сказать, ни пером описать.

Вечером курятся овины и пахнет дымком, почему-то особенно сильно, когда молодой месяц уходит за черный бор. Утром, на восходе, роса заливает травы, и пахнет сладко хлебом из каждой избы. Колхозники дождались нови.

Серпик луны, довольно уже толстенький, несколько задержался над черным бором. Ночь была прохладная, звездная. Солнце же взошло не совсем чисто. Я пробовал снять его с лучами, стремящимися вверх из-за облака.

Обильная роса сразу обозначила все ловушки пауков, и воздушные, и наземные. Сегодня я разобрал, что наземные ловушки тоже не так просты, как кажутся, что обыкновенно они представляют собою маленькие шатры, вершина которых прицеплена к соломинке или цветку.

Разглядывая первую воздушную ловушку, я добрался до телефонной станции; ловушка была устроена на ветке ивы, засохшей, потому что заяц обглодал ее кору; телефонная же станция заключалась в скорченном, засохшем листке, окруженном паутиной, вероятно, чтобы не развертывался. Сам хозяин сидел внутри и не выходил даже на мои колебания сигнальной паутины, вероятно, боялся росы, которая вообще не дает ходу паукам.

Еще я видел такое же устройство на березе, подрезанной и засохшей, и делаю предположение, что пауки любят устраиваться на засохших растениях, чем-то им удобней на них, может быть, и улов больше.

В елках жилище паука бывает под лапкой, часто перетянутой паутиной, чтобы хвоинки не пропускали дождя.

Точно так же устроено и в можжевельниках. До чего тяжела становится паутина с росой, что ветки можжевельника сгибаются аркой, а цветочки, притянутые пауками к строительству, иногда сгибаются до самой земли.

Иные пауки вышли, чтобы хватать добычу, иные строили сети, иные чинили поврежденные. Я выбрал себе одного, средней величины. Его ловушка была между маленькой елкой и сосенкой. На другой стороне этой же елки, совсем по соседству, работал другой паук. У меня есть догадка, что пауки делают свои сети в предрассветный час, до росы. Мой же избранный паук по какой-то причине не успел закончить свою сеть до росы, прервал работу и теперь продолжал. Роса, впрочем, еще не со-

всем сошла, так что я мог и наблюдать его работу, и фотографировать.

В заутренний час были построены пауком все радиусы круга, и на них, у концов, обведено уже несколько кругов. Мне показалось, что радиусы сделаны из более тонкого материала, чем круги, но, возможно, это обманывала роса, сохранившаяся на кругах. За большую тонкость лучей говорит еще то, что паутинный круг, покрытый росой, в центре своем кажется пустым, хотя, если присмотреться ближе, частые радиусы вовсе не обрываются, а сходятся в точку. В лупу я следил за работой на самом близком расстоянии. Почему-то паук не боялся меня и, вообще, относился ко мне приблизительно так же, как я к солнцу, которое тоже смотрело на мою работу, но не мешало. Рабочих инструментов, как мне показалось, у паука было два, — одной лапкой он притягивал ту паутину, к которой должна быть приставлена новая, другой подхватывал выпускаемую паутину и притягивал: тюк! и готово; и опять притягивается место прикрепления, и опять: тюк! волшебного-грациозный бросок, и вот, радужным светом сверкает на солнце новая созданная часть ловушки.

Иногда легкое дуновение ветерка колебало сеть, и паук не совсем точно на желаемом месте скреплял концы; иногда мельчайшее насекомое, пролетая, задевало, да и мало ли что еще: вероятно, и я тоже чуть-чуть колебал нити своим дыханием.

От всего этого работа получалась не совсем машинная, а как бы ручная, и как все делается в природе: ведь ни один листик на дереве не сложится точно с другим.

Я хотел фотографировать паука на самом близком расстоянии, допуская линзой, всего в 8 сантиметров, но при этом чуть-чуть, вероятно, задел сеть. Паук мгновенно бросил работу и быстро убежал на свою телефонную станцию. Почему же он не принял моего толчка за те колебания, которые происходят, когда попадает в сеть насекомое? Вероятно, он это понимает.

С другой стороны той же елки работал другой паук, поменьше, но не строил

вновь, а только чинил свою сеть. Что, это близкое соседство двух пауков случайное? Они сошлись тут потому, что, по всем расчетам, это самое удобное место для лова? Или, может быть, малый паук — самец?

Невольно я поддался этому не научному наблюдению, а, так сказать, дачному антропоморфизму и анимизму, которые приносят такой ужасный вред нашему пониманию мира, как органического целого: довольно одному такому «дачнику», представляющему собой радиовещательную станцию, создать легенду, как миллионы приемников на сотни лет повторяют нелепую выдумку.

К легенде присоединяется какой-нибудь миф, и вот осел, возможно, умнейшее животное, навсегда осел. Может быть, только через тысячелетия козел освободится от чорта и осел от «осла», и за все эти тысячелетия каждый отдельный, скажем, личный, козел ведь непременно же должен из-за чорта и осел из-за какого-то «осла» быть в жизни своего рода лишенцем.

А паук? Все соединяют с образом его кровопийцу, пузатого кулака. Содрогаются от одного только вида: пузатый, и с такими длинными лапами. Возможно, далекие наши азиатские предки-кочевники гибли от скорпионов, и страх перешел на этих мирных артистов труда, охотников, влекущих за собой целый шар материалов для постройки своих ловушек.

Почему ласточки, уничтожающие тысячами драгоценных нам пчел, пользуются общей симпатией? Потому ли, что они красивы? Какой вздор! Если всмотреться, то паук, работающий в росе и солнце, в тысячу раз красивей и умней ласточки, но дело в том, что всмотреться трудно, и вот, живая жизнь отдается на волю легкого, «дачного» воображения.

Я не мог фотографировать против солнца, и вместо этого с часами в руках следил за работой починки, прикидывая, во сколько времени паук может сделать сеть в четверть аршина диаметром. У меня получалось, что это выходит за срок от часу до двух: очень скоро работают.

Вернувшись к наблюдению за первым пауком, я увидел там, в центре ловушки, что-то большое и большую возню. Это попалась большая серая муха. С зеленой головой, та «дурная муха», от укуса которой сильно вздувается кожа. Паук с неимоверным проворством опутывал ее паутиной и, сделав из нее совершенно неподвижную мумию, схватил ее ловко и быстро унес к себе на телефонную станцию, под лапку ели.

Минут через пяднадцать, не более, он выпил из дурной мухи жизнь и вернулся заделывать дыры в сети, причиненные борьбой с большой мухой. Работа его была ритмически-мерная. Я и снимая, и любовался, вдумываясь и разрушая вековую неправду о пауках, сознавая радостно, что мне воистину за это прощается сорок моих грехов. Между прочим, по соседству со мной работал тоже полезнейший дятел, доктор дровьев.

Время от времени я обращал внимание на его долбню и удивлялся: какая же, значит, у него здоровенная шея, если может давать столь сильный толчок длинному клюву. Желна — эта черная птица с огненной головой — где-то неподвижно-жалобно пищала. Ныл канюк. Драла горло сойка. Время от времени давали свои сигналы на пойме многочисленные журавли.

Солнце вошло чистое. Роса. Жаркий день. Муха и комар во всей силе, и это мне приходится замечать впервые, чтобы после Ильина дня гнус не уменьшался. На осине в 10 утра застал глухаря. Вероятно, он с вечера клевал лист, заночевал, клевал поутру и держался.

Сегодня наблюдал жизнь паука просто в сухом листе, который держался в воздухе на паутине; сигнальная паутина отсюда шла к ловушке, которая была под тяжестью росы так тяжела, что ветка можжевельника согнулась аркой.

Еще я видел гнездо паучье в живом еще, но скорченном листе, на обратной стороне которого были вздутыя величиной в брусничину, в них, наверно, и были заделаны яички.

Еще очень красива была сухая берега, вся сплошь покрытая сетями пауков-охотников. Я пробовал это снимать, но солнце давало ореол, а отклониться нельзя было из-за того, что сетки пауков становились неосвещенными.

Еще видел, как один паук, несмотря на росу, принялся доделывать сеть и устроил ее всю не более, как в полчаса. На моих глазах он поймал карамору и еще муху, а мошкары попадалось такое множество, что он не обращал на нее никакого внимания, а, может быть, даже и был недоволен, потому что каждая немного надрывала сеть.

Сегодня солнце скорее прежнего расправилось с росой, и когда я захотел проверить пройденные ловушки, то не мог ничего увидеть ни на ветках, ни на земле. Вот только сейчас я наслаждался великой красотой этого сказочного царства, и вдруг оно все стало невидимо. Как в поисках шапки-невидимки, я иногда задевал лицом или рукой паутину только для того, чтобы убедиться в существовании невидимого паутинного царства, этого лесного Манчестера. Единственно, что выдавало паутину, — это сам паук, особенно, когда он был большой.

★

ДИЕТА

Я стоял на тяге там, где всю зиму лоси стояли и где каждая осинка была окольцована зубами лосей, и каждое белое кольцо сложилось из длинных полосок шириной в лосиный зуб. Из сломанного сучка березы время от времени собиралась самая светлая, самая чистая капля, и я ловил ее языком.

И думал я, что легче так жаждущему человеку от этих капель выпить, чем огромному лосю наестся полосками осиновой коры шириной в зуб. И, конечно, неправильно, что мы столько едим. По возвращении домой устанавливаю себе подмаривающую диету и спанье на воздухе в спальном мешке.

★

ЦАПЛЯ

Ночью в избе стало очень душно. Я вышел на крыльцо и сел на лавочку. Звездное небо все было в облачных пятнах. Медведица без хвоста. Пляды вовсе исчезли. Все двигалось и изменялось. То вдруг открывался хвост Медведицы, то закрывалась кастрюля. Вдали же играла зарница.

Чувство всей жизни по себе самому, свойственное мне в хорошие часы, охватило меня, и вдруг в эту минуту я услышал в небе знакомый мне осенний, совершенно как человеческий, крик: «А!» Через полминуты крик этот повторился вдали много слабее, и еще ровно через такой же промежуток опять чуть слышно повторился еще раз. А потом я, вероятно, не слышал, а только, по догадке поняв направление полета цапли, оттуда все слышал и слышал это очень странное цаплино «А!»

Вскоре из хаоса определилась туча, сверкнула молния, пошел теплый летний дождь. Тогда в комнате стало возможно открыть все окна, потому что комары в дождь не влетают, и в прохладе под шумок так приятно стало дремать и понимать весь мир в себе самом.

★

ГОСТИ

Гости у нас были. От штабелей дров рядом (два года лежат в ожидании большой воды) пришла к нам трясогузка, и просто из любопытства только чтобы на нас поглядеть. Мы рассчитали, что нам этих дров хватило бы для отопления лет на пятьдесят, — вот сколько их было! И за несколько лет лежки бесполезной на ветру, под дождями и на солнце, дрова эти потемнели, многие штабеля наклонились друг к другу, некоторые живописно рассыпались. Множество насекомых развилось в гниющих дровах, и в громадном числе тут поселились трясогузки.

Мы скоро открыли способ, как снимать этих маленьких птичек на близком расстоянии: если она сидит на той стороне штабеля и надо ее к себе по-

дозвать, для этого надо показаться издали и тут же от нее спрятаться. Тогда трясогузка, заинтересованная, побежит по краешку штабеля и с уголка заглянет на тебя, и ты увидишь ее на том самом поленце, куда заранее навел аппарат.

Бывает очень похоже на игру в палочки-постукалочки, только там дети играют, а тут я, старый человек, играю с птичкой.

Прилетел журавль и сел на той стороне речки в желтом болоте, среди кочек, и стал, наклонившись, разгуливать.

Скопа, рыбный хищник, прилетела и, высматривая себе внизу добычу, оставалась в воздухе, пряла крыльями.

Коршун с круглой выемкой на хвосте прилетел и парил высоко.

Прилетел болотный лунь, большой любитель птичьих яиц. Тогда все трясогузки вылетели из дров и помчались за ним, как комары. К трясогузкам вскоре присоединились вороны, сторожа своих гнезд. У громадного хищника был очень жалкий вид: этакая машина, и мчит в ужасе, улепетывает, удирает во все лопатки.

Слышалось «ву-ву» витютней.

Неустанно куковала в бору кукушка. Цапля вымахнула из сухих старых тростников.

Совсем рядом бормотал неустанно тетерев.

Болотная овсянка пикала и раскачивалась на одной тоненькой тростинке.

Землеройка пискнула в старой листве.

И когда стало еще теплей, то листья черемухи, как птички с зелеными крыльшками, тоже, как гости, прилетели и сели, фиолетовая анемона пришла, волчье лыко, и так дальше, пока не стали показываться в зеленых почках все этажи леса.

Еще была ранняя ива, и к ней прилетела пчела, и шмель загудел, и бабочка сложила крыльшки.

Лисица, лохматая, озабоченная, мелькнула в тростниках.

Гадюка просыхала, свернувшись на кочке.

И казалось, этому чудесному времени не будет конца. Но сегодня, перепрыгивая с кочки на кочку в болоте, я что-то заметил в воде, наклонился и увидел там бесчисленное множество комариных жгутиков.

Пройдет еще немного, они окрылятся, выйдут из воды и станут ногами на воду, для них твердую, соберутся с духом, полетят и загудят. Тогда солнечный день станет серым от кровопивцев.

Но эта великая армия охраняет девственность болотного леса и не дает дачникам использовать красоту и этих девственных мест.

Пошла плотва, приехали на лодке два рыбака. И когда мы сложились, чтобы уехать, тут же, на нашем месте, они развели костер, повесили котелок, поскобили плотву и потом без хлеба хлебали уху и ели рыбу.

На этом единственном сухом местечке, наверно, и первобытный рыбак тоже разводил костры, и тут же стала наша машина. Когда же мы сняли и палатку, в которой у нас была кухня, то на место палатки прилетели овсянки что-то клевать. И это были наши последние гости.

(Продолжение следует.)

Стихи об Эдуарде Багрицком

Николай АСАНОВ

★

Он видит горечь увяданья, —
Осенним тленьем полон сад.
О, как затруднено дыханье,
Как жаден к жизни теплый взгляд!

В голубоватом окруженье
Аквариумов всех систем
Идет беззвучное смятенье
Плененных рыб меж тусклых стен.

Все окна — настезь. В бледном небе
Трубят, взлетая, журавли.
Зовут на юг!

И где бы ни был,
Он помнит эту песнь земли.

Так армию зовет в сраженье
Горнист гремящею трубой...
Так, увлекая поколение,
Он слово-знамя бросит в бой;

И между двух припадков астмы,
Врываясь в битву напрямик,
Прославит он
строкою властной
Прямой красноармейский штык.

Собрав последнее дыханье,
Волненьем яростным томим,
Он скажет ясными стихами,
Что думается нам самим.

Э Т Ю Д

Л. КОМПАНИЕЦ

★

Я капитану мимоходом
Платочком вышитым махну,
Чтоб уходящим пароходом
Прибило к берегу волну.

И, капитану повинуюсь,
Вдали запенилась волна
И, голубея и волнуясь,
К моим ногам пришла она.

И капитан, забывши строгость,
Забыв года свои и чин,
Мне улыбнулся на дороге
Без всяких видимых причин.

И пароход умчался дальше;
Уже вдали. Уже забыт.
О нем, наверно, капитанша
В порту неведомом грустит.

А все осталось так, как было:
Маяк и лодка вдалеке,
Вода зеленая, перила,
Высокий мост, где я ходила
С платочком вышитым в руке.

Великий Моурави*

РОМАН

А. АНТОНОВСКАЯ

★

XXIV

Л еживый весенний снег кружится над горийской крепостью. Здесь размещены сарбазы и их начальники. Сарбазы ловят снежинки, смеются и зорко поглядывают вниз, на извилистую тропу.

В просторных верблюжатниках лежат на соломе, поджав ноги, верблюды. Они жалобно кричат.

В царском дворце разместился шах с четырьмя законными женами, с их прислужницами, черными и белыми евнухами и большой свитой.

Ханы заняли просторные дома на улице Трех чинар. Окруженные сарбазами и стражей, эти дома превратились в укрепленные крепостцы.

«Дружина барсов» расположилась в просторном помещении с куполообразной крышей, окруженном высокой каменной оградой, примыкавшей к дому Саакадзе. Георгий, Папуна, Нугзар и Зураб поселились в доме с широкой резной террасой, обвитой плющом. Сюда, к Георгию, стремилась Русудан. Но Георгий, боясь предательства и шаха, и князей, спешно восстанавливал для Русудан ностевский замок: там через потайной ход всегда можно скрыться даже на конях.

Общий дом в Гори и наличие многочисленных слуг избавили «барсов» от присутствия стражи и сарбазов. Тут,

расставив своих часовых и злых собак, откупленных ими у владельцев дома, «барсы» дышали свободно.

Дом Саакадзе окружен сарбазами. Персиане и грузины, составляющие свиту Георгия, наполняли помещение. «Большой сардари-куль»¹, как его называли персиане, был не доступен никому, кроме «барсов», ханов и присланных гонцов от шаха. Этой мерой Саакадзе ограждал себя и от мстительных грузинских князей.

Удивленные сарбазы чуть не уронили копьа, когда к главным воротам Гори подъехала арба с двумя стариками-грузинами. Нагруженная хурджинами, бурдюками и узелками, арба сразу привлекла жадное внимание сарбазов. Они набросились на нее, но дед Дмитрий, ударив одного палкой по руке, закричал:

— Верблюжий помет, это для Саакадзе!

Сарбазы отскочили при грозном имени и торопливо начали совещаться.

— Бисмаллах! Может, это отец? Или, да хранит нас аллах, еще хуже — дед?

— Пусть сама луна велит, без Али-Баиндур-хана не пропустим.

— А Эрасти здесь? — спросил Горгосал.

Сарбаз поспешно спросил:

— Отец?!

* Продолжение. См. «Новый мир» №№ 8 и 9, 1940 г.

¹ Главкомандующий.

— Конечно, отец, почему сразу не догадался? — неожиданно проговорил по-персидски Горгосал.

Ворота открылись, и арба в сопровождении заискивающе улыбающихся сарбазов направилась к дому Саакадзе.

Первый заметил арбу Эрасти. В это время он в узкое окно рассматривал улицу, наполненную стражей.

Сердце Эрасти сильно забилося: так только ностевские буйволы ходят... И Эрасти скатился с деревянной скрипучей лестницы.

Несколько секунд Эрасти пристально смотрел в живые, полные ума глаза старика и вдруг неистово сжал отца в объятиях. Дед Димитрия дрожащими от волнения руками поправлял поклажу. Эрасти обнял и деда и почтительно поцеловал его в плечо.

— Мой Димитрий?.. — едва мог сказать старик.

— Жив и сейчас дома.

Арба со скрипом въехала во двор, и тотчас из дверей, точно вихрь, вылетел в одной рубашке, без цаги, Димитрий. Он так бурно обхватил деда, что сарбазы уверяли, будто слышали треск сломанных костей. Смешивая слезы, дед и внук не могли оторваться друг от друга. Димитрий шумно целовал белую бороду, густые брови, соленые от слез глаза, целовал шею, руки и никак не мог выговорить «мой дед». Вдруг дед отстранил Димитрия, посмотрел на его необутые ноги и укоризненно покачал головой:

— Я знал, в цагах нуждаешься. Желтые привез, ты всегда желтые любил.

Димитрий рассмеялся и, обняв Горгосала и деда, почти на руках втащил их в дом.

Эрасти с нежностью смотрел на пестрые платочки, хранящие в себе материнскую любовь и волнение. Он старался угадать, какой из этих узелков приготовлен для него матерью, самой лучшей из матерей. Вдруг сердце его сжалось — о Георгии Саакадзе некому подумать...

Ни одна драгоценная поклажа не вносилась в дом с такой осторожностью и заботливостью. Эрасти крикнул слу-

гам и, зорко пересчитав все узелки, хуржины, кувшинчики, корзиночки, бурдючки, оставался у арбы, пока поклажу не перенесли в дом: каждому «барсу» ностевский подарок дороже драгоценных преподношений шаха.

— Эй, орлиный хвост, — встретил взволнованного Эрасти шумный Димитрий, — твоя жена вернулась в Носте, сын Бежан тоже.

Эрасти побледнел, потом почувствовал свое лицо в огне и как-то неестественно согнулся.

Гиви подхватил его и усадил на тахту.

— Э-э, друг, от радости еще никто не умирал. На, выпей ностевского вина.

Эрасти взял из рук Дато полную чашу и с жадностью выпил до последней капли. Потом долго сидел молча.

Когда Саакадзе и Папуна, извещенные о приезде ностевцев, вошли в комнату, «барсы» были пьяны ностевским вином и новостями. Димитрий крепко обхватил деда, точно боясь его потерять. Горгосал охрип, не успевая отвечать на сыпавшиеся со всех сторон вопросы. На столе из развернутых узелков приветливо смотрели домашние угощения. Пустые и полные бурдюки в беспорядке громоздились тут же у стола, распахнутые нетерпеливыми руками хурджины лежали на скамьях и тахтах.

Эрасти быстро взглянул на вошедших. Он заметил, как дрогнули губы Саакадзе. «Волнуется» — мелькнуло у Эрасти.

— Батоно, нам родные прислали подарки; тебе все женщины Носте тоже прислали.

Эрасти развернул красный платок и преподнес Георгию выпеченный меч.

Теплая волна прилила к сердцу Саакадзе: «Значит, женщины бой мне предсказывают? Бой будет... большой бой... Какую власть имеет воспоминание, — подумал Георгий, — человек может уйти в далекие страны, встречать необычайных людей, жить во дворце с разноцветными птицами, достичь недосыгаемой высоты, вырастить могучие мысли, перерасти самого себя и вдруг

увидеть морщинистого деда и почувствовать, что все пережитое — мираж в пустыне, не стоящий внимания».

Георгий крепко расцеловал взволнованных стариков и обернулся к Эрасти, прижимавшему к пылающим губам чужака сына.

— Батону, — покраснел Эрасти, — видно, сердце у меня слабое, не могу спокойным быть... После тебя дороже всего сын.

— Скоро увидим его, мой Эрасти... Э, Папуна, ты забыл, что Георгий Саакадзе тоже из Носте, оставь немного вина. Димитрий, пока не задушил деда, дай поговорить, и ты, Горгосал, расскажи о... о Носте.

До поздней ночи ностевцы, запершись и спустив собак, первый раз понастоящему предались веселью, радостно вспоминая прошедшую юность, и осушали роги за будущее.

Шах Аббас мрачен. Несмотря на захват Гречи, Тбилиси и Гори, он знает: до полной победы над грузинами еще очень далеко. Цари укрылись за имеретинскими горами, — значит, Грузия не завоевана. «Мои сарбазы следовали за мной через все поселения картлийцев, словно через пустыни. Мохаммед сказал: кто произнесет «Ла иль ла иль алла!», тот правоверный. Князья только устами, а не сердцем воскликнули «Ла иль ла иль алла!» Но мне нужно дно морское, а не пена волны. Не из-за князей беспокоил я свое величие, а для покорения Картли и Кахети. Это единственный заслон Ирана против русских вождений. Мой верный сардар Саакадзе привел к моим стопам Кахети и преподнес мне Тбилиси. В награду я обещал ему князей... Мохаммед сказал: «Не нарушайте своих клятв и обетов, однажды данных». Но Мохаммед думал о правоверных, а Саакадзе? Разве он правоверный? Но, иншаллах, честолюбие приведет Саакадзе к источнику Земзема, ибо родина его сейчас Иран. И народ грузинский, и князья, как тигры, растерзают его здесь. Саакадзе прав: царей надо из Имерети выманить, только тогда картлийцы легко

признают над собою власть Ирана. Царем оставлю Баграта... испытан Али-Баиндуром. Предопределение аллаха! И здесь Саакадзе ждет разочарование. Он приближал к моему зрению Хосро-мирзу, я благосклонно поощрял. Хосро по доброй воле мохамметанин, но опасно... Как только уйду, могут убить. Иншаллах! Успеет, еще молодой... Багра — грузин, его народ знает. Говорят, не очень любит, это главное. Грузины не должны дорожить своим царем... С моею помощью будет царствовать, и ему выгодно быть мне верным. Но, если аллах снизойдет и просветит Луарсаба и он воскликнет: «Ла иль ла иль алла! Мохаммед расул аллах!», — ему верну царство. Судьба принесет Саакадзе новое огорчение, но мой верный сардар утешится войной с османами и почетным званием «Непобедимого!»

Шах поднял глаза. Более часа стоял, вытянувшись, не дыша, молодой сын Карчи-хана. Он мог так простоять сутки, дожидаясь, когда шах-ин-шах подымет на него «львиный» взор.

— Грузинские князья пришли? Вели подождать. После еды и сна удостою их вниманием... Пусть придут сюда сардар Саакадзе, Караджугай-хан, Эреб-хан и Эмир-Гюне-хан.

Шах Аббас впервые приглашал на тайный совет Саакадзе. Этим он хотел подчеркнуть, что для Георгия наступила новая эра: он — свой.

Саакадзе вошел взволнованный и положил у ног шаха тяжелый меч. Шах наступил ногой на рукоятку. Дрожащими руками Саакадзе поднял меч и поцеловал рукоятку. И «лев Ирана» увидел в глазах Саакадзе благоговение.

Но внутренне Саакадзе торжествовал. Его труды не пропали даром, он добился окончательного доверия, и теперь самые сокровенные замыслы шаха ему будут известны... Да, много жертв пришлось принести, много с совестью сговариваться. На краю гибели дружба с «барсами» была...

Обсудив турецкие, русские и шамхалатские дела, шах Аббас пришел к заключению о необходимости любыми мерами выманить из Имерети Луарсаба и Теймураза.

— Только два способа есть: или войной итти на Имерети, или попробовать дарами и угрозами убедить имеретинского Георгия выдать царей, — сказал Саакадзе.

— Храбрый из храбрых Георгий, сын Саакадзе, войной итти опасно. Может, Стамбул уже расставил своих янычар у порога Имерети, а сам народ имеретинский, имею сведения, сильно вооружен и многочислен. Иначе, чем объяснить дерзость царя Георгия, укрывшего у себя врагов шах-ин-шаха?

— Лих-Имерские горы опасны для войны... Мне Имерети не нужна, все равно для Ирафа бесполезна: далеко, и горами, как панцырем, защищена, — проговорил шах. — Потом Имерети — для турок, у меня с Турцией фирман печатью Ирана закреплен. Мохаммед сказал: «Не нарушайте своих клятв и обетов, однажды вами данных». Но, просвещая нас нравственной мудростью, Мохаммед относил ее к друзьям правверных. И настанет день, когда огонь Персиды сожжет этот фирман на площади Кутаиси.

— Дозволь заметить, великий из великих шах-ин-шах, твои уста — источник мудрости. Османы одной рукой подписывают фирман, другой раздают картлайским князьям сабли против Ирана.

— Это, мой сардар Георгий, мне тоже известно, но наш союзник Русия сон потеряла — о Грузии наяву грезит. Грузинские земли не дают спать и турецким собакам, не имеющим в битвах ни совести, ни чести.

— Мудрейший шах-ин-шах, может, раньше послать послов к имеретинскому царю? Ибо сказано: не торопись сорвать плод, — созрев, он сам упадет.

Ханы улыбнулись находчивому Эребхану.

— Эреб-хан, полезна своевременная зоркость, ибо сказано: не давай созревшему плоду упасть за твой забор, — насмешливо сказал шах.

Ханы поспешили рассмеяться.

На другой день Эреб-хан и Исмаилхан со свитой и в сопровождении пятидесяти сарбазов выехали в Имерети.

XXV

Вскоре после получения звания «Непобедимый» Саакадзе был посещен Шадиманом.

Георгий приказал молодому хану, начальнику своей личной охраны, со всеми почестями проводить князя Шадимана Бараташвили в «зал встреч» и сам стал надевать пышный персидский наряд. Он был озадачен. Трон Луарсаба — опора власти Шадимана и его друзей. Почему же «змеинный князь» не до конца использовал имеретинские и турецкие возможности? «Нет, Шадиман не делает оплошностей! Значит, здесь он для смертельной схватки со мной. Не собирается ли Шадиман перенести борьбу из Метехского замка в Давлетханэ? Ну, что ж, светлейший князь, посмотрим...» — И Саакадзе широко открыл дверь в «зал встреч».

При первом свидании у шаха они едва скрывали взаимную ненависть. Сейчас собеседники соревновались в блеске ума и в сдержанности.

— Пришел поздравить тебя, Георгий, с высокой наградой... Ты всегда был при шах-ин-шахе большим сардаром, а теперь, после посещения Тбилиси, пользуешься заслуженно славой непобедимого.

— Тбилиси мною, дорогой Шадиман, меньше разорен, чем князьями в спокойное время. Но знай, у меня от шах-ин-шаха нет тайн, здесь все слуги — персиане и грузины.

— Знаю, открыто пришел, — слегка наклонил голову Шадиман. — А если бы тайно хотел говорить, к «барсам» постучался бы. Остроумную придумали стражу, — ни одного перса. Говорят, всех волкоподобных собак закупили в Гори. Тебе тоже удобно: прорубленная в смежной стене калитка имеет тайный ключ, — чужой не проникнет.

Саакадзе пристально смотрел на Шадимана.

— За благосклонность спасибо, тем более, своим высоким положением у «льва Ирана» я обязан тебе.

— Нет, Георгий, ты сам заработал себе благодарность «солнца Ирана». Бывают люди, которым тесно вдвоем

в одном царстве. Ты всегда хотел быть выше светлейшего, теперь достиг, и перед твоим умением должны склониться все мудрецы.

— Нет, Шадиман, было бы неучтиво с моей стороны не вспомнить помощи картлийских князей...

Шадиман развел руками:

— Теперь нет ни картлийских князей, ни картлийских азнауров, есть одно: рабы шах-ин-шаха.

— Не сочти меня глупцом, раболепный князь, но чалмы на головах светлейших и не светлейших дают уверенность, что рабство им более к лицу, чем княжество.

— Чалма к голове не прирастает... В солнечные дни ее легко заменить.

— Феской? — улыбнулся Георгий.

— Папахой... Хотя я из скупости и зимой остался в грузинской папахе. Вижу, ты тоже, Георгий, не променял боевой шлем на спасительную чалму.

— Я — азнаур...

— Нет, князь.

— Плебейский князь, но знатный азнаур. Предкам своим никогда не изменял.

— Разреши узнать: одобряешь ли ты желание Баграта стать царем Картли?

— Я одобряю всякого царя, удостоенного выбора «льва Ирана».

— Однако ты ему и Амириндо обязан исчезновением Тэкле.

— Думаю, не только им... Но Баграт — твой родственник, ты радоваться должен.

— Не думаешь ли, что Луарсаб больше подходит для Картли, чем скупой Баграт?.. Конечно, если Луарсаб пожелает явиться с покорностью к великому из великих шах-ин-шаху.

— Если найдется моя сестра Тэкле, я, быть может, соглашусь с твоим мнением...

— Если бы я мог найти прекрасную из прекрасных царицу Тэкле!.. Страдания Луарсаба нельзя словами описать.

Саакадзе пытливо смотрел на Шадимана. Да, «змеинный князь» действует своим испытанным оружием. Умышленно не принял мохамметанства, надеется на благодарность церкви и народа за

отставание перед шахом Аббасом царя Луарсаба.

— Я горжусь доверием моего повелителя. Только «лев Ирана» имеет право решать судьбу Картли. Наша приятная беседа бесплодна. Все же ты, как неизменно преданный царю Луарсабу, можешь шаха просить за него.

— Думаю, шах-ин-шах удостоит меня такой беседой. Но не тебе ли Луарсаб обязан словами: «Доколе жив царь Луарсаб, нет спокойствия в Картли?»

— Вижу, князь, твой слух с годами становится острее. Да, это мои слова, и я их еще не раз повторю шаху Аббасу.

— Тебя, Георгий Саакадзе из Носте, я всегда высоко оценивал, потому и боролся против тебя. Ты отстаивал права азнауров, я — права князей. Столетиями прославлены княжеские знамена — лучшая драгоценность грузинской короны. Не рассчитывай, что князья снимут цаги и наденут чувяки. Скорей они украсят голову двенадцатью складками чалмы,¹ чем уступят права, ниспосланные небом.

— Скорее азнауры наденут чувяки и разорванные чохи, чем откажутся от борьбы за права, данные землей. Царь и азнауры, князь, а не царь и князь. Еще раз запомни это.

— Но, может, поздно, князь Саакадзе? — поморщился Шадиман. — Благодаря счастливому полководцу нет теперь царя для азнауров.

— Великий из великих шах-ин-шах, думаю, уже подыскал для азнауров царя.

Шадиман встал.

— Ты ошибаешься: царь в Картли будет, но с азнаурами ни один не сойдется. Может, нам лучше сейчас мирно договориться?

— Нет, светлейший Шадиман, ты слишком много хочешь для князей, а я слишком много для азнауров. Но одно не следует забывать — азнауры находятся под высоким покровительством... Напрасно не замечаешь, время другое настало.

¹ «Священную чалму» складывают на голову двенадцатью складками по числу имамов.

— Э, непобедимый Георгий, не доверяй погоде... В Картли несколько раз в день может дождь пойти и солнце засиять.

Долго сидел Георгий после ухода Шадимана, погруженный в сокровенные мысли. Эрасти заглядывал в дверь и неслышно исчезал...

«Не доверяй погоде... Шадиман прав, ни один царь не сговорится с азнаурами. Что ж! Добровольно не сговорится, заставим насильно. Шадиман пробует, с какой стороны удобнее подкрасться к моим мыслям, подкрасться и вонзить меч предательства в самое сердце. Нет, князя, панцирь из саакадзевской стали ношу. И перед шахом не очернить, — поздно, я уже овладел изменчивой душой «льва Ирана». Борьба, борьба, князя! Доверие народа — сила азнауров. Князя этого, к счастью, не понимают. Они ярмом, кабалой, лишениями, пытками внушают народу страх... Наружно народ покоряется, а внутри огнем ненависти горит. Эту ненависть я вдохнул в грудь народа неужели для того, чтобы шаху Аббасу под ноги ее бросить? Нет, и тебе, лицемерный перс, не сломить мощь моей Картли... Стон и плач, как колокольный звон, теснят мою голову, мое сердце. Но кто видел на моем лице печаль? Знаю, слезы высохнут, города построят новые, поля зацветут высоким хлебом, виноградники отягнутся налитыми гроздьями, солнце перельет в марани разноцветные вина, на тучных пастбищах размножится скот. Дети вырастут, другие родятся... А тут, в моей груди, что навсегда осталось?! Позор?! Слава?! Кто поймет мои мысли?! Кто осудит?! Кто восхищаться будет?! Кто проклинать?! Каким сердцем надо любить родину, чтобы идти такой страшной дорогой.

Нет, не сломит Георгия Саакадзе ни одно предательство. Не сломят ни шах персидский, ни султан турецкий, ни царь Руси, ни царь Картли. Прав ли я, или ошибаюсь, пусть мои деяния переживут меня, и вечно юный и чистый душой народ осудит или проникнется моею любовью, моими страданиями».

Папуна решил нарушить странное молчание друга.

Точно вернувшись из дальнего путешествия, Саакадзе медленно оглядел стены, посмотрел на свои руки, попробовал шашку и остановил удивленный взгляд на Папуна.

— Что ты меня, как посла, разглядываешь? — рассердился Папуна. — Эрастави недовольны, ты обещал Нугзару на охоту выехать, а вместо охоты с чортом спор ведешь...

— А может, не с чортом...

— Тогда еще хуже, если сам с собою ссоришься... Ничего, Георгий, вытащишь из персидской грязи свои цаги...

— Папуна, ради меня крепко помни: голова на языке держится.

— Э, кому нужна голова Папуна? О желудке Папуна тоже никто не беспокоится. Второй раз раздувают мангал, два шампура выбросили, а ты — точно смолой приклеен к тахте.

Саакадзе благодарно рассмеялся. Только друг Папуна мог так во время рассеивать смятение чувств. Он попросил позвать к обеду всех «барсов», деда Димитрия и Горгосала.

Эрасти радостно бросился выполнять поручение. Папуна одобрительно потер руки, призвал на помощь дружинников и арагвинцев. Поднялась суета: тащили вино, фрукты и разную еду.

Саакадзе недаром призвал своих друзей. Он оттягивал беседу с Нугзаром и Зурабом до вечера. «Сегодня пятница. Шаху, конечно, донесут, что у меня общий обед. Он любит, когда в пятницу пирую, все хочет заставить меня углубиться в мудрость корана.

Когда Нугзар и Зураб вернулись поздно вечером с охоты, трезвыми были только трое — Саакадзе, Папуна и Эрасти.

Но хотя «барсы» вкатили в себя все вино из буйволиных бурдюков, при шопоте Эрасти: «тайный разговор» — сразу отрезвели.

Собрались Нугзар, Зураб, Саакадзе, Даутбек, Дато, Димитрий и Ростом. Остальные «барсы», Папуна и Эрасти расположились у наружных дверей. Арагвинцы образовали вторую цепь в

коридоре. На всякий случай Элизбар посоветовал им притвориться пьяными и лечь на пороге комнат. В случае приближения лазутчиков они должны спяна заорать приветствия, на это им из комнат ответят бранью, и совещающиеся сразу поднимут чаши за здоровье шах-ин-шаха.

Саакадзе сидел между Нугзаром и Зурабом. Много воды унесла неукротимая Кура в зеленый Каспий. Время повернуло щит. Эристави Арагвские гордились Георгием Саакадзе. Княгиня Нато когда-то не могла примириться с незнатностью Саакадзе, а теперь иначе не говорила, как «наш Георгий». Зураб всегда благоговел перед своим учителем и другом. И сейчас Зураб время от времени клал руку на широкое плечо Георгия и повторял клятву верности Непобедимому.

Саакадзе не соглашался с Нугзаром. Нельзя силой заставлять старого, убежденного сединами князя Мухран-Батони пасть ниц перед шахом.

— Нельзя из личной мести с таким князем ссориться,—он может пригодиться... Пусть пока болеет. Хорошо понимает: без нашей помощи давно вынужден был бы выздороветь. Владение ему сохраняем. Мы и дальше будем в полном неведении о действиях Мухран-Батони, рассеявшего свои дружины по деревням, за исключением небольшой охраны в замке. Умный князь! Матарс говорит: не только людей и скот, но даже всех собак отправил в Имерети с большой охраной.

— Собак он раньше внуков отправил, — сурово процедил Нугзар, сузив ястребиные глаза.

Но Саакадзе, несмотря на желание Нугзара и Зураба унижить Мухран-Батони, настоял на сохранении в целостности владений князя, обучившего большое войско всем хитростям войны в скалистых горах и пещерах.

Помолчав, перешли к обсуждению приезда Русудан. Это был щекотливый вопрос. Приедет Русудан без детей, — шах может удивиться. Привезти детей, — не опасно ли? Не захочет ли коварный перс отправить их в Исфагань, подобно тому, как отправил сыновей

Теймураза? Вот Паата уже задержан в Гандже.

Нугзар вздохнул: если такое шах замыслил, — и в Ананури достанет. Зураб особенно злобствовал, и странно подергивалась его губа: шах упорно держит Нестан заложницей.

— Может, Георгий, так придумать, — сказал Даутбек: — Автандила и Бежана укрыть в Кватахевском монастыре у отца Трифилия? Скажем, если шах вспомнит: сильно заболели, монахам отдали лечить. Если в Исфагань захочет взять, можно сказать еще крепче... да живут они вечно! Через потайной ход проведем в Кавту.

Такая мера предосторожности всем пришла по душе.

— Иорам, как младший внук княгини Нато, ей на утешение в Ананури останется, а девочек Русудан может привезти, заложниц шах мало ценит, — закончил Георгий.

Даутбек взялся выполнить опасное дело. Он с Гиви выедет в Ананури за Русудан. А на другой день Саакадзе, якобы обеспокоенный малочисленностью охраны, пошлет Пануша, Матарса и дружинников сопровождать Русудан с детьми. Пока доедет, Даутбек сумеет тайно переправить Автандила и Бежана к отцу Трифилию. Дато, Димитрий и Элизбар выедут на охоту в окрестности Кватисхеви и проследят, чтобы мальчики без всякой задержки очутились в монастыре.

Нугзар сразу повеселел. Он даже простил Георгию Мухран-Батони. Внуков князь любил больше всего на свете. И весело было видеть, как Нугзар, суровый покоритель горцев, пронизанный ветрами всех ущелий, сажал к себе на спину внуков и с увлечением изображал верблюда, пересекающего пустыню.

Обсудив еще несколько семейных дел и наметив, как действовать, все разошлись, на всякий случай шатаясь и бормоча пьяные слова.

Но шаху было не до Мухран-Батони, не до сыновей Саакадзе. Он сидел в Гори, ожидая прибытия из Имерети Эрб-

хана с царями Луарсабом и Теймуразом. Вчера вернулся Карчи-хан из карательного похода и доложил шаху, что картлийцы, несмотря на все угрозы и посулы, продолжают оставлять деревни и бегут неизвестно куда.

Шах рассвирепел, велел собрать войско и двинулся в глубь Картли. Приезд Русудан совпал с началом похода шаха, и отсутствие сыновей Саакадзе прошло незаметным. Русудан не захотела одна остаться в Гори. На рассвете, в день выступления шаха, она, сопровождаемая Папуна и десятью арагвинцами, выехала в Носте.

Как ни был озабочен и расстроен шах, он все же заметил мрачное настроение Саакадзе. Караджугай-хан поспешил объяснить причину: вчера Али-Баиндур слуги Саакадзе донесли — два сына Непобедимого заболели черной болезнью, от лошади заразились. Их куда-то в горы, в монастырь, монахи забрали и обещают спасти. Но разве от такой болезни молитвами вылечат? Саакадзе усиленно скрывает, неудобно: у сардара сыновья черной болезнью больны. Ханум Русудан блее лили. Первый раз Саакадзе с Папуна расстался, наверно, боится оставлять в печали одну Русудан.

На первом отдыхе шах спросил Саакадзе: почему сардар мрачен? Саакадзе подобострастно поблагодарил шахин-шаха за внимание. Главная его печаль — неудовольствие повелителей картлийцы будут наказаны: ведь «солнце Ирана» им богатство несет, а они, глупцы, мечутся, теряя свое счастье. Но пусть «лев Ирана» не беспокоит свое величие. Чем бы ни был огорчен его слуга Саакадзе, он никому не уступит права положить за шахин-шаха жизнь.

Шах, довольный выражением преданности, не настаивал на откровенности, позорящей имя Саакадзе... Только в насмешку алах мог послать в семью богатого сардара болезнь нищих и отверженных.

Пытались расспрашивать и ханы, но Георгий и Эристави ни словом не обмолвились о болезни мальчиков, и шах похвалил Али-Баиндур за удачную

мысль внедрить в дом Саакадзе лазутчиков, знающих грузинский язык. Иначе позорная тайна осталась бы неизвестной шаху, а шаху должно быть все известно.

После долгого беспрепятственного шествия иранских войск шах повелел остановиться в Кватисхеви, но и тут сарбазы, кроме нескольких стариков, никого не нашли.

Шах становился все сумрачнее.

Во время обеда Амириндо и Церетели, упав перед шахом на колени, преподнесли ему фиалки, отысканные в ложбинах слугами князей.

Шах грозно взглянул на них и не принял цветов:

— Я ишу не цветы полей, а живых людей, непокорных мне жителей.

Князья благоговейно заверили шаха, что они скоро повергнут всю Картли ниц перед «солнцем Ирана».

Трифилый поспешил явиться к шаху с богатыми подарками и личной просьбой взять под свое покровительство святую обитель Кватахевской божией матери. И еще один монастырь был спасен.

—

Дед неотступно следовал за Димитрием, точно боясь потерять драгоценную находку. Горгосал тоже остался при сыне, уверяя Эрасти, что он может пригодиться.

Димитрий жалел деда, упрашивал вернуться в Носте, где они скоро увидятся, но дед упрямо твердил:

— Знаю, как скоро! Уехал в Иран на два месяца, а пропадал больше пяти лет.

Также не имело у стариков успеха намерение посадить их в паланкин, устроенный на конях.

— Что я, персидская женщина? — рассердился дед. — Кто тебя первый раз на коня посадил? Кто первый научил тебя шашку держать? А теперь ты хочешь запрятать меня в шелковый сундук?

И дед с особой проворностью вскочил на коня, хотя это стоило ему немалых усилий, и всю последующую ночь он тихо кряхтел. Но сейчас дед

гордо восседал на коне, и рядом с ним скакал Горгосал.

Шах продолжал свое шествие по правому берегу Куры. Не находя жителей, он повелел дотла сжигать деревни и, если жители не разбежались, карал их за убежавших.

С особой беспощадностью громились церкви и монастыри. Монахи спешно замуровывали драгоценности и книги в тайники и сами спасались в горных пещерах.

Сарбазы, сдерживаемые до сих пор тайными усилиями Саакадзе, неистовствовали, разграбляя и уничтожая все на своем пути.

Раннее утро соскользнуло с едва позеленевших отлогов. В синей дымке растворялись дальние горы. В теплом воздухе вырисовывались бойницы и высокая крыша Эртацминдского храма.

Шах приближался. Его сопровождали ханы, Георгий Саакадзе и Пьетро делла Валле, только-что прибывший из Кахети.

Шах, любитель тонкого разговора, с удовольствием слушал Пьетро делла Валле.

Караджугай тоже стремился развлечь шаха и рассказывал разные охотничьи случаи.

Но Пьетро делла Валле не слушал цветистую речь Караджугая. Он сейчас думал о Кахети, где пробыл все время до приезда в Гори, изучая Кахетинское царство. Делла Валле поразило высокое мастерство шелководов и разнообразие окраски шелка. Город Грими был разрушен, но остальные провинции Кахети уцелели, и там шли весенние работы: шелководы выращивали червей.

Кахетинцы, ища спасения от шаха Аббаса, повторяли: если папа римский спасет нас от мусульман, мы вознесем благодарность всевышнему в католической церкви. Делла Валле поспешил в Гори. Он надеялся облегчить участь плененных кахетинцев и своевременным вмешательством Ватикана подготовить почву для пропаганды католицизма.

К вечеру вернулся Эреб-хан.

— Царь имеретинский снаряжает посольство для переговоров о судьбе царей,—известил Эреб-хан шаха Аббаса.

Довольный удачным днем, шах согласился исполнить просьбу Саакадзе посетить Носте.

Георгий отправил в Носте деда Дмитрия и Горгосала подготовить встречу. В послании к Русудан он просил устроить пышный пир и сообщал, что приедет на день раньше шаха.

Прощаясь, Эрасти шепнул отцу: — Снег, если еще не стаял, добрые ностевцы пусть хоть языками слижут! Зелень должна быть на деревьях, а не шутки неба. Не дай бог, чтобы перс от снега ослеп, да еще во владении Саакадзе.

XXVI

Сабашлио — гряда Дикских гор — поворачивает от Самцхехеоба — Боржомского ущелья — круто на север, где гигантским клином врзается в снеговой хребет.

Дикские горы разделяют два царства — Картийское и Имеретинское. Бурные реки стремительно сбегают на запад и восток. В Имерети они зовутся Квирила, Дзирула и Чхеримела, в Карти — Пса и Лиаква.

Дремучий лес, запутываясь ветками в облаках, зеленым панцирем закрыл горы. Древний дуб, бук, ясень и тополь, словно великаны, широкой грудью защищают подступы к Имерети. Плющ, колючие кустарники и дикие лозы зеленой сетью опутывают вековые стволы.

На темнеющих гребнях высот грозно осели, точно орлы, сторожевые бойницы замков и монастырей. Когда-то здесь скрещивались длинные торговые пути Индии, Персии и Рима. Через Сурамский перевал тянулась широкая дорога на Фазияну¹. Там римские легионеры в медных касках и туниках стояли на страже у складов с индийскими товарами. Пристань оглашалась шумом морской волны и торопливым говором купцов. По величественным

¹ Поты.

водам голубого Фазиса¹, раздувая паруса, медленно двигались тяжелые корабли с персидскими тканями и хрустальными вазами парфян.

Длинным караваном ушли века. Оборвался широкий путь, оборвалась дорога для чужого. Притаилась в скалистых горах вьючная тропа. Не сыскать ее ни пешему, ни конному.

Но Имерети в тревоге. Не найдет ли шах Аббас заросшую римскую дорогу? И от Хони до Молити, от Кутаиси до Шорапани, от Багдади до Минда растягивает цепи имеретинское войско.

Деревни взбудоражены. Упадари помнить надо! Нет преград для шаха Аббаса. И уже обсуждают, куда угнать скот, в какие горные пещеры и леса укрыться женщинам.

— Князья хотят к туркам за помощью обратиться... Еще хуже... Со всем могут османы остаться в Имерети, скажут: когда опасность была, мы спасли, а теперь не нужны?!

— Уже один раз было такое. Только святой Георгий хранит Имерети. Вот и вчера... На перевале тура выслеживал, вдруг первый гром упал. Зашипела туча, разорвалась и выплонула крылатого змея: ага! ползи! Только из-за Гадо-горы Георгий Победоносец на крылатом коне вылетел. Выпустит стрелу в змея, — молния колет небо. Ударит конь копытом, — гром катится. Змей зацепился крыльями за солнце и сразу кусками упал в долину Квирилы.

— Если такое видел, шах Аббас непременно придет.

— Пусть придет, конь крылатый ударит копытом, — перс, как с Ломтагоры, кусками слетит.

— Еще такое будет с персом: святой Элио губки бросит в Черное море, они воду в себя впитают и на небо поднимутся облаками. Только перс ногу на вершину Дикских гор поставит, — губки сожмутся и перса холодной водой с гор смоют.

— Так непременно случится, только духов тоже надо задобрить. Дух вьюги просо любит: высыплешь полный кув-

шин, — растащит сразу. Дух обвалов железо любит, — можно подарить подкову; дух ветров любит монеты... Если сделаем духам удовольствие, духи тоже спасибо скажут: обвал задавит перса, вьюга закрутит, ветер кусками разметет...

Города насторожились, не зная, на что решиться.

И, как всегда, имеретинский царь обратился за советом к духовенству.

Богато имеретинское духовенство. Митрополиты: кутаисский — Кутатели и гелатский — Гелатели, архиепископ хонский — Хонели владеют значительной частью имеретинских земель. Они живут в особых резиденциях, окруженные большой свитой из князей и азнауров. Их двор так же, как и царский, заполняют и виночерпии, и начальники телохранителей, и конюшенные, и начальники охоты, и дворецкие. Давая отчет в доходах и расходах только богу отцу, сыну и святому духу, имеретинское духовенство властвует над душами имеретин и церковными богатствами. Им лично принадлежат церковные азнауры и крестьяне, и они командуют церковными войсками, чувствуют себя царями.

Вторжение шаха Аббаса в Кахети и Картли, разорение монастырей и храмов внушали им страх, угрожая падением креста в Имерети, на котором виждалась власть, и духовная, и мирская. В страхе перед такой опасностью католикос Малахия собрал в Кутаиси — столице Имеретинского царства — высшее духовенство совместно с картлийскими и кахетинскими пастырями.

В этот момент в Имерети прибыл посол шаха Аббаса сардар Эреб-хан.

Ни синие туманы над далеким хребтом, ни цветущая рионская низина, ни темнеющее ущелье, заросшее лесом, ни белый, сверкающий череп Пас-горы, ни неистово несущийся Рион не привлекли внимания Эреб-хана. Прищурившись, Эреб-хан флегматично смотрел на рядный Кутаиси. Но это спокойствие было кажущимся. Въезжая в главные каменные ворота городской стены, увенчанные круглой башней, Эреб-хан уже знал о значительности укреплений,

¹ Риона.

защищающих Кутаиси. По пути к посольской палате он насчитал на каменной стене семь боевых башен, каждая высотой в сорок пять аршин. Крепостная стена была грозной высоты, в тридцать аршин. На вершине господствовала над Кутаиси цитадель Ухимерион, и Эреб-хан заметил на площадках бойниц медные турецкие пушки. У скалы крепости тянулись войсковые амбары. Глубокий ров зигзагами опоясывал Кутаиси.

Когда Эреб-хан, окруженный свитой из имеретинских князей и азнауров, въехал на Посольскую площадь, из медных пушек грянул салют, и князь Леон Абашидзе, начальник царского дворца, любезно объяснил Эреб-хану: эта воинская почесть оказана послу великого шаха Аббаса, а порох для пушек теперь в большом количестве по повелению царя Георгия Имеретинского выделяется кутаисскими амкарами.

Подъехали к посольской палате. Эреб-хан с любопытством рассматривал странное здание, стоявшее над рекой на двенадцати столбах. Под зданием трое арочных ворот пропускали воды Риона.

— Палата, отведенная высококочтимо-му послу, построена по замыслу нашего мудрого царя Георгия и имеет в длину двадцать один аршин, а в ширину восемнадцать. В этой прохладной палате послы не страдают от жары в солнечном Кутаиси, — продолжал любезно пояснять князь Абашидзе.

Рассматривая в посольском доме фрески, изображающие бой грузин с сарацинами и арабами, Эреб-хан думал: царь имеретинский меньше всего заботится о прохладе, окружая послов с трех сторон беспокойной рекой. Он вспоминал Сурамский перевал, страшные леса, дикие горы и все больше убеждался: шах Аббас прав, войной на Имерети идти нельзя. Царей Луарсаба и Теймураза надо выманить отсюда хитростью.

Эреб-хан тотчас был принят Георгием III в тронном зале.

Посла и иранскую свиту имеретинский двор удивил обилием золоточеканного убранства и драгоценностей.

Георгий III сидел под куполообразным балдахином, расшитым золотыми узорами. Царь был затянут в золотистый аязм из шелковой волнистой ткани, отделанный золотыми кружевами. На белых сафьяновых цагах горели крупные яхонты и золотые кисти. Эреб-хан задержал взор на короне царя, напоминающей очертаниями городскую стену Кутаиси. Башенные зубцы, низанные жемчугом, изумрудами и бриллиантами, замыкали золотое яблоко, увенчанное крестом из драгоценных камней. В руках царь Имерети держал жезл, оправленный золотом и сплошь усыпанный изумрудами. Жезл наверху заканчивался золотым шаром с образом, вырезанным на белом мраморе.

Справа от царя в богатых облачениях восседали митрополиты Кутатели, Гелатели, архиепископ, девять священников, двадцать два светлейших и знатных князя. Слева — духовник царя, митрополит голгофский, и пятьдесят князей и азнауров.

На посольском языке такой внушительный прием означал: Имерети не устрасится угроз Ирана, — Имерети богата и сильна.

Эреб-хан так и расценил прием, а турецкие золотые, серебряные, бархатные и атласные одежды и ятаганы на князьях и азнаурах были прямым намеком на близость с Турцией и возможность для Имерети военной помощи Оттоманской Порты.

Посол шаха прибег к тончайшей дипломатии, убеждая Георгия III в любви шаха Аббаса к Имеретинскому царству и отсутствию у «льва Ирана» желания военного спора с имеретинским царем. Единственная цель шаха Аббаса — это умиротворение Грузии. Необходимо возвращение царей Теймураза и Луарсаба в их царства для заключения ирано-картлийского и ирано-кахетинского союзов.

Георгий III с достоинством отвечал: цари гостят у царя, и Георгий Имеретинский не может нарушить закона гостеприимства и настаивать на их отъезде.

Не помогло Эреб-хану и личное свидание с Луарсабом.

Слегка склонив голову, Луарсаб с тонкой иронией извинился перед Эребханом за причиненный урон храбрейшему из храбрых Эребхану.

Теймураз без всякой политики резко сказал в лицо Эребхану: шах коварно обманул его, Теймураза, заманив сыновей и мать, поэтому царь Кахети больше не верит сладким словам шаха Аббаса и никогда не попадетя в персидский капкан.

И лишь католикос Малахия утешил Эребхана, заявив о решении духовенства стать посредником между гонимыми судьбой царями и великим шахом Аббасом.

Не только желание облегчить участь царей руководило духовенством. Они решили использовать религиозное настроение Луарсаба и вновь водворить его на картлийский трон, как щит против мусульман.

Георгий III понимал всю серьезность положения Имеретинского царства и решил утратить шаха могуществом Имерети и умиловить подарками и уверениями. Вот почему так богато имеретинское посольство выехало к шаху Аббасу.

Нетерпение шаха было необычайным. Он даже изменил себе и не заставил ждать послов.

Шах из полузакрытого шелковой кисейей окна смотрел на блистательное вооружение свиты имеретинского посольства, на конские уборы, отделанные золотом и серебром, и, окончательно поколебленный, согласился с Эребханом: нет, невозможно взять силой из Имерети Луарсаба и Теймураза.

В полдень перед грозным шахом предстало посольство.

В ослепительных одеждах католикос Малахия, князь Леон Абашидзе и многочисленная блистательная свита из духовенства и князей преподнесли шаху роскошные подарки и дорогое оружие. Шах задержал любопытный взор на черных бархатных сандалиях католикоса, отделанных золотом, с драгоценными камнями на переплетениях.

Католикос сказал:

— Умоляем о милости, просим вернуть царям царства и обязать в подданстве, в котором находились отцы и деды их.

Шах казался растроганным, его лицо выражало глубокое сострадание:

— Покину ли я Луарсаба, внука царя Симона, сына царя Георгия? Он обманут Теймуразом, царем Кахети. Я обещаю Луарсабу возвратить Картли и наградить кахетинскими землями.

Католикос Малахия не хуже шаха владел искусством лицемерия и рассыпался в таких уверениях и восхищениях перед мудростью и добротой шаха, что на мгновение даже Шадиман поверил владыке.

Шах, зная от Эребхана твердое решение Теймураза не попадаться на отравленный крючок, решил раньше выманить Луарсаба.

— Теймураз исстари враг мне, — сказал шах, — ему не доверяю. Услуги предков царя Картли обращают к Луарсабу мое сердце. Пусть прибудет в стан, всем его одарю.

Полные сомнения, вышли послы от шаха. Они не знали, на что решиться, где правда и где предательство.

Аббас понял: католикоса Малахия трудно провести. Подумав, вызвал Саакадзе.

В эти дни был забыт и кальян, и кейф.

До восхода луны Саакадзе спорил с имеретинским посольством.

Католикос сказал сурово:

— Заклинаю тебя, Георгий Саакадзе, именем святого Георгия и великого чудотворного лика его в Мравалдзале¹, заклинаю этим крестом, святыней имеретин, не причинять зла царю твоему.

Саакадзе холодно пресек попытку склонить его на сторону Луарсаба:

— Ты ошибаешься, первосвяtitель, мой царь — великий из великих шах Аббас. У него я нашел убежище от преследования князей и попустительства Луарсаба в заговоре на жизнь мою и моей семьи. Но не из личной

¹ Селение в Имерети, где находятся икона святого Георгия и золотой крест.

мести я считаю Луарсаба непригодным для Картли царем... О народе моя дума.

Католикос укоризненно поднял руку, как бы призывая в свидетели небо:

— Народ любит Луарсаба и никогда не примирится с другим царем.

— Народ любит? Неужели первосвятитель думает, что весь народ состоит из Шадиманов? — усмехнулся Саакадзе.

— Луарсаб о народе печалится... Ты, Георгий, плохо знаешь царя Картли... Спроси отца Трифилия.

После долгих убеждений и уговоров католикоса Саакадзе сказал:

— Разве от меня что-нибудь зависит? Только «лев Ирана» может решать столь важное дело. Если шах-иншаху будет угодно, царь Луарсаб получит Картли обратно, а вы сами слышали: шах-иншаху это угодно. Пусть царь Луарсаб Картлийский без страха придет к нашему милостивому повелителю. Я никакими мелкими чувствами не обуреваем и не унижу себя мезью.

Католикос понял — Луарсабу в Картли приезжать опасно, и еще понял — шах в Имерети не пойдет, ибо Саакадзе к этому не стремится.

Саакадзе также понял решение католикоса Малахия и поспешил к шаху Аббасу.

— Великий из великих шах-ин-шах, имеретинцы не отпустят Луарсаба. Только один человек может убедить картлийского Багратида и внушить ему необходимость прибыть к твоим стопам.

— Кто он? — испытующе спросил шах.

— Князь Шадиман, из фамилии Бараташвили.

Шах одобрительно посмотрел на Саакадзе, но все же решил задобрить имеретинское духовенство.

На отпускном приеме посольства шах Аббас заинтересованно расспрашивал о значении святого Георгия для грузинской церкви. Он подарил свою богатую, золотом окованную саблю в дар почитаемому имеретинцами храму святого Георгия.

Эту саблю Малахия впоследствии повесил в Мравалдзальском храме в знак славы и чести церкви, внушившей страх и уважение даже такому изуверу, как шах Аббас¹.

Над Гори плыл теплый полдень. Перистые облака белым опахалом лениво покачивались над крепостью. Укороченные тени причудливыми звездами отдыхали у оград. Яблони оделись в белый цвет, словно в чадру, разрисованную нежными красками.

Шадиман, гуляя в своем саду, любовался расцветающими розами.

В Гори князь вел уединенную жизнь. Он встречался только изредка с Багротом и Амириндо, избегая остальных князей. И лишь по приглашению шаха Аббаса появлялся во дворце, блистая, как всегда, остроумием, и убеждал: государственные дела переутомили его ум. Но на самом деле Шадиман готовился к политической беседе с шахом. Он не сомневался, что она состоится. Беседа могла разлиться по извилистым руслам персидской хитрости, и надо заранее подготовить подводные камни.

В Марабдинском замке князей Бараташвили настороженно притаилось на стенах накопленное веками оружие. Предки Шадимана всегда снимали подходящие к случаю меч, копье, лук и кинжал или панцырь, щит, шлем и чешуйчатую кольчугу.

И сейчас Шадиман, выслушав повеление предстать перед глазами шах-иншаха, мысленно снял со стены Марабдинского замка охотничий нож.

Шах Аббас расспрашивал Шадимана о его владении, об историческом прошлом Восточной Грузии и, наконец, о Луарсабе.

«Конечно, — думал Шадиман, — не заботливость руководит персом, и мне не мешает обострить свое зрение и слух».

¹ Знаменитый грузинский историк Вахушти (XVII в.) замечает, что сабля в Мравалдзальской церкви подарена шахом Аббасом не из любви к религии христианской, но для чести и славы собственной. Сабля находилась в церкви еще в 1745 г.

— Могущественный «лев Ирана», не только любовь к моему воспитаннику вынуждает меня просить за царя Луарсаба... Он всегда был предан грозному, но справедливому шах-ин-шаху.

— До меня дошло, что из преданности ко мне он сговаривался со Стамбулом и Русией.

— Великий шах-ин-шах, сговариваться со всеми можно, это подсказывает мудрость, но разве Луарсаб осмелился тебе изменить? Разве не он не впустил в Метехи посла Оттоманской Порты Али-пашу? Разве не Луарсаб отклонил домогательство единоверной Руси, предлагавшей против тебя войско с огненным боем? Только присутствие в иранском стане Георгия Саакадзе вынудило царя Картли преградить путь войскам властелина над властелинами. Но разве зоркий из зорких шах-ин-шах не знает о неизменном желании Луарсаба быть под покровительством «средоточия вселенной»?

— Аллах просветил меня и обратил сердце к Луарсабу. И тебе верю, князь. Пусть Луарсаб без страха предстанет предо мною, я возвращу ему Картли.

— Великий шах-ин-шах, да прославится имя твое! Еще при Георгии X я утверждал: против великого шаха Аббаса не устоит ни один завал... Но... не всегда стрела попадает в цель. Я неоднократно предупреждал Луарсаба страшиться не «льва Ирана», справедливого из справедливых, а помета в собственной стране... Ибо сказано: из ячменного зерна не вырастет роза.

Шах расхохотался. Он с удовольствием рассматривал Шадимана, вслушиваясь в изысканную персидскую речь. И неожиданно почувствовал, что этот чуждый для него князь чем-то ближе ему, чем Саакадзе. Жаль, этот грузин любит управлять царством, а не битвой. «Льву Ирана» таких не надо.

— Твоя печаль о Луарсабе достойна похвалы, но разве мудрый правитель должен заботиться об одном царе? Разве где-нибудь сказано: дорожи выжатым лимоном?

— Великий шах-ин-шах, конечно, все надо предвидеть. Последнее время мысли Луарсаба обращены больше к богу.

— А умного Баграта к трону... Но, говорят, народ Луарсаба любит?—прищурился шах.

— Светлейший Баграт тоже имеет право на картлийский трон. Народ это знает. Но разве народ должен управлять страной, а не царь?

— Князь, — ты хочешь сказать, Шадиман?

— Нет, — царь, великий «лев Ирана»; князь — только око страны.

Шах снова рассмеялся, но вдруг нахмурился:•

— Да просветит меня аллах! Что же, по-твоему, царь?

— Ум и сердце.

Шах усмехнулся:

— Мудрый князь, может, тебе приснилось в сладком сне, что у азнауров око хуже, чем у князей.

— Мудрейший из мудрых повелитель Ирана, сколько барса ни ласкай, как его ни натрай благовониями, всегда от него будет исходить запах дикого зверя. Пусть барс сто лет лижет твои ноги, — все равно когда-нибудь укусит.

Аббас вновь почувствовал родственность мыслей своих и Шадимана: «Но, да не омрачит аллах мою голову, не следует поддаваться хитрости этого «змеиного князя». Разве Караджугай-хан высокого рода? А кто может сравниться с ним в благородстве и преданности мне? А мой пьяница Эреб-хан не пас стада? А разве аллах не внушил ему готовность отдать жизнь за меня? Нет, грузинский князь, тебе не поймать меня на мыслях шайтана, не отторгнуть преданного мне Георгия Саакадзе. Но такую стрелу, как Шадиман, тоже необходимо иметь в своем колчане».

Шах Аббас медленно сказал:

— В часы моих размышлений пергамент открыл мне причину смерти царя Бахрама из Сассанидов. Бахрам любил охоту на диких ослов. Я выбрал тигров, ибо однажды Бахрам, выслеживая осла, увяз в болоте и погиб. Но я, шах Аббас, предпочитаю быть растерзанным тигром, чем увязнуть в болоте из-за осла. Да послужит это предупреждением охотникам на ослов. — И, словно не замечая озадаченности Шадимана, продолжал: — Аллах удостоил тебя мудро-

стью, князь, но наука дрессировать зверей принадлежит только властелинам, а не обыкновенным смертным, хотя бы и высокорожденным, ибо это угрожает неосторожному увязнуть в болоте.

Шадиман понял — план подорвать доверие к Саакадзе потерпел полную неудачу, и теперь необходимо как можно больше выгадать для себя от этой беседы.

Шадиман еще ниже склонился перед шахом и поблагодарил за полезное поучение.

— Мудрый из мудрых, — продолжал Шадиман, — ты прав, но быть выдрессированным не значит покориться, а иногда дикари думают именно о власти. Об этом у них спор с высокорожденными. И никто из разумных не уступит свое по праву рождения место, ибо сказано: кто выше стоит, тому виднее, а кому виднее, тому надо выше стоять.

— Если тебе небо ниспослало острое зрение, князь Шадиман, как же не видишь вреда от упорства Луарсаба? Не ты ли должен настоять на его возвращении?

— Великий шах-ин-шах, я об этом много думал, но... Если тебе будет угодно моего родственника Баграта возвести на картлийский трон, нужен ли здесь Луарсаб?

— Мне будет удобнее на картлийском троне Луарсаб, но, если он будет упорствовать и не явится ко мне, знай, князь: кто бы ни сидел на троне в Картли, ты останешься, как и раньше, первым советником... Конечно, если захочешь преданностью мне заслужить доверие.

— Прикажи, мой повелитель, — приложил руку ко лбу и сердцу Шадиман.

— Вместе с послами и тебя, князь, отпущу в Имерети, ты должен вернуться с царем Луарсабом. Повелеваю тебе уверить Луарсаба в моем расположении. Знай, если увижу Луарсаба, не только при троне останешься, но и получишь от меня фирман на Агач-калу.

К вечеру имеретинское посольство, щедро одаренное шахом и с подарками для имеретинского царя и царицы, в сопровождении Шадимана и старшего евнуха Мусаиба, выехало в Имерети.

Шадиман вез от шаха Луарсабу усыпанную драгоценными камнями саблю, а Мусаиб — увещательное письмо от Тинатин. Она уговаривала брата явиться с покорностью к шаху, получить царство свое и не сомневаться в любви и искреннем расположении к нему царя царей.

Бедная Тинатин! Сколько слез пролила она ночью после этого письма, написанного словами шаха и в его присутствии. Она теперь понимала, почему шах, оставив почти весь гарем в Гандже, всюду возил ее за собою.

— Горе мне! — плакала Тинатин. — Я буду причиной гибели брата... — И тут же надежда теплилась в сердце: «Может, шаху понравится мой прекрасный Луарсаб? Не может не понравиться».

Ночью Саакадзе разговаривал с «барсами».

— Луарсаб должен приехать, — оборвал спор Саакадзе.

— Думаю, Георгий, шах пока медлит, а выманит Луарсаба, — разгромит Картли, подобно Кахети, — мрачно процедил Дато.

— Что же ты предлагаешь? Может, раздробленных азнауров против войск шаха поднять? — усмехнулся Георгий и властно повторил: — Луарсаб должен приехать.

Ростом недовольно посмотрел на Георгия: зачем он мстит уже побежденному?

И остальных «барсов» волновали разноречивые чувства.

Димитрий оглядел друзей. Он понимал: кроме Даутбека, всегда согласного с Георгием, остальных мучают сомнения. Все же Луарсаб прославлял грузинское оружие, как храбрый дружинник. Не он ли последним покинул долину смерти? Но тут Димитрий окончательно запутался: что же дальше? Дальше один Георгий знает.

Даутбек, словно читая мысли «барсов», возмущался: пускай Луарсаб хоть двадцать раз дрался с персами, но, если он с князьями замышлял против Георгия Саакадзе, — значит, он против Грузии.

А Георгий, хоть и пришел с персами, но с непоколебимым желанием снять княжеское ярмо с грузинского народа. И он, Даутбек, всю жизнь будет шагать по стопам Георгия Саакадзе.

Желтый воск тихо капал с роговых подсвечников. Трепетные язычки свечей колебали полумглу. Неяно вырисовывались угрюмые лица «барсов».

Саакадзе читал на них немой упрек.

— Вам жалъ Луарсаба? Почему? Разве не с его именем связана прочность княжеских замков? Возможно ли, когда решается судьба царства, задумываться над судьбой одного человека? Хосро-мирза будет царем Картли, и его на трон возведет Георгий Саакадзе. Хосро поймет выгоду быть азнаурским царем. Луарсаб не пошел и не пойдет с азнаурами, — значит, должен погибнуть.

«Барсы» при имени Хосро невольно подались вперед. Недоумение, изумление, гнев отразились на их лицах. Они все ненавидели Хосро. И только безграничная вера в правильность путей, выбираемых Георгием, и привычка беспрекословно подчиняться своему предводителю, удержали их от желания обнажить оружие.

Саакадзе понимал состояние друзей — не так-то легко сыпать соль на свежую рану.

— Разве можно грузинам, обагрив оружие кровью грузин, не дойти до конца? Нельзя играть с совестью. Только пленение Луарсаба выведет нас из тины, только тогда шах Аббас поверит в прочное покорение Картли. Он, конечно, поспешит в Исфагань, а в Картли останутся царь Хосро и Саакадзе с персидским войском. Шаху необходимо превратить Картли и Кахети в иранский рабат, и он рассчитывает — Георгий Саакадзе сумеет это сделать. Но когда шах уйдет, а я останусь...

Даутбека поразили глаза Саакадзе. Они то вспыхивали, как факел, то гасли, как ночной костер: «Нет, никакие жертвы не остановят Георгия».

— Сколько еще слез прольют картлийцы, пока уйдет перс.

— Я уже все сказал, Ростом... Очень легко, друзья, размахивать ры-

царским оружием. И очень трудно, вопреки чувствам и желаниям, осквернить рыцарский меч. И еще труднее отдавать свое имя проклятию народа, ради которого познаешь бездну страдания.

Чувство неловкости охватило «барсов». Дмитрий растерянно вертел на руке серебряный браслет.

Даутбек сурово оборвал тягостное молчание:

— Конечно, легче скакать по проложенной тропе. У такого всадника и одежда цела, и руки чистые, и его с большим удовольствием приглашают на пир. Но путник, прорубающий тропу в неприступных скалах, всегда одинок. Его одежда разодрана, руки в крови, и он своею дерзостью пугает робких, предпочитающих проторенную дорогу и беспечный пир.

Дато тяжело вздохнул:

— Ты прав, дорогой Георгий, тебе тяжелее, чем нам... Все же должен огорчить тебя... Сегодня от молодого Карчи-хана слышал: шах в женские монастыри послал тайные дружины с Али-Баиндуром. Богатства ищет, красивых девушек тоже.

— Говорят, у монашек тело, как лед... Может, ханы побоятся замерзнуть? — спросил Гиви.

«Барсы» невольно рассмеялись.

— Чорт собачий, всегда такое скажет, что рука сама тянется полтора уха ему оборвать, — обозлился Дмитрий, и впервые его обрадовала мысль об ушедшей юности Нино.

— Еще раз напоминаю, друзья. — сказал Саакадзе, — величие «льва Ирана» — ваша путеводная звезда. Вы счастливы счастьем великого шаха Аббаса, вы славны славой «средоточия вселенной».

— Пусть этим нашим счастьем подавится «иранский лев». Не беспокойся, Георгий, будем восхищаться солнцем, похожим на чалму «средоточия вселенной». Кливидзе — дурак, поэтому остался без солнца.

— Кливидзе не переделаешь, Дато. Это еще раз показал горисцихский бой. Но когда настанет время, Кливидзе первый прискачет к нам. Народ хочет

кому-то верить. Хорошо, что в такой страшный час народ верит азнауру Кливидзе.

— Я все думаю, Георгий, неужели Шадиман совсем собака и притащит сюда в пасть персу своего возлюбленного Луарсаба?

— И это возможно.

— Чтоб ему в гробу полтора раза перевернуться! Георгий, не пора ли ударом шашки навсегда убрать с нашей дороги Шадимана?

— Нет, Димитрий, и князей немало против Шадимана, они сами непрочь бы прикончить «змеиною князя». Но если это сделаем сейчас мы, все княжеские фамилии объединятся против азнауров. И убийство Шадимана не выход. Его заменит Амириндо. Убрать Амириндо? Останется Цицишвили. Найдется другой, а шах не простит нарушения фирманов. Для нашего дела необходимы тонкая политика, настойчивость, изворотливость и еще — самое трудное — терпение.

— А, может, Шадиман сам останется в Имерети?

— Все может быть, барсы, но тогда или я не знаю Шадимана, или он свою совесть в неудачах нашел... А теперь хочу вам предоставить случай угодить «льву Ирана». Луарсаб прибудет, и вы можете первыми об этом сообщить шаху и мне тоже. Поезжайте на имеретинскую границу. Здесь скажите — направляетесь на охоту в Кватисхеви. Надо перехитрить Али-Баиндура. Промах хана будет ему ответным угощением за женские монастыри.

— Молодец, Георгий! Этот гончий верблюд от досады с ума сойдет, — обрадовался Димитрий.

Только Дато тихонько вздохнул, — ему было жаль Луарсаба. Как весело они вдвоем когда-то гнали турок у Сурама...

XXVII

Луарсаб смотрит на храм Баграта, возвышающийся на крепостной горе, смотрит на Ухимерион, кутаисскую цитадель, на медные пушки, выглядывающие из-за каменных зубцов.

«Все это царственно, величествен-

но, — думает Луарсаб, — но принадлежит имеретинским Багратидам. Я, царь Картли, первенствовавший над всеми грузинскими царями, здесь только гость, незванный гость. Зачем я стремился уйти от плена? Нет, тогда я был прав: плен — это позор! Но прав ли я теперь, отказываясь явиться к шаху? Имею ли я право ради личного спасения подвергать трон Багратидов опасности? Нет, я не наложу пятно позора на светлое царствование Багратидов. Да послужит мне примером Димитрий Самопожертвователь, отдавший свою голову за спасение царства».

В Имерети Шадиман начал тонкую беседу с Луарсабом, но был поражен, не встретив отпора.

Луарсаб холодно сказал:

— Мною уже принято решение. Но я не помешаю князю Шадиману Бараташвили выслуживаться перед шахом. Это будет плата верному воспитателю за преданность.

Шадиман страдальческим голосом убеждал царя: все помыслы его, Шадимана, вновь увидеть блистательного Луарсаба в Метехи.

Луарсаб, не дослушав, круто повернулся и вышел из опочивальни.

Напрасно Георгий Имеретинский и Теймураз клялись защитить Луарсаба от домогательства шаха Аббаса.

Луарсаб твердо возразил:

— Рассчитываю договориться: Аббас ждет меня на моей земле. А упорство послужит шаху оружием против меня и поможет Баграту, лжецу, поспешившему принять мохамметанство, захватить трон.

Напрасно духовенство упрашивало Луарсаба не вверять свою судьбу врагу Христа.

— Мой сын, не покидай Имерети. Иверская церковь поможет тебе вернуть Картлийское царство, — уговаривал католикос Малахия.

Луарсаб смиренно возразил:

— Если шах замыслил коварство, пусть бог примет мою жертву. Если не явлюсь, Аббас обрушит гнев на наши святыни. Поступок, неверный перед богом, погубит мою душу. Праведный отец, я до конца моих дней буду верен

святой церкви. Поручаю себя миротворцу.

Католикос осенил Луарсаба крестным знаменем.

Не помогла и мольба царицы.

Луарсаб проникновенно возразил:

— Благородная Тамар, ты назвалась матерью Тэкле. Ты можешь понять, зачем мне дорожить жизнью, когда ее нет. Свет померк в глазах, и сердце остыло. Пусть свершится начертанное судьбой.

И Луарсаб вскочил на коня.

— Остановись! — вскрикнул еще раз царь Имерети. — Разве не чувствуешь — идешь на верную гибель!

— Остановись, мой брат Луарсаб, — умоляюще сказал Теймураз.

— Остановись, остановись! Остановись, царь Луарсаб! — кричал народ.

Луарсаб затуманенным взором оглядел окруживших его имеретин.

— Люди, ваше волнение бальзамом льется на раненое сердце. Но царь должен отвечать за подданных перед своей совестью.

Луарсаб тронул коня. Громкое рыдание царицы Тамар подхватили все придворные. Где-то ударил колокол, и сразу во всех храмах Кутаиси зазвенели колокола.

Это католикос Малахия приказал служить молебен о здравии царя Картли Луарсаба...

—

На рассвете прискакали «барсы» и сообщили об остановке Луарсаба на ночлег в пограничной с Картли имеретинской деревне.

Саакадзе поспешил к шаху.

Аббас торопливо приказал подать охотничью одежду и вдруг удивленно спросил: почему не Али-Баиндур обрадовал шаха вестью о прибытии Луарсаба?

— Шах-ин-шах, преданный тебе хан Али-Баиндур занят женскими монастырями. Говорят, много красавиц ему удалось найти для гаремов своего и других ханов.

Шах рассвирепел.

— Клянусь бородой Али, этот сластолюбец уверен: шах Аббас пришел в

Грузию обогащать ханские гаремы. Как осмелился дерзкий не интересоваться происходящим по ту сторону Дикских гор?!

И гневно приказал Карчи-хану немедленно изгнать Али-Баиндура в Ганджу: «Пусть благодарит аллаха, перегрузившего меня работами от своих и чужих царствах, иначе расправился бы с ним, как с турецким лазутчиком».

Саакадзе мысленно поздравил себя. Он давно изыскивал средство избавиться от Али-Баиндура. Сейчас необходимо повидаться с азнаурами. Кливидзе уехал. Азнаур Микеладзе временно должен занять его место и завязать снова тесную связь с амкарами.

Шах раздумывал: «Луарсаб — царь и едет без принуждения. Осторожность подсказывает встретить его почетно, ибо народу непозволительно видеть унижение царей. Да, Луарсаба надо встретить с почетом, но незаметно».

Узнав от Саакадзе, что Луарсаб к полудню будет в Руиси, шах пышно выехал на охоту.

Только Караджугай и Эреб-хан были осведомлены о приближении Луарсаба. Никто не догадывался об истинной причине выезда шаха.

Аббас не замедлил тут же наградить «барсов» за своевременные сведения ценными подарками и пригласил сопутствовать ему на охоте.

К полудню Луарсаб въезжал в Руиси с запада.

К полудню шах Аббас въезжал в Руиси с востока.

Встреча вышла неожиданной, — конечно, для Луарсаба.

Шах обнял Луарсаба, расплакался.

— Любезный мой сын, я счарован твоей приятной наружностью, доблестной осанкой. Ты доказал сыновнюю верность мне. Твое царство ждет своего храброго царя.

Луарсаб поблагодарил шаха за благосклонность, но унижения и подобию страстия к Аббасу не проявлял.

Саакадзе мельком взглянул на Луарсаба и перевел взгляд на Баака.

Придерживая саблю, Баака из-под нависших бровей сурово смотрел то на Саакадзе, то на «барсов».

Дато, поймав взгляд Луарсаба, вспыхнул: «Луарсаб, веселый царь Луарсаб! Жизнь казалась тебе белой розой. Ты играл сердцами Нестан и Гульшари, играл блеском своих каштановых глаз, играл народом, играл судьбой Картли. Веселясь, ты не заметил приближения бури, и ты проиграл, Луарсаб! Кто может забыть свою молодость? Мы ее встретили вместе на испеленных полях Сурама. Царь Луарсаб и азнаур Дато состязались в пренебрежении смертью. Наши кони дышали рядом. Но ты посмел забыть, кто спас Картли в час смертельной опасности! И вот стоишь бледный, с высоко поднятой головой, но с опущенным оружием!»

Луарсаб смотрел на всех, но видел только Саакадзе. Рука Луарсаба дрогнула, он тоже вспомнил Сурамскую битву. Сердце сжалось щемящей тоской. И в памяти всплыл заговор Георгия Саакадзе... «Молоток! От него по всей Картли пойдет гул. Только удар в медный тамбури...»—молила Нестан... Почему я тогда не мог поднять молотка? Что удерживало меня? Благородство? Нет, страх перед азнаурами... И вот сейчас мы стоим друг против друга: брат моей Тэкле и я, Багратид. Но человек на другом конце земли услышит меня скорее, чем Георгий Саакадзе. Нас навсегда разделила мрачная бездна».

Саакадзе смотрел на Луарсаба, исполненного достоинства: «Чем гордился? Может, тем, что столкнул Картли в пропасть? Своими князьями, предавшими царя? Правлением Шадимана, доведшим народ до полного истощения? Не сам ли не пожелал воспользоваться моим советом остаться одному у власти? Тогда я был «Великим Муравив», все войско Картли было в моих руках, один удар молотка — и царь навсегда освободился бы от опеки князей; освободил бы Картли от непосильного ярма. Разве шах посмел бы переступить порог Грузии, если бы Георгий Саакадзе стоял на страже с народным ополчением? Что дало слабому царю Луарсабу его предательство дела объединения Грузии? Что дали ему князья? Позор! Да, позор!

Разве он не в плену? Он ждет милости от шаха, — милости не будет. Ждет картлийского трона, — трон уже занял другой. Ждет радости, — радости не увидит, ибо Тэкле должна быть отомщена».

Саакадзе сжал поводья. Словно холодное лезвие, устремлены на него глаза Баака.

Он повернулся к Баака и хрипло прошептал:

— Где моя сестра? Где прекрасная Тэкле? Что вы сделали с кроткой голубкой в вашем ястребином гнезде?! Отдай мне мое дитя, князь Баака!

— Даже в таком тяжелом положении я не позволю тебе, персидский сардар, называть жилище Багратидов недостойным именем! А светлая царица Тэкле тебе обязана печальной участью.

— А еще кому?! — задышался Георгий, приближаясь вплотную к Баака.

— Думаю, в Иране ты не поглупел, можешь сам догадаться.

— Шадиману?!

Георгий провел рукой по вспотевшему лбу, оглянулся.

Шах ехал рядом с Луарсабом, окруженный свитой. Шадиман инстинктивно держался ближе к шаху...

В Руиси Аббас тайно беседовал с Шадиманом.

— Великий шах-ин-шах, средоточие вселенной! Осмелюсь донести до твоего тонкого слуха — царь имеретинский и дерзкий ослушник Теймураз отговаривали Луарсаба от великой чести предстать в Горис-цихе пред очами, алмазам подобными. Я, преклоняясь перед твоим величием, мудростью и силой, насыщенной чистым огнем молний и грома, и пользуясь своим влиянием, убедил Луарсаба довериться «льву Ирана».

Шах выслушал льстивое донесение, помолчав, спросил:

— А ты разведал, какими средствами заставить Теймураза также предстать на мой справедливый суд?.. Только говори просто, ибо я от твоих возвеличиваний ни выше, ни ниже не стану.

Шадиман вздрогнул.

— Шах-ин-шах, я все испробовал — и уговоры, и подарки, и угрозы... Теймураз к тебе не придет.

К вечеру шах поспешил с Луарсабом в Горис-цихе. В честь царя Луарсаба шах назначил две охоты и пир. Шади-ман попрежнему не отходил от Луарсаба, но теперь уже выполняя повеление шаха.

«Барсов» не покидало беспокойство. Баака, кто подымал их к славе, кто поощрял их отвагу, кто был их защитником перед изменчивым Метехи, — Баака, князь Баака словно не замечал их.

А Луарсаб? Луарсаб вызывал даже тайное сочувствие ханов.

Его ловкость на охоте, его мягкость и неустрашимость, его почтительное, но независимое обращение с шахом расположили к Луарсабу весь иранский стан.

Сарбазы говорили: «Только лев мог бесстрашно приехать к грозному «льву Ирана».

Ханы говорили: «Этот царь дорожит своею жизнью меньше, чем скорлупой ореха».

Молодые ханы говорили: «Да при снится в сладком сне такая смелость, изящество и покоряющая улыбка».

«Барсы» говорили: «Если бы Луарсаб был так умен, как наш Георгий, не пришлось бы встретиться с ним в неподобающем для царя Картли месте».

Саакадзе говорил: «Всех может обмануть этот изящный Багратид, но не меня. Хорош для князей и ханов, а народ его голоден и в лохмотьях ходит».

Шах, осведомленный о тайном сочувствии к Луарсабу, все больше распался ущемлением, и крепло решение отнять у грузин храброго и опасного для Ирана царя Картли.

После долгой мольбы шах разрешил, наконец, Тинатин повидаться с братом. Луарсаб переступил порог комнаты и очутился в объятиях Тинатин.

— Мой прекрасный брат, — рыдала Тинатин, покрывая поцелуями лицо Луарсаба. — Ты в тысячу раз прекраснее, чем я представляла себе по рассказам Хорешани.

Луарсаб отвечал Тинатин нежностью.

И она в тысячу раз прекраснее, чем была девочкой. Долго вспоминали Твалади, вспоминали Метехи, припоминали светлые события, которыми так полно было детство.

— Мой любимый брат, — едва слышно шептала Тинатин, — умерь свою отвагу, опасную в присутствии шаха. Беги, пока не поздно... Письмо мною написано по повелению шаха, — там нет ни слова правды... Не верь ему, беги...

— Моя любимая Тинатин, я предпочитаю смерть позорной жизни... Не склонюсь я перед коварным персом.

Из красивых глаз Тинатин лились слезы...

Шах не знал, чем унижить Луарсаба. Ему подсказал Карчи-хан. Шах расхотался и похвалил советника за находчивость.

Пир в честь Луарсаба был так изощренно расцвечен, что ввел в заблуждение даже «барсов».

— Может, в самом деле, хочет вернуть Луарсабу царство, иначе зачем так празднует приезд? — шепнул Ростом Даутбеку.

Шах был весел и не переставал восхищаться Луарсабом, но из осторожности ни один хан вслух не поддерживал восхищения грозного шаха.

Плясуны, фокусники, акробаты, персидские сказители, поэты сменяли друг друга. Танцовщицы сладострастными танцами тщетно старались вызвать блеск в глазах картлийского царя. Он только вежливо улыбался.

— Я вижу, мой любимый сын, тебе не нравятся персианки, может быть, картлийские красавицы растопят твое сердце?

Шах взглянул на Карчи-хана. Советник подал знак — дверь распахнулась, и в зал вогнали толпу красивых девушек в разодранных грязных платьях, с всклокоченными волосами. Они растерянно закрывали лица дрожащими ладонями.

Евнух кланялся, просил прощения: грузинки не успели вымыть и одеть в более достойное их красоты платье.

Луарсаб вскинул на девушек глаза.

Жалость отразилась на лице Луарсаба, и оно снова застыло.

Аббас сжал рукоятку ятагана. Карчи-хан поспешно махнул рукой, и на середину зала евнухи вытолкнули толпу монахинь. Черные рясы, черные шапочки и четки с крестами оттеняли мертвенную бледность лиц. На шеях монахинь позвякивали бубенчики, переливались яркие побрякушки, извивались разноцветные ленты.

Ханы засмеялись.

Монахини босые и в шерстяных читах, подпоясанные веревочными и бархатными поясами, испуганно жались друг к другу.

Оглушительный шум встретил монахинь. Кто-то бросил в них недоеденный персик. Кто-то цинично шутил. Молодой Карчи-хан, сняв ноговицу, под улюлюканье и хохот трижды перекрестил ею монахинь.

И вдруг наступила тишина: высокая монахиня, скрестив руки, вышла вперед, заслоняя несчастных, и такова была сила ее взгляда, что многие ханы невольно опустили головы. Уже никого не сместила мертвая змея на измятом поясе, разодранный рукав и выкрашенная в желтую краску пола рясы.

Так стояла она в забрызганной грязи шапочке, с выбившимися золотыми прядами, величественная и поруганная.

Саакадзе похолодел. Ему показалось — в его грудь вонзилось копьё. Его глаза встретились с потемневшими синими глазами. Не так ли море темнеет перед грозой?

Он смотрел, не доверяя себе. Миг, — он схватит Нино, этот цветок его юности...

Георгия пробудил вопль. Чей это крик? Где он слышал тонкие струны страстного голоса? Где видел эти черные косы? Этот хрупкий стан, эти, словно нарисованные, пальцы? «Сплю ли я? Или это наваждение, или призрак уставшей воли? Дитя мое, дорогое дитя!.. Нет, это сон!.. Осторожней, Георгий! Проснись, или ты погиб!..»

— Царь, мой светлый царь!..

Тэкле целовала цаги Луарсаба, плащ, цеплялась за оружие, руки.

Луарсаб вскочил, задыхаясь, рванул

ворот, дрожащими руками силился поднять Тэкле, но, удержанный верным Баака, бессильно упал на тахту. К счастью, на миг он потерял сознание.

— Мой царь! — кричала Тэкле, рыдая у ног Луарсаба.

Саакадзе рванулся и грубо поднял Тэкле:

— Как смеешь, презренная раба, нарушать веселье шах-ин-шаха? Как смеешь не властелину оказывать покорность?.. Эй!..

«Барсы» бросились к Саакадзе.

— Не сердись, господин, — подбегала Нино. Быстрый взгляд, — и Нино закричала: — Не трогай ее, несчастная от страха потеряла рассудок!

— Убери ее! Прочь отсюда!.. Эй, Димитрий, Дато!

Никто не успел опомниться. «Барсы» схватили Нино и Тэкле и вмиг скрылись с ними.

Саакадзе поспешил к побледневшему шаху:

— Я приказал убрать безумную монахиню, она могла принести несчастье своими заклинаниями.

Шах стукнул ятаганом, закричал:

— Шайтан, шайтан! Изгнать из Гори! Бросить в Куру!

Саакадзе стремительно направился к выходу. Через несколько минут Димитрий, Дато и Даутбек, закутав Тэкле и Нино в бурки, мчались к Кватахевскому монастырю. Остальные «барсы» прикрывали их бегство: быть может, какому-нибудь князю вздумается выехать на охоту. Впрочем, кто мог подумать, что у ног Луарсаба рыдала царица Тэкле?

Шах разгневан. Аллах! Сколько беспокойства причиняет этот Луарсаб!

Баака настойчиво поднес к губам Луарсаба чашу вина, стараясь заслонить его от шаха. Баака думал: «Хорошо, перс расстроен сам, это мешает ему видеть состояние царя».

Шадиман встревожен. Он покосился на Баака: что, если Тэкле расскажет о покушении? Луарсаб из любви к Тэкле может принять мохаммеданство и остаться царем. Амириндо и Баграт, оболенные неудачей, выдадут Шадимана, и тогда...

Шах угрюмо молчал. Придворные засуетились. Эреб-хан махнул рукой. Распахнулись двери. Веселый крик огласил зал. Пестрой гурьбой ворвались шуты, музыканты, плясуны, фокусники, танцовщицы. Они кувыркались, ходили на руках, пели, визжали. Карлики в зеленых колпаках подбрасывали позолоченные шары и ловили их на кончик носа.

Мартышки, одетые турецкими пашами, дрались на шпагах, уморительно подражая янычарам. Индусские танцовщицы кружились, выплескивая из бубнов потоки лент, радугой извивавшихся вокруг шаха.

Луарсаб, как затравленный зверь, озирался мутными, обезумевшими глазами. Он прыгающими пальцами силился застегнуть ворот.

Шадиман схватил за рукав рванувшегося Луарсаба:

— Мой царь! Разве не видишь, какому ужасу подвергаешь царицу? Да оградит ее бог от когтей «льва Ирана». Малейшее подозрение — и тиран из злобы к тебе пленит прекрасную Тэкле и пытками заставит принять мохаммеданство или, еще позорнее, подарит хану в гарем.

Луарсаб судорожно схватился за оружие.

— Тише, мой царь! Саакадзе ловко провел шаха... Немного терпения, и ты увидишь прекрасную Тэкле. Надо договориться с Саакадзе, — предателю тоже опасно обманывать шаха.

Луарсаб уничтожающе посмотрел на Шадимана и резко поднялся. Баака осторожно, но решительно усадил царя и шепнул:

— Светлый царь, Шадиман прав, ни одним движением нельзя выдать шаху тайну монахини. Будь спокоен, мой царь, я увижусь с Саакадзе.

Луарсаб откинулся на подушку, опустил веки и напряжением воли заставил себя снова принять равнодушный вид...

«Тэкле, моя Тэкле воскресла, а я, как скованный раб, сижу в плену. Как разорвать мне цепи? Как увезти подалее мое сокровище, мою жизнь? Говорить с Саакадзе?.. Нет, нам не о чем говорить...»

XXVIII

На рассвете Баака, узнав от Дато, где находится Тэкле, поспешил к Луарсабу.

Едва дослушав, Луарсаб торопливо приколол к кулачке розу и потянулся за папашой.

Баака осторожно напомнил о шахе Аббасе и посоветовал не быть откровенным с Шадиманом. Луарсаб провел дрожащей рукой по лицу. Баака показалось, что на щеки Луарсаба лег толстый слой белил. «Увы, — подумал царедворец. — Луарсаб поздно понял, кто погубил его Тэкле».

На площади скакали сарбазы. У крепостных ворот выстраивались мазандаранцы. Войско выступало в Тбилиси.

Георгий на утреннем приеме напомнил Аббасу об его обещании посетить Носте. Шах милостиво согласился.

Георгий поспешил пригласить всех ханов, грузинских князей и особенно любезно Шадимана.

Но Луарсаб решительно отклонил предложение шаха: Багратид не удостоит своим посещением Георгия Саакадзе. Если шаху будет угодно, он, Луарсаб, проведет это время в Твалади или в монастыре Кватахевском.

Шах задумался. Он решил не расставаться с Луарсабом. Но в Носте шаху воздвигнута мраморная колонна, а разве Чингиз не сказал: «Не объезжай места своей славы?»

— Ты у себя дома, мой преданный сын, но я полюбил тебя и хочу любоваться тобой в последние дни моего пребывания в Картлийском царстве.

— Шах-ин-шах, я давно собирался в монастырь благодарить бога, повернувшего ко мне сердце «льва Ирана». Трифилий — мой духовный отец. Я слышал, что настоятель предан тебе. Может, осчастливишь святую обитель своим посещением?

— Мое сердце в печали, но я не хочу обидеть Саакадзе неожиданным отказом.

Георгий осторожно посоветовал шаху не опасаться, но сохранить в тайне поездку Луарсаба. Пусть только «бар-

сы» сопровождают Луарсаба. Это лучшая охрана против всех случайностей.

— Шах-ин-шах, ты проявляешь большую мудрость в обращении с Луарсабом, но для твоего драгоценного спокойствия я сам поеду предупредить Трифилия, ибо сказано — зоркость на охоте удлиняет удовольствие и укорачивает опасность.

Эти доводы, особенно боязнь заронить в Луарсабе подозрение, убедили шаха.

Саакадзе, Эрасти, Димитрий, Гиви и Даутбек со всеми предосторожностями выехали в Кватахевский монастырь.

Георгий недаром взял Димитрия — пусть увидится с Нино. Тоже любил... Нино, золотая Нино!.. Ни бурям, ни битвам, ни блеску царских замков, ни прославленным красавицам не затмить золотой поток твоих кудрей и синие озера глаз!.. Но тщетно искать камень, брошенный в бурную реку.

Свидание с Тэкле. Мучительные часы. Тэкле убеждала брата в непричастности Луарсаба к заговору на его жизнь. Убеждала, что Шадиман уверил царя Картли в измене «Великого Муравии», приписав побег в Исфагань именно этой измене.

Многое еще узнал Георгий и вспомнил: Луарсаб ни словом, ни взглядом не выразил ему своего негодования... Но так ли все это? Царь не мог не знать действий шадимановской клики. Можно молчаливо дать согласие на преступление и потом клясться и даже самому верить в свою непричастность.

Долго слушал Георгий горячую речь сестры. Гладил ее черные косы.

«Да, — думал он, — такая на полпути не остановится: в этом хрупком существе повторена моя воля».

И снова молила Тэкле. И снова убеждал Георгий:

— Бедное дитя, перед тобою я больше всех виновен. Я принес в жертву твою любовь. Но поймешь ли меня, сестра моя? Ты умела с детских лет угадывать мысли «большого брата». Перед чем я останавливался? Перед чем отступал? Там, в окровавленном Грими, в горящих деревнях, у стен Горисцихе, в страшной схватке с друзьями

азнаурами, в проклятиях и слезах народа закалилась моя любовь к Картли. Знай, Тэкле, большое желание презирает слабость, оно требует больших жертв, последней капли крови. Это — желание счастья своей стране. Есть ли более высокие чувства? Любовь к женщине, к сыну, к матери не может остановить человека, вместившего в своем сердце любовь к родине. Я только здесь, в тяжелый час крушения моих замыслов, узнал силу этой любви. Она разбивает оковы мелкого благополучия. Она до боли обостряет зрение. Она повелевает перешагнуть через страдания тысячи тысяч.

Долго смотрела Тэкле, как в детстве, испуганными глазами на Георгия.

— Брат, мой большой брат! Но разве не потрясает горы страшное проклятие нашему роду? Брат, мой большой брат! Пожалей бедный народ, он ни в чем не виноват.

— Не хочешь ли ты сказать, Тэкле: пожалей царя? Я раньше думал, именно Луарсаб захочет спасительного для Грузии единовластия... Но он оказался слишком слабым, он, как и другие цари, устранился князей... Не пошел за молодой силой азнауров. Не пошел — и погиб.

Тэкле рванулась вперед и распростерла руки, точно защищая собой Луарсаба:

— Нет, нет, не смей так говорить! Ты не знаешь царя Луарсаба, лучшего из царей! Он оставил надежное убежище, он вернулся спасти свой народ. Он не погибнет! Моя любовь, любовь народа спасет его! О, ты не знаешь моего отважного царя!

— Я не отказываю Луарсабу в отваге, Ломта-гора — слава его меча, но он не тот царь, который может дать расцвет Картли.

— Тот, клянусь, тот! Что замышляешь, Георгий? Скажи сразу... Я хочу погибнуть вместе с моим царем или... или ты спасешь его! Что замышляешь ты против Луарсаба?

— Против Луарсаба ничего... Завтра он будет здесь, уговори бежать... Бежать с тобою... Я помогу вам, скройтесь в Имерети. Шах не пойдет войной

на Имерети... не пойдет, потому что Георгий Саакадзе не хочет этого. Я имеретинские дороги знаю не хуже кахетинских, я, но не шах.. Уговори Луарсаба бежать. Ему помогут «барсы» по дороге в Тбилиси.

— А кто будет царствовать в Картли?

— Время покажет...

Георгий вышел от Тэкле взволнованный! «Какой странный разговор! Какое величие души у маленькой Тэкле! Как сильна у человека привязанность к близким... Нехорошо, начинаю жалеть Луарсаба... Он молчит... Ни одного упрека.. Может, из любви к Тэкле! Наверно, и я только из любви к Тэкле хочу спасти его!»

—

В боковой приемной Нино беседовала с Димитрием, Даутбеком, Гиви и Эрасти. Печаль оттеняла тонкую красоту Нино. Георгий остановился на пороге, и, как в далеком прошлом, теплая волна прилила к сердцу. Он почтительно поклонился Нино, опустился рядом на скамью и мельком взглянул на дрожащие губы Димитрия, признак большого волнения.

Нино вскинула на Георгия спокойные синие глаза и сочувственно вздохнула.

Саакадзе понял — Димитрий и Нино говорили о нем.

«Почему все люди, любящие меня и любимые мною, обречены на страдания?..» — подумал Саакадзе.

— Георгий, если не поздно, спаси для Картли царя Луарсаба, — тихо сказала Нино.

— Поверь, золотая Нино, приложу все усилия спасти Луарсаба для... Тэкле.

Саакадзе, Даутбек, Гиви и Эрасти незаметно вернулись в Гори. Утром Луарсаб, в сопровождении Баака и «барсов», выехал в Кватахевский монастырь.

Всю дорогу Луарсаб молчал. Глубокая задумчивость не покидала его. Он ясно сознавал: он больше не царь. Но шах обещает в Тбилиси проститься с

ним... Может, от усталости черные мысли не дают покоя?

Вот он едет к любимой Тэкле, но почему, как раньше, не бьется сердце? Почему жадные глаза не торопятся увидеть конец пути? Луарсаб знал, почему. Помимо всего страдала мужская гордость. Едет, как раб, отпущенный на день... Женщина не прощает бесславия.

Но как глубоко был потрясен Луарсаб встречей! Казалось, только теперь оценил он сердце Тэкле. Ее бурная радость дала Луарсабу забвение. Лаская и восхищаясь, Тэкле убеждала царя — он никогда не был прекраснее. Потом осторожно сообщила предложение Саакадзе бежать с нею в Имерети. Луарсаб поддался было соблазну, но тут же подумал: «Может, изменник подстраивает ловушку? Шах не простит мне бегства, отнимет Картли и отдаст Баграту. Разве я без войска сумею бороться со ставленником свирепого шаха?»

Луарсаб не хотел сразу огорчить Тэкле, у них еще целый день и целая ночь, все можно обдумать.

Уступая его настойчивой мольбе, Тэкле рассказала о покушении на ее жизнь. Потрясенный Луарсаб с необычайной ясностью понял: боролись две силы — князья и азнауры, а царь оказался не с ними, а между ними, потому и погиб... «Нет! Я для Тэкле должен бороться за трон, я начну снова царствовать. Хорошо зная врагов и друзей, я докажу властелинам и народам: царь Луарсаб достоин меча Багратидов».

На следующее утро, прощаясь со счастливой Тэкле, Луарсаб сказал:

— Душа моя, скоро снова будем в Метехи, но только без Шадимана, без изменников князей, без изменчивых азнауров. Царство наше озарится великолепием. Ты не будешь краснеть за своего царя...

— Мой царь, что бы судьба нам ни послала, знай, я всегда буду около тебя, и твой последний час будет моим последним часом. Бог послал нам испытание, но он милостив. Я сегодня тоже еду в Тбилиси. Не беспокойся, мой царь. В Метехи Димитрий спря-

чет у верного человека... в доме Мухран-Батони. Хорешани все устроила, вместе с верной княгиней буду ждать от тебя известий.

— Моя возлюбленная, не опасно ли? Может, лучше в Носте, у Русудан?

— Носте! О, мое родное Носте! Там я впервые познала радость встречи с тобой! Но нет! Там, где стоит мраморный памятник в честь нашего поработителя?! Нет! Пока Тэкле еще жена царя Картли!

Луарсаб восторженно привлек к себе Тэкле. Жаркие клятвы, объятия и нежные слова, полные надежд. Такова сила любви. Грусть расставания. Напутствие Трифилия — и Луарсаб вскочил на коня.

Всю дорогу он был радостен и разговорчив. Баака беспокойно оглядывался, но чуткие «барсы» следовали на далеком расстоянии.

Тэкле с высокой башенки смотрела вслед Луарсабу и, когда он неожиданно исчез за крутым поворотом, вскрикнула:

— Я больше не увижу его!..

Нино подхватила Тэкле и долго не могла привести ее в чувство.

В сумерки из Кватахевского монастыря выехали десять всадников. Они направились вверх по тропинке, ведущей напрямик в Тбилиси.

Это были Нино, Тэкле, Димитрий и вооруженные дружинники из кватахевской личной охраны Трифилия.

Стройные гряды гор тонули в вечернем сумраке. Кони сердито фыркали. Где-то взметнулась большая птица, и снова тишина...

XXIX

Негойские высоты. Георгий Саакадзе подъезжал к Носте. Шах Аббас знал: Саакадзе спешит подготовить прием шах-ин-шаху. Но не догадывался о желании Георгия свидеться с ностевцами не под благосклонными лучами «солнца Ирана».

«Как встретят меня люди? — думал Георгий. — Некогда я был встречен, как господин. Кем сейчас возвращаюсь?»

Саакадзе хлестнул коня. Джамбаз удивленно оглянулся, ударил копытом по кругляку и пошел шагом.

Эрасти засмеялся.

Георгий опустил поводя: «Джамбаз прав, зачем торопиться к неизбежному. Меня ждут только завтра с иранской сворой. Какой вкусный воздух около Носте!..»

Георгий оживился. Вот знакомый старый орех. А вот лисья тропа, она сбегает к роднику. Хорошо бы сейчас наклонить голову под ледяную струю. Вон кусты кизила разрослись на отлогах. Э, сколько новых морщин на черном камне! С этого выступа джайран любит смотреть на дорогу...

Высокая трава приветливо кивала стебельками. Георгий спрыгнул с коня и повалился на зеленое поле. Он прятал лицо в душистых цветах, гладил красные маки и громко смеялся. Одуванчик качнулся и разлетелся белым пухом.

Джамбаз одобрительно повел глазами и с наслаждением захрустел сочной травой.

— Э, э, Эрасти, спокойный верблюд, прыгай сюда!

В Носте шли последние приготовления. Завтра в полдень придет Георгий Саакадзе. Приедут дорогие «барсы». Приедет ненавистный шах.

Старики шептались:

— К нашему Георгию второй царь в гости едет.

— Кто помнит маленького Саакадзе? Никто! Георгий всегда был большой, даже когда дрался на церковной площади с мальчишками, требуя признания его главарем всех детских затей, даже когда ходил в Кватахевский монастырь изучать грузинскую азбуку, даже когда вступал в спор со стариками.

Ностевцы оживленно вспоминают детство Георгия. На бревне собрались не только старики, собрались женщины и юноши. Собрались послушать мествире, рассказывающего ностевцам о походах и победах Георгия в далеких индоэтских и турецких землях.

Не было здесь только деда Димит-

рия, Горгосала и родителей «барсов». Они наблюдали за приготовлениями к завтрашнему дню.

Наконец, «барсы» приедут к родным. Наконец, Георгий вернется в Носте. Наверно, больше не уедет. Зачем? Недаром Русудан здесь: где шишки падают, там ищи сосну.

На целую агаджа обильно полита дорога к Носте. Улочки чисто выметены и освежены водой. Собранный детьми в лесу мох узорами лежит на плоских кровлях. От ворот Носте до замка расстилаются узкие паласы. Подростки палками гонят прочь детей, желающих пройтись по заманчивым дорожкам, обрызганным водой и чисто выметеным: пусть не останется ни соринки, пусть сопровождающие не пылят шаху в лицо, пусть ничем не будет вызвано неудовольствие свирепого перса.

Вокруг мраморной колонны лежат ковры. Нарочно из Кватахеви прибыл отец Трифилий. Нарочно из Эртацминда прибыл старый священник служить молебне. Нарочно из Тбилиси утром прибедет мулла читать коран для шахин-шаха.

А сколько красивых девушек будут веселить персов! Сколько зурначей, пандуристов! Сколько холодного разноцветного огня приготовил друг чорта Горгосал! Сколько еды, вина и редких сластей собрано в замке Саакадзе. Сколько угощения навалено у деда Дмитрия и прадеда Матарса для обжорливых слуг шаха и ханов.

Говорят, один день и одну ночь будет гостить шах-собака в Носте. Говорят, одну ночь и один день будут пировать в замке Саакадзе. Говорят, богатые подарки приготовил Саакадзе для шаха и ненасытных ханов. Говорят, Саакадзе просит будет шаха за картлийский народ. Говорят, в Носте снова развернется знамя азнауров...

— Говорят, когда в Иране еще не было караванных путей и люди еще не знали вкуса миндаля, царь персидский Шаддат пожелал устроить ад и рай. Если царь пожелал, — эмиры три дня ломали головы. Шаддат терпение потерял и бросил такое слово: «Со всех земель в

первый день летнего солнца соберите красивейших женщин и мужчин. Змей и скорпионов тоже не забудьте. Пусть предстанут перед моими разборчивыми глазами. Для красивых людей я, царь Шаддат, создам рай, где они каждый день после еды будут грызть гоziнаки и пить картлийское вино. Для скорпионов и змей я, царь Шаддат, создам ад, где они каждый день одного грешного человека кушать будут». Веселый рай придумал перс, тоже ад придумал веселый. В то время, как красивые женщины и мужчины на пути к царю Шаддату остановились отдохнуть в Картли, змеи — в Муганской степи, а скорпионы — в Кашане, царь Шаддат без совета эмиров неожиданно умер и не успел попасть ни в свой рай, ни в свой ад. Чихнул другой царь и повелел эмирам забыть о глупых делах Шаддата. Тогда змеи остались в Мугани, скорпионы — в Кашане, а красивые люди — в Грузии... Вот почему проклятые мусульмане так любят приходить в Грузию, — закончил мествире.

По-весеннему плескалась Ностури, медленно сползали с высот теплые сумерки.

Ностевцы, увлеченные сказом мествире, не заметили, как подошел закутанный в бурку и башлык высокий путник и молча опустился на край бревна.

— Если такое знаешь, мествире, почему защищаешь всегда Саакадзе? Разве не он за собой персов, как волк хвост, тащит? Даже в Носте один не приехал из гордости, — сказал один из ностевцев, молодой парень.

— Почему, худой заяц, думаешь, что из гордости? Может, персов одних боится оставить? Может, оттого и Носте уцелело, что их тащит за собой?!

— Не кричи, Нодар! Все равно нехорошо, когда грузин с персами дружит.

— А ты откуда знаешь, что дружит? Рыжий чорт!

— Сам чорт! Завтра увидишь, кто дурак. Нарочно в Носте раньше не прискакал Георгий, хочет показать сразу, как его голове идет чалма, а коню — золотое седло. Также подарок великого

шаха, пусть на этом слове шаддатовские скорпионы вцепятся в персов.

— Не вцепятся, Саакадзе защитит, хорошей дорогой поведет!

— Ты что такой разговор ведешь про своего господина, ишачий помет!

— Сам ты верблюжья слюна! Без ушей живешь!

— Правда, ему уши воробьиный навоз залепил! Вся Картли говорит: Саакадзе дорогу показал персам, он один не слышит.

— Показал?! Обрато тоже сам дорогу покажет собачьим детям. Правду говоришь, Шалва, может, поведет их через Мугань?

— Чтoб им там змеи зад отгрызли, — сплюнул прадед Матарса, — наш Георгий ют Георгия Победоносца слово знает, не трогают его змеи. Сколько раз с моим Матарсом в детстве змей за хвост тащили из леса. Змея тоже рада, любит гулять с людьми.

— Чтoб всю жизнь шах так гулял! — не успокаивался молодой ностевец.

— Шах пусть гуляет, а Георгия не беспокой, он всегда думает о народе.

— Думает?! Волк тоже думает о ягненке.

— Если не замолчишь, богом клянись: лицо станет раздавленной сливой!

— Молодец Шалва! Кто смеет плохое говорить о нашем Георгии?

— Я!

— Ты?!

— Я!

— Ах ты, мул бесхвостый! Тебе сколько лет, что голос подымать смешь?

— Мне?! Мне шестнадцать, и я покажу, как не смею! Моя бабушка поехала гостить в Греми, а ее там проклятые сарбазы убили. Почему теперь говорить не смею?!

— Бабушка уехала, сама виновата, не время ходить в гости, когда дождь на дворе.

— Не время господина защищать, когда азнауры велят вооружаться против персов.

— А тебе какое дело до азнауров?! Ты кто?!

— Я?! Грузин!

— Ишак ты, а не грузин!

— Сам ишак и на ишаке джигитуешь!

— Чтo?!

— Тебе сколько лет?!

— Шестнадцать! А это тебе за бесхвостого мула, а тебе за ишака, — и парень наотмашь ударил одного в глаз, а другого в зубы.

Все вскочили, кроме прадеда Матарса. Поднялась свалка: кто разнимал, кто сам вмешался в драку. Парень ловко отбивался, щедро раздавая затрещины.

В гущу драки протиснулся высокий незнакомец, разнимая дерущихся.

Он явно защищал парня.

— Почему не в свое дело вмешиваешься? — спросил с досадой прадед Матарса, смолodu любивший драки. — Если чужой, — смиро смотреть должен, почему мешаешь?

— А если не чужой?!

— Тогда только одну сторону должен бить, почему всех разбрасываешь?!

Парень вцепился в грудь пришельцу.

— Ты за Саакадзе или против?!

— И за, и против! — проговорил пришелец, сбрасывая бурку и башлык.

— Георгий Саакадзе! — вскрикнул молодой ностевец.

— Георгий Саакадзе! Георгий Саакадзе! Георгий Саакадзе! — удивленно, испуганно и обрадованно кричали ностевцы.

И сразу наступила настороженная тишина. Ностевцы молча, с изумлением рассматривали Георгия, его простую азнаурскую чоху и некогда подаренный ностевцами кожаный с серебряной чеканкой пояс.

Георгий положил руку на плечо парня:

— Придешь ко мне в замок, получишь коня, шашку. Отправишься к азнауру Микеладзе, пусть зачислит тебя начальником над десятью. Будешь драться за азнауров.

Долго смотрели пораженные ностевцы вслед удаляющемуся Саакадзе...

Мествире раздул гуда-ствири и тихо стал наигрывать песню:

О времени Георгия Саакадзе,
Времени освежающего дождя.

Георгий, сиюсь унять волнение, вбежал на площадку Ностевского замка. Там стояла Русудан, бледная, с протянутыми руками.

Георгий упал на колени, обхватил ноги Русудан и спрятал в складках ее платья пылающее лицо:

— Русудан, о моя сильная Русудан! Кто сравнится с тобой в уме и красоте? — шептал Георгий, с ужасом думая: «Неужели двоих люблю?»

— Что с тобою? Разве мы не виделись в Горис-дихе?! Или ты виновен передо мной?.. О, Георгий, дай взглянуть в твои глаза! Георгий, Георгий! Русудан не переживет измены... Скажи!..

— Нет, моя Русудан! Только ради тебя бьется любовью сердце, только тебя помню в своих желаниях! Но...

— Не говори, Георгий, подожди!.. Дай еще минуту верить в мое счастье! — Русудан схватила за сердце.

— Что ты подумала, моя Русудан? Меня смутило видение далекого детства. Я потрясен встречей с моей сестрой.

— Тэкле? Говори! Говори, Георгий! Прости мою женскую глупость, от любви она.

Шах, Караджугай-хан, Эреб-хан, Карчи-хан, Пьетро делла Валле, иранцы и грузинские князья пировали в Ностевском замке.

Неотступно следовавшие за шахом Баграт и Симон и сейчас угодливо кружились около властелина.

Нугзар и Зураб старались заслонить Баграта и Симона от «солнца Ирана». Но и Шадиман с Амириндо не упускали из виду «льва Ирана». Остальные светлейшие и несветлейшие стремились быть замеченными если не шахом, то хотя бы Караджугаем или Эреб-ханом.

На этот раз, подчеркивая доверие к Саакадзе, Аббас ввел в Носте только шах-семенов и кулиджар¹.

Пьетро делла Валле с любопытством

осматривал владения загадочного грузина.

Роговые подсвечники красивыми гроздьями свешивались на серебряных цепочках, триста свечей освещали ночной пир. Шах развеселился и потребовал трубку, кофе, вино и опиум.

— Эти четыре предмета, — сказал шах, — есть четыре столба шатра удовольствия.

До рассвета пировал шах, а с ним все придворные и ханы. Он разбрасывал плясунам, певцам и прославителям «льва Ирана» золотые монеты. Особенно награжден был мествире за рассказ на персидском языке о свадьбе Искандера.

Благодаря искусно подстроенному веселью Саакадзе избежал опасных вопросов.

Шах так и не спросил, где же два сына Георгия, не спросил, почему Мухран-Батони нарушил обещание и не приехал в Носте, почему ханум Русудан не воспользуется благосклонностью «льва Ирана» и не представит ему других детей. И даже забыл спросить, почему Саакадзе не собрал для него молодое войско из сыновей азнауров и где же обещанные Трифилием ценные рукописные книги, о которых сообщили преданные шаху князья Магаладзе и Квели Церетели.

Густое вино, пряный табак, крепкий кофе и сладковатый опиум мало способствовали рассуждениям. И ханам было не до глубокомыслия. Горгосал именно ради отвлечения дум шаха и ханов собрал для пляски и песен каралетских красавиц. Крестьянки зажгли жадным огнем глаза не только молодых ханов, но и их отцов.

Шах похвалил красоту девушек и повелел ханам взять их себе в гаремы. Девушек наградили богатыми одеждами, драгоценными украшениями и постелями из мягкого пуха.

Впоследствии крестьянки, не привыкшие к роскоши, оплакивали свою участь и, смотря на богатое ложе, со слезами вспоминали деревенские постели.

«То ли дело наши каралетские рожджи» — повторяли они.

Эти слова обратились в народную

¹ Кулиджары — персидское войско из обращенных в мохаммеданство христиан, отличавшееся особой свирепостью и преданностью шаху.

поговорку, как память о кровавом шестивии шаха Аббаса.

На другой день шах, очень довольный, покинул Носте. Он снова остановился у колонны и еще раз прочел изречение, высеченное на мраморе: «Здесь стоял великий из великих шах Аббас Сефевид, «лев Ирана», покоритель царств и народов. Да будет этот мраморный столп свидетелем возвышенных дел царя царей».

Шах обернулся к Саакадзе: нет ли у сардара желаний?

Саакадзе попросил фирман на храм и деревню Эртацминда, ибо эта местность примыкает к его владению. Шах охотно согласился и повелел оставить в замке Саакадзе золотые туманы на процветание нового владения. Георгий, конечно, скрыл, что эртацминдовские крестьяне просили взять храм и деревню под крепкую руку владельца Носте. Кто знает, в каком настроении проснется в одно из утр шах? А разве Георгия Саакадзе посмеют трогать?

Русудан с верхней площадки башни смотрела на отъезжающих. Сопровождали шаха и Георгий, и Зураб, и даже отец, доблестный Нугзар. Русудан вздохнула свободно, когда за последним иранцем закрылись ворота. Она задумчиво, не без страха, разглядывала присланный ей шахом прощальный подарок.

«Неужели шах ослеп умом и не понимает, какую пропасть роет Георгий Саакадзе персам? О, мой Георгий, какая гордость быть твоей женой! Нет, твоим другом! Пусть будут самые страшные испытания, но громкого имени Георгия у меня... никто не отнимет... Многие живут спокойно в своих каменных гнездах, но разве они знают настоящую страсть? Разве они могут управлять жизнью, покорять умы и... да, непременно так, покорять царства?! Никогда ни в мыслях, ни в чувствах я не осужу Георгия... Пусть свершится предназначенное судьбой. Мне судьба дала много, но много и требует... Да, я до конца разделю бурную жизнь Георгия Саакадзе! Я сохраню наших детей, сохраню! — Русудан вспомнила Паата. —

Сохраню, сколько смогу... Пусть наше потомство вспоминает славного витязя, борца за родину... Победит ли Георгий? Да, должен победить. Так хочет судьба».

Русудан позвала слуг и велела укладывать сундуки и хурджины. Она обошла замок, потом, накинув теплый платок, до сумерок бродила по затихшим улочкам. Русудан прощалась с Носте.

Наутро двинулись в Ананур и нагруженные арбы. В одной, завешенной коврами и устланной подушками, сидели дети. Русудан на черном жеребце ехала впереди арагвинских и ностевских дружинников, сопровождавших семью Георгия Саакадзе в Ананур. Так хочет отец — Нугзар Эристави, так хочет Георгий. Быть может, скоро еще опаснее будет... Да, для детей в Анануре спокойнее.

Русудан остановила коня у мраморной колонны. «Этот мрамор, — сказала себе Русудан, — бросает слишком черную тень на Носте. Когда вернусь, на этом месте воздвигну красивую церковь, церковь святого Георгия».

Русудан тронула поводья и поскакала догонять арбы.

Луарсаб ожидал шаха Аббаса в деревне вблизи Мцхета.

Шаха неприятно поразил радостный блеск глаз Луарсаба.

«Бисмаллах! Уж не обещал ли кто-нибудь помощь? Или в монастыре нарисованный Иисус предсказал ему хороший конец? Нет, царь Луарсаб, обманет тебя бог нищих».

Тбилисцы в страхе встретили дарами и восторженными криками не Луарсаба, а ненавистного покорителя.

Шах не пожелал оставаться в Метехском замке и расположился с войском в цитадели. Луарсаба он тоже не пустил в Метехи: скоро предстоит расставание, и он желает насладиться беседой с остроумным царем Картли.

Луарсаб почти обрадовался — он хотел оттянуть тяжелую встречу с матерью, обманувшей его в трагическую минуту потери Тэкле.

Саакадзе все больше удивлялся, по-

чему Луарсаб не выражает ему негодования и даже как будто не замечает его?

Наедине встретились неожиданно.

Шах Аббас, осматривая тбилисскую цитадель, поднялся на башню Шахтахи¹.

Саакадзе увидел одиноко стоящего Луарсаба и задержался на крепостной стене.

Луарсаб, смотря на Сионский собор, широко перекрестился:

— Боже, прости моим врагам.

— За меня ты молишься, царь?

— За врагов моих...

— Да, царь, я твой враг!

— Ты мог мстить мне, но не народу, не церкви, тебя возродившей... Опомнись, Георгий, ведь ты грузин.

— Да, я грузин, царь Луарсаб, потому и стал твоим врагом. За Шадимана молись, за князей. Это они научили царя Картли молиться за врагов... Я же советовал тебе бить врагов.

— Ты, Георгий Саакадзе, хотел заставить Багратидов бить твоих врагов, но что выиграл ты? Тянулся за жолудем и свалил дуб!

— Гнилой дуб! А из жолудя я задумал вырастить молодой дуб Грузии... Но вокруг свежей листвы зажужжали тучи комаров, скрывая ветки от солнца. А ты, царь Луарсаб, благосклонно слушал комариное жужжанье. И что выиграл ты?!

— Ты прав, Георгий Саакадзе, пение персидских соловьев более услаждает слух, но грузинам они заслоняют не только солнце, но и луну.

— Заслоняют слабым. Ты, царь, шел не той дорогой. И сейчас не с мечом защищаешь эту, древнюю крепость, а стоишь один над обрывом и смиренно осеняешь себя крестом. Церковь? Видишь, она бессильна оказать тебе помощь, ибо ты не в состоянии защитить ее.

— Твои речи — речи мохамметанина!

— Нет, я грузин, царь Луарсаб, и сумею это доказать!

Луарсаб круто повернулся и одиноко зашагал по уступам цитадели...

Запутывая следы, Георгий долго кружил по Тбилиси, ибо Шадимана с Али-Баиндуrom роднило вредное любопытство.

Спускаясь к Куре, Георгий пересек узкую улицу и свернул к высокому дому Мухран-Батони. Оконные своды и узорная кладка кирпича выделялись в темной зелени чинар.

Он поднялся по наружной деревянной лестнице и вошел в полукруглую комнату с широкими решетчатыми окнами.

Напрасно Саакадзе вновь убеждал Тэкле скрыться на время в Ананури. Тэкле решительно ответила: она останется здесь и разделит с Луарсабом все предначертанное—хорошее и плохое.

За Текле в Тбилиси приехали отец и мать Эрасти. Им Георгий, передав золотые туманы, поручил уход за сестрой. С этого дня они неотступно следовали за несчастной царицей Тэкле.

Саакадзе благоговейно прощался с Нино. Она возвращалась в свой монастырь, благодаря Саакадзе полностью восстановленный. Нино решила принять имя старицы Макринэ и начать жизнеописание Георгия Саакадзе.

В этот же день к Луарсабу пришел Шадиман.

— Прошу тебя, царь, не отказывай шаху в желании поохотиться с тобою в Караиаских степях. Может, мы, наконец, избавимся от назойливого гостя... Я велел в Метехи все приготовить к твоему возвращению...

Луарсаб схватился за шашку, но вмиг опустил руку.

— Ступай! Я не нуждаюсь ни в твоих заботах, ни в твоём предательстве...

— Предательстве, царь?!

— Не притворяйся, князь, я знаю, кому я обязан всеми несчастьями. Я был слеп, увы!

— Тебе, царь, я всегда оставался верен. Разве я хотел нашествия персов?

— Конечно, нет, ты хотел нашествия турок... Уходи, князь!

¹ Шах-тахти (перс.) — трон шаха. Руины башни сохранились до наших дней.

— О, время! Нет благодарности в сердцах царей.

— Ты ее получил от шаха...

Более двух часов длилась тайная беседа шаха Аббаса с Багратом.

Амириндо и Симон с нетерпением ждали возвращения Баграта. Но Баграт был очень сдержан. Так до времени приказал шах. Впрочем, Баграт успокоил сына и зятя не словами, а своим сияющим видом.

К вечеру Баграт не выдержал и вскользь бросил:

— Надо за Гульшари в Арши послать, довольно ей томиться одной. Пусть прямо едет в Метехи... — он испуганно оглянулся и добавил: — К царице Мариам в гости... Всегда дружили...

После Баграта шах беседовал с Саакадзе.

Хотя Георгий всегда был подготовлен к неожиданностям и умел владеть своими чувствами, крик боли и гнева едва не вырвался у него. Но сквозь пламя, застилавшее ему глаза, он ясно видел опасность. Малейшее неудовольствие—и Аббас расправится с ним, как не раз расправлялся с дерзкими ханами.

Саакадзе склонился до земли: о, шахин-шах слишком ему благодетельствует! Сопровождать «солнце Ирана» в неповторимую Исфагань?! Возможно ли большее награждение, чем снова своею жизнью доказывать любовь и преданность «льву Ирана»? Одно только беспокоит его, Георгия: не успеет улечься пыль за конем шахин-шаха, как картлийцы восстанут, и бранный труд «льва Ирана» может бесплодно погибнуть. Вот почему он, Саакадзе, повторяя мудрые слова шахин-шаха, думает: не лучше ли ему и Эреб-хану с сарбазами на время остаться для приведения Картли и Кахети в полную покорность.

— На время я оставляю здесь Эмир-Гюне-хана с сарбазами. Ему поручаю собрать дань с тбилисцев... Кажется, у тебя с Хосро-мирзой дружба? Может, скоро отправлю царицу с тобой в Картли, но сейчас мне нужна твоя опытность.

Шах опасался неожиданного нападения грузин и турок с целью освободить Луарсаба и повелел Георгию немедленно отправиться вперед с частью войска к Карабаху, разведывая и расставляя в ненадежных местах засады и охрану. Шах только скрыл от Саакадзе, что и его решил поскорее убрать из Картли. Скрыл и свою беседу с Багратом. Георгий узнал об этом перед самым выступлением. Его поразила не столько победа врагов, сколько разрыв между стремлениями и результатом своих действий.

Одному радовался Георгий: удалось убедить шаха оставить в Картли Нугзара и Зураба и дать им широкие права в делах царства. С меньшей ловкостью, притворно пряча глаза, Георгий сообщил шаху о внезапной болезни дочери: эта неприятность вынуждает огорченную Русудан временно остаться в Анагури.

Шах, зная от ханов, что один сын Саакадзе, кажется, уже умер от черной болезни, а другой, кажется, умирает, усмехнулся попытке Саакадзе обмануть его. С легкой иронией Аббас выразил надежду скоро увидеть ханум Русудан и выздоровевшую дочь в Исфагани.

«Барсы» долго безмолвствовали. Они не сразу поняли Георгия,—так твердо уже ощущали под ногами родную землю.

Саакадзе посмотрел на дергающиеся губы Дато, на налитые кровью глаза Димитрия, на медленно катившуюся слезу по щеке Гиви и тихо сказал:

— Может, так лучше... У вас здесь будет большое дело. Снова создадите союз азнауров, шах вам выдаст фирманы, и князя не посмеют приблизиться к вашим владениям.

Даутбек молча посмотрел на Георгия, позвал дружинника и приказал перековать коней всех «барсов».

Сон, который был так необходим, бежал от мягкого ложа Георгия. Напрасно он старался охладить мысли, разгоряченные жадой мести коварному шаху, жадой победы над князьями.

Георгий сел. Напротив, на широкой тахте спал Папуна. Спал? Разве он остался в комнате Георгия для сна?

— Дорогой Папуна, не притворяйся безмятежно спящим, хочу поговорить.

— Может, утром удобнее? Почему люди избегают быть учтивыми?—приторно сердился Папуна.

— Папуна, мой дорогой друг! Хочу Носте возродить... Необходимо остаться верному другу...

— Я об этом тоже подумал, уже договорился с отцом Даутбека... Спи, Георгий, шаху вредно видеть лимонное лицо любимого сардара.

Так же тщетно Дато уговаривал Хорешани погостить у Русудан до его возвращения из Ирана. Хорешани насмешливо уверяла: она мечтает поседеть на глазах у Дато, а не у Русудан.

Шах утром отправил Саакадзе с «барсами» и тремя тысячами сарбазов, а в полдень льстиво упросил Луарсаба поохотиться с ним на прощанье в Караиаских степях. Возвратившись, Луарсаб с почетом вступил в свое царство.

На улицах Тбилиси шумно. Спешно вывешивают ковры.

Князья в мечети еще раз торжественно клялись в верности «льву Ирана».

Тбилисцы, втайне ликуя, смотрели, как уходил из Картли шах Аббас.

XXX

Шах Аббас послал в Ганджу Измаил-хана. И вскоре Измаил-хан двинул ганджинское войско в Кахети на соединение с шахом.

Караиаские степи. Там в камышах ютились дикие утки, курочки, перепела. Заяц-степняк путанными петлями заметал следы. В зарослях слышалось бурчание кабана. Стаями кружились дикие гуси. Хлопотливо копошились в траве фазаны и цесарки. У серых озер на песчаном берегу грелись черепахи. В камышах звенел привольный ветерок.

Раздольно жили Караиаские степи. Луарсаб любил их затаенную ширь, но сейчас мрачно следовал за шахом. «Как страшная охота! Не сон ли это?! Как зловеще шевелят колючими щупальцами потемневшие кусты... Любезен шах. Улыбаются ханы. Но не сам ли я затравлен веселыми охотниками?»

Крестьяне возвращались из лесов к

мирной жизни. Раз шах спокойно уходит,—значит, в союзе с царем; недаром вместе едут на охоту.

Проезжая вновь ожившие деревни, шах Аббас понял: «Неприступность гор и лесов — извечный щит грузин от Ирана. Нет, ни одному грузину нельзя верить! Георгий Саакадзе! Не думает ли сардар наполнить Грузию буйными азнаурами, как рог вином?! Но удержит ли тогда Иран грузинские царства? Значит, азнауров надо... уменьшить, а князей увеличить. И те, и другие взаимной ненавистью не дадут Грузии окрепнуть... Иншаллах! Князей всегда можно купить красивой чалмой и отнятым у другого князя куском земли... Да, азнауры скоро мне больше будут не нужны».

И поскакали чапары в Кахети, к изменникам князьям, ставленникам шаха, к ханам,двигающимся по юго-восточным дорогам, к сардарам, начальникам кахетинских крепостей.

Широко раскинулась Алазанская долина. В сочной зелени могучих орехов, фруктовых деревьев, горных лесов и тутовых рощ утопают приветливые городки и деревни.

Из тесно сомкнутых гор выбегает река Алазань на виноградную долину, наполненную до краев густым солнцем. У веселой деревни Ларискури обрывается Алаванское поле. Здесь летний дворец кахетинских царей. А южнее высятся в сине-оранжевой дымке стены Загеми, Телави.

По вечерам длинные тени деревьев ложатся на долину. Шум Алазани убаюкивает прибрежные заросли. Далекie вершины еще белеют снегами, а внизу, на кругосклонах, уже зеленеет виноград.

И вдруг лавина обрушилась на Алазанскую долину. Барговое зарево поднялось над туговыми рощами. «Грузинскому шелку не затмить иранский!» Пламя перекачилось на города и деревни. По Алазанской долине поплыли тучные клубы дыма с удушливым запахом шерсти и крови. Тревожный гул потрясал ложины и скалы: «Не смеет Кахети привлекать взоры Руси!»

Хищно бросились кизыл-баши на богатую добычу.

Рушились стены, падали двери, летели камни, бревна, сыпались осколки. Протяжный крик о помощи. В огне и крови кипит ненависть и жестокость.

Так шах Аббас триумфально шествовал по пылающей Кахети, а за его конем сарбазы гнали обездоленный и порабощенный народ¹.

Азнауры, амкары, купцы, мелкие торговцы, крестьяне, люди различных положений и состояний угонялись, как стада, в Иран.

На перекрестках трагические сцены разлук. Успевшие скрыться от облавы выбегали на выступы — в последний раз издали взглянуть на близких.

По дороге скрипели обозы с награбленным. Ханы потворствовали грабежу. Но сарбазы не могли унести все с собой и продавали за бесценок владельцам обозов — тем же ханам. Торг шел на глазах обездоленных, оборванных, умирающих от голода грузин.

Видя страдание матерей, жен, невест, видя гибнущих детей, грузины в отчаянии бросались на мучителей, но, обезоруженные, гибли от озверелых сарбазов. Иногда, словно соскучившись, войска занимались бессмысленными убийствами, поднималась волна злодейства и насилия: детей отнимали от матерей и бросали под копыта коней и верблюдов. На всем пути валялись задушенные, заколотые, обезглавленные.

Обезумев, женщины сами бросали детей в реки. Горный поток мчался окровавленный. Отцы убивали сыновей и на их трупах закалывали себя. К зеленым берегам плыли обезображенные мертвечины. По ночам женщины высоко поднимали горящие факелы и протяжно выли, наклоняясь над убитыми.

Навстречу шаху Аббасу сарбазы складывали пирамиды из отрубленных голов. Тошнотворный запах отпугивал даже гиен. Только торжествующе кружились вороны.

На последнем перевале появились

¹ Шах Аббас вывел в Иран только из одной Кахети более восьмидесяти тысяч семейств и истребил в Кахети и Картли до семидесяти тысяч мужчин. Из Картли шах Аббас вывел до ста тридцати тысяч, но не все дошли до Ирана, многих истребили в пути.

верблюды: на двух, нагруженных равными полосатыми мешками, сидели в заплатанных чадрах Тэкле и мать Эрасти, на третьем — переодетый персианином Горгосал. Сзади, будто бы догоняя иранское войско, скакал на породистом жеребце богато одетый Керим, посланный Георгием охранять Тэкле. За ним следовали под видом слуг арагвинские дружинники.

Керим громко расспрашивал, где найти хана Али-Баиндура. Кто-то из ханов объяснил Кериму, что шах-ин-шах вместе с ганджинским войском, шах-севеном и кулиджарами направился в Карабах. Там Керим найдет Али-Баиндур-хана, неотступно следовавшего за картлийским царем.

Тэкле смотрела на несчастных грузин, и ее слезы смешались со слезами тысячи тысяч.

Древняя церковка без купола тяжело опиралась на четырехгранные столбы. Тишина. Сквозь узкое сводчатое окно робко проникал лунный луч. Он скользил по пестрым щепкам рассеченных икон, по исколотым фрескам, по разбросанной незатейливой утвари.

На каменном престоле горели две свечи. Пьетро делла Валле оглядел церковку, и в памяти снова всплыло кровавое утро. Здесь, в потайных ризницах, укрылись бежавшие пленники. Плач детей выдал всех. Сарбазы вытащили беззащитных на площадь и перебили. Заступничество не помогло. Пьетро прикрыл глаза. Вспомнилась красивая девушка: она крепко обняла жениха, и никакие усилия сарбазов не могли их разлучить. Их тащили за волосы, били и, наконец, заколели вместе.

Пьетро делла Валле решительно развернул лощеную бумагу:

«Святейшему папе Урбану VIII» — и подробно описал в реляции нашествие шаха Аббаса на Грузию:

«...боже мой! Сколько слез и нечеловеческих страданий, сколько погибших молодых жизней! Сколько убийств, сколько смертей без всякой необходимости! Сколько злодейств, сколько разврата, сколько насилия... Сколько от-

чаянных разлук — отцов с детьми, мужей с женами, братьев с сестрами! Сколько потерявших надежду вновь когда-нибудь увидеться с близкими сердцу. В стане персиан шла обширная торговля пленными, которых продавали дешевле всякого животного. А сколько случаев, вызывающих соболезнование, я обхожу молчанием»¹.

Пьетро дела Валле провел рукой по глазам. Шпага звонко ударилась о каменный престол. Гул, словно вопль, разнесся под церковными сводами. Жалобное эхо усилили вмазанные в стены глиняные кувшины.

Дела Валле удивленно оглянулся, вздохнул и снова склонился над посланием.

Из Карааских степей шах заманил Луарсаба на прощальный пир в Карабах. Луарсаб ясно видел игру, но он был бессилен, у него даже не было личной свиты. Кроме Баака и двух слуг, шах никого не допустил к Луарсабу.

Эрасти отправил дружинника сообщить Кериму, где находится Луарсаб. И снова закутанная в чадру Тэкле пробирается в Карабах. И снова Керим с грузинскими дружинниками едут следом, готовые каждую минуту притти на помощь отважной сестре Георгия Саакадзе. В Карабахе Керим устроил Тэкле и родителей Эрасти в отдельном доме, окруженном глинобитным забором. Сюда каждую ночь тайно стучался

¹ Грузия произвела на Пьетро дела Валле глубокое впечатление. Он решил обратить внимание Рима на Грузию с целью помочь ей и этим способствовать внедрению католичества.

В реляции папе римскому Пьетро дела Валле подробно и красочно изложил географическое и политическое положение грузинских царств и княжеств, вторжение шаха Аббаса, трагедию грузинского народа, историю Луарсаба и Теймураза (не совсем точно) и борьбу Георгия Саакадзе с Луарсабом.

Примечателен его анализ характера грузинского народа в трагический для Грузии XVII век:

«Борьба с таким могущественным врагом, как Персия, дорого стоила стране, тем более, что она разделена на части, владельцы которых не всегда были в согласии. С другой стороны, почти без артиллерии, при малом знакомстве

Керим и реже Эрасти, сообщая все новости. Саакадзе и «барсы» не ходили даже по этой улице, ибо Али-Баиндур был прощен шахом.

Саакадзе дал согласие «барсам» спасти Луарсаба.

Дато с Папуна и «барсами» подготовили побег Луарсаба. Дато нашел случай увидеть наедине Луарсаба и открыты замысел шаха — завлечь царя Картли в Иран. Отсюда еще возможно скрыться, — убеждал Дато, — дальше будет поздно.

Побег подготовили с помощью изощренной хитрости и мешков золота. По плану «барсов» Луарсаб, переодетый в персидское платье, темной ночью спустится по веревке в овраг, откуда Даутбек и Дато глухой тропой проведут Луарсаба в одинокий домик Тэкле.

И когда поднимется тревога, конечно, раньше всего Али-Баиндур бросится в погоню по Картлийской дороге. Разве кто-нибудь вздумает искать Луарсаба в заброшенной нищенской лачуге в Карабахе? А если и догадаются, все равно не найдут. Из подвала прорыта тайная дверь в овраг, заросший бурьяном и заваленный камнями. В этих камнях Эрасти и Керим устроили тайное убежище. Даже пища в глиняных кувшинах и вода спрятаны здесь, даже бурки и оружие для четырех человек.

На широкой, низкой тахте, поджав ноги, Саакадзе и Али-Баиндур играли в нарды.

с архибужерией и при многих неудобствах жизни грузинский народ цел и невредим и даже сумел сохранить свою веру, несмотря на то, что окружен со всех сторон неверными и врагами. Это особенно замечательно потому, что грузины были без союзников, вследствие того обстоятельства, что окружены двумя могущественными империями: персиан и турок, которые постоянно старались задавить их более за упорство в религии, чем за что-либо другое. Мне кажется, что народ этот не только заслуживает похвалы, но, некоторым образом, вся церковь христианская должна быть ему признательна за его добродетель и силу мужества, оказанного в многочисленных войнах, в которых то турки, то персиане уничтожали его войска; наконец, за то неизменное постоянство, что важнее всего, с каким он защищал и сохранял христианскую веру, чему не было ни одного примера».

Перед низким столиком стоял голубой кальян. Али-Баиндур, затягиваясь дымом, передвигал шашки. Но мысли начальника шахских лазучиков были направлены не столько на нарды, сколько на изыскание способа снова добиться звания непревзойденного мастера опасного дела.

Точно назло на извилистом пути Али-Баиндура все было спокойно. И недовольный хан решил прибегнуть к вымыслу, дабы омрачить слишком ясное небо над своей головой.

Игральные кости подпрыгивали на инкрустированной доске.

— Пять и пять! — воскликнул Али-Баиндур и подумал: «Какой смысл высчитывать чужой выигрыш!..» — Один и два! — «Еще одна ночь раздумья, и я рискую остаться в двух глазах шаха неудачным игроком на изменчивой доске политики Ирана!..» — Три и три!.. — «Бисмаллах! Если две дороги не приводят к источнику мудрости, надо пойти по третьей!..» — Шесть и шесть! — «Да помогут мне двенадцать имамов!..»

Али-Баиндуру сегодня на редкость везло, и он притворно радовался, беспечно смеясь и восклицая.

Игра закончилась победой Али-Баиндура.

Стан заснул. Только бесшумно шагала стража.

Караджугай-хан, совершив омовение лица и ног, собирался опуститься на мягкое ложе, но в этот момент вбежал взволнованный Али-Баиндур. На ногах болтались ночные чужаки, халат не застегнут, но на поясе висели ятаган и кинжал. Перебивая сам себя, Али-Баиндур сыпал страшные слова: на Карабах готовился нападение турок и тушин, спрятанных где-то в засаде... Они рассчитывают освободить Луарсаба. Это донесли прискакавшие пастухи-татары. Он, Али-Баиндур, предусмотрительно повелел им наблюдать за дорогами. Пастухи клянутся: тушины ведут турок обходным путем.

— О, аллах! Недаром у меня с утра болит шрам! — и Караджугай, торопливо завязывая шаровары, бросился к шаху.

Во мраке судорожно дергались факелы. Глухо бил барабан. Выбегали сонные сарбазы.

Эреб-хан любезно передал Луарсабу приглашение шаха подышать ночной прохладой...

Полночь. Словно волки, преследуют луну серые облака. Сильное беспокойство охватило Луарсаба. Он скачет рядом с мрачным Аббасом под охраной шах-сеновов. «Что еще задумал тиран?! Но, может, скоро вернемся, а там... Тэкле, моя розовая птичка... Куда же скачем, точно от погони?»

Впереди мчались факельщики, освещая темную дорогу. Шах неотступно скакал рядом. По обочинам неслись Караджугай и Али-Баиндур. Храпящие кони уносили всадников все дальше и дальше.

Луарсаб до боли вглядывался в темноту. Почему шах и он — в тесном двойном кольце кизыл-башей? Луарсаб качнулся. Точно каменная глыба упала на грудь. Хотел крикнуть, хотел вырваться, на лбу выступили ледяные капли. Он лихорадочным взором измерял пространство: скорей, скорей, Луарсаб! Еще миг и... Луарсаб дрожащими руками натянул поводья, готовясь к прыжку, но вдруг услышал полугрожающий голос Караджугай-хана:

— Осторожнее, царь, мы едем над пропастью...

Наутро иранское войско выступило из Карабаха в Мазандаран, куда неожиданно ускакал шах Аббас с Луарсабом.

Саакадзе, узнав ночью от Эреб-хана о насильственном увозе Луарсаба, сказал огорченному Папуна и взбешенным «барсам»:

— Значит, не судьба! Но не огорчайтесь, мои друзья, мы еще раз попробуем для бедной Тэкле спасти Луарсаба.

Так Керим передал Тэкле. Она без слез выслушала весть о провале побега и объявила свое намерение последовать в Мазандаран.

И снова — грязные мешки на облезлых верблюдах, заплатанные чадры и разодетый Керим с дружинниками, издали сопровождающий мужественную Тэкле.

XXXI

Каспийское море медленно перекатывает свои зеленые волны. Тонут вдали Астрабские горы. Курчавый лиственный лес словно застыл на их острых гребнях.

Беседка, переплетенная диким виноградом, утопает в красных цветах граматовых деревьев.

Георгий, по-персидски поджав ноги на низкой скамье, с любопытством следит за розовыми фламинго. Они стайками бродят по песчаной отмели моря. Вот фламинго опустил длинную шею в воду, в толстом согнутом клюве сверкнула рыбка. Просвистела стрела, взмах крыльев, и фламинго взлетел. Он вытянул вперед шею и, точно розовый крест, мелькнул в голубизне.

Молодой персианин из охраны Али-Баиндура внес ларец. Ленивым движением Георгий открыл хрустальный кувшинчик и надушил выкрашенные хной и завитые в колечки усы.

Слуга, зажигая кальян, исподлобья следил за Саакадзе. Взяв чубук, Георгий небрежно кивнул. Слуга вышел.

Не ради кальяна и благовоной уединился в беседку Георгий. Он хотел в тишине обдумать дальнейший трудный путь.

«Посол цезаря¹ предложил Ирану нанести совместный удар Оттоманской Порте, напав на Анатолию и Крым. Быть может, предложить использовать царевича Гирея? Он враждует с вассалом султана ханом Гиреем за крымский престол и бежал от гнева султана за помощью к шаху Аббасу. Но новая победа над Турцией усилит Иран и еще больше придавит грузинские царства. А если победят османы? Не захотят ли они навсегда закабалить Самцхе-Саатабаго и повторить нашествие на Картли Дели-Махмад-хана? Победит ли Иран, или Оттоманская Порта,—все равно Грузия в мусульманских тисках. Значит, необходимо столкнуть Иран и Турцию вдали от Грузии. И чем кровавее будут войны между мусульманами, тем легче задышит Грузия.

А Индия? Раджа, воспользовавшись длительным отсутствием шаха, вновь нарушил границу и отказался выполнять торговый договор. В Иране сильно вздорожали товары. Нет сомнения, сейчас шах снова захочет направить меня против Северной Индии. Хорошо, я добуду тирану чужую землю и слоновые бивни. Но я продолжаю тайную войну с шахом Аббасом. Шах хотел захватить Северный Кавказ. Знает ли Кабарда, кому обязана своей целостью?

Двенадцать тысяч сарбазов готовил бросить шах Аббас на Кумыкию и Кабарду. Но я сказал: нельзя оставлять в тылу Турцию и Имерети, тем более кабардинский князь и мурза поспешили за помощью к Руси. И вот я предвигаю шаха на опасную дорогу. На игровой доске спешно собираются новые силы... Русия. Астрахань.

Боярин Иван¹ поставил в Астрахани пятнадцать тысяч войска с огненным боем. На каждой башне по двадцати больших пушек и пищалей. Если б у меня была такая сила! Я бы склонил шаха к окровавленному стопам Грузии. У кого искать помощи? Конечно, не у Турции. А Русия? Сама еще не окрепла. Русский царь не захочет ссориться с шахом. Недаром русийские послы скачут за шахом из города в город. Помощь придет из сердца Грузии. Конечно, с турецкими послами говорить буду о необходимости войны османов с Ираном. Война оттянет шаха от Грузии, султана тоже. Надо шаху посоветовать... Бедное мое дитя Тэкле! Она сюда последовала за Луарсабом. Что делать? На картлийском троне должен быть царь объединитель...»

— Батоно, кальян потух.

В беседке стоял Эрасти.

— Мои мысли тоже, Эрасти... Кто пришел?

— Батони Даутбек. Слово имеет... Мои дружинники поливают цветы, если встретят черную розу, запоют.

Даутбек вошел, насвистывая азнаурскую песенку. Пока не раздалось щелканье соловья, восторгались величием шаха.

¹ Цезарь — император священной Римской империи.

¹ Московский воевода, князь Одоевский.

— Абу-Селим-эфенди тебя хочет видеть, конечно, тайно. — Даутбек ближе придвинулся к Георгию.

— Я уже раз отказался. Почему с тобой не говорит?

— Если в нашу пользу разговор, тогда стоит рисковать, Георгий. Если для шаха...

— Постой, Даутбек...—Георгий вскочил, глаза страшно блеснули. — Скажи Абу-Селим-эфенди, я встречаюсь с ним в полночь, в темной каве-ханэ. Пусть турок переоденется в персидское платье.

— Ты что придумал, Георгий?

— Разговор в нашу пользу... Что, Абу-Селим-эфенди продолжает разбрасывать золотые монеты сарбазам?

— Кажется, еще остались, вчера моим раздавал. «Во имя аллаха дарю беднякам» — смеялся эфенди. Я Караджугаю рассказал, он — шаху.

— А шах сказал: пусть берут. Если дает турок, почему не брать? — усмехнулся Георгий.

— Абу-Селим-эфенди об этом узнал, пожелтел.

Затем разговор снова перешел на шопот.

Из глубины сада послышалась песня мествире, привезенная сюда «барсами». Ее распевали все грузины, вспоминая Картли. Печальные грузинские песни шах запретил петь под страхом смерти.

Я вчера красавицу увидел в саду...

Всем она мне нравится. К яблоне иду...

— Паата, мой Паата!—Георгий рванулся к выходу—и вновь опустился на тахту: — Не следует молодого война приучать к нежности.

— А, может, следует? — И Даутбек зашел:

Я молил жестокою, а в ответ одно:

Любят черноокою без тебя давно.

Прискакал в духан скорей позабыть беду.
Век с подобным чувством ей продремать
в саду.

Паата ворвался шумно. Он бросился к отцу, но, заметив суровое выражение лица, поцеловал руку и сдержанно сказал:

— Мой большой отец, как хорош здесь воздух... Дядя Даутбек, я сегодня в море купался.

Даутбек любовно похлопал Паата по могучим плечам.

Георгий подумал: «От своей возлюбленной пришел, потому такой шумный. Первую любит...»

Хосро, тяжело дыша, карабкался по скалам. За ним на четвереньках полз Гассан. День был жаркий, шелковый азиям прилип к спине Хосро. Кусты ежевики раздирали руки, одежду.

— Непременно, ага Хосро, мы встретим дикого козла, — задыхаясь, проговорил Гассан.

— Ты час назад то же уверял.

— Я, ага Хосро, сон видел.

— Сон?!—Хосро оживился:—Опять гебры сбросили твоего любимого внука в святую яму?

Хосро навсегда запомнил сон Гассана в день первой встречи с Георгием Саакадзе. С той поры Хосро суеверно не отпускал от себя Гассана.

— Хороший сон, ага Хосро,—непрерывно убаю козла.

И, хотя Гассан не видел никакого сна, он начал было рассказывать о большом дереве, увешанном козлиными рогами.

Вдруг Гассан остановился, как вкопанный. Указывая дрожащей рукой, прохрипел:

— Козел!

Хосро судорожно схватился за колчан и, припав на колено, натянул тетиву.

Вдали на сером выступе сидел козел.

«Я должен убить рогатого чорта, — думал Хосро, — вчера Дато целый день ходил расстроенный. Он уверял, что стрела попала в козла, а княгиня Хорешани посмеивалась над неудачливым охотником. Я должен доказать этой пленительной ведьме, что для царевича Хосро нет недоступных козлов».

Охотничья лихорадка охватила Хосро, руки дрожали, слезились глаза, в ушах гудело. Он осторожно подползал к выступу, за ним, словно тень, Гассан. Но спустить стрелу Хосро не удалось. Козел насторожился, мотнул рогами, отскочил в сторону, прыгнул на нижний выступ и мгновенно исчез.

Гассан испуганно отпрянул и столкнулся с камнем. Гулко ударяясь о скалу,

камень скатился в пропасть. Гассан взглянул вниз и замер. Внизу, запрокинув загнутые рога, лежал козел.

— Ага Хосро, я убил козла! — кричал потрясенный Гассан. — Недаром я сон видел.

Хосро, не дослушав, бросился вниз. В расщелине лежал дикий козел, длинная стрела торчала между ребер. Хосро догадался: это тот самый козел, который вчера удрал от Дато. Он вытащил стрелу и, взвалив козла на плечи, зашагал по горной тропе. Счастливым Гассан семенил позади.

Вдруг Хосро остановился. Совсем близко слышался призывный рожок. «Шах!» — прошептал Хосро и с победным видом пошел на звуки рожка. Приближались веселые голоса. Из-за поворота вышел шах Аббас. Хосро сбросил к ногам шаха козла и низко поклонился.

Шах удивленно смотрел на Хосро. Он знал: только опытному охотнику и то очень редко удается пронзить стрелой чуткого козла. Шах милостиво пригласил Хосро сопутствовать ему на охоте...

Только ночью вернулся в свой дом Хосро. Он был счастлив. Шах повелел отрубить козлу рога, оправить в серебро и повесить в охотничьем зале Давлет-ханэ.

Хосро растянулся под шелковым одеялом, сладкая волна подкатилась к сердцу. Он вспомнил намек шаха: кто умеет бросить к ногам «льва Ирана» редкую добычу, может рассчитывать на почетное звание верного охотника шахин-шаха.

— Но не следует спешить, — закончил шах беседу, — арабская мудрость учит: «Не торопись сорвать плод, еще не налитый соком...»

Папуна сегодня с утра бродит по астрабадскому майдану. Но лазутчики Али-Баиндура не удостаивают его вниманием: от доносов на этого грузина, кроме палочных ударов, никто ничего не получит. И разве сумасшедшего Папуна занимает что-нибудь еще, кроме оборванных детей? Вот и сейчас он наполняет свой красный платок всякой

дрянью. И на Папуна не смотрят лазутчики Али-Баиндура.

Папуна часто говорит: «Эй, Пануш, Дато, Димитрий, кто сегодня хочет свободно подышать, пойдем со мной на майдан». Но сегодня Папуна, кроме сластей для астрабадских «ящериц», разыскивает еще кого-то. Наконец, он остановился у темной лавочки и громко позвал. Папуна не любил шептаться, особенно на майдане. Из лавки вышел длинный купец. Разговор был короткий:

— Нашел?

— Да, ага.

— Тащи.

Папуна вошел в лавку, положил на узкую стойку платок со сладями и стал разглядывать индусские кувшинчики с благовониями и изящные ларцы с белилами и румянами. Эти редкости однажды завез в Астрабад костоправ из Индии. Догадливый купец перекупил и спрятал, надеясь в Исфагани разбогатеть.

Не торгуясь, Папуна расплатился с купцом и опрокинул в свой необъятный красный платок драгоценную индусскую попку, вышел из лавки и направился в сторону улицы, где живут только бедняки.

Так и есть, Папуна и здесь нашел «ящериц», и они ничуть не хуже исфаганских.

«Ящерицы» его тоже нашли, и не успел Папуна вступить на грязную улочку, как со всех глинобитных заборов раздался крик: «Папуна, ага Папуна пришел!» и на улице, словно муравьи, с криками высыпали дети.

Раздав сласти из платка и ленты, четки, персидскую кисею, шарфы и шапочки из своих бездонных необъятных карманов, Папуна, вздохнув и пообещав скоро опять наполнить платок, пошел вдоль улочки, сворачивая то вправо, то влево. Наконец, он очутился на довольно отдаленной окраине. Здесь тянулись огороды и фруктовые сады. Папуна стукнул два раза медным молотком. Кто-то подошел, отодвинул крохотную деревянную задвижку, посмотрел и торопливо открыл калитку. Это был Горгосал.

Тэкле жила здесь в полузаброшенном домике с небольшим садом. Этот сад Горгосал снял в аренду и поселился с женой и дочерью. Так он сказал обрадованному хозяину, ушедшему в Мекку. Впрочем, уйти в Мекку посоветовал ему Горгосал, прибавив от себя один туман на угодное аллаху дело.

Тэкле поспешила навстречу Папуна и сразу забросала его вопросами о Луарсабе. Папуна уверил ее, что Луарсаб здоров, окружен почестями и шах даже приказал готовить для него грузинские кушанья.

Тэкле спросила о Георгии, о Паата, о «барсах» и, наконец, о Хорешани.

Папуна сказал: он пришел поговорить как-раз от Хорешани. Он вынул белила, краску и кувшинчики.

Тэкле удивленно смотрела на Папуна: неужели друг думает — сердце ее лежит к такому? Или дорогой Папуна хотел ее развеселить? Нет, она больше не нуждается в украшении.

Папуна согласился: его маленькая Тэкле никогда не нуждалась в подобном украшении, но есть женщина, которая нуждается...

— Кто?!

— Жена шаха Аббаса.

— Тинатин?! О, ведь она сестра моего царя! Папуна, дорогой друг, что ты придумал?

— Не я, Хорешани придумала. Сегодня возьмешь кувшинчики и ларец с матерью Эрасти придешь к Хорешани. Издали тебя будут оберегать Керим и Эрасти. У Хорешани соберутся «барсы», Георгий тоже придет. Ностевцы рвутся к тебе, но, опасаясь Али-Баиндура, даже мимо этой улицы не проезжают. Паата? Нет, Паата не будет. Он по молодости может проговориться.

Папуна, обогнув сады, очутился на шахской улице. Посмотрев на резные двери, охраняемые шах-севенами, подумал: «Георгий, наверно, еще здесь, надо предупредить о приходе Тэкле».

Подождав, Папуна направился к боковому входу.

Шах Аббас величественно восседал на резном возвышении. Вошли ханы.

Вошел Абу-Селим-эфенди с двумя турецкими торбашами.

Шах встретил Абу-Селим-эфенди сухо. Абу-Селим-эфенди, словно не замечая враждебности, спокойно, но настойчиво требовал от имени султана возвращения Оттоманской Порте захваченных шахом турецких городов: Дербента, Шемахи, Ганджи, Аряжа и Баку. И добавил: шах напрасно разорил Грузию, она ни с кем не воевала, жила мирно между тремя великими государствами: Турцией, Ираном и Русией.

Караджугай резко напомнил о правиле — ставить Иран на первом месте, когда перечисляют государства.

Абу-Селим-эфенди, пригладив парадно-завитые усики, мягко улыбнулся Караджугаю, но промолчал.

Совсем позабыв о турецких опустошительных нашествиях на Грузию, стал убеждать шаха в миролюбии Турции.

Шах Аббас велел передать султану: Дербент, Шемаху, Ганджу, Аряж, Баку и еще немало турецких городов он, «лев Ирана», завоевал саблею, и пусть султан, «падишах вселенной», отвоюет обратно свои города тоже саблею. Грузинские земли всегда были вассалами Ирана. А сейчас он, шах Аббас, отечески усмирлял Грузию из любви к ней, ибо по легкомыслию, за спиной кровителя, Грузия одновременно вела переговоры с Турцией и Русией.

И под смех восхищенных ханов добавил:

— Если аллаху будет угодно и ты, Абу-Селим-эфенди, благополучно вернешься в Стамбул, не забудь передать султану: ему, «падишаху вселенной», нет никакого дела до того, что ему не принадлежит.

Абу-Селим-эфенди приложил руку ко лбу и сердцу. Скользнул взглядом по тронному залу и мысленно перенесся в ахалдыхский санджак, откуда Турция бросит янычар на Горис-цихе.

На пороге, еще раз поклонившись величественно застывшему шаху, подумал: надо ускорить встречу с Георгием, сыном Саакадзе.

Тинатин, обмакнув тростник в киноварь, четко выводила на лощеной бумаге

грузинские буквы. Перед нею лежала рукописная книга легенд и сказаний Грузии. Тинатин, боясь забыть грузинское письмо, уже дважды переписывала драгоценную книгу.

Резьба красного и орехового дерева тянулась вдоль широких с разноцветными стеклышками окон. На мавританских нишах дрожали желтые, синие, лиловые и зеленые блики. Сквозь резную дверь виднелся бассейн. Мягко падала вода. На красочной миниатюре обнаженная девушка протягивала юноше чашу с вином. Жидким золотом было выведено: «Работа смиренного Реза-Аббаса»¹.

По ступенькам темной лестницы Хорешани вбежала в гарем.

Тинатин бросила тростник, радостно приветствуя Хорешани. Она нашла подругу похорошевшей, — платье очень идет к ее волосам.

Старший внуч, сидящий на низеньком табурете у выходных дверей, поддерживал Тинатин, похвалив браслеты княгини.

Хорешани, закинув голову, шаловливо рассматривала свое отражение в круглом зеркале на середине потолка.

Удобно расположившись, заговорили о красивых шелках. Хорешани похвалила новое одеяние молодой жены Караджугая. Рассказала о покупке тончайшего шелка у горбатого купца. И вдруг вспомнила о старой персианке, знающей тайну женской красоты. Вот чародейка принесла белила и благовония. Хорешани всего два дня натирала лицо, а оно уже, как взбитый белок. Старуха уверяет, — через неделю Хорешани будет похожа на луну в четырнадцатый день ее рождения.

К волшебству старухи Тинатин отнеслась равнодушно. Но Хорешани незаметно толкнула подругу, и Тинатин внезапно вспылала желанием как можно скорее приобрести необыкновенные белила, дабы солнечные глаза шахин-шаха удостоили ее благосклонным взглядом.

Хорешани вздохнула: неужели дорогая Лелу думает — Хорешани не поза-

ботилась бы о ней? Но ведьма уверяет — каждому лицу другой оттенок нужен. И если прекрасная Лелу пожелает, она завтра приведет старуху в гарем-ханэ.

Еще ничего не понимая, Тинатин рассыпалась в благодарности и молила только не забыть обещания.

Хорешани поклялась и к месту вспомнила о благовонии, сравнившим ее тело с лепестками лотоса. Пусть Тинатин сама убедится. Кстати, она изнемогает от жары, и, если Тинатин позволит, Хорешани окунется в прохладный бассейн. И сбросив пояс, она стала растегивать платье. Вдруг Хорешани обернулась и набросилась на внуча: он что, оглох? Разве не слышал? Она хочет раздеться. Евнуч, пробормотав извинения, выскользнул из вала.

Не забыть внухам злоключения старого Али из-за этой княгини. Три рамазана назад в исфаганском гареме Давлет-ханэ несчастливый Али отказался выйти, когда княгине захотелось порезвиться в розовом бассейне. Хорешани закричала: «Выйди вон!» «Ты можешь раздеться при мне» — равнодушно проговорил Али. «Бисмаллах! — засмеялась Хорешани. — Разве ты не знаешь — грузинки показывают чужим мужчинам только лицо, а не все остальное. Это у мусульман лицо прячут, а все остальное может видеть любой внуч, будто глаза ему тоже оскопили».

Хорешани вытолкнула опешившего Али из покоев Тинатин. Али побежал жаловаться. Шах, выслушав всклоченного внука, улыбнулся, позвал старого Мусаиба и повелел изгнать Али в услужение к последней наложнице, ибо внуч, удостоенный оберегать покой первой жены шаха, должен быть учтив, а не назойлив с чужой женой, не махметанкой.

Похвалив Хорешани за скромность, шах послал ей в подарок золотые коши.¹

С той поры достаточно Хорешани развязать ленту, как внучи, не дожидаясь приглашения, стремглав выбегают,

¹ Придворный художник шаха Аббаса.

¹ Коши (груз.) — банные сандалии.

ибо никто не хочет из хранителя розы превратиться в хранителя помета.

Хорешани сбросила одежду и побсела к Тинатин. Вслушиваясь в шопот, Тинатин то бледнела, то вспыхивала. Вытирая слезу, Тинатин горячо поблагодарила подругу за доброту. Да, ей нужны белила, румяна и благовония.

Хорешани распахнула резную дверь и бросилась в бассейн, за ней Тинатин.

Узнав от прислужниц о веселом купанье, прибежали и другие жены шаха.

Поплескавшись и пошалив, женщины, визжа и звонко смеясь, накинули легкие одежды и вошли к Тинатин пить кофе и есть рассыпчатые сладости.

Неожиданно поднялся ветер. Небо потемнело. Сквозь решетчатое окно ворвался морской песок. Прислужницы поспешно закрывали окна.

Ветер кружил по побережью, вздымал к небу песчаные столбы, обрушивался на море. Песок густо оседал на зелени, проникал в калитки, царалал стекла.

Но в тронном зале послы, казалось, не чувствовали духоты.

Аббас одобрительно посмотрел на азиямские кафтаны послон, на джаркеси — широкие персидские пояса. Тихонов и Андрей Бухаров были без русских однорядок.

Тихонов сумрачно осмотрел одежды ханов. Вчерашний долгий спор не помог, и вот пришлось по настойчивому повелению шаха править посольство в персидской одежде. Иначе мог бы еще месяц продержаться у шатров. А теперь за поблажку, пожалуй, хитрый «лев» отпустит, наконец, послон в Русию.

Впоследствии в Москве думский дяк Петр Третьяков в гневе выговаривал Тихонову и Бухарову, что они, неведомо кого послушав, или по своей глупости, или спьяна, но, забыв «свою русскую природу и государские чины», правили посольство в персидских одеждах, подаренных шахом, «вздев на себя по два кафтана азиямских, один кафтан наверх об одну завязку, а другой подиспод. И вы тем царскому величеству учинили не честь же: неведомо, вы были у шаха государевы посланники, неведомо, были у шаха в шутех».

Шах томил послон в Гандже долго, выжидательно. Надоел им Хосро-мирза, ходил по пятам, выслеживал, набил оскомину медовыми речами. И пока послы изнемогали от жары и комаров, шах успел полонить грузинские земли, а царь Михаил Федорович — прислать гонца Ивана Берехова с новым наказом. Пришлось снова с Андреем Бухаровым засесть за аз-буки. Все же одолели премудрость государеву. Радовались быстрому укреплению Москвы и решили неотступно по наказу Михаила Федоровича добиваться у шаха признания прав Руси на Каспийское побережье, признания Иверии частью московской короны, а также льгот русийским купцам.

Шах Аббас внимательно выслушал Тихонова. Оборона Северного Кавказа и Астрахани и надвигающаяся война с Турцией заставили шаха Аббаса ныне быть осторожнее с послами.

Говоря об укреплении Руси, Тихонов с достоинством перечислил города, в которых «позасели в смутное и безгосударное время польские и литовские люди в Дорогобуже, Вязьме, Белой, Путивле, Чернигове и иных городах и те все города царского величества бояре и воеводы ратьми очистили и польских и литовских многих людей побили и живых поимали».

Говорил Тихонов и о пленении десяти тысяч поляков и литовцев, о множестве среди них полковников, ротмистров и капитанов.

Помолчав, увесисто добавил:

—«...и Смоленск от польского короля отобрали, а его самого из русийских земель выгнали».

Шах Аббас, выслушав толмачей, растроганно поднял глаза и пожелал Михаилу Федоровичу с помощью алаха и впредь одолевать всех врагов.

Шах заверил послон в желании быть с Михаилом Федоровичем «даже в большой дружбе и сылке», чем с царем Федором Иоанновичем и Борисом Годуновым. И золотом, и войском хочет он делиться со своим братом.

Переговарив о землях и торговле и добившись уступок, Тихонов заговорил о выдаче русийскому посольству Ивана

Хохлова и других астраханских заговорщиков, присланных к шаху Аббасу атаманом Заруцким.

Шах, вспоминая Марину Мнишек, повелел послам от его имени передать царю Михаилу просьбу помиловать астраханцев. Тем более, добавил шах, в Московском государстве люди нужны, ибо за двенадцать лет войны много людей побито.

Тихонов, выслушав толмачей и чувствуя за собой силу Терека и Астрахани, добродушно прищурился: великий государь наш Михаил Федорович милостив и для своего брата, шах Аббасова величества, вину с Хохлова и его людей снимет. А насчет двенадцатилетней войны, то правда: «многие люди побиты, а иные в то место родились. И без войны на которое государство бог гнев свой пошлет падеж на люди бывает, а иные в то место родятца и государство людми полнитца. Так и ныне у государя нашего царя и великого князя Михаила Федоровича всяя Руси самодержца и бодроопасным правительством и премудрым разумом ратных людей много».

Тихонов украдкой посмотрел на Бухарова. Подьячий понимающе усмехнулся. Есть у него, Бухарова, сыновья — восемь в конном строю, трое в пешем, двое гоняются за голубями на Сивцевом Вражке, а четырнадцатый в колыбели питит.

Шах с мнимым спокойствием выслушивал толмачей, передающих просьбу Тихонова отпустить Луарсаба в Картли, обязав данью.

Тихонов напомнил: грузинские земли с давних лет находятся под высокой рукою государей Руси.

Шах удивленно приподнял брови, развел руками: царь Луарсаб — брат его первой жены и здесь почетно гостит. Пусть насладится охотой и к осени, иншаллах, вернется в Картли.

По знаку шаха Караджугай быстро откинул парчу, торжественно взял ковчегец.

Послам перевели: в знак искренней любви шах посылает брату своему частицу «хитона господня», взятую в Мцхетском храме.

Послы знали и сокрушались о пленении ковчегца. Сейчас они сочли дар шаха за большую победу русского посольства.

Тихонов и Андрей Бухаров с трудом скрывали ликование. «Филарет освятит в Покровском соборе, что на Красной площади, святыню» — думал радостно Бухаров, едва сдерживая желание перекреститься.

На этом приеме больше не говорили о грузинских делах.

Безлунная ночь.

На каспийских волнах покачивалась рыбацкая лодка. Тревожно прокричала птица. Лодка причалила к берегу. Из камыша вышел закутанный в плащ Абу-Селим-эфенди и сбежал вниз. Легко ударило весло, плеснула вода, и снова тихо.

Скрывавшиеся в зарослях тронули поводя. Кони с обвязанными копытами бесшумно ступали по песку.

— Пора! — шепнул Георгий.

На полуостровке то вспыхивал, то потухал огонек. Здесь днем искали прохлады, кофе и встреч купцы Астрабада. Здесь ночью таинственные люди прятали товары, считали монеты. Это каве-ханэ и ночью, и днем называли «Путеводной звездой».

Абу-Селим-эфенди еще плотнее натянул плащ, легко выпрыгнул из лодки и, нащупывая на поясе ятаган и два пистолета, осторожно направился к «Путеводной звезде». Он обогнул каве-ханэ и вошел в низенькую дверь.

В комнате с окошком, выходящим на море, его ждали Георгий, Даутбек и Дато.

Абу-Селим-эфенди удивился. Он пришел один и думал встретить только Саакадзе. Разве это тайна, если о ней знают больше чем двое?

Георгий нахмурился. И его друзья не хуже Абу-Селим-эфенди умеют оберегать тайны.

Прикрыв ставень, Абу-Селим-эфенди накиннул на дверь засов и придвинул табурет. Он напомнил Георгию о давнишнем предложении везира Азам-паши перейти на сторону Стамбула:

— Чем шах отблагодарил сардара Саакадзе? Разорением его страны? Везир предлагает помощь против шаха.

Абу-Селим-эфенди подробно описывал, какие блага ожидают Саакадзе в случае его согласия стать во главе войск Восточной Турции. Он сулил богатые владения, драгоценности, толпы невольников, табуны берберийских скакунов и, наконец, звание паши.

Саакадзе усмехнулся: Абу-Селим-эфенди хороший инжир, он десять Баиндуrows вокруг усов обведет.

Было тихо. Никто не нарушал задумчивости Саакадзе. Стыл черный кофе в фаянсовых чашечках. Наконец, Георгий медленно заговорил:

— Крупную игру предлагаешь, Селим-эфенди, но где послание везира? За золотые обещания, парящие в облаках, можно проиграть голову.

Напрасно Абу-Селим-эфенди уверял — только осторожность вынудила везира воздержаться от послания. Напрасно клялся, предлагал в залог ценности.

Саакадзе насмешливо оборвал:

— Разве мне ценности нужны? Разве можно соблазнить полководца конями? Разве мой дворец не переполнен невольниками? А разве почести не отягчают мои плечи? Нет, Селим-эфенди, только жажда мести за родину, за нарушение шахом обещания щадить грузинский народ поколебала мою преданность. Но юность Георгия Саакадзе давно прошла, а зрелость подсказывает метать копье наверняка. Нет, эфенди, в руках я должен иметь твердое доказательство, и... будем говорить открыто: если задумаешь вероломство, вместе погибнем. В этом мое последнее слово.

— Пусть будет, как сардару подсказал аллах... Послание привезу, но знаешь ли, чего хочет от тебя Азам-паша?

— Думаю, эфенди, не посещения его любимой наложницы?

— Ты угадал, ага Саакадзе, везир хочет с твоею помощью отвоевать от шаха турецкие города.

— Я уверен, мой эфенди, не только на это рассчитывает великий везир.

— Ты угадал, ага Саакадзе, не только на это. Но раньше везир хочет получить знак дружбы. Пошли в Стамбул одного из твоих сыновей.

— В аманаты?! — вспыхнул Дато. — Неужели везир думает — грузинки рожают сыновей только для Ирана и Стамбула?

Георгий пристально посмотрел на эфенди:

— Может, великий везир прав, я не против, но пусть и везир для взаимного доверия пришлет мне сына.

Абу-Селим-эфенди побледнел. Он с изумлением смотрел на жестко улыбающегося Саакадзе: «Как осмелился этот грузин прикоснуться к имени полновластного господина Османской империи? Разве посмею передать подобную дерзость? Нет, моя голова слишком нравится ассирийке. Всего три месяца, как я, наконец, получил невольницу от султана в обмен на гречанку и двух арабских жеребцов. А сколько золота пришлось заплатить евнухам, убедившим султана в уродстве ассирийки? И, даже не насладившись сорванным апельсином, поставить голову под меч везира?! Этот грузин просто ослеп. Но как выманить сына у Саакадзе? Абу-Селим-эфенди вдруг оживился:

— Великий везир уступит желанию Саакадзе. На границе Самцхе-Саатабаго обменяемся аманатами.

— На какой границе рассчитываешь встретиться? — насмешливо переспросил Даутбек.

— Я рассчитывал — вы к тому времени уже вернетесь в Картли.

— Место обмена назначу я. — Саакадзе одним глотком опорожнил чашку кофе. — Красавца ага Османа, старшего сына везира, я знаю лично. В сражении под Багдадом ему было не более восемнадцати лет, но ага Осман дрался, как сын полумесяца. Я пощадил его, ибо Паата тоже сражался рядом со мной. Думаю, ага Осман мало изменился. Передай везиру, взамен его гордости, я тоже отдам лучшее — Паата Саакадзе. Но, если Азам-паша замыслил предательство и Паата погибнет, Осман будет предан мучительной казни.

Бледный эфенди ниже опустил голо-

ву. Перехитрить Саакадзе не удалось, а он радовался возможности подменить Османа сыном своего раба. И вспомнил послов князя Шадимана — Джавахишвили и Цицишвили: видит аллах, с ними было легче сговориться.

Саакадзе оборвал слишком длительное молчание. Он напомнил — до обмена еще многое надо продумать...

В узкую щель пробивался зеленоватый рассвет. Заговорщики встали.

Абу-Селим-эфенди приоткрыл ставень и проводил взглядом мелькающих в прибрежных камышах трех всадников. Вдохнул морскую свежесть, ударил ятаганом по табурету.

Вошел турок. Осторожно погасив светильник, перегнулся через окно и тихо свистнул. Плеск воды. Причалила лодка.

Абу-Селим-эфенди бросил на стол золотой, проверил пистолеты и выпрыгнул из окна в лодку.

Георгий прошел вдоль глубоких овальных окон и лепных стен с деревянной резьбой на рамах зеркал. Он останавливался у простенков, машинально разглядывал на фресках птиц, запутавшихся в цветах. «Сейчас шах войдет сюда. Конечно, недаром позвал меня до приема послов...»

Пристально стал вглядываться в нарисованных на стенах шахов: коренастого, который рубил бенгалийского тигра, и бронзобородого, заколовшего кинжалом вепря. Неистово устремились в погоню за рысью разгоряченные гончие... «Да, Мухран-Батони остался верен Луарсабу... Почему я ищу дружбы с Мухран-Батони? Войско, войско мне нужно!»

Георгий прошелся, тяжело ступая по косям клеткам аспида и мрамора. Остановился перед аркой. На возвышении, в глубине, под голубым ковром утопала в золототканых мутаках шах-тахта. Знаки иранского зодиака мерцали на лепном потолке: солнце с лицом персидской красавицы над густогривым львом.

Беспокойная роскошь, до боли режущая глаза. Воздух, пропитанный пороком и благовониями, царапал горло.

Георгий в тревоге оглянулся и вдруг почувствовал себя частицей шахской роскоши.

В гневе отпрянув, прислонился к нише. Глаза его встретились с глазами нарисованного шаха Аббаса. Какой холод, словно кусок льда скользнул по спине! Бросился к простенку. Из зеркальной глади выплыло отражение медленно отворяющейся двери. Стремительно повернулся и склонился до пола.

— Сядем, — сказал шах Аббас, опускаясь на шах-тахту. — Говори!

«Не все скажу» — подумал Георгий, прикладывая руку ко лбу и сердцу...

Шах долго совещался с Саакадзе, и, растроганный, преподнес ему звезду со своей чалмы.

В полдень шах Аббас на прощальном приеме был до приторности любезен с послом Стамбула. Он подарил Абу-Селим-эфенди дорогое оружие и пожелал гладкой дороги.

Абу-Селим-эфенди захлебнулся в изысканных благодарностях и заверениях. Посол клялся в искреннем намерении Оттоманской Порты мирно разрешить с Ираном спорные вопросы.

Шах повелел передать султану, что Ираном управляет добрая воля шаха Аббаса. И сердце «льва Ирана» наполнится солнцем, когда рука подпишет ирано-турецкий фирман о вечном мире между двумя великими мохамметанскими странами.

Абу-Селим-эфенди склонился до земли и попросил разрешения шах-ин-шаха привезти ответ султана в Исфагань.

Хорешани и закутанная в чадру Тәкле вошли в гарем. Тинатин нашла, чем занять всех прислужниц в комнате, где хранились ее одежды. Евнухи сидели у наружных дверей. Но они не утруждали себя подслушиванием, ибо Хорешани громко восхищалась белилами и благовониями. Старуха не обманула — плечи Хорешани стали мягче бархата, а груди благоухают. Вот она сейчас разденется, и дорогая Лелу убедится в волшебном свойстве благовония.

Услышав «разденусь», евнухи пересели подальше, дабы какой-нибудь враг, желающий занять их почетные должно-

сти, не донес Мусаibu о нарушении воли шаха.

Посмотрев в тайную щель, Тинатин улыбнулась и, плотно задернув шелковый полог, пригласила Тэкле в мраморную нишу.

Тэкле устало опустилась на тахту и откинула чадру.

Тинатин вскрикнула. Она знала о необычайной красоте Тэкле, и все же была потрясена.

— О, моя бедная сестра, почему наш милостивый бог послал тебе столько испытаний?!

— Я слышала от моего царя, сколько добра, дорогая Тинатин. Молю, спаси Луарсаба.

— Тэкле, чем заслужила твое недоверие? Если б могла ценою жизни спасти Луарсаба, разве остановилась бы?

— Тогда почему молчишь? Я думала из страха. Моли шаха Аббаса, припади к ногам, облей слезами его ступни! О, Тинатин, жизнь Луарсаба стоит больше, чем наши страдания... Помогите, будь смела, ибо тебе ничто не угрожает...

— Тэкле, моя Тэкле! Неужели думаешь, я не молила шаха? Не целовала полы его одежды, не обливала слезами ступни его? Тэкле, Тэкле! Ты не знаешь персиан, они не любят рыдающих женщин, это уродует... Они не любят мольбы за другого, — хотя бы за отца и брата, — это вызывает у них подозрение.

— Нет, Тинатин, не поверю. Любимая жена может найти способ умиливать мужа... Обещай мне, Тинатин!.. Заклинаю Сефи-мирзой!..

— Нет! Нет, Тэкле, не трогай моего сына! Молчи, моя бедная сестра... Сделано все — буду молить, рыдать буду... Нет, не упоминай моего сына...

Тинатин дрожала, глаза были полны слез, грудь порывисто поднималась.

Тэкле внимательно посмотрела на Тинатин: «Скорбная женщина, ее единственное утешение — сын. Но у меня нет и утешения... Я одна! И Луарсаб один!»

Тэкле встала. Тинатин обняла ее и вдруг опустилась на колени и покрыла руки Тэкле поцелуями и слезами...

Так они расстались. Но Тэкле знала — Тинатин будет молить шаха.

В покоях Тинатин тихо. Перед ней лежат белила, румяна и благовония, оставленные Тэкле.

Крупные слезы катятся по бледным щекам Тинатин...

Корабль расцвел флагами. Заколыхались паруса. Над бугшпритом прибили герб Москвы. Канатами закрепили по-походному пушки. За бортом скользили лодки, слышалось: «Табань, обе! Табань, правая!» С лодок на палубу поднимали просмоленные бочонки с пресной водой, сельдями, вином, сухарями. В трюме самарские стрельцы укладывали тугие тюки с шелком, персидский перец, индийскую корицу.

Дул боковой ветер. Путь предстоял долгий: от берегов гиланских на Астрахань.

Моряки в закатанных полосатых штанах убирали палубу. Ждали сигнала поднять якорь.

Послы расположились в каюте. Тихонов скинул опашень, оставшись в легкой, расшитой петушками рубахе. С наслаждением потянулся, наполнил чарки ганджинской арыкой, протянул Бухарову. Выпили, крикнули, сели за дело.

Утром, наконец, были на отпуском приеме. Шах милостиво поднял золотую чашу за здоровье Михаила Федоровича. Выпил, опрокинул чашу и растроганно сказал: «Услышит меня аллах, пусть ни одного врага не останется у моего брата, как не осталось в чаше ни одной капли». Потом жаловал из своих рук чашу Тихонову. И ели овощи. Караджугай, придвинув послам пупырчатые огурчики, спросил: сколько в походе бывает у царя московского ратных людей? Тихонов, небрежно закинув в рот огурец, подумал: «Сочная овощь, хорошо б семена к себе завести». И ответил под хруст огурца: «Конных и нарядных людей со сто тысяч, конных без наряда тысяч пятьдесят, пеших с огненным боем тысяч шестьдесят. А их кроме — люди Казанского царства, холмогорские и сибирских земель».

От Тихонова не укрылось удивление ханов, а шах старался утаитьговор с астраханским вором. Астрологи и философы персидские, лукавил шах, за много лет предсказали вступление на московский престол великого государя по имени Михайло, счастливого в войнах и обладателя многих земель. И поэтому он, шах, послал в Астрахань купца Муртазу и наказал разведать — не воцарился ли уже в России царь Михайло. А узнав об этом, возликовал, сердце солнцем наполнилось, ибо сбылось мудрое по звездам гаданье философов и астрологов иранских.

...Посмеялись над хитростью шаха. Бухаров развернул свиток, обмакнул гусиное перо в зеленые чернила. Завели роспись дарам шаха Аббаса царю Михаилу. Сверили через толмачей с персидской записью.

Росписи сошлись. Проверили замки на сундуках. Разложили по скамьям подарки, полученные от шаха. И тоже сверили по спискам.

Бережно сложили до показа думским боярам.

Бухаров наполнил чарки гиянским вином. Выпили, поморщились. Сплюнув, понюхали сухарь. И принялись за самое чтение грамоты шаха Аббаса царю Михаилу Федоровичу. Выбрав толмачей за дубовый перевод, еще раз перечитали. Порадовались льстивой речи шаха. Он сравнил Михаила Федоровича со звездой Муштери и солнцем, на небе сияющим. Сравнил с государями беграмским, ферсидунским, хаканским, царем Александром Македонским и Дарием, — коим подобен Михаил Федорович величеством, державою, богатырством, славою и бодростью. Желал, чтобы бог устроил всякое дело государю государей, по праву царского престола достигшего, самодержцу, исусова закона великому царю...

В грамоте было подтверждено все сказанное шахом Аббасом на приеме послов. Но Тихонов еще раз с удовольствием прочел.

Сверху доносилась песня. Тихонов вздохнул полной грудью, размашисто погладил бороду. Послушав, он и Андрей Бухаров поднялись на палубу.

У борта под шум моря пели стрельцы:

Хороша за морем травка,
А рябина у крыльца.
Уж ты, девка-раскрасавка,
Встреть самарского стрельца,
Удалого,
Молодого,
И с пищалью у плеча,
Золотою,
Боевою,
Что, как девка, горяча.

Ох, ты голубь-голубочек,
Соловейко-соловей!
Крепкий мед хлебнем из бочек,
Нам бы в Астрахань скорей!
В сине море
Выйдем вскоре,
Буйно плаванье — краса!
На просторе,
В переборе
Заиграют паруса!

Привезем тебе обнови,
Бирюзу носи в ушах!
Мы за Русь стоять готовы,
Знают то султан да шах!
Эх, в долине
На калине
Заплясал широкий лист...
Мчи к Олине,
Море сине,
Гей, свисти, стрелецкий свист!

Тихонов дивился оранжевым переливам заката. Широконосые птицы провозжали корабль. За кормой пенилась легкая волна. Вдали, в темном мареве, таяли гиянские берега.

На камне, забрызганном соленым прибоем, сидел Хосро. Он смотрел вслед уходящему кораблю и радовался: одна забота — наблюдение за северными людьми — свалилась с его плеч.

Предстоит возвращение в Иран. Что дальше? Саакадзе остыл к нему, но нужен ли царевичу теперь усатый «барс»? Благодаря неудачной охоте Дато на дикого козла Хосро-мирза твердо стал на доску «ста забот» шаха Аббаса.

Он, Хосро, подобен этому камню, который с каждой бурей становится все чище и привлекательнее. Ему повезло и не участвовать в кровавом нашествии на Грузию, и попасть в милость шаху. Баграт! Какой он царь?! Этому скряге только и торговать белыми конями и

розовым маслом. Луарсаб?! Не вернется больше в Картли.

О, аллах! сколь глупы люди. Разве ему, Хосро, повредило мохамметанство? Разве еда потеряла вкус, а питье перестало утолять жажду? Напрасно Саакадзе рассчитывает, что я, получив картлийский трон, сниму чалму. Нет, Хосро-мирза не сделает этой глупости. И имея шаха соседом Грузии, выгоднее клясться в верности Мохаммедом, а не Иисусом.

Шах Аббас обедал у Тинатин. В последнее время шах снова предпочитал Тинатин даже юным красавицам гарема. Он никогда не скучал у Тинатин. Постепенно стал доверять Тинатин дела Ирана, прислушивался к ее советам. Шах любил Тинатин. Ни у одной жены и наложницы он не был так спокоен за свою жизнь. В ее покоях он с аппетитом поедал яства, пил незапечатанную холодную воду, безмятежно погружался в сладкий сон и всегда уходил от Тинатин веселым.

Сегодня Тинатин казалась шаху особенно приятной. Легкое розовое платье, обшитое бирюзовым атласом и вышитое нежными фиалками, необычайно шло к ее лучистым глазам, и исходящий от плеч нежный запах лотоса нравился шаху.

— Наш Сефи совсем мужчиной стал, жену берет, потом, иншаллах, потянется к наложницам.

— Мой великий повелитель, наш Сефи только ростом мужчина, душой он младенец. Ни одна недостойная мысль не омрачает его покойную юность.

— Аллах, как мать пристрастна! Но отец более внимателен. Сефи умнее, чем старается казаться.

Тинатин внутренне ужаснулась. Она вспомнила, как год назад шах, заподозрив своих сыновей от наложниц в измене, повелел одного убить, а другого ослепить. Как тайно убивались бедные матери, не смея выказывать свое горе. Но Тинатин не выдала тревоги, она нежно улыбалась грозному шаху:

— Ты прав, мой повелитель, но разве у шаха Аббаса может быть другой

сын? Не хочу обманывать, мой повелитель, только с рождения Сефи сердце вспылало горячей любовью к тебе. День и ночь оно ждет могучего супруга. Есть ли в мире большее блаженство, чем быть твоей рабой!

Шах, довольный словами Тинатин, улыбнулся. «Она права, разве шах Аббас может иметь уродливого и глупого сына? Надо будет Сефи показывать послам, пусть разносят по чужим странам, какой у «льва Ирана» львенок... Сефи — мой сын и моей верной Лелу, она воспитала его в любви и благоговении ко мне».

Тинатин, читавшая мысли страшного мужа, улыбнулась и обвила упрямую шею Аббаса нежной рукой. Она проникновенно говорила о цветах, о звучности стиха Гафиза, говорила обо всем, что могло бы отвлечь мысли шаха от Сефи.

Шах любовался игрой глаз Тинатин и решил вознаградить ее:

— Я, наконец, отпустил деревянных русийских послов и теперь могу исполнить просьбу моей Лелу: завтра Луарсаб навестит тебя.

Сколько лестных сравнений произнесли уста Тинатин в благодарность за несравнимую доброту! О, она одна познала сердце грозного победителя османов.

— Шах-ин-шах, твоя раба обезумела от любви, иначе чем объяснить ее дерзость?

Шах, упоенный словами Тинатин, чувствовал себя помолодевшим. Он гладил ее мягкие плечи, гладил красные косы.

— Аллах видит, моя Лелу, я люблю Луарсаба, но почему он не похож на тебя?

— Шах-ин-шах, твоя доброта может сделать Луарсаба рабом «льва Ирана». Молю, испытай его, верни в Картли... Вспомни мои слова, не совсем доверяй этому страшному человеку Георгию Саакадзе. Он мстит Луарсабу из мелких чувств.

— Я никому не доверяю, кроме Лелу, но аллах не поворачивает сердце к твоей просьбе, ибо это может быть во вред Ирану... Ты мать моего наследни-

ка и должна желать блеска и сильного трона своему сыну.

— Не говори так, мое солнце, не наноси раны сердцу Лелу. Сыну нашему еще слишком рано думать о троне. Да состарится он в почетном звании твоего наследника. И разве Иран смеет мечтать о ком-либо, кроме «льва Ирана»? Кто поднял из разоренного персидского царства могучий Иран? К кому еще из шахов стремились послы всех земель? Да пошлет и мне аллах милость видеть еще сто лет моего повелителя в блеске и славе. Да пошлет милость закрыть глаза раньше, чем зайдет «солнце Ирана».

— Верная Лелу, ты растрогала меня, взволновала. Уступаю твоим мольбам. Уговори Луарсаба принять мохамметанство, и я верну ему Картли и народ картлийский верну.

Вскрикнула, всплеснула руками Тинатин и, упав к ногам шаха, стала целовать его одежды, ноги... Она смеялась звонко, шептала слова, полные страсти и любви.

Тинатин охраняла жизнь сына, Тинатин вымаливала трон Луарсабу.

А под окнами в саду беспечно развлекался Сефи-мирза.

Слуги передвинули золотую сетку.

Сефи-мирза бросил мяч и снова не попал:

— Тебе сегодня везет, мой возвышенный друг, — засмеялся Сефи.

— Нет, снисходительный Сефи-Мирза, ты умышленно скрываешь свою ловкость. Завтра доиграем, — сказал Паата, бросая мяч слуге. — Вот, хотел спросить...

— Говори, любезный Паата, ибо все твои слова одинаково ласкают слух.

— Понравилась ли тебе, мой крововитель, Циала? Ее Хорешани взяла у Мусаба.

— Она прекрасна.

— О, мой Сефи-мирза, любовь Циалы заликает сердце сладостью... Но почему красивый из красивых не выбрал себе наложниц из пленниц? Разве не все девушки мира сочтут за счастье опуститься на твою ложе?

— Благосклонный друг, твое снисхождение утешительно, ибо, пока жив

красавец Паата Саакадзе, — да живет он вечно! — только ослепшая может предпочесть Сефи-мирзу.

— Мой высокий друг, такая шутка достойна более благородных ушей... Не сочти меня назойливым... Заметил одну...

— Нет, дорогой Паата, моя мать, прекрасная из матерей, выпросила у шахин-шаха плененную черкесскую княжну. Я видел черкешенку в покоях моей матери, она навсегда овладела сердцем Сефи. Шахин-шах обещал в Исфагани отдать мне Зарему... Хочу остаться верным моей жене.

Сефи-мирза посмотрел на солнце: сейчас мать одна. Он поспешил в покои Тинатин. Его всегда тянуло к обожаемой матери, тем более сейчас: там жила его первая любовь. Правда, Зарема появлялась на мгновение, будто случайно, но, аллах, каким зеленым огнем горели влюбленные глаза черкешенки, как трепетали алые губы, как легко вздымалась девичья грудь.

И Сефи поспешил в покои Тинатин.

Откинув легкое покрывало, Хорешани прыгнула с постели и взволнованно зашагала по опочивальне.

Сегодня Луарсаб встретится с Тэкле. Что, если проклятые внухи догадаются? Хорешани поежилась. Жаль бедную Тэкле, погибнет... Шах не упустит случая унижить Луарсаба и отдаст Тэкле в гарем самому противному хану. А Тинатин? Погибнет и она! Подозрительный шах задушит ее или отдаст в служанки самой жестокосердной наложнице. Положение первой жены, завоеванное многолетними страданиями, будет навсегда потеряно. А что будет с бедным Сефи-мирзой?.. Стоит ли рисковать? О себе нечего и думать. Шах, конечно, заподозрит всех в заговоре на жизнь «льва Ирана». В таких случаях перс не миндальничает ни с сыном, ни с женой, подавно с женой другого. Так стоит ли рисковать за один час встречи несчастных? Стоит, ибо она знает: это последняя их встреча.

Хорешани с непривычным беспокойством отбросила одно платье, другое.

Циала угодливо подавала ей вуаль, браслеты, выбирала ленты.

Хорешани смотрела на расцветшее лицо девушки, и крепла надежда — все пройдет благополучно.

Эту каралетскую девчонку она выпросила у Мусайба. Пожалела юность, но плут Паата решил, — Хорешани для него постаралась.

Узнав о «грехе» Циалы, Хорешани улыбнулась, потом нахмурилась: надо наказать, иначе все девушки потеряют совесть.

— Я тебя от гарема зачем спасла? Хотела в Картли родным вернуть, а ты как меня отблагодарила? Думаешь — этот глупый мальчишка Паата собирается на ком-нибудь жениться? Где твой стыд? Без церкви на ложе мужчины легла.

Девушка смотрела на Хорешани счастливыми глазами.

«Без церкви и с церковью совсем одинаково, — подумала Хорешани, — все же надо ударить... по щеке не стоит, знак останется...» — И Хорешани постаралась не очень сильно дать подзатыльник.

Циала поймала ее руку и осыпала поцелуями. Хорешани вздохнула, пробурчала: «Кукушка». Выйдя из комнаты, вслух сказала: «Не она «кукушка», а я. Когда кот в доме, — не держат открытым молоко».

Так закончились нравоучения Хорешани. Она подарила Циале несколько платьев и приказала почаще мыть голову, иначе в таких густых косах может завестись нечисть.

Наконец, Хорешани оделась. Сейчас придет Тэкле. Хорешани остановилась на пороге... Нет, страх за близких — не трусость... Она позвала слугу и велела приготовить закрытые носилки.

Луарсаб сидел в покоях Тинатин. Она счастлива: до захода солнца будет гостить у нее любимый брат.

Какие яства приказала Тинатин приготовить! Какие сладости! Ледяной жупел! В бассейне вылила драгоценные благовония. Быть может, Луарсаб захочет освежиться... В прохладной нише

бросила атласные подушки. Быть может, Луарсаб захочет отдохнуть...

Они сидели, обнявшись, говорили и не могли наговориться.

Тинатин любовалась братом, восхищалась его умом и торопливо передала предложение шаха Аббаса.

Луарсаб удивленно поднял брови: Тинатин предлагает измену церкви? Временно? А разве церковь прощает богоотступников? Ради народа? А разве народ просит об этом?

Тинатин в слезах умоляла, убеждала, напоминала о предках, ради царства свершавших страшные дела. Пусть Луарсаб пойдет на подвиг! Церковь одобрит и отпустит грех. Народ? Но разве народ управляет царем, а не царь народом? Вот князья приняли мохамметанство, а разве народ не так же им до земли кланяется? Как посмеет народ поднять голос против властелина?

Луарсаб грустно улыбнулся: Тинатин совсем мохамметанка. Ее царь — властелин, а не раб князей. Народ! Конечно, народ наружно смирится, молча проглотит все, что бросит ему господин. Но Багратид Луарсаб хочет народного поклонения, хочет поддержки церкви, да и сейчас, без поддержки церкви, князья не дадут ему снова воцариться на картлийском престоле. А разве войско не народ? Баграт изменил церкви и, если даже — не допусти, Иисус, — он овладеет картлийской короной, все равно царем не станет... Церковь не признает мохамметанина, значит, и народ... Что? Что говорит Тинатин?! Тэкле?!

— Сжался, мой брат, умоляю, сжался над Тэкле!

— Что говоришь, Тинатин?! Ты не видела моей Тэкле, не знаешь ее сердца.

— Не видела? Она сидела здесь...

— Здесь?! Моя Тэкле?! О, говори, говори!..

— Она молила помочь вернуть Картли царя Луарсаба... Ради возвышенной Тэкле не противься воле шаха.

— Нет, Тэкле не потребует от меня столь страшной жертвы.

— А если потребует?

Луарсаб смотрел на Тинатин, боясь спросить, боясь услышать предрешен-

ное. «А если потребует, — повторил он мысленно, — тогда я, значит, не постиг глубины души моей Тэкле, тогда последний свет померкнет для меня... но я...»

— А если потребует? — настойчиво повторила Тинатин.

— Исполню, — медленно произнес Луарсаб.

За дверью послышался веселый голос Хорешани. Луарсаб невольно откинулся за выступ ниши. Хорешани, слегка поддерживая Тэкле, вошла, заслонив собою дверь. Тэкле вскрикнула. Чадра черной тенью соскользнула на пол. Взметнулись руки, Луарсаб сжал трепещущую Тэкле.

— Сюда, сюда! — взволнованно шептала Тинатин, вталкивая их в нишу. Она плотно задернула полог. Быстрый взгляд, и Хорешани, с нарочитой медленностью открыв дверь, сказала:

— Знаю, не любишь, здесь подыму льяно.

Тинатин, задернув на дверях легкую шелковую занавесь, бросилась к бассейной комнате. Она прислонилась к дверям, решив защищать порог. Конечно, в бассейн никто из жен и прислужниц не войдет, ибо она предупредила—Луарсаб будет освежаться в бассейне. Но могут войти евнухи — и тогда?... Нет, Хорешани не допустит гибели всех...

И точно, Хорешани, закрыв за собой дверь, опустила на низенький табурет, широко раскинув пышную юбку. Если кто вздумает пройти, должен или попросить Хорешани подвинуться, или наступить на юбку и даже толкнуть в плечо. Но кто посмеет?

Хорешани попросила кальян. Евнухи бросились исполнять желание опасной княгини.

Хорешани досадовала: она не знала, что у царственной Лелу высокий гость. Она не хочет мешать. Старуха — другое дело: почти слепа и глуха. Трудно ей приходиться лишний раз, еле ноги волочит. Добрая Лелу усадила чародейку в нишу, там она толчет снадобья, пробуя цвет на руке царственной Лелу.

Хорешани, изящно держа чубук, окуталась голубыми кольцами дыма. Она рассказывала евнухам, что и в Картли любила душистый дым, но в Иране кальян ароматнее... Зато в Картли есть загадочный мастер. Он придумал зеленый дым, и, когда куришь, по воздуху плывут причудливые облака, сквозь которые сверкает рай Мохаммеда. Можно вызвать и другие видения, стоит только подмешать в кальян желтый и черный порошок. Тогда плывут древние витязи в золотых панцырях на черных конях... И еще можно подмешать красный, лиловый и оранжевый цвет. Тогда проплывает сад с разноцветными птицами... Есть птицы с двумя головами и одной лапой, есть — с тремя головами и с взбитым розовым пухом вместо хвоста, есть — совсем без головы, но с острым хвостом, словно шайтан вытянул... Есть круглые, как бычий пузырь, с одним крылом на спине. Есть рыбоподобные, но с конским хвостом, а есть с лицом женщины и с хвостом тигра.

Хорешани пустилась в подробное описание пятидесяти пород птиц из дыма кальяна.

Евнухи изумленно слушали...

— Но самая удивительная птица — черный орел на белой вершине. Как, евнухи не знали о белой горе в Картли?! И о появлении черного орла?! Но ведь об этом кричат майданы всех земель! О, аллах, почему нигде не сказано, что делать с невеждами?!

Рассказ о черном орле потряс евнухов. Они зачарованно смотрели в рот Хорешани, стараясь не упустить ни одной подробности.

Хорешани украдкой следила за песочными часами. Только два часа прошло...

— ... Душа моя, уже два часа прошло, куда время спешит? — и Луарсаб снова покрыл лицо Тэкле поцелуями.

— Дети мои, пора, Хорешани охрипла, — произнесла Тинатин, раздвинув полог. — Пусть эта встреча продолжит вашу счастливую жизнь.

Луарсаб побледнел. Тинатин оборвала прекрасный сон. Он обвел взглядом разрисованные стены и порывисто схватил руки Тэкле:

— Ради тебя, моя гордость, готов на все. Помни, от тебя зависит дальнейшая наша жизнь.

— Если от меня, светлый царь, она будет прозрачна, как родник.

— Тэкле... Тэкле! Моя любовь безмерна... Твое одобрение или осуждение может поколебать самые твердые намерения... Скажи, и так поступлю.

— Говори, моя любовь, сердце Тэкле никогда не солжет.

— Шах Аббас предлагает вернуть мне Картли...

Тэкле вскрикнула, схватила руку Луарсаба. Она задыхалась, радостно смеялась, говорила о конце их страданий, о друзьях и врагах, о счастье картлийцев, о лучшем царе Луарсабе. Она рисовала радостную картину их возвращения и царствования...

— Повтори, мой светлый царь, повтори! Твои страдания закончились? Это не сон? О, мой царь, почему твое лицо стало похоже на белую розу? Ты пошутил, царь?

— Нет, моя Тэкле, шах предлагает вернуть мне царство, но... если я приму мохамметанство...

Тэкле отшатнулась. Она молчала.

— Я поступлю, как захочет моя Тэкле.

Тэкле подняла отяжелевшую руку и с трудом провела по лбу. Луарсаб ждет решения, но за себя Луарсаб давно решил. Он хочет принести во имя любви тяжелую жертву. Тэкле думала: «Но, может, она должна сказать «да»? Может, должна принять грех и спасти Луарсаба? Да, спасти! Только слепой не видит, что Луарсаб гибнет. Может, обязана ради Картли принять на себя тяжесть дальнейшей жизни любимого? Жизни? А, может, смерть прекрасней такой жизни? Нет, он должен жить! Должен! Должен! Я не могу, не требуй от меня, о боже, так много! Душою не изменю вере, воздвигнем лучшие храмы... Молю, святая Нина! Заступись! Все драгоценности отдам Иверской церкви, все отдам! Только не отнимайте Луарсаба, его не могу отдать! Не могу!»

Губы Тэкле посинели. Она, шатаясь, прислонилась к нише, не спуская молящих глаз с Луарсаба.

Луарсаб молчал.

«Все кончено, — в смятении думала Тэкле, — Луарсаб слишком сильно любит меня, но есть сила сильнее любви к женщине — долг. Луарсаб должен для Грузии остаться чистым».

— Мой светлый царь, зачем говорить о моем сердце, оно до последней минуты принадлежит тебе... Пусть бог примет нас такими, какими создал... Будь мужествен, мой светлый царь...

Луарсаб упал к ногам Тэкле. Плечи его вздрагивали от рыданий.

Тэкле нежно подняла Луарсаба, вытерла его слезы и спрятала платок на груди.

В нише, зарывшись в подушку, рыдала Тинатин.

— Прощай, моя розовая птичка!..

— Я всюду иду за тобой, мой светлый царь...

Тэкле накинула чадру и выбежала из комнаты. Хорешани подхватила ее.

... По пыльным улицам покачивались закрытые носилки. На руках у Хорешани лежала Тэкле.

Шах Аббас нахмурился, узнав от Тинатин об отказе Луарсаба, но еще пытался убедить его принять мохамметанство и утвердиться в дружбе со «львом Ирана».

Луарсаб отказался.

Через день шах отправил непокорного Багратида под охраной Али-Баиндура в Гулабскую крепость.

Верный Баака последовал за Луарсабом.

Саакадзе поспешил снова водворить Керима к Али-Баиндуру, охотно взявшему в помощники испытанного мастера разведывательного дела.

Еще с большей осторожностью отправилась в Гулабскую крепость Тэкле с двумя преданными стариками...

Шах Аббас пышно возвращался в Исфагань. Блестящая свита окружала грозного победителя. В числе самых близких шаху ехал Саакадзе, рядом с ним Пьетро дела Валле и немного позади Хосро-мирза. «Барсы» вместе с

Сефи-мирзой, Паата и знатными молодыми ханами.

Саакадзе просил,—и все «барсы» были шумно веселы. Они громко восторгались: они счастливы сопровождать великого из великих, «средоточие вселенной».

Хорешани сидела вместе с Тинатин в золоченой кибитке на белом верблюде. Она из-за занавесок смотрела на лавину иранского войска, на толпы пленных грузин, которых бичами гнали за шахом, и думала о страшном возвращении «барсов» в проклятую Исфагань.

Вечерело. Точно кровавые слезы, скатывались по склону гор последние отблески солнца.

Саакадзе придержал коня. Ему вспомнились тринадцать повешенных тушин.

И снова Пьетро дела Валле удивился пламени глаз на окаменевшем лице Георгия Саакадзе...

XXXII

На вершине, в непроходимом лесу, возвышается Гелатский монастырь. За крепостными стенами притаились белые храмы. Три четырехугольные боевые башни сторожат Гелати. На верхних площадках всматриваются в даль монастырские воины. Им видны синеющие Ахалцыхские горы, погруженный в зелень Кутаиси, ледяная цепь Кавказа, виноградные отлоги Имерети.

Под сводом просторной приемной палаты, в полумгле, белеет мраморный престол. Широкие каменные скамьи расходятся от престола вдоль стен. Скамьи покрыты коврами, и в дни торжественных монастырских трапез на них восседает высшее духовенство.

Посреди палаты врыт большой глиняный кувшин (квеври), наполненный черным густым вином.

Теймураз прошелся по квадратным плитам, остановился у сводчатого окна, безотчетно наблюдая, как из серого каменного столба падают на четыре стороны водяные струи. Теймураз подошел к квеври, поднял чеканную крышку, зачерпнул чашей и выпил вино большими глотками.

Два года прошло, как шах Аббас в первом нашествии разгромил Кахети. Два года борьбы и скитаний! Лежит в руинах Греми, и в теснинах Упадари дует мусульманский ветер. Вырублены тутовые рощи. Шелковая ткань, обогащавшая Кахети, превратилась в могильный саван. Веками возвращенные виноградники, дающие народу хлеб и веселье, потоптаны персидскими отарами.

С высоты горных вершин укрывшиеся от шахского пленения кахетинцы видели, как хлынули в долины и предгорья вереницы иранских телег, как по грузинским деревням расположились чужие караваны, как чужие кони скакали по измятым дорогам. Ненависть обжигала глаза, горячие руки сжимали рукоятки.

Теймураз глухо застонал. Он вспомнил Кетеван, свою мать, замученную шахом в пытках. Вспомнил двух сыновей, зверски оскорбленных в Исфгани и умерших в муках.

Но шаху не удалось заселить персианами Кахети. Ставленники шаха, князя Джорджадзе и Асланишвили, подобоострастно извещали Аббаса об успешном заселении Кахети мусульманами, но тайно подготавливали восстание.

Кахетинцы обратились к нему, Теймуразу, с мольбой изгнать ненавистных переселенцев и вернуться на царствование. И вот он, Теймураз, во главе кахетинцев и тушин ударил на захватчиков и одновременно преградил на границах путь к отступлению.

Победили кахетинцы, и Теймураз торжественно въехал в Телави — новую столицу Кахети.

Так началась ирано-кахетинская война, длившаяся год.

Охваченный яростью, Теймураз стал изыскивать новые средства для борьбы с шахом Аббасом. Верный игумен Харитон был послан к султану и к крымскому хану Гирею.

Султан, радуясь случаю отплатить шаху Аббасу за отнятые города и оскорбительный прием посла Стамбула Абу-Селим-эфенди, милостиво обещал военную помощь и отпустил Харитона с грамотой к Теймуразу.

Крымский хан, вассал Турции, также не преминул выделить татарскую конницу против шаха Аббаса. Хан Гирей воспользовался удачным моментом отомстить шаху за обещание посадить царевича Гирея ханом Крыма.

Хан Гирей подарил игумену Харитону золотой крест. Теймураз понимал: не только распри с племянником вынудили крымского хана согласиться, — война с шахом Аббасом поможет Гирею укрепить свой престиж среди горцев-мусульман Северного Кавказа.

Проходили месяцы, и Теймураз, досадуя на неторопливость союзников, вновь послал Харитона к султану. Турецкие и крымские силы начали стекаться к Арзруму.

Но медлительность турок и татар и все более угрожающие действия шаха вынуждают его искать других путей. Один из этих путей ведет в Рим, другой — в Москву.

Папа Урбан VIII к месту вспомнил, что еще в XIII веке Ватикан завязал сношения с царями Лаша и Русудан. Но тогда монголы оборвали связь Рима с Грузией. И только в XVI веке царь Симон I, дед Луарсаба, обратился к папе Павлу III. Но Русия кахетинско-московским соглашением опередила Ватикан и вытеснила католических миссионеров из Восточной Грузии.

Ватикан встревожен. В Испании ослабевают святейшая инквизиция! В Англии еретическое протестантство третирует папских нунциев! Во Франции ветрогон Генрих IV, покровительствуя гугенотам, путает карты Ватикана! Русия, претендуя на первенство в христианской церкви, отвергает Рим и Константинополь и возвышает Москву: «Два Рима падоша, третий стоит, четвертому не быть!»

И Ватикан учреждает в Риме коллегию пропаганды веры. Миссионеры разъезжаются по Новому и Старому Свету.

Пьетро дела Валле направляется в Исфгань, Пьетро Авитабили и Яков Стефани — в Имерети, Каstellи — в Мегрелию.

Шах Аббас еще задолго до своего

вторжения в Кахети и Картли оттягивал Грузию от Руси. Одним из средств стало религиозное разобщение: где невозможно омохамметанить, надо окатоличить.

И шах Аббас покровительствует миссионерам, прибывающим в Иран. Отца Тхадео шах направляет в Кахети, к царю Теймуразу. Теймураз радушно принимает Тхадео и даже разрешает построить католический собор.

Но грузинская церковь тянется к Руси.

Игумен Харитон, выполняя наказ грузинского духовенства и константинопольского патриархата, живущего милостынею московской церкви, усердно склоняет Теймураза в сторону Москвы.

Ударил колокол. Теймураз взял посох и вышел из палаты.

Два года яростной борьбы, и вот сейчас недаром несетя с гор раскат колоколов Гелатского монастыря. Он, Теймураз, добился, наконец, съезда грузинских царей и князей-владельцев. Георгий Имеретинский, Мамия Гуриели, Дадзиани Мегрельский, атабек Манучар и Шервашидзе Абхазский придут в Гелати для разговора с Теймуразом о военном союзе грузинских царств и княжеств.

Теймураз все взвесьил. В военном объединении его настойчивый ум видел единственный выход. Разве, несмотря на раздробленность грузин, Саакадзе не объединил народ в Сурамской битве? А если мог он, почему не можем мы?

Теймураз подошел к могиле царя Давида Возобновителя. Ее прикрывало тяжелое железо ганджинских ворот с арабской надписью: «Врата эти сделаны во славу аллаха благого и милостивого эмиром Шавиром, из династии Бень-Шедадов, в 1063 году».

Кровавые испытания Грузии оживили эту могилу.

Теймураз слышит боевой рог Давида, стук мечей о щиты, ржание коней, клики воинства, с гребней гор лавою сбегающего в долины.

— Погибнуть или победить! — доносится рокот.

Пусть потеряно царство, сыновья, мать, но осталась непокорность, сила власти. Эта сила вернет царство, делает его независимым от мусульманского мира.

Проходили века, отпечатываясь на стенах гелатских храмов. Византия сближается с Грузией, и император Александр Комнен дарит Давиду Возобновителю для Гелати мозаичное изображение богоматери. Давид Возобновитель освобождает Грузию от сельджуков и переносит в Гелати икону богоматери Хахульской в драгоценном окладе, сверкающем жемчугом и одиннадцатью рубинами.

Свирепствуют турки, и в Гелати укрывается икона Георгия, вычеканенная, по преданию, из тридцати серебряников Иуды. В память бракосочетания дочери византийского императора Константина с царем Георгием в Гелати присылается в золотом ковчеге «зуб богородицы» и серебряный ковчег с мощами апостолов и мучеников.

Слава о священных богатствах Гелати разносится далеко за пределами Грузии. Стекается народ, цари, князья, купцы. Спешат приложиться к раке с «черепом победоносца Георгия» или с «зубом Онтипа Пергамусейского», и на монастырские блюда сыплется мелкая и крупная монета.

В начале XVI века Гелати обращается в епископскую кафедру. После упразднения в Пицунде патриаршего престола в Гелати перевозятся все сокровища. Алтари, приделы, ризницы, тайники наполняются живописью, драгоценными камнями, хрусталем и металлом. За большие вклады откупаются места для погребения в Гелати.

Цари и князья завещают, чтобы их погребли, подобно царевичу, гробница которого находится в соборе богородицы. Именно так должен прикрывать надгробную плиту золотой ковер, а в изголовье должен стоять позолоченный серебрячеканный сосуд. Слева, на белый войлок, да возложат святые отцы седло, обитое серебром, на седло — саблю, пояс, кинжал. В ногах, на коврике, пусть стоят цаги зеленые, персид-

ской работы, и цаги из черного сафьяна.

Но не только коронами и крестами, перстнями или кадилами богатеет Гелати. От храмов и вдоль Цхал-Цители — Красной речки — тянутся монастырские виноградники и усадьбы. Скот, шелк и вино превращаются в золото крестов и серебря сосудов. Из монастырских крестьян и азнауров владыки создают гелатское войско. Духовенство достигает верховной власти, и в царстве Имеретинском возникает черное гелатское царство.

Цари, владетельные князья и высшее духовенство собрались в обширных покоях митрополита Гелатели. Владетели в рясах особенно заинтересованы в съезде, ибо оружие шаха главным образом направлено против иверской церкви.

Вот почему прибыл в Гелати и Трифилий. Впрочем, есть еще одна причина... Он, кстати, вспомнил свое имеретинское происхождение и приехал как бы в гости к брату — князю Авалишвили. Митрополит пригласил Трифилия на съезд: «влиятельный в Картли и борется против омусульманившегося Баграта VI».

Собрание проходило бурно, но духовенство уже радовалось победе над упрямым Теймуразом. Он не должен тянуться к Стамбулу и Риму.

Развернулся свиток. Наступила тишина. Цари и владетели пишут Михаилу Федоровичу.

Священники сосредоточенно переводят на греческий.

Первым написал Георгий Имеретинский. В грамоте он описал, как шах Аббас разорил Иверскую землю и как Теймураз вторично пришел в Имерети, как шах требовал выдачи Теймураза с женой и грозил нашествием. Но он, царь Имерети, отказался выдать Теймураза и написал шаху:

«...царь Теймураз выше «льва Ирана». Много кахетинцев полегло с честью в бою, но Теймураз пришел в Имерети с еще большим войском. Напрасно ты, шах Аббас, угрожаешь! Царь, княжество и войско готовы драться с Ираном за свои земли и цер-

ковь. И если злая судьба все же подкажет и ты придешь, то я покажу тебе голову твоего деда. Он тоже угрожал Имерети и потерял голову на имеретинской земле. Знай, я не побегу, как Теймураз; отступить имеретинцам некуда, кругом враги, а позади море. Будем биться до последней головы, на том порешили крепко».

Георгий Имеретинский не без гордости писал Михаилу Федоровичу, что шах Аббас, получив послание, не рискнул итти на воинственную и укрепленную Имерети. Теперь он, Георгий Имеретинский, просит царя Руси помочь Теймуразу прогнать нечестивцев из Кахети и взять под свое высокое покровительство грузинские царства: «...не выдай нас тем волкам на съедение. И мы, христианские цари, ухватившись за твою царскую полу, не устранимся». Георгий III на грамоте поставил печать имеретинских царей.

Потом написал владетель Мамия Гуриели. Он также обращался к царю Руси Михаилу Федоровичу, «великому и сильному государю». В момент грозной опасности для христианских царств Мамия Гуриели просил Русию «от поганых рук высвободить Гурию и принять под высокую руку». Закончив грамоту, Мамия приложил печать с изображением богородицы с младенцем.

Только Леван Дадиани не успел составить грамоту. Он спешно покинул совещание, вызванный на войну с восставшим вассалом.

Теймураз подробно описывал свои бедствия и мытарства, перенесенные им во славу церкви: «...солнце в тьму превратилось, и луна померкла, день в ночь, а ночь в день превратились».

Потом Теймураз описал разорение монастырей, перечисляя, со скольких икон персы подирали золотые и серебряные оклады, а из святых изображений разожгли костры, и как в церкви разрушенного до основания монастыря чудотворца Георгия был поставлен шахский шатер.

«Тридцать дней, — жаловался Теймураз, — стоял в том шатре шах, надрываясь над христианской верой, блуд

всякой творил, чтоб осквернить божию церковь. И престол господень, где сокровенно бывает тело господа нашего Иисуса Христа, выкинул из церкви вон, и евангелие, и другие книги христианские, не только которые вблизи нашел, но и из дальних мест собрав, множество вкинул в озеро и в тину втоптал... Лутче б я ст матери своей не родился, а если уж бог и создал, так лутче б в утробе материнской окаменел, чем родился на такое разоренье и горе».

Грамота заканчивалась мольбой о военной помощи для изгнания из Кахети шахских ставленников и иранского войска.

Закончив грамоту, Теймураз приложил свою печать с персидской надписью «Теймураз царь».

Теймураз напутствовал игумена Харитона и просил красноречием убедить Михаила Федоровича в необходимости быстрой помощи.

Выждав окончания переговоров о военном союзе, Трифилий, мягко заявил: необходимо просить русского царя вызволить Луарсаба из шахского плена. Но цари холодно приняли предложение Трифилия.

Георгий Имеретинский сослался на нецелесообразность в одном посольстве выдвигать несколько просьб, это может раздробить внимание русского царя, а сейчас важно добиться военной помощи против шаха Аббаса, угрожающего грузинским царствам. Теймураз его поддержал. Кроме явных причин, была еще тайная: Баграт VI, как ставленник шаха, не был любим народом, готовым восстать против навязанного шахом царя-мохамметанина. Теймураз, напротив, пользовался любовью народа, ибо воевал с шахом против омульманивания грузин и не страшился никаких угроз. Теймураз рассчитывал с помощью Московии или Турции вернуть Кахети, а потом пойти войной против Баграта и, изгнав его с помощью картлийцев, стать царем и Кахети, и Картли. Теймураз знал: этот план поддержат многие владетельные князья, особенно Мухран-Батони, который так и не подчинился Баграту, несмотря на

все усилия непрощенного царя. Эти замыслы заставили Теймураза забыть дружбу и родство с Ауарсабом, страдания молодого царя в плену у шаха Аббаса.

Трифилій обратился к духовенству и здесь встретил большое сочувствие, — ведь Ауарсаб томился из-за верности иверской церкви, — но грамоту отцы церкви отказались посылать. С большими трудностями Трифилию удалось добиться устного поручения игумену Харитону рассказать русийскому царю «о пленении христоролюбивого Ауарсаба» и просить заступничества Михаила Федоровича и патриарха Филарета перед шахом.

Но Трифилия не могла удовлетворить такая скудость. Он считал необходимым особое посольство в Московию для хлопот об освобождении Ауарсаба из когтей коварного преследователя христиан.

Конечно, не только преданность Ауарсабу руководила тонким политиком Трифилием, в чем он старался убедить всех. Его давнишние предположения оправдались с избытком. С воцарением Баграта Кватахевский монастырь, а значит, и настоятель Трифилий потеряли всякое значение. Баграт, хотя и принял мохамметанство, но остался верен Мцхетскому монастырю, тем более шах покровительственно отнесся к Гефсиманскому храму в Мцхета.

Трифилій стремился восстановить первенство Кватахевского монастыря времен Георгия X и Ауарсаба II. Он променял княжескую куладжу на монашескую рясу ради возможности держать в руках нити внутренней и внешней политики. Возвращение Ауарсаба — возвращение власти Трифилия. Вот почему он так горячо отозвался на мольбу Тэкле взять на себя хлопоты за Ауарсаба перед царем русийским.

Трифилій решил добиться у католика заступничества за Ауарсаба. Провал в Кутаиси не обескуражил настоятеля, и он немедленно выехал в Тбилиси.

В то же время Теймураз, заверив духовенство в своей преданности Руси, спешно выехал в Кутаиси.

Здесь он тайно с католическим миссионером отправил в Рим послание папе Урбану VIII. Во имя Иисуса Теймураз просил у Ватикана помощи изгнать неверных из Кахетинского царства.

XXXIII

С утра на тбилисском майдане было, как обычно. Все куда-то спешили, кого-то толкали, для кого-то готовили люля-кебаб, кого-то брили. Торговали, уговаривали, спорили, клялись. Кричали верблюды, ослы, ржали кони. Скрипели возы, мелькали аршины, стучали гири, звенели монеты, вздымали пыль сгружаемые тюки. Амкары-медники неистово колотили молотками по желтой и красной меди. В заргар-ханэ — ювелирном ряду — амкары чеканили золотые и серебряные изделия. В хараз-ханэ — чувячном ряду — амкары вырезывали разноцветный сафьян. В лила-ханэ — красивном ряду — амкары просушивали окрашенные ткани. Сверху по Куре сюда плыли навтики — бурдючные плоты¹. Они причаливали к каменному скату и разгружались. В плетеных корзинах билась еще живая рыба. Бараньи курдюки тряслись на ивовых плетениях. Сочная зелень грудями лежала у причала. В Дигомские ворота въезжали арбы и торопливо сворачивали к майдану. Белел сыр, выглядывали кувшины с коровьим маслом и медом, скатки самодельного сукна и грубо связанные из пестрой шерсти чулки. Все бережно уложено в деревенские хурджины для продажи или обмена на необходимое.

На одной из ароб сидели дед Димитрия и отец Элизбара, владелец арбы и поклажи.

— Пока до Тбилиси доехали, четверть арбы за проезд роздали! — с возмущением кричал дед. — Вот Георгий вернется, заставит князей палки с дороги снять.

Отец Элизбара поддакивал:

— Магаладзе, собаки, дорожке всех берут за проезд. Целую голову сыра

¹ Бурдючные плоты делались из надутых буйволиных шкур. Между двумя бурдюками приделывалась площадка из ивовых прутьев.

взяли, верблюжьи хвосты. Говорят, до рогу портим, чинить надо!

— Дорогу? А какой вред дороге от грузинской арбы?! Где камень плохо лежит, на место, к другому придвинет. Где пыль сыплется, пригладит. А если помет буйволы оставляют, тоже ничего. Народ собирает и в поле вывозит, — земле тепло. Значит, польза от буйволов. Так почему, ишачьи дети, товар берут и монеты тоже?! Вот три шаури¹ заплатили!

— Четыре! — простонал отец Элизбара. Микеладзевский мсахури мед взял, монету тоже не забыл.

— Зачем дал?! Зачем не сказал: нет монет, довольно кувшина меда.

— Сказал, — не поверил. Что делать, придется дороже продать.

— Дороже нельзя, не ханам продаем, — отрезал дед и, взмахнув бичом, сердито повернулся спиной к отцу Элизбара. Но, подъезжая к Тбилиси, дед повеселел.

Дед пользовался любым случаем вырваться из заглохшего Носте. Правда, отсутствие Горгосала немного омрачало радость поездки. Кто еще мог так хорошо рассказывать о свойствах зверей и птиц? Кто еще был так находчив в случавшихся опасностях?

Но скучно сидеть без всякого дела. «Еще рано... Я только семьдесят две паски прожил» — думал дед. Он отлично знал, что прожил семьдесят восемь, но упорно продолжал убеждать себя: шесть лет нельзя принимать в счет. Разве до шести ребенок что-нибудь понимает?

Дед любил движение, азарт и не пропускал случая взгромоздиться на арбу, собранную кем-либо из ностевцев для Тбилиси.

И тбилисцы знали деда, любили его шутки, были уверены в его счастливой руке.

После удачной распродажи, вечером, в духане «Золотой верблюд» дед с напускным неудовольствием любил пожаловаться Панушу на ностевцев: народ не дает ему спокойно пользоваться хорошей старостью, устроенной Димит-

рием. Гонят, как мальчишку, на майданы... И вот он без сил остался, пока распродал арбу.

Пануш, хорошо изучивший посетителей и знавший, кому чем угодить, тоже с напускным возмущением набрасывался на деда: как не совестно говорить о старости, которой, кроме самого деда, никто не замечает. Кто же поможет ностевцам, если дед усядется у мангала сушить чулки? Разве арба разгрузилась бы хоть на один шаури, если б приехала без опытного в торговых делах деда?..

Дед, счастливо улыбаясь, впитывал каждое слово Пануша и еще раз высказывал убеждение — нигде так вкусно не готовят, как в «Золотом верблюде». Он щедро заказывал лучшее кушанье и приглашал Пануша разделить с ним тунгу вина. Парню, подававшему ему, дед неизменно дарил монетку.

И вместе с дедом многие радовались его удачам...

Дед повернул арбу. Он хотел до «Золотого верблюда» купить желтый сафьян на цаги. «Скоро из Исфгани придет гонец, — пошлю подарок. Димитрий всегда желтые любил. Сейчас как раз время хорошей кожи. Вон, из дабаханэ целые арбы везут на майдан».

Проехав мост, дед свернул от Куры к горе Табор. Здесь бьют серные источники, уступами взбирается крепостная стена. На скалистых отлогах Табора лепятся плоскокрышие домишки с деревянными навесами, а к подножью прижались серные бани, покрытые матовыми куполами. Шумно сбегает Легвисхеви, подхватывает банные мутные потоки и устремляется в Куру.

На правом берегу Легвисхеви еще издревле поселились кожевники.

Нагорная Кахети и древняя Албания снабжали кожевников шкурами крупного и мелкого скота. А мыльные отходы бань давали дешевый способ дубления кож.

И сегодня, как из года в год, из века в век, здесь дабахчи—кожевники — дубили кожи.

¹ Шаури — монета, равная пятаку.

В низкосводчатых помещениях зияли огромные чаны, врытые в землю. В эти чаны стекали мыльные грязные отходы бань. Голые кожевники, по пояс в серо-зеленой дубильной слизи, мяти ногами кожи. Ядовитые испарения ползли по досняющимся красным лицам с воспаленными глазами, по мокрым плечам, трясущимся рукам.

На этот адов труд, уничтожающий человека, шла только самая обездоленная беднота. Шли преступники, выпущенные из ям, бежавшие рабы, люди, потерявшие себя и потерявшие надежду на лучшую жизнь.

Зловоние гниющих кож, помойных луж и отбросов, смешанное с запахом серных бань и бараньего сала, вынуждало тбилисцев объезжать и обходить узкие улочки даба-ханэ.

Старосте шорников, Бежану, с утра везло. Он уже продал два седла и подсчитывал барыши. Дверь снова отворилась, и в лавку вошел персианин. За поясом торчала нагайка с чеканной ручкой.

Бежан охотно показывал привередливому покупателю пятое седло. Он было крикнул ученику принести шестое, но покупатель опустил руку на стремя. Разговор о цене длился недолго, и Бежан мысленно поздравил себя с приятным днем. Но покупатель, пошарив по карманам, неожиданно заявил, что забыл монеты. Пусть ученик отнесет седло, а он расплатится дома.

Бежан нахмурился. К сожалению, амкары не признают такой торговли. Ученика могут по дороге ограбить. Майдан не училище ангелов. Или еще хуже — мальчик не привык держать столько монет за пазухой: может их выронить. Удобнее, если уважаемый покупатель сам пойдет за монетами, а он, Бежан, отложит это княжеское седло, на которое не откажется сесть даже хан Али-Баиндур.

Нахмурился и покупатель: как, ему, богатому купцу из Решта, не доверяют? Разговор перешел на более острые темы: сабля сарбазов — лучшее средство против неучтивости грузин. Бе-

жан поспешил ответить — острые шашки носят не только персиане. Это может подтвердить амкарство оружейников, не успевающее готовить клинки для дружинников.

Беседа становилась все жарче. Спор уже касался более близких предметов. Покупатель нашел, что голова Бежана напоминает изношенный чукяк, а туловище — облезлого верблюда. Бежан поспешил ответить, что у покупателя, наверно, кроме довольно неприятной головы, похожей на заезженное седло, ничего нет, иначе он не забыл бы дома монеты, которых тоже нет, на покупку седла для несуществующего коня.

Покупатель, словно нехотя, вынул из-за пояса нож. Бежан придвинул к себе седло. Персианин лениво взмахнул ножом, но тотчас седло плюхнулось на его голову. Обливаясь кровью, он, дико вскрикнув, бросился с ножом на Бежана.

Ученик выбежал на улицу и истступленно заорал:

— Амкары! Персы Бежана убивают!.. Э... э... помогите!

И, точно по волшебству, из всех рядов стремглав сбежались амкары. Из лавки вырывался пронзительный вой.

И вдруг по майдану раздались вопли: — Правоверные! Правоверные! Амкары убивают мохамметан!

Около лавки Бежана столпотворение: уже ничего не разбирают, дерутся со сладострастной жестокостью.

Вскоре побоище перекатилось на другие улочки, на майданную площадь.

— Амкары, к оружию!! Проклятые персы хотят нас уничтожить!

— Амкары, довольно терпели! Рубите проклятых осквернителей нашего майдана! Собачьи дети всю торговлю отняли!

— Во имя аллаха убивайте неверных! За нас Измаил-хан! Бейте собак!

— Э, э, амкары! Вам ли не защищать свое?!

К майдану подползала арба.

Дед Димитрия прислушался. Отец Элизбара испуганно посмотрел на деда и уже хотел повернуть буйволов и гнать их, гнать без оглядки в Носте.

Дед насмешливо покосился на струсившего ностевца:

— Теперь поздно убежать, все равно догонят. Буйвол не конь... Спрятаться надо.

Дед оживился. Опасность всегда возбуждала его. Осторожно, с видом полководца, он повел арбу закоулочками и вскоре поступался в ворота «Золотого верблюда». Подождав, дед еще энергичнее стал колотить молотком.

— Отвори, Пануш, это дед Димитрия.

Ворота распахнулись, прислужники духана проворно втащили арбу во двор и снова задвинули засовы.

Пануш изумленно смотрел на деда.

— Как удалось в целости добраться?!

Весь майдан смешался в один клубок. Звенели кинжалы, свистели нагайки, палки. В воздухе мелькали камни, подковы, гири, аршины. Толпы врывались в караван-сарай. Из лавок выбрасывали товары. Летели папахи, котлы, кувшины. Сыпалась мука, зерно. Под ногами трещали орехи, перламутр. Валялось мясо, разбитый фаянс. На раскаленной жаровне вместе с люля-кебабом шипела бархатная куладжа. В расплавленном жиру пузырились сафьяновые цаги. Перевернутый мангал дымился на керманшахском ковре. Шелковые материи, кашемировые шали путились в ногах.

Купцы поспешно закрывали лавки, по стенкам пробирались домой. На плоских крышах металась женщины. Они неистово вопили:

— Вай ме! Вай ме! Помогите, помогите!

— Э, э, амкары! Режьте, рубите!

— Аллах! Аллах! Убивайте! Правверные, убивайте!

Жужжащий гул навис над Тбилиси.

В цитадели совещались ханы: подождать еще или послать сарбазов? Опасно, — тогда Нугзар Эристави может выставить дружинников. Ссориться с Нугзаром не время. Теймураз снова поднял голову.

В Метехи Нугзар совещался с перепуганным царем Баграмом: послать дружинников или подождать еще?

— Опасно... Тогда Измаил-хан может выставить сарбазов. Не время ссориться с Измаилом: шах Аббас подумает — против него замыслили.

На прилегающей к майдану улице остановился Трифилий со свитой из монастырских дружинников и двух монахов.

Трифилий из-за каменной ограды наблюдал за побоищем. Глаза настоятеля светились совсем не святым огнем. На мгновение он вспомнил себя молодым, буйным князем, когда любил обнажать шашку. Он схватился за кинжал... Да, у настоятеля под рясой, за кожаным поясом, всегда спрятан небольшой, но остро отточенный кинжал. Трифилий хотел броситься в самую гущу и яростно, с упоением крошить, убивать без всякой жалости проклятых врагов церкви. Но он во-время вспомнил свой сан и, перекрестившись, смиренно произнес:

— Господи, помилуй меня грешного!

На улицу въехал Нугзар, окруженный охраной, повернул к Трифилию:

— Иногда такое полезно. Народ, как конь: если долго застоится, надо прогулять.

— Это, князь, мирское дело. Все же думаю — следует помочь грузинам: персы совсем сели на голову.

— Нельзя помочь, отец... Тогда Измаил-хан тоже поможет. Ничего, до вечера недалеко. Темнота успокоит: устанут и побоятся своих изувечить... Поедем, отец, ко мне, сегодня на обед баралетский каплун, в орехах жаренный.

— Не могу, дорогой князь, к католикосу спешу, дела церкви раньше всего...

Вардан Мудрый мягко перебежал улицу. За ним семеняли амбалы с тюками и сундуками на плечах. Вардан еще издали отвешивал Нугзару и настоятелю низкие поклоны.

Нугзар сурово спросил — не прекратилось ли бесчинство?

Вардан вкрадчиво ответил:

— Уважаемый князь, может, давно разошлись бы, да на помощь персам прибежали сто банщиков. Боюсь, одолеют амкара.

Рука Трифилия чуть дрогнула на поводьях. Проводив глазами амбалов, бегущих вслед за Варданом, Трифилий медленно произнес:

— Если банщики бросили бани, бедным дабахчи нечего делать в зловонных чанах, а их, кажется, несколько раз сто...

— Опасно, отец, эти звери разнесут все персидские лавки, — пусть дерущиеся пострадают равномерно.

— Церковь раньше всего заботится о своей пастве.

Князь смутился.

— Да просветит тебя милостивый бог, царь небесный...

Трифилий тронул поводья и ускакал. Нугзар, слегка колеблясь, подозвал старшего дружинника и шепнул несколько слов.

Дружинник ловко спрыгнул с коня, бросил поводья товарищу и юркнул в темный переулок.

С майданной площади продолжали нестись неистовые крики:

— Амкары! Амкары, бейте!

— Аллах! Аллах! Правоверные, во имя аллаха!

По даба-ханэ в разодранных рубашках неслись двое подмастерьев.

— Э, э, дабахчи! Персы кожевников убивают! Спешите на помощь! На помощь!

Дабахчи вмиг выпрыгнули из чанов и бросились к майдану, завязывая шаровары на покрытых зеленоватой слизью бедрах.

Полуголые дабахчи с разбегу врезались в побоище. Замелькали тяжелые кулаки.

Майдан застонал. Дабахчи хватили персиан, били, топтали, сбрасывали через мост в Куру.

Здоровенный кожевник с вытянутым лбом, прижав персианина к земле, колотил бритую голову о бульжники.

Какой-то персианин, повалив амкара, силялся набить ему рот землей.

Удобно устроившись на крыше, дед Димитрия, отец Элизбара, Пануш и семья духанщика, грызя орехи, наблюдали за побоищем. Это была почти единственная крыша, с которой не неслась мольба о помощи, ибо не только

вся семья оказалась дома, но даже слуги. А духан заперт, и все двери завалены тяжелыми бурдюками. Правда, у парней чесались руки, и они пытались соскользнуть с крыши. Но хозяин грозно смотрел на слуг: окровавленные рожки мало способствуют аппетиту. Завтра «Золотой верблюд», конечно, откроется, а избитый человек всегда от жажды страдает.

Парни вздыхали, с завистью поглядывая на площадь.

Внезапно один радостно взвизгнул: с соседней крыши к ним перепрыгнул молодой персианин. Со щеки его текла кровь, одежда ключьями висела на сини-красном теле. Мгновенье — и парни растерзали бы персианина. Но дед Димитрия вырвал его из рук парней. Что-то в юноше было общее с Керимом, которого дед помнил и любил.

В Анчисхатской церкви волнение. Седой священник велел звонарю ударить в колокол: это напомнит амкарам о существовании бога. Но от католикоса прискакал церковный азнаур:

— Сегодня в колокола не звонить. Вечерню отложить на завтра.

— Почему? — вопрошал священник своего собрата из Сионского собора.

— Почему?! Не надо мешать народу творить богоугодное дело.

И тбилисские храмы молчали...

Муэдзин собрался на минарет — напомнить персаманам о часе молитвы, но мулла советовал не очень надирать голос, ибо правоверные заняты священным делом и все равно не услышат.

Муэдзин поклонился мулле, взобрался на минарет и, устремив взор к небу, прошептал призыв.

В приемной католикоса шумно. Толпятся священники тбилисских церквей, азнауры — начальники церковных дружин — и много других неизвестных.

На одном из балконов уединились отец Трифилий и отец Феодосий. Они прислушивались к жужжанию из приемной, к доносящемуся с майдана реву и не очень скрывали радость.

Два года царствования Баграта не принесли узурпатору славы, а картлий-

цам счастья. Волнения в царстве не утихают: то обнаглевшие казахи устраивают набеги, то крестьяне бегут в Имерети, в Гурию и даже в Абхазети, лишь бы избавиться от мусульманского ига, а кстати, и от князей. И еще неприятность Баграту — на караваны стали нападать по дорогам. Купцы неохотно посещают Картли, отчего застой в торговле, а значит, и налоги не с кого брать. Каждая неудача Баграта в управлении царством приближает Луарсба к трону. И хотя он еще пленник, но... если русский царь захочет... а надо, чтобы он захотел... Надо собрать синклит и убедить католикоса в необходимости снарядить посольство из духовенства в Московию.

Трифилій решил раньше повидаться с единомышленниками, с каждым отдельно. Он не даром рассчитывал на свое красноречие. С Феодосием сталкивался быстро, ибо Феодосий давно мечтал отправиться в Русию.

На балкон осторожно вышел монах свиты Трифилия. На вопросительный взгляд настоятеля монах, скрывая улыбку, ответил:

— Дабахчи, как черти, прости господи, носятся по майдану... Все лавки персов выпотрошены, яко жертвенный баран у тушин.

Трифилій, улыбаясь, гладил на груди золотой крест. Вытащив из рясы шелковый платок, Феодосий вытер рябой нос. В уголках глаз дергались ласковые морщинки.

Верхом на сером жеребце показался шейх-уль-ислам¹. Тюрбан из двенадцати складок громоздился на его голове. Сарбазы в красных куртках и с кривыми ножами за широким кушаком тесно окружали муллу.

Поровнявшись с балконом обширного дома католикоса, шейх-уль-ислам поднял глаза, улыбнулся и благочестиво поклонился.

Трифилій и Феодосий привстали и, сложив руки на груди, приветливо склонили головы.

Поговорив о непотребной голове проехавшего муллы, Трифилий, перебирая пахучие четки, стал объяснять Феодосию свой план подготовки синклита.

Но вошедший монах вновь перебил интересную беседу. Царица Мариам узнала от Нугзара о приезде Трифилия и прислала Нари с просьбой посетить ее. Трифилий поморщился. Со времен воцарения Баграта он не заезжал в Метехи. Настоятель был глубоко оскорблен пренебрежением Баграта. Подумав, велел передать царице, что будет ждать ее завтра в Сионском соборе, где его святейшество католикос отслужит молебен.

Нари хрипло расхохоталась: разве благочестивый отец Трифилий не знает о положении светлой царицы? Она — точно пленница: без охраны Баграта царицу никуда не выпускают.

Трифилій обещал завтра непременно приехать благословить царицу. Неожиданное сообщение дало лишний повод настаивать перед католикосом на посольстве в Русию. Конечно, он, Трифилий, поехал бы сегодня в замок, но решил не искушать мохамметан своей храбростью.

К вечеру побоище на майдане почти прекратилось. Только кое-где еще слышались крики, но это — последний вздох сумасшедшего дня. Несмотря на беспощадность борьбы, убитых оказалось немного. Но ни один не ушел с майдана не раненным. Ходили с повязанными головами, руками, ногами.

Майдан казался вывороченным нутром неведомого чудовища.

Амкары и торговцы-персиане ужаснулись, подсчитав убытки. Утром на майдан почти никто не пришел, опасаясь повторения вчерашнего. Но к полудню робко показались обвязанные персиане и амкары. Друг на друга не смотрели. Ученики и подмастерья бродили вокруг разгромленных лавок, разгребали мусор, стараясь найти уцелевшие изделия своего тяжелого труда.

Неожиданное равнодушие и Измаилхана, и Нугзара Эристави сильно обескуражило майдан. Даже гзири исчезли.

¹ Духовное лицо с правом разбирательства тяжбных дел.

И это обидело пострадавших и сроднило их.

Несмотря на нищету, дабахчи не взяли из разгромленного майдана даже горсти риса. Они дрались за правду грузин, а в таком деле позорно заниматься грабежом.

Невзирая на раны и ушибы, дабахчи с рассвета влезли в чаны с разбедающей слякотью. Они и так вчера из-за драки потеряли заработок, а если еще пропустят день, то их семьи и сегодня останутся голодными.

К полудню зазвонили в колокола. Амкары поднимали голову, крестились, вздыхали.

Женщины, накинув шали, спешили в церковь поставить свечку и поблагодарить бога за спасение мужа, отца или сына.

На минарете муэдзин певуче прокричал час молитвы.

Правоверные, бросая работу, на разостланных ковриках возносили хвалу аллаху.

XXXIV

За окнами Метехского замка шумит Кура.

Любимая Луарсабом круглая комната не изменилась: те же дорогие керманшахские ковры, шелковые, цвета бирюзы, занавески, арабская мебель и персидские вазы. Тот же изысканный Шадиман, и только на розовой подушке вместо Луарсаба сидит царевич Симон.

С Шадиманом Симон подружился случайно. Метехи веселился — Баграт праздновал годовщину своего царствования. Совсем неожиданно-негаданно по правую сторону царя очутился не Симон — наследник картлийского престола, а Амириндо. Шадиман заинтересовался: пристало ли Симону сидеть с левой стороны, на месте младшего сына? «Змеиный князь», давно искавший случая сблизиться с Симоном, заронил в него подозрение. Симон стал коситься на Амириндо и честолюбивую Гульшари... Недаром ехидна держится, как цапица.

Симон тоже непрочь был заручиться поддержкой опытного царедворца. И

сейчас, обеспокоенный, всецело доверился Шадиману. Симон намекал: если он будет царем, то Шадиман снова, как при Луарсабе, займет положение первого правителя. Но... надо, чтобы Симон стал царем Картли.

Шадиман лучше Симона знал: воцарение Симона — возвращение к власти Шадимана.

Шах Аббас осуществил, наконец, многолетнее домогательство Баграта. Уходя из Картли два года назад, шах оставил царем Баграта, спасаларом — начальником картлийских войск — Нугзара Эристави, первым сардаром — Зураба, главным советником — Шадимана Бараташвили и начальником персидского гарнизона в тбилисской цитадели — Измаил-ханом.

Хитрый Баграт боялся потерять добытый с такими ухищрениями трон. И он не доверял Шадиману, ссорился с Симоном, боялся Нугзара и заискивал перед Измаил-ханом, настоящим хозяином Картли.

Баграт VI ничего не хотел замечать — ни ненависти народа, ни презрения церкви. Он жадно наслаждался званием царя и умертвил бы половину Картли, лишь бы удержать скипетр Багратидов. Он с большой радостью избавился бы от «змеиного князя», если б не грозный наказ шаха Аббаса.

Гульшари ловко использовала страх и ненависть Баграта к Шадиману, и вскоре Амириндо занял место «змеиного князя». У Шадимана оказалось вдоволь времени для ухода за лимонным деревом.

Незаметно отстранен от всех дел царства и Зураб. Гульшари, издеваясь, мстила мужу бывшей соперницы. При встречах она с притворным участием спрашивала: все ли еще шах-ин-шах держит в гареме прекрасную Нестан? Уж не собирается ли «средоточие вселенной» присвоить неповторимую драгоценность? Наверно, нежная Нестан от скуки всех жен «льва Ирана» опутала своими шелковыми волосами.

Шадиман посоветовал Симону привлечь на свою сторону оскорбленного

Зураба. Но и сам Шадиман не думал уступать Амириндо. Он только отдыхал, немного отдыхал и едва заметно прибирал к рукам Симона.

Упиваясь властью, Гульшари и Амириндо сначала не заметили стратегии Шадимана. Гульшари счастлива: она дочь вдового царя, она царица! Власть! О, сладостное слово! Она может веселиться: натравить медведя на князя Газнели, отца Хорешани, заставить княгинь до утра танцовать под зурну, наступить на ногу даже царице Мариам, и старая сова будет улыбаться.

Мариам почувствовала «благодарность» своей воспитанницы. Особенно унизительно для Мариам переселение в покои Тэкле. Гульшари заявила — ей необходим свежий воздух, а опочивальня Мариам смотрит в сад... И молиться она решила в молельне Мариам перед иконой божией матери Влахернской.

Сначала Мариам боролась, требовала у Шадимана защиты. Но Шадиман советовал пока терпеть, а покои Тэкле совсем не плохи. Хорошо, Гульшари не поместила ее в полутемной комнате, где молилась Нестан Орбелиани.

Мариам пыталась покинуть Метехи, но Баграт боялся — вдруг себе вздумается начать хлопоты за Луарсаба? Он любезно убеждал: она — старшая царица и должна остаться в Метехи до конца своих дней...

А Гульшари, вздыхая, тщеславно шептала княгиням:

— Вот из милости бывшую царицу держим.

Ненависть и стыд душили Мариам, запоздалое сожаление тревожило ее сон. Тэкле, кроткая голубка, никогда не покушалась на первенствующее место. Она, Мариам, была полноправной царицей, а теперь? Даже жаба Нино Магаладзе едва замечает ее. Но самое унизительное — на приемах она должна своим присутствием возвеличивать царственное положение Гульшари. Шадиману немного жаль глупую женщину, но ему не до нежностей...

Не только в Метехи, но и в княжеских замках говорят, что Симон во

всем подражает Луарсабу. На свою короткую спину натягивает куладжу любимых цветов Луарсаба, на грубо отесанном мизинце носит голубой бриллиант, пытается быть остроумным. А главное, наперекор скупому отцу, устраивает малые пиры, приглашая исключительно молодых князей и стройных княгинь. Симону тридцать пять лет, но благодаря расчетливости Баграта невеста пока не выбрана. Это тоже наруку Шадиману.

Гульшари первая заметила перемену в брате и мысленно призналась, что усилия Симона напоминают ужимки обезьяны... На Луарсаба разве кто-нибудь может походить?

Баграта, и особенно Амириндо, встревожила дружба царевича с Шадиманом, но князя ни в чем нельзя уличить. Он неизменно вежлив, советы его всегда полезны, а общество... нет остроумнее и веселее собеседника, чем князь Шадиман Бараташвили.

И сейчас, сидя против Симона, Шадиман восхищал царевича занимательным описанием вчерашних событий на майдане.

— Так, мой царевич, это шестая смута за год. Очевидно, Амириндо, к неудовольствию Гульшари, слишком много думает ночью, потому встает с пустой головой... При таком пробуждении, с какого бока к царю ни подлезай, все равно не поймашь корону.

— Но, дорогой князь, отец только Амириндо доверяет.

— Царь Баграт — да живет он вечно! — никому не доверяет.

— Но Амириндо?

— Это все равно, что никому.

Симон расхохотался, задорно подкрутив красный ус.

Симон не устоял против последней моды: он обрил голову, оставив на макушке пушистый пучок волос, сбрил левый ус и выкрасил пучок волос и правый ус в яркокрасный цвет.

Шадиман целый день избегал Симона, боясь разразиться смехом, а к вечеру любезно похвалил перемену во внешности: именно этого не хватало царевичу.

О событиях на майдане Шадиман рассказывал Симону с умыслом. Такие скандалы вредны авторитету царя. Никогда при Шадимане в Картли не случилось такого позора.

— Теперь во всех грузинских царствах смеются над бессилием Баграта. В Стамбуле тоже проведуют, — как-раз накануне пришли турецкие караваны. В Исфагани, конечно, еще раньше узнают, лазутчики Саакадзе донесут... Нехорошо, царевич, когда у царя плохие советчики. Царский венец не прирастает к голове, нельзя позволять дерзким толкать корону.

Шадиман подсунил мысль Симону вмешаться: надо суд над зачинщиками учинить. Если так пойдет дальше, купцы побоятся приводить караваны. Торговля плоха, — казна царская пустует. А если безнаказанно оставить, — и амкары перестанут торговать. А нет торговли, — нет иноземных купцов и нет Тбилиси. И потом без богатых караванов не достанешь даже бархат на куладжу.

Симон нахмурился: бархат нельзя достать?! И он решил вмешаться.

Шадиман знал — такое вмешательство не понравится ни Баграту, ни Амириндо с Гульшари. Произойдет крупная ссора. Но Баграт ухватится за мысль учинить суд над амкарами. Ведь этим он угодит Измаил-хану, а тот сообщит шаху о преданности Баграта, защищающего интересы мусульман.

Конечно, амкары будут возмущены, что судят только их. Разве не мусульмане первые затеяли ссору? Ненависть к Баграту — главный успех замысла Шадимана. Саакадзе тоже не смолчит, с амкарами у него неразрывная дружба. Он поспешит убедить шаха во вредных действиях Баграта.

Главное, натравить всех друг на друга, тогда годы в месяцы превратятся...

Мысли Шадимана оборвал приезд Трифилия. Наблюдая, как Трифилий со свитой из монахов и дружинников въехал в ворота, Шадиман подумал: «Наверно, монахи тоже под рясками прячут кинжалы. Этих разбойников я не хотел бы ночью встретить».

— Трифилий приехал не к Баграту,

а к царице Мариам, — заявил вбежавший чубукчи.

Симон и Шадиман довольно улыбнулись.

Сколько слез пролила Мариам, рассказывая Трифилию о своих мелких и крупных обидах!

Трифилий внимательно слушал, но еще вчера принял решение водворить Мариам к царю Имерети. Раньше всего это божье дело: приютить гонимую Багратом старую царицу. И если поумнеет, — а она должна поумнеть, — то сдружится с царицей Тamar. Они вдвоем много сделают, ибо сказано: там, где женщина потянет, семь пар буйволов не вытянут.

Трифилий, наконец, прервал потоки слез и слов:

— Ты, царица, можешь вернуть свой блеск только с возвращением Луарсаба... Тогда отомстишь сторицею. Но осторожно действуй, не сразу... Сначала подружись с Тamar Имеретинской, потом неотступно проси царя Георгия об особом посольстве в Русию. Помни, приедешь в Кутаиси, щедро на церкви жертвуй. Опять же свой дом строй, но медленно, надо год гостить у имеретинского царя... Поедешь богатой царицей — и цари, и духовенство с уважением будут слушать. Аминь!

Прощаясь, Трифилий обещал еще в этом месяце вывезти ее из багратовского ада и направить на путь истины. Но, если не хочет повредить себе, пусть, упорно молчит.

Мариам покрыла волосы хной, надела яркое платье. Горе многому ее научило, она сумеет быть приятной, сумеет просить за сына! Перед Луарсабом грешна, перед Тэке тоже. Но сатана потерял над нею силу... Вернуть! Вернуть Луарсаба! Тогда она не только наступит на ногу Гульшари, но по одному волосу вырвет ей косы.

Гульшари сразу почувала в приезде Трифилия недоброе.

— Два года избегал хитрого монаха! — кричал Баграт. — Как посмел прибыть без моего приглашения?!

— Посмел, отец, раз более трех часов сидит у проклятой совы.

— Может, от Луарсаба известие получил, может, Луарсаб бежал? — не меньше волновался Амириндо.—Может, прямо пойти и спросить, зачем пожаловал?

Гульшари вмешалась:

— Монах скажет — исповедывал царицу. Разве можно запретить сове беседе с духовным отцом? И так церковь на нас косится, — хочешь совсем испортить отношения?

Трифилию не удалось покинуть Метехи тотчас же. На лестнице Шадиман любезно пригласил настоятеля зайти к забытому всеми князю Шадиману.

Трифилій молча последовал за Шадиманом.

Плачевное положение не помешало Шадиману быть любезным хозяином. Обед, который он упросил Трифилия разделить с ним, отличался тонкостью вкуса.

После приятной беседы о разгроме майдана Шадиман вскользь заметил:

— Жаль, церковь не вмешалась, время подходящее о себе напомнить.

— Церковь никому не навязывает себя, а картлийский народ и так чтит святую веру...

— Я не о народе говорю... В Грузии не первый царь мохамметанин, но... всегда церковь помнили.

— И теперь вспомнят... — Трифилий заметил дрогнувшую бровь Шадимана и, скрыв усмешку, вынул пахучие четки и медленно стал перебирать янтарь.

— Думаю, так амкарам не пройдет: царь захочет перед Измаил-ханом показать преданность шаху Аббасу.

— Это мирские дела... Конечно, должен наказать, — протянул Трифилий. «Церкви выгоден каждый промах Баграта, — думал настоятель, — а наказывать одного за вину двоих — глупый и опасный шаг».

— Я Симону сегодня об этом говорил, — понимающе сказал Шадиман.— Думаю, царь монеты и товары в наказание потребует... Еще не скоро успокоятся амкары.

— Персы тоже. Говорят, два турецких каравана обратно повернули. Один

караван был нагружен лучшей хной... Если так пойдет, некоторым нечем будет красить ус и пучок тархуна¹ на голове.

— И женщинам неудобно. Некоторые черный цвет на красный ради красоты часто меняют, другие седину в хне прячут, тем более, кто путешествовать собирается...

— Тебе, князь, лучше известны причины беспокойства о волосах... Замок, как свой лимон, знаешь...

— Нет, отец, думал, что знаю, а сейчас благодаря предателям совсем запутался.

— О каких предателях говоришь, Шадиман?

— О тех, которые греются в лучах иранского солнца.

— А кого они предали?

— Э, отец Трифилий, ты слишком умен для такого вопроса. Кому обязан Луарсаб своей гибелью?

— Тебе.

— Что?! Не ослышался ли я?

— Нет, не ослышался. Не тот предатель, кто открыто борьбу ведет, а тот, кто на опасную игру толкает.

— Значит, оправдываешь Саакадзе?

— Я осуждаю тебя. Надо было сговориться, опять же время надо понимать. Ты умнее всех князей, а как дело повел?

— Сговориться князьям с плебеями? Ты шутишь, отец Трифилий!..

— А теперь с кем думаешь сговориться? С Багратом? Не сумеешь! С князьями? Им некогда, головы бреют... Как ты, Шадиман, не заметил нового времени? Плебеи! Разве ты мог весну остановить? Поток буйной крови княжескими цагами хотел преградить? Откуда такая слепота, Шадиман?

— Значит, следовало под плебейские цаги бросить княжеские знамена?

— Зачем? Разве умнее нельзя было действовать? Разве все азнауры на Георгия Саакадзе похожи? Небольшие уступки многих бы успокоили.

— Успокоились бы, пока не привыкли, потом еще начали бы требовать.

— А вы еще что-нибудь дали бы...

¹ Съедобная трава.

— Зачем же князьям свое терять?

— В таком деле без потерь нельзя. Но лучше дерево потерять, чем весь лес...

— Но, отец, княжеские леса тысячами славятся, не так легко вырубить... Потом, какая выгода церкви поддерживать азнауров? Разве монастыри чем-нибудь от княжеских замков отличаются?

— Отличаются.

— Чем?

— Умом. Мы с азнаурами никогда борьбы не вели.

— Открыто не вели... Нас сейчас никто, отец, не слышит. Замыслы азнауров так же вредны церкви, как и князьям.

— Знаем, поэтому никогда не вступали в борьбу с азнаурами. Незаметно обезоруживали. Так собираемся и дальше действовать. Даже поможем, когда помощь на пользу церкви пойдет. Не ожидая вопля азнауров, первыми кричать будем перед царем: «У азнауров земли мало, надо войной итти на соседей, надо азнаурское хозяйство расширять...» Если бы вас царь послушал, азнауры за землю полезли бы в драку хоть с сатаной. Победили, — их счастье, а князьям слава; погибли, — князья тоже ничего бы не потеряли.

— Разве об одной земле шел разговор? Плебеи властвовать хотели.

— Тоже не опасно. Князья первыми должны были кричать: «Почему царь в конюшне держит азнауров? Пусть азнауры тоже дела царства решают». Если бы царь вас послушал и учредил карави¹, купцы и амкары всполошились бы, тоже захотели бы сунуть свой нос в дела царства. Тогда царь спустил бы азнауров успокоить купцов. Купцов бы успокоили и сами тоже успокоились, а князья в стороне... Опять ничего не потеряли бы...

— Нет, отец, ты не знаешь азнауров. Мы или они. Вместе нам в царстве тесно. Я на голове у себя тархун не выращиваю, поэтому головной болью не страдаю.

— Жаль... Близорукость не меньшая

болезнь, главное: неизлечима... Что же, дальше бороться будешь?

— Да.

— С кем?

— С Георгием Саакадзе.

— Он в Иране.

— Скоро придет, такой не успокоится.

— Значит, с Багратам сговориться думаешь?

— Нет, с Симоном.

Трифилей посмотрел на блеснувшие зубы Шадимана.

— Луарсаба совсем забыл?

— Бесплезно помнить, отец, Луарсаб — вчерашний день Грузии.

— Это ты его уговорил прибыть к шаху?

— Я. Не все ли равно, какое имя носит царь Картли? Луарсаб, Симон или Мамия? Важно, чтобы был царь... Лучше пусть один погибнет, чем вся Картли лежала бы в обломках. Когда-то царь Димитрий Самопожертвователь добровольно отдал монголам свою голову за клятву не опустошать Грузию. Сельджуки отрубили голову Димитрию и, не тронув страну, ушли. А церковь сделала Димитрия святым... Разве не завидная участь? Луарсаб именно такой царь... Он должен был погибнуть.

— Церковь и Луарсаба может святым мучеником сделать... Но рано трон уступил... Теймураз умнее.

— Умнее? Пока закончит борьбу с шахом, в Кахети даже камня не останется. Над каким царством будет царствовать?

— Найдется...

Шадиман вздрогнул. Пораженный внезапной мыслью, он помолчал. Шумно отодвинув чашу, перегнулся к Трифилию:

— Значит, если не Луарсаб?..

— Время позднее, мне пора: завтра синклит у католикоса. Ожидаем приезда Даниила, архиепископа самтаврского, Агафона, митрополита руисского, Филлипа, архиепископа алавердского... Дела церкви надо решать...

— Может, царские тоже? Ты, отец, только-что меня просветлял... Так вот, если церковь поддержит Симона, Симон будет поддерживать церковь, осо-

¹ Карави — парламент.

бенно Кватахевский монастырь. Это тебе обещает Шадиман.

— Церковь Симона не поддержит... Это тебе обещает Трифилий.

— Так, значит, об этом пришел сообщить царице Мариам?

— Хорошо, напомнил, Шадиман. Я выполнял просьбу Мухран-Батони. У него внук родился. Давно, оказывается, сговорились с царицей — если родится двенадцатый внук, Мариам непременно крестить приедет. Правда, положение ее с тех пор изменилось, но старый князь суеверный, боится: если откажется от своего слова, внук умрет.

— Боюсь, умрет внук: не отпустит Баграт, вернее, Гульшари.

— Если господь бог лишит их разума, Мухран-Батони непременно отомстит за оскорбление. Тем более на днях от шаха подарки получил. Старого князя бережет Саакадзе, тесной дружбой связан с Мирваном Мухран-Батони. Тебя, князь, прошу сообщить это Баграту. Думаю, не больше месяца царица в Самухрано прогостит, из-за этого не стоит затевать войну.

Трифилий давно ушел, а Шадиману все еще слышится лукавое шуршанье шелковой рясы. Словно лисица повалялась на ковре. Шадиман брезгливо отодвинул чашу, не допитую настоятелем.

Шадиман глубоко задумался: «Что-то произошло! Разве надо беспокоиться о неподходящем царе на картлийском троне? Сегодня на шах-тахте сидит, завтра на тахте может лежать... На другое не следует закрывать глаза, — с князьями неблагополучно! Как будто бы ничего не изменилось, но... Так бывает с кувшином: будто цел, незаметен изъян, а где-то совсем маленькая, невидная трещина — и медленно уходит вино... Неужели раскачались четыре столба княжеского шатра удовольствий? Все князья друг против друга щит подняли: Амириндо упоен миражем, не замечает, что его власть на песке стоит; Цицишвили, Джавахишвили, Амилахвари и лучшие княжеские фамилии подрубают дерево своего благополучия. Не понимают — теперь важнее

всего объединение. Все расплозлось, как плохо сшитое платье. Нет, Баграт, ты ошибся, не тебе, бычьему пузырю, сломить Шадимана. Нет, Георгий Саакадзе, не тебе уничтожить власть князей. Нет, лицемерный монах, не тебе учить везира Картли. Борьба не погасла. Только временно пепел закрыл пламя... Мухран-Батони надо привлечь... Верен Луарсабу? А я разве против Луарсаба? Эристави Ксанского надо проведать... Ненавидит Баграта? А я что, влюблен в него? Должны князья понимать, что не только о себе надо думать, но раньше о княжеском сословии. Кувшин чуть-чуть треснул, можно золотом спаять, можно панцырем одеть... Целым не станет, но предотвратить многое можно: пока вино вытечет, века пройдут...»

В дверь осторожно постучали.

Лишь только Трифилий оставил Метехи, Гульшари послала за Шадиманом. От любопытства она тряслась, словно в лихорадке. Она порывалась сама пойти к Мариам, но опасалась насмешек придворных. А вызвать к себе Мариам не рискнула: вдруг сова защиты нашла и не придет.

Шадиман подошел к лимонному дереву и стал выискивать сухие листочки. Сказать правду? Предупредить войну или выгодна война князей с Багратом? Какая выгода? Если сейчас Баграт умрет, Симона могут уничтожить, пока шах не утвердил его наследником... Нет, Теймураз мне не нужен.

Шадиман сказал Гульшари только о двенадцатом внуке. Два дня обсуждали, спорили. Гульшари даже охрипла и между криком и смехом полоскала горло розовой водой.

Наконец, Баграт нехотя согласился отпустить Мариам, но неожиданно запротестовал Нугзар. Он чувствовал в нежности собачника к Мариам другую причину. И, завидуя твердости Мухран-Батони в борьбе с мусульманами, желал с ним столкновения.

Баграт обрадовался поддержке и заявил Мариам, что ее отъезд зависит от Нугзара. Напрасно Мариам тайно молила Нугзара; эта настойчивость еще больше утвердила его подозрение.

Нари сообщила Трифилию о вмешательстве Нугзара. Трифилий просил передать: в обещанный день царица покинет Метехи.

Трифилий приехал к Мухран-Батони в разгар приготовления к крестинам двенадцатого внука. Трифилий заперся со старым князем, и до полуночи говорили о судьбе Луарсаба.

Наутро князь объявил, что крестины придется отложить до приезда царицы Мариам. Хотя никто из семьи не помнил обещания Мариам, но, раз старый князь сказал, кто посмел бы оспаривать?

Затем Трифилий отправился в Анапури.

Русудан оживилась. Она узнает о своих сыновьях — Автандиле и Бежане. Друг приехал вовремя, от Георгия прискакал гонец. Шах все еще медлит отпустить Георгия, несмотря на вновь ожидающуюся войну с Теймуразом. Не отпускает и Паата, ссылаясь на дружбу с ним Сефи-мирзы. Георгий вновь ведет войска против турок, и Паата с ним. Сефи-мирза немного отвыкнет, тогда он, шах, отпустит Паата в Картли.

Трифилий внимательно слушал вести из Исфагани, даже те, которые знал: о месте, где находится Тэкле, о встрече с ней Папуна. Но о тайном приезде Папуна в Кватахевский монастырь Русудан не знала, а настоятель ей ничего не сказал. Также умолчал о мольбе Тэкле помочь Луарсабу.

Трифилий внушил Русудан, что персы хотят разорить амкар и населить майдан только мусульманами. А царь Баграт, воистину сатаной данный, собирается отобрать последний скарб у бедных амкар.

Русудан возмутилась: она напишет обо всем в Исфгань. Пусть Георгий откроет шаху вредные для Ирана действия Баграта.

Трифилий похвалил намерение Русудан — ведь глупость Баграта может принести немало бед Картли. И Трифилий кстати рассказал о крестинах. Конечно, старый князь не стерпит оскорбления.

Русудан заволновалась. У Георгия

большие надежды на Мухран-Батони. А если старый князь пойдет войной на Тбилиси, отец должен будет выступить против Самухрано. Измаил-хан тоже поможет разгромить князя. Нет, этого допустить нельзя.

Трифилий наблюдал за Русудан. Он всполошился, осенил себя крестом: царь небесный, избави нас от лукавого! Он якобы не знал о возможности таких последствий. Надо всеми мерами предотвратить несчастье.

— Отец, я давно забыла вражду к Мариам, хотя она всю жизнь приносит мне неприятности... Почему живет в таком унижении? Разве не почетнее уйти в монастырь? Ни Баграт, ни пустая тыква Гульшари не посмели бы препятствовать такому желанию.

— Грешный мир был бы светлее рая, если б все женщины походили на княгиню Русудан, — тихо сказал монах.

Русудан протянула Трифилию крепкую руку.

Чуть дрогнувшими пальцами Трифилий пожал ее и приложился к прохладной ладони лбом.

Русудан ответила легким пожатием. Она знала о чувстве к ней Трифилия и умела поддерживать теплящуюся искорку, которую не следует раздуть, но и не следует давать потухнуть. «Что за дружба без капельки любви» — думала Русудан, а настоящую дружбу она ценила. Недаром доверила Трифилию сыновей. Она знала: даже все войско шаха Аббаса бессильно отыскать ее детей, живущих в спокойном довольстве под охраной отца Трифилия. Они будут у настоятеля до возвращения Георгия, ее Георгия!

Она знала об особой нежности Трифилия к Бежану, его крестнику, которому так много времени посвящает этот высокоодаренный монах. Русудан догадывалась, что сейчас и для Трифилия важно доставить Мариам к Мухран-Батони.

И она тотчас написала Нугзару настоятельную просьбу предотвратить междоусобицу: «Помни, отец, — закончила Русудан, — Георгий никогда не простит тебе такой ошибки». Через две

недели Мухран-Батони прислал за царницей Мариам пожилого князя, своего родственника, пышную свиту из азнауров и охрану в сто дружинников. На белом верблюде покачивалась позолоченная кибитка, куда с необыкновенной поспешностью взобралась Мариам, подталкиваемая Нари.

Озадаченные Баграт, Гульшари и Амириндо с притворной любезностью провожали Мариам. Они просили не задерживаться более месяца: без нее так будет скучно в Метехи.

«Боюсь, больше не придется сове поселить глупую фазанку» — подумал Шадиман и с печальным лицом протянул Мариам шкатулку из слоновой кости, на дне которой, переливаясь чешуей и рубинами, свернувшись, лежала змея.

Шадиман, словно не замечая ярости в глазах Мариам, просил носить этот браслет, как память о верном князе.

Нари свирепо задернула занавеску.

Шадиман мысленно перекрестился: наконец-то, он навсегда избавляется от женщины, надоедливой, как зубная боль.

Ворота открылись. Верблюд величаво переступил порог... И Мариам навсегда покинула Метехи.

XXXV

Джамбаз блестит, как черная эмаль. Седло, обитое золотом, точно впаяно в его могучую спину. На лбу огромный алмаз подхватил развевающиеся розовые страусовые перья. Джамбаз гордо ступает, звеня золотыми браслетами. Эти браслеты сарбазы добыли в гаремах пашей для Георгия Саакадзе. Джамбаз разделяет торжество своего господина. Это он, Джамбаз, вынес Георгия Саакадзе из горящего леса... Это он, вздыбившись, предотвратил удар ятагана торбаши. Это он отчаянным прыжком оставил позади янычар с кривыми ханжалами, устремленными на Георгия Саакадзе.

И сейчас Джамбаз встряхивает головой и победно поглядывает по сторонам улицы, где тысячи тысяч персиан, словно одержимые, несмотря на удары,

лезут вперед хоть одним глазом взглянуть на Саакадзе.

— Персиане, смотрите, смотрите на Непобедимого! Смотрите на Георгия Саакадзе! Это он до последнего аскера разгромил проклятых османов. Это он, Георгий Саакадзе, отнял у презренных турок лучшие земли и реки. Это за ним идет караван из трех тысяч верблюдов, нагруженных турецким богатством. Смотрите, правоверные, на Георгия Саакадзе! — кричит с высокого помоста шахский поэт, размахивая тонкой палочкой.

— Смотрите, смотрите, правоверные, на грузин сардаров! Шкуры барсов лежат на их плечах. Друзья непобедимого Саакадзе убили этих хищников в турецких лесах, — кричит шахский звездочет, протягивая на шесте золотую звезду славы.

— Смотрите, смотрите, исфаганцы! Сардаров-грузин окружают копыеносцы. Они высоко вздымают на пиках головы турецких пашей. Сардары-«барсы» везут их в подарок шах-ин-шаху. Вот на передней пике сморщилась голова ереванского сераскира: ей вредно исфаганское солнце! — кричит шахский философ, придерживая широкую абу.

— Правоверные, к Давлет-ханэ! К Давлет-ханэ! «Средоточие вселенной», «лев Ирана» ждет своего спасалара Георгия Саакадзе. «Лев Ирана» вручит Непобедимому звание «Копье Ирана». Шах-ин-шах дарует недельный пир в честь Георгия Саакадзе.

Георгий Саакадзе трезв после недельного пира. Он смотрит на присланное шахом Аббасом копые с изумрудным наконечником. Теперь он—«Копье Ирана» и обязан пойти на усмирение восставших кахетинцев...

Два года игры с Турцией дали большой выигрыш.

Все шло, как было намечено. Абу-Селим-эфенди привез шаху надменный фирман султана, а Георгию Саакадзе тайное послание везира.

Как Саакадзе и рассчитывал, Азам-паша уклонился от обмена сыновьями и предложил в знак верности обмен

оружием. Саакадзе снял со стены жер-твенный меч из Непала и отослал ве-зиру. На место меча он повесил приве-зенный молодым торбаши из Стамбула клинок с выбитым на рукоятке деви-зом: «Ереван—глаз Турции». Эта над-пись намекала на встречу вблизи Ере-вана.

Абу-Селим-эфенди приезжал не-сколькo раз и тайно. Приезжали и другие торбаши. Виделись в далеких каве-ханэ, в камышовых зарослях, под мрачными сводами исфаганского моста, темной ночью у Даутбека. Виделись. Спорили. Соглашались.

По плану Саакадзе и везира Георгий должен был выступить с лучшим иран-ским войском к Новому Баязету и рас-положиться на юго-западной стороне озера Гокча.

Турецкое войско, предводительствуе-мое ереванским сераскиром, подойдет к Новому Баязету со стороны Кахты, Еревана и Давалу. Одновременный об-хват с трех сторон лишит иранцев воз-можности развернуться и преградит пути к отступлению. По знаку Саака-дзе—зажженному факелу на древке зе-леного знамени—сераскир стремитель-ным ударом опрокинет иранцев в озе-ро и уничтожит на берегах гокчинских. Георгий Саакадзе с «барсами» и уце-левшими мазандаранцами, якобы отсту-пая к Ирану, будет снимать в персид-ских крепостях гарнизоны, расчищая путь турецким силам.

Так должны быть очищены Георги-ем Саакадзе Ах-Ахмед, Баш-Нурашен, Киврах, Кара-Аглар, Джагры.

Мазандаранцев и отведенные гарни-зоны Георгий Саакадзе расположит на подступах к Нахичеванскому ханству, где турки ночным окружением и боем нанесут окончательный удар иранскому войску.

Отрезав хойскую дорогу и закрепив-шись на Карабахских высотах, серас-кир захватит Нахичеванское ханство, богатое каменной солью, хлопком и ри-сом. Нахичеванское ханство обещано Георгию Саакадзе за неоценимую по-мощь Оттоманской Порте.

Из Нахичевани открывается путь на персидский Азербайджан, значит, путь

к возврату турецких провинций Восточ-ного Кавказа.

Уничтожив главные силы Ирана, Ге-оргий Саакадзе и сераскир ударят на Багдад, покорят Ирак, Луристан, Бах-тияры,¹ возьмут Исфагань и на шах-ской площади повесят шаха Аббаса.

Весь этот план знал шах Аббас от Георгия Саакадзе и... Саакадзе высту-пил, как наметил везир Азам-паша, с отборным иранским войском к озеру Гокча.

Еще при первом приезде Абу-Селим-эфенди в Исфагань Али-Баиндур поспешил рассказать шаху о тайных встречах Саакадзе с турецким послан-ником.

Шах усмехнулся:

— Абу-Селим-эфенди из знатной фамилии, пусть встречаются, почему не встречаться?

Али-Баиндур опешил, но и Карад-жугай не внял воплям Али-Баиндура. Погладив сизый шрам, он медленно произнес:

— Раз шах-ин-шах поощряет, со-ветую тебе, хан, все виденное принять за наваждение шайтана.

Георгий Саакадзе расположил иран-цев на юго-западном берегу.

Ереванский сераскир и Абу-Селим-эфенди, точно соблюдая условия, пере-правились через Кавар-чай и подошли к Новому Баязету.

Они ждали сигнала Георгия Саака-дзе.

Но вместо сигнала к вечеру от Геор-гия Саакадзе прискакал гонец Эрасти и передал Абу-Селим-эфенди послание. Еще Абу-Селим-эфенди не успел сло-мать печать, как Эрасти скрылся.

Прочитав, Селим-эфенди опустил-ся на камень, устало вытирая на лбу хо-лодный пот. Пересилив себя, эфенди поспешил к сераскиру. Георгий Саака-дзе извещал, что шах Аббас, очевидно, усомнившись в нем, тайно послал вслед Караджугай-хана с шах-севеном. По сведениям лазутчиков, Караджугай-хан обходит турок со стороны Кахты. По-этому Георгий Саакадзе советует немед-ленно отступать, иначе ему придется

¹ Западные провинции Ирана.

сражаться вместе с Караджугай-ханом против османов. А он, Георгий Саакадзе, помнит обмен священным оружием с везиром Оттоманской империи.

Гибкость турецкой пехоты и конницы дала возможность сераскиру и Абу-Селим-эфенди молниеносно перегруппировать силы, выслать усиленный заслон против Кахты и ночью направить сокрушительный удар против войска Георгия Саакадзе.

И, когда остророгий полумесяц выглянул из-за дальних высот, передовые колонны неслышно приблизились к иранским позициям.

В разгар кровавой сечи прискакал гонец, и Абу-Селим-эфенди узнал—Караджугай прорвал заслон и окружает турецкое войско с северо-запада.

Сераскир искусно вывел турок из-под удара, оторвался от Караджугая и стал отходить к Эчмиадзину. Но тут на него обрушился Эреб-хан, зашедший в тыл туркам со стороны Аракса.

Сжимая круг, Саакадзе, Караджугай-хан и Эреб-хан зажали турок в каменном мешке.

Через два дня Абу-Селим-эфенди с тремя сотнями янычар, в азиямах, разодранных аракскими камышами, скакали к Арзруму.

Они были единственными воинами, уцелевшими в страшной сече.

Георгий Саакадзе, объединив иранское войско, перешел турецкую границу.

Так были взяты у Оттоманской Порты Ереван, Эчмиадзин, Баязет, Маку, Назак, Кизил-килис, Кагизман и обширные земли от реки Занга до Карсчая.

Дато полулежал на тахте, обвязанный мокрым платком. Напротив, за квадратной доской, сидела Хорешани.

Было за полдень. Никто из «барсов» не показывался.

— Спят, — вздохнула Хорешани, — наверное, по буйволиному бурдюку в себя влили.

— Знаешь, Хорешани, я теперь боюсь крепко думать. Куда ведет наша борьба? Мы, как дураки, за перса деремся. Вот опять вернулись с неслы-

ханной победой. Сколько за два года рисковали? Сколько раз приходили в отчаяние? Как часто могли быть вздернутыми подозрительным шахом или заколотыми из-за угла прозревшим Абу-Селим-эфенди. Какая страшная игра, и все для чего?..

— От пира у тебя мысли плохие, Дато! Для возвращения в Картли все делали.

Даутбек вертел в руках золотое копье с изумрудным наконечником.

Георгий Саакадзе крупно шагнул между стеной, обвешанной оружием, и большим окном, выходящим в сад.

— ...Не отпустит и теперь, — продолжал разговор Даутбек. — Половину Картли переселил в Иран, а тебя отпустил? Георгий, я видел картлийские и кахетинские рабаты¹...

— Шах обещал землю и хозяйство раздать. — Саакадзе, нахмурясь, поправил меч крестоносцев.

— Не верь персу, не раз обманывал. — Даутбек вонзил в мутаку изумрудный наконечник. — Раздаст тому, кто через мечеть пройдет. А пока народ решится менять Христа на Мохаммеда, половина умрет с голоду. Я по твоему желанию проехал Ферейдан², был в Офусе, Буине, Думми, Кемере, Одегуне, был и в Верхней и Нижней Конюшне³. Там на голую землю брошены наши грузины. Глазам больно смотреть на такую бедность.

Разговор перебили Дато и Хорешани. Они пришли к Георгию обедать. Одним скучно. Скоро придут Нестан и все «барсы» освежать головы после пира.

Димитрий ворвался в комнату:

— Георгий, гонец спешный от Русудан... Нугзар умер!..

Дато и Хорешани вскочили. Они инстинктивно почувствовали — смерть Нугзара приближает их отъезд в Картли.

Хорешани торопливо вышла. Из дальней комнаты послышались плач и причитания Нестан.

¹ В Иране — городские районы, предместья.

² Округ в Иране.

³ Деревни Ахур-и-пала, Ахур-и-паин.

Опустив голову, Саакадзе молчал. Что-то ушло из его жизни.

Молчали и «барсы», стыдясь неуместной, невольной радости.

«Да, шах в таком деле не откажет, не совсем собака. Георгий ближе всех Нугзару, мы тоже. Конечно, на погребение всех отпустит. В Носте весной хорошо. Сады в цветах. А, здравствуй, дорогая Ностури! Сколько радостей с тобой связано!.. Детьми купались... Как приеду...» — Дато зажмурился.

Послышался шум, возбужденный голос. Дверь распахнулась, вошел гонец. За ним гурьбой ввалились Элизбар, Матарс, Пануш и Гиви.

Эрасти взглянул в смеющиеся глаза «барсов» и отвернулся.

Гонец вынул из запыленных цаги свиток.

Георгий углубился в взволнованное послание от Русудан.

Гонец подробно рассказывал о печальном событии:

— ...Княгиня Нато лечаки разорвала, кружева, как пух, летели. Волосы распустила. Глаза стали, как два ореха, только смотрят мимо покойника. Как вода из кувшина, слезы льются. Одна щека ничего, а на другой сквозь рюмяна пробилась белая полоса. Как дорога в поле лежит.

Георгий поднял голову и молча посмотрел на «барсов».

Гонец, кашлянув в руку, продолжал:

— На белом возвышении черный гроб золотыми кистями играет. Меч Эристави Арагвских в ногах на фиолетовой подушке лежит, только доблестный Нугзар не видит. Живым был, одно золото держал в руках, а теперь серебряные абазы глаза придавили.

Через два дня прискакал другой гонец от Зураба Эристави.

Георгий Саакадзе внимательно слушал пожилого азнаура из свиты Зураба.

Боясь и ненавдя Зураба, царь Баграт неожиданно утвердил Баадура, как старшего сына, владельцем Арагвского княжества. Конечно, Баадур не замедлил отблагодарить доброго царя истинне царскими подарками: одних редкостных коней прислал двадцать пар,

десять верблюдов, нагруженных шелком и драгоценными подарками, отправили в Метехи. И Гульшари преподнес рощу с молодыми оленями. Потом собрал все войско и заперся в Ананурской крепости.

— Госпожа Русудан, — продолжал азнаур, — не пожелала остаться в Ананури, думает, война между братьями вспыхнет. Но только какая война? Когда князь Зураб, ничего не подозревая, из Ананури после смерти Нугзара уехал в Тбилиси утверждаться владельцем Арагвским, только сто дружинников с собою взял. А царь Баграт еще во время болезни Нугзара сговорился с Баадуром. Потом лицемерно заявил Зурабу: «По закону решил: Баадур старший сын».

Госпожа Русудан велела передать: «Пусть не беспокоится мой муж Георгий Саакадзе, я укреплю Носте, дружинку из молодежи соберу охранять замок». И отец Трифилий для охраны Носте прислал сто пятьдесят дружинников из монастырского войска.

Княгиня Нато между двумя сыновьями мечется, не знает, кого пожалеть. Баадур — старший, по праву владеет. Зураб — сильный, — только он сумеет блеск знамени Эристави Арагвских поддержать... Все владетельные княжества возмущены поступком царя. Нугзар давно Зураба наследником утвердил.

Георгий долго размышлял о разгроме майдана. Это щекотливое дело. Ведь амкары с мусульманами дрались, — значит, надо защитить амкар. И Саакадзе решился на смелый шаг.

Утром на совете говорили о городах, отнятых у турок. Шах, зажмутив глаза, наслаждался подробностями разгрома османов.

Георгий воспользовался настроением шаха и ловко перевел разговор.

Шах выслушал мнение Георгия Саакадзе о событиях в Тбилиси. Неожиданно Георгия поддержал Караджугай-хан. Эреб-хан тоже одобрил мнение Саакадзе.

— Если царь Баграт и князь Ами-

риндо сразу не могли пресечь обыкновенную драку, как можно в серьезном деле на них рассчитывать? Измаил-хан тоже неправ. Если Метехский замок молчал, хан обязан был выступить на защиту мусульман. И потом, допустимо ли разорение мастеров? Не владельцы князя, чтобы затевать междоусобия.

Шах одобрительно кивнул головой.

— Непобедимый спасалар прав, — медленно поглаживая шрам на левой щеке, произнес Караджугай. — Измаил-хан забыл суру корана. Думаю, шах-иншах, необходимо сделать внушение хану. Но, раз царь Баграт нашел мудрый способ золотом и товаром наказать грузин, пусть половину отобранного пришлет в шахскую казну.

— Ибо сказано: кто находит, получает половину.

Шах рассмеялся и, посмотрев на своего любимца, подумал: «Надо Эребу хорошее вино послать. Раз пьет, пусть бурдой вкус не портит».

— Приятный из приятных Эреб-хан сказал истину аллаха. Другая половина должна быть возвращена хозяину... Но царь Баграт еще допустил ошибку.

Саакадзе поспешил представить дело Зураба в выгодном освещении. И тут Георгия поддержал Караджугай, вовремя вспомнив, что шах Аббас тоже захватил престол, не будучи старшим сыном.

— Бисмаллах! Не всегда старший имеет право быть первым. Арагвское войско отличается отвагой, — сумеет ли слабый Баадур владеть княжеством?

— Ибо сказано: если вместо головы носишь котел, то вари в нем плав, а не дела царства, — подхватил Эреб-хан.

Саакадзе довольный вернулся домой. В грузинской комнате Георгия ожидали «барсы». Они вопросительно смотрели на друга.

Георгий, шумно сбросив абу и оружие, велел Эрасти внести подарок Русудан.

Эрасти и Гиви втащили ковровый хурджин.

Георгий размахисто дернул кожаную

завязку. Вытащил головку горного сыра и швырнул в руки Дато.

Эрасти вмиг расстелил на тахте цветную камку.

Георгий сам вытащил чуреки, разламывая, бросал «барсам». Они подхватывали и жадно вонзали зубы в черствые куски. Из хурджина летели на тахту чучелы, сушеные груши, платок с голинаки.

Эрасти внес на подносе дымящуюся чашу. Георгий накрошил зелень, густо посыпал лобio, отшвырнул серебряные тарелки и стал разливать в глиняные чашки.

Пожалели, что не приехал Папуна.

Георгий высоко поднял вытасенный из хурджина пузатый кувшин, и в подставленные сосуды хлынуло крестьянское вино.

— Выпьем, друзья, за упокой души доблестного Нугзара.

— Георгий, как решил шах? — оборвал тишину Даутбек.

— Амкары не будут наказаны, зато Баграт непременно заболит: должен с другим царем награбленным поделиться.

«Барсы» расхохотались, узнав остроумный совет Караджугая.

— Думаю, Георгий, на этом не успокоятся ни амкары, ни Баграт, — махнул рукой Даутбек.

— Я на это рассчитываю, — заметил Георгий.

— Народ тоже бурлит. Мой дед велел передать: совсем люди высохли, горячий уголь бросить, сразу разгорится пожар.

— Дед прав, Димитрий. Мы скоро бросим уголь. Чувствую, скоро.

— Зачем, Дато, с углем возиться, когда из Исфгани можно кремни захватить? — удивился Гиви.

«Барсы» снова расхохотались.

— Элизбар, ты ближе, дай ему по башке, — задыхался Матарс.

— Всегда такое скажет... Эй, Гиви, когда умирать буду, приди последним проститься, а то похороны в пир превратишь, — вытирал слезы Элизбар.

«Странно, — думал Саакадзе, — все «барсы» любили Нугзара, а вот узна-

ли о смерти, и два дня не перестают поселиться».

Вошли Хорешани и Нестан. Саакадзе незаметно кивнул на Нестан. Но к его изумлению Нестан тоже с трудом сдерживала беспричинную радость.

Хорешани переглянулась с Георгием. Да, грузины рвутся в Картли. Как кони, чувствуют близость дома. Даже Паата потерял свою сдержанность, а как деда любил!..

Ночь. В углублении ниши мерцает светильник. Саакадзе пишет Зурабу:

«Смерть Нугзара будет гибельна для народа. Нет уже железной руки, удерживающей покой царства, нет вождя, на которого опиралась надежда народа и моя собственная. Брат твой Баадур, заступивший место владетеля Арагвского княжества, слаб и телом, и духом. Ты же, Зураб, любимое мое чадо, питомец мой, с юных лет зрел для воинских дел. Приди ко мне, представься великому шаху и облекись здесь, у высокого трона, и в звание, и в права владетеля».

Азнаур, не дожидаясь рассвета, выехал в Картли.

Наконец, в Исфагань вернулся похуdivший и осунувшийся Папуна. «Барсы» с трудом узнали друга. Правда, он провозвал шутить: у него сейчас ишачий возраст, поэтому он не наслаждается жизнью, а шляется по всем царствам. То с Трифилием тайно, как вор, видится в родной стране. То с Керимом хуже, чем вор, шепчется около Гулабской крепости. То, как крот, пролезает в скучный дом Тэкле.

Рассказ о Тэкле привел «барсов» в смятение. Нестан рыдала, вытирая слезы желтыми косами. Хорешани сидела бледная, с опущенными глазами.

— Ничего, «барсы», вторая попытка будет удачней. Если в Картли вернемся, освободим Луарсаба, недаром Керим у Али-Баиндура.

Утешая «барсов», Георгий скрывал глубокую боль: Тэкле, его нежная сестра, два года у стен мрачной крепости стоит с протянутой рукой, а он не может, не смеет помочь ей.

Бедная Тэкле! Кто узнает царицу Картли под рваной, грязной чадрой? Кто догадается, что вымазанная в глине маленькая рука, протянутая изпод чадры, принадлежит красавице Тэкле?

Сначала сарбазы гнали нищенку, стоявшую каждое утро напротив Гулабской башни, но Керим убедил: этой старухе сто лет. Она, наверно, ведьма, лучше не раздражать, может несчастье накликасть. Тэкле оставили в покое и даже иногда опускают в протянутую руку прощ.

Так стоит Тэкле, не замечая ни ветра, ни холода, ни жары. Там, за каменной стеной, томится ее любимый, ее сердце.

И когда ночью старуха Горгосала отмывает изящную руку, натирает благовониями уставшую Тэкле и укладывает на чистое ложе, бедная царица говорит:

— Как неудобно лежать на шелковой постели. Там, против каменной башни, ноги тонут в пыли, а когда дождь,— в грязи, и так мягко, мягко...

Иногда в полночь приходит Керим. Он говорит оживающей Тэкле о Луарсабе. Да, Керим счастливый — он каждый день видит Луарсаба.

И Тэкле забрасывает Керима тысячей вопросов.

Нет, нет, царь не побледнел, он спокоен, он твердо верит в свое спасение. У него все есть: комната в коврах, ложе мягкое, одеяло парчевое. Нет, он не скучает: князь Баака Херхеулидзе играет с ним в «сто забот». Иногда приходит Али-Баиндур-хан. Но царь с ним холоден и отказался играть в «сто забот». Баака очень смотрит за царем, не расстается. Комнаты рядом. Царя все в башне любят. Он много гуляет в саду. Два раза в день по часу ему разрешили смотреть на улицу. Тогда... тогда он видит маленькую, закутанную в чадру Тэкле. Он знает — это она. Керим тихонько шепнул о ней князю Баака. Но Луарсаб сказал: если бы даже не указали, все равно бы узнал. Он старается удержать слезы, когда смотрит на улицу. Бойтся — Али-Баиндур узнает, запретит любоваться грязной улицей.

Лазутчик, слуга шаха Аббаса, запретит ему, Луарсабу Багратиду!

Керим, конечно, скрывает от Тэкле, что Луарсаб сильно изменился, что вид Тэкле убивает в нем жизнь, что он много молится и днем и ночью думает об оставленном царстве, о превратностях судьбы и о любимой Тэкле, которой бесценен облегчить большие страдания.

Тэкле умоляет, и Керим не в силах отказать — берет для передачи Луарсабу зацелованный шелковый платок или красную розу, или прядь черных волос. Керим уговаривает быть осторожной. Если Али-Баиндур заподозрит, — все дело рухнет. Тэкле понимает, но не всегда может заставить себя не посылать знак ее большой, как небо, любви.

— Тэкле тает, скоро сквозь нее будут видны звезды, — закончил Папуна.

После некоторого колебания Папуна все же рассказал друзьям о хлопотах Трифилия. «Барсы» оживились.

— Русский царь ничем не поможет, не захочет ссориться с шахом. Отделается одними обещаниями. Луарсаба спасем мы, «барсы», если уцелеет до нашего часа... Для Тэкле спасем... но не для царства, — медленно произнес Георгий.

— Баака настоящий витязь! До конца себе верен остался!

— Да, Даутбек, но на что ушла его жизнь, — вздохнул Дато.

Пьетро делла Валле заметил новую морщинку у глаз Георгия. «Задумал смелые дела» — решил делла Валле, начиная разговор.

— Сейчас, мой друг, отправляю одного миссионера в Рим. Надеюсь, скоро и меня понесет корабль к берегам неаполитанским. Третий год шах задерживает меня в Иране. Не могу жаловаться на плохой прием. К католическим миссионерам шах Аббас расположен, даже приглашает к царскому столу.

— Очень жаль будет, уважаемый Петре, когда покинешь Иран. Привык к тебе.

— Привыкли, а избегаете? Хочу еще раз с вами поговорить о вере.

— О другом говори... Я не монах, зачем нам богов делить?

— Я тоже не монах, но, о чем бы люди ни говорили, всегда придут к богу. Вот вы сейчас одержали славную победу над исконными врагами римской церкви.

— Повторяю тебе, друг Петре, я только воин. Забота о церкви принадлежит священникам.

— Нет, друг Георгий, вы не только воин, но и государственный муж. Вам полезно знать: Рим окажет помощь грузинским царям, если грузинский народ примет римское учение.

— Народам нельзя навязывать веру. А грузинский народ издревле хранит в сердце свою веру. Ассирия, Мидия, цезари римские поглощены пучиной времени, а Грузия, как ты сам убедился, истекаемая кровью, никогда не сойдет с путей вечности.

— Я уверен, друг, вы когда-нибудь вспомните этот разговор, и, если захотите притти в лоно римской церкви, Ватикан вам окажет содействие. А теперь выслушайте откровенное мнение. Я с вами не совсем согласен. Папе римскому Урбану VIII правдиво опишу трагедию Грузии и... за Луарсаба буду просить. Вы рассчитываете на Хосромирзу? Остерегайтесь! Я с ним раз беседовал: скрывшийся за кустом волк...

— Знаю. Но природа так создала: барс не боится волка.

— Аминь! А теперь хочу говорить с вами, как с воином. Вот вы одерживаете неверным столько побед, — разве не важнее было бы эти победы приносить христианскому миру? Рим великолепен! Зачем вам свою жизнь в Азии тратить? Почему сыновьям вашим не блистать в Европе? Богатство, почет — все вам доставит римский король! И папа Урбан VIII также ценит гениальных полководцев. Вы и ваши друзья будете утопать в славе и роскоши. Разве такому кораблю, как Георгий Саакадзе, можно плавать в озере? Море, безбрежное Средиземное море — твое место!

— Хорошо говоришь, друг Петре. Но не ты первый соблазняешь меня

почетом, богатством и правом одерживать победы для чужих стран. О возможности заплатить жизнью за величие ваше говорили со мною английские, французские, испанские послы. Говорили и другие послы, миссионеры, путешественники, купцы. Соблазняли дворцами, гербом, соблазняли всем, что так любит человек. Но разве вы можете понять мою жизнь? Пусть ваши страны будут великолепны, пусть дворцы из мрамора, посуда из золота, одежда, усеянная бриллиантами, море плещется у ног... Но это — ваша страна, ваше море, ваши дворцы... Там, за лиловыми горами, лежит моя страна, где нет моря, нет мрамора, нет великолепия. Но это — моя страна. Там много простого камня, а за каменными стенами мой народ. Он не знает вашей роскоши, но он обладает величием духа. Он умеет бороться и отдавать жизнь за свою родину. Этой маленькой стране я отдаю свою жизнь. Мой путь страшен. Он требует беспощадности, жертв... требует от меня всего! Но путь мой верен... Я это знаю...

Долго Пьетро дела Валле смотрел на Георгия Саакадзе, потом встал, крепко пожал руку грузину и, не сказав ни слова, ушел. Ушел навсегда из жизни Георгия Саакадзе.

Приезды послов из Руси, тайные и явные гонцы из Грузии, миссионеры, послы и купцы западных земель, беспрерывные подготовки войск, переустройство вновь захваченных турецких провинций — все это, как в котле, кипело в шахском дворце. И Георгию надо было знать дела всех царств, шах не любит, когда его советники находятся в спокойном неведении.

И сейчас в Исфагань прибыли два посла: от Измаил-хана с известием о новом восстании в Кахети и об ожидаемом вторжении Теймураза в свое царство.

Прочитав послание, шах подумал: Саакадзе прав: нельзя на Измаил-хана положиться ни в малом, ни в большом деле. А какой смелый полководец был! Грузинское солнце ему размягчило голову.

Другой посол, русский, Михаил Петрович Барятинский, прибыл вместе с дворянином Чичериным и дьяком Тюхиным.

Еще год назад шах Аббас в послании царю Михаилу, ссылаясь на дружбу с государством русийским, писал, что он издавна владеет грузинскими царствами, от начала времен Сефевидов.

Многие грузины — верные слуги Ирана, а если найдутся изменники и перебегут в Русию, то он, шах Аббас, просит царя Михаила, во имя дружбы и любви, этих грузин ему выдать.

И сейчас шах с неудовольствием продолжал слушать ответное послание Михаила Федоровича:

«...Все Иверские земли и все Иверские цари были под державою великих государей и великих князей русийских и ныне б ты, Аббас шахово величество, для нашего величества на Иверскую землю наступати и войной итти не учинял и тесноты никакие чинити грузинским царям не замышлял: А будет в чем меж вас ссора и нелюбие и в том бы ты, Аббас шахово величество, сослался с нашим царским величеством... Писан в государствах нашего дворе в царствующем граде Москве. Лета от создания миру 7129-го месяца мая 5-го дня».

Шах рассматривал александрийский лист с золотой каймой и золотыми фигурами, на котором писана грамота. Имя государя писано золотом. Рассматривал большую царскую печать на красном воске под кустодиею. Печать изображала дьячью руку на загибке.

«Хищная рука хочет захватить у меня Грузию» — негодовал шах, скрывая от послов гнев и возмущение.

Вердибег, гонец шаха в Русию, подробно рассказал Аббасу о после Теймураза, игумене Харитоне, прибывшем в Москву от шести грузинских царей и владетелей. Рассказал, что Михаил Федорович отослал ответные грамоты, очевидно, обещая военную помощь.

Шах все больше хмурился: «Нет, нельзя допустить в Грузию прихода русийского войска. Необходимо совсем разгромить Кахети и пленить Теймура-

за, уничтожить непокорных моей воле картлийцев, проникнуть в Имерети.

Кто может это сделать? Конечно, Карджугай, Эреб, Карчи, но тут мало одной хитрости и отваги, необходимо знание непроходимых троп, умение вести конный бой в узких ущельях и горах.

Тут нужен грузин.

Как тигр с гиеной, Георгий Саакадзе два года играл с Турцией. Он выиграл, а я в это время подготавливал войско для полной победы над османскими собаками.

Бисмаллах! Георгий Саакадзе доказал до конца свою преданность. Георгий Саакадзе прославлен в Иране и обеславлен в Грузии. Он повергнет предомно в прах покоренную Грузию, и не тебе, русский царь, завладеть добычей «льва Ирана». Но Саакадзе оставит мне в знак верности своего Паата, ибо сказано: верь слову, но бери в залог ценности».

На приеме шах Аббас сухо заявил князю Барятинскому: пусть он в Исфагани ожидает ответ царю Михаилу.

XXXVI

Русийских послов возили по Исфагани, показывали сад Чаарбаг, арочный мост через Зендеруд, мечеть «Сорок бабок», шах-майдан, сокровища Давлетханэ.

И в эти дни скрытно подготавливали кахетинский поход. Со всех ханств стягивали сарбазов, сгоняли верблюдов, коней.

Георгий Саакадзе лично руководил подготовкой, но на душе у него было беспокойно: о Грузии шах с ним не говорил.

С утра по Исфагани ползли смутные слухи. Кто-то приехал из Картли, что-то сказал, но гонца не было, и не все верили. Восемнадцать дней караванного пути — слишком большое расстояние для достоверности.

И вот шахский двор, и все грузины поражены: в Исфагань прискакал не только Зураб, которого ждали, но и царевич Симон, которого совсем не ждали.

Царь Баграт внезапно умер. На охоту выехал веселый, охота удачна была. Вдруг конь царя шарахнулся, встал на дыбы. Говорят, лесной человек испугал коня. Царь от неожиданности упал с седла, голову о пень разбил. Два часа жил, никого не узнавал, только помянул какой-то сундук с одеждой.

Симон почти бежал из Тбилиси. Духовенство отказалось венчать на царство: говорят — мохамметанин, не дело церкви, как шах Аббас скажет.

Неизвестные народ мутят. На майда-не кричат купцы, кричат амкары. Тбилиси, как раскаленный мангал: все со всеми драться готовы. Но и владельцы князья отказались признать Симона. Пример подал Мухран-Батони, потом Ксанские Эристави, за ними потянулись и князья-мусульмане... Старая царица Мариам развезжает по всем княжествам, большие богатства жертвует церкви. Откуда взяла?! Против царя Баграта настраивала, теперь — против Симона. Сейчас уползла в Имерети... Кто знал, что змея, думали — сова.

И Зураб жаловался шаху. Он с юных лет с Нугзаром на поле битвы добывал славу роду Эристави Арагвских. Он за шах-ин-шаха пять лет сражался с турками, он умирал горцев, он повеление шах-ин-шаха выполнял, как повеление бога. А Баадур никогда шашку не обнажал, только и беспокоился о заячьей охоте, и еще мед любил, как медведь. Нугзар Эристави открыто говорил: «Зураб унаследует владение Арагвское». Еще немного — и горцы откажутся от дани, другие тоже. Никто не боится слабого Баадура. Княжество рассеется, как дым. Кто тогда защитит царский престол? Уже сейчас опасно без большой охраны на дороге... Нет мира в Картли.

Шах встревожен. «Дальновидный русский царь, осведомленный о состояний Картли и Кахети, не замедлит прислать Теймуразу стрелецкое войско. Недаром просил меня за Теймураза, больше, чем просил,—одной верой связаны. Тогда мои великие труды разлетятся, подобно птицам. А дальше? Дальше русский царь присвоит все дороги Кавказа. Если не остановить, ста лет не пройдет, тень России на Иран ляжет».

И Аббас решил — в Кахети пойдут Георгий Саакадзе и Карчи-хан. Неожиданное счастье! Ненужному царю, вероятно, Шадиман помог умереть.

Шах Аббас утверждает на царство Симона, утверждает Зураба Эристави владетельным князем Арагвским. Снабжает Георгия Саакадзе и Карчи-хана большим войском. Посылает Хосромирзу против узбеков, — туда тоже может проникнуть Русия. Саакадзе от шаха получает наказ: в случае народных волнений посадить Симона на картлийский престол с помощью оружия. Получает секретное повеление истребить население Кахети.

Саакадзе внимательно слушает.

— Иншаллах, Георгий, выполнишь мое повеление, не будет тебе равного в Иране.

— Шах-ин-шах, ты не раз испытывал мою преданность. Был ли даже ничтожный повод сомневаться во мне?

— Мой сардар, ты по заслугам отмечен шахом Аббасом.

За окном в саду под твердыми ногами скрипнул песок.

Шах Аббас обернулся.

По аллее шел Паата, улыбаясь солнцу. Он подбрасывал розу, и мускулы играли под шелковым аязмом.

Георгий Саакадзе залюбовался красавцем сыном.

Шах Аббас одобрительно кивнул:

— Как твои два сына, выздоровели?

Георгий похолодел: Шадиман донес.

— Все время об этом беспокоюсь, великий из великих «лев Ирана». Неоднократно хотел обратить твое благосклонное внимание на личное горе, но неудобно было. Русудан ничего не пишет о них, а сам я избегаю спрашивать, боюсь правды.

— Алах пошлет Бежану и Автандилу полное выздоровление. Спокойно езжай. Но разлука с тобой тяжела: В утешение пусть останется со мной Паата. Его доблесть и мужество, как в зеркале, отразят преданного мне Георгия Саакадзе.

На секунду, только на секунду Георгий потерял себя. Он чувствовал, как сжимается его сердце, как одеревятели ноги. От ужаса он словно опьянел.

Шах пристально вглядывался, но видел только неподвижное лицо и ясный взгляд. Георгий спокойно проговорил:

— Шах-ин-шах, я сам хотел просить тебя о такой милости. Где, как не у источника мудрости, Паата почерпнет знания и силу?

Шах облегченно подумал — Саакадзе одержит победу и над грузинами.

Шах Аббас разрешил Георгию Саакадзе для скорейшего разгрома Теймураза взять с собою «барсов» и грузинскую свиту.

Прощаясь, Георгий рассказал шаху смешной случай с дервишем, который по ошибке вместо дыни съел кусок подшвы и уверял, что разница только во вкусе.

Шах расхохотался.

Около мавританских дверей Давлетханэ Эрасти держал под уздцы Джамбаза. Шахские слуги толпились у дверей, склоняясь до земли перед спасалом.

Эрасти качнулся, задрожал. Георгий Саакадзе никак не может вдеть ногу в стремя?! У Эрасти всю дорогу стучали зубы. Он знал — случилось непоправимое несчастье.

Саакадзе тяжело прошел в грузинскую комнату. Лязгнул засов. До утра Эрасти прислушивался к неправильным шагам Георгия...

В эту ночь и Нестан переживала большое горе. Шах снова оставляет ее на год в Исфагани в залог верности Зураба. Нестан вспомнила мудрый совет Георгия, данный ей полгода назад: «Если хочешь скоро увидеть Картли, убеди шаха в своем равнодушии к Зурабу. Скажи о желании стать женой Даутбека, прими мохамметанство. Даутбек для нашей Нестан тоже пойдет на это. Конечно, все сделаем для виду. Шах забудет о тебе, а в Картли снова станешь христианкой и женой Зураба».

— Почему я тогда высмеяла Георгия? — рыдала Нестан.

Зураб гладил золотистые волосы, целовал теплые губы. Зурабу жаль Нестан, но острой боли он не чувствовал.

«Неужели разлюбил? — удивлялся он. — Может, отвык? Почти три года не видел. Нет, если бы любил, десять лет можно не видеть, сердце не устанет помнить».

Зураб постарался скрыть свою холодность под щитом нежности и утешения. Он уверял: не более трех месяцев пройдет, и они снова будут вместе и навсегда забудут горечь расставанья...

«Барсы» возбужденно готовились к походу. В кайсерие¹ уже закуплены дорогие подарки для всех друзей и родных. Даже Папуна, третий день ходивший сумрачным, набил хурджины разными лентами и игрушками. «Для новых «ящериц» — говорил он, вздыхая. И Паата вместе с Хорешани усердно выбирал подарки для матери, братьев и сестер... Только Эрасти не покидал порога грузинской комнаты. Он никому не сказал о странном состоянии Саакадзе, но не отходил от него, стараясь угадать малейшее желание. Георгий продолжал молчать. Он не хотел мешать друзьям насладиться сбором в дорогую Картли.

— Эрасти, а ты почему не идешь на майдан? Или решил своей жене и сыну кислое лицо привезти в подарок? — спросил Георгий. — Завтра выступаем.

— Батоно! — мог только выговорить Эрасти.

— Папуна, прошу, пойди с Эрасти купить для Русудан красивую шаль, а для детей...

Голос Георгия дрогнул.

— Э, Георгий, что ты последние дни глаза прячешь? Лицо на шафран похоже, а виски сединой занесло, — укоризненно покачал головой Папуна.

Георгий схватился за виски. Он круто повернулся к зеркалу, с тревожным вниманием разглядывая свое лицо.

— Друг Папуна, купи и мне подарок — черную краску, ибо даже я не доверяю полководцам, седеющим в ночь перед походом!

Когда все ушли, Георгий обнял Паата и запер на засов дверь. Паата удивленно следил за отцом.

— Мой сын, мой любимый сын, я хочу говорить с тобой об очень большом...

— Мой отец, я слушаю.

— Я хотел говорить с тобою о родине, мой сын. Ты вырос здесь, вдали от нашего солнца, вдали от биения сердца грузинского народа. Чувствуешь ли ты себя связанным с Грузией? Ведь тебе пришлось даже принять мохамметанство.

— Отец, я согласился сделать это ради родины, ради тебя. Этого требовал шах, я не противился тебе. Да, я вырос в Иране, но я рос у тебя, мой отец, у тебя, чье сердце наполнено большой болью за родину. Я грузин, мой отец!

— И если придется доказать это, мой сын?

— Я не задумаюсь отдать свою жизнь за нашу Картли.

— Помнишь, Паата, ты уже раз обещал мне это... Мой Паата, у тебя благородное сердце Русудан, твоей матери... Многое может произойти... Мне тяжело говорить, но знай: настало время доказать родине, что мои помыслы — о ней...

— Не надо, мой отец, не говори, я все понял... Помнишь, отец, однажды в Носте я упал с дерева. Мать старалась скрыть испуг, а ты сказал: «Хорошо, что не с коня, этого я бы тебе не простил».

— Шах требует мое сердце в залог верности... Мой мальчик, я вынужден оставить тебя... будь мужествен... О пережитом мною в эти дни никто, кроме тебя, пусть не знает... Но у меня теплится надежда...

— Да, мой отец... Ты не думай больше об этом. И матери скажи, пусть радуется другим сыновьям... Я с гордостью буду думать о твоём решении.

— Наша жизнь, Паата, короткая, но дела наши переживают нас. Не умею утешать... Сыновей своих я всегда учил смотреть опасности в глаза. Но знай: тебя люблю, как жизнь, как солнце... И если бог тебя сбережет, клянусь до последнего часа помнить сегодняшний день и все твои пожелания выполнять, как раб.

¹ Крытые торговые ряды.

— Если бог меня сбережет, я клянусь снова отдать свою жизнь моему повелителю, Георгию Саакадзе.

Георгий обнял Паата, и они крепко поцеловались. Больше не говорили.

Георгий встал, плечи его разогнулись, глаза снова вспыхнули, как два факела. Паата поразило, с какой твердостью легла тяжелая рука Саакадзе на эфес меча. Он содрогнулся: «Сколько жизней за мою отнимет у шаха мой большой отец...»

Когда «барсы» Папуна и Эрасти вернулись, слуги сказали — батони Георгий и Паата уехали прощаться с Эребханом.

Эрасти вскочил на коня и ускакал искать Саакадзе.

— Что-то скрывает от нас Георгий, — заметил Даутбек.

— Наверно, плохое, с хорошим сразу делится, — пробурчал Папуна.

Ночью Саакадзе перед зеркалом тщательно закрашивал виски:

— Шах не любит серебра, — с усмешкой сказал Георгий.

— А что любит шах?

— Ценности...

И Саакадзе рассказал Папуна о предстоящей временной разлуке с Паата.

— Временной? Кого ты утешаешь, Георгий?! Или собираешься обратно вернуться? — Папуна встал, сделал несколько шагов и, пошатываясь, направился к дверям.

— Куда, мой Папуна?

— Пойду успокою Эрасти, он три ночи не спит, думает — несчастье с нашей Русудан.

Георгий с необыкновенной теплотой взглянул на друга.

Иранские войска ждали сардаров за стенами Исфагани: сто тысяч сарбазов, готовые ринуться на окончательное уничтожение Кахети и усмирение Картли.

Симон с царскими почестями ехал в середине войска. Зураб Эристави рядом с Саакадзе.

Карчи-хан, Вердибег, окруженные мин-башами, он-башами и юз-башами, наконец, выехали из своего дворца.

«Барсы» пережили вчера ужас расставания с Паата. Сегодня они утешают себя: подозрительный перс в последнюю минуту мог задержать их в Исфагани, но не задержал.

Паата и Сефи-мирза провожали уходящих из Исфагани до загородного дворца. Паата ехал рядом с отцом и Папуна, думая, какое счастье ехать так, рядом, до самой Картли. Внутреннее пламя не отражалось на лице Георгия Саакадзе. Он, улыбаясь, смотрел на Паата, давая ему советы:

— Береги коня, — тот не воин, кто не умеет беречь коня.

В загородном дворце первый привал.

Ночь Саакадзе провел без сна. Паата, положив голову на могучую грудь отца, молчал. Да и о чем говорить? Все равно, все предопределено.

Георгий гладил волнистые волосы сына, осторожно прикоснулся к его шее. Пальцы Георгия похолодели, он сдавленно вскрикнул и прижал к себе Паата.

Ранний рассвет... Как спешит иногда неумолимое время... Уже утро... еще минуту, мгновенье удержать!

Трубят труба. Все в движении. Войско с мин-башами уже выстроено. Все на конях. На верблюдах тянется бесконечной вереницей обоз с шатрами, одеждой и едой.

Георгий вышел из дворца последним. В окне стоял безмолвный Паата. Георгий вскочил на Джамбаза, задержал горячившегося коня. Последний раз встретился глазами с сыном. Резко повернул коня и, не оглядываясь, поскакал.

Взметнулась пыль, обволакивая дорогу.

(Окончание следует.)

Невыдуманные рассказы о прошлом *

В. ВЕРЕСАЕВ

★

56

В конце, кажется, девяностых годов в Петербург приезжал знаменитый итальянский трагик Томазо Сальвини. В то время ему было уже семьдесят лет. Я видел его в «Отелло». Спектакли шли в Александринском театре; остальные роли исполняли артисты этого театра (Дездемону—В. Ф. Коммиссаржевская). Я видел Росси, видел Барна — столь же, как Сальвини, прославленных европейских трагиков. Какими они показались крохотными в сравнении с Сальвини! Здесь душа сразу, без минуты колебания, сказала: «Вот это — гений!»

Сальвини играл по-итальянски, остальные актеры — по-русски. Я взял с собою дешевое суворинское издание «Отелло» и, когда говорили партнеры Отелло, читал по книжке вперед то, что должен был сказать Отелло; когда же начинал говорить он, — слушал и смотрел в бинокль: хотелось понимать каждое его слово. И сколько же я из-за этого потерял!

Шло третье действие. Отелло требует от Яго доказательств неверности Дездемоны. Яго рассказывает, как однажды ночью он спал на одной постели с Кассио:

Вот слышу я, — он говорит сквозь сон:
«О, ангел Дездемона, скроем нашу
Любовь от всех и будем осторожны!»
Тут сильно ждал он руку мне, воскликнув:

«О, чудное создание!» и потом
Стал целовать меня так пылко, будто
С корнями он хотел лобзання вырвать,
Что на губах моих росли; потом
Он горячо прильнул ко мне всем телом,
И целовал, и плакал, и кричал:
«Будь проклят рок, тебя отдавший мавру!»

Случайно я задержался и в продолжение всей речи Яго смотрел в бинокль на Сальвини. И увидел ужасное. Передо мною была напряженно улыбающаяся маска с слегка оскаленными зубами; чудовищным напряжением воли человек заставил свои мускулы раздвинуть лицо в улыбку, — о, никто не должен знать, что происходит у него на душе! — и из улыбающейся маски этой глядели безумно-страдающие, остановившиеся глаза, — припоминающе-остановившиеся: так, значит, в те незабываемые ночи... Все те ласки, все те слова...

И он шептал, с трудом переводя дыхание:

— *Mostruoso! Mostruoso!..* (Чудовищно! Чудовищно!..)

Тут уж не было искусства, это была голая, страшная жизнь. Стыдно, неловко было присутствовать при интимной драме великолепного этого человека: нужно же уважать чужое страдание и не лезть со своим любопытством!

Когда кончился спектакль, все остальные актеры, и Коммиссаржевская в том числе, разгримировались, переоделись, — и не стало уже ни Дездемоны, ни Яго, ни остальных. Но Отелло не исчез. Сибирь Томазо Сальвини, — он, может

* Окончание. См. «Новый мир», №№ 6 и 8 1940 г.

быть, поехал сейчас со своими поклонниками ужинать к Кюба, — приятного ему аппетита. Но Отелло отдельно живет со своею великою тоскою, с развороченною своею душевною ранюю. Странно: как он может быть здесь, в Петербурге,—этот венецианец из средневековья? Однако он где-то здесь, и его можно случайно встретить.

□ □ □

57

Говорят, «ревнив, как Отелло». У нас много писали об Отелло несколько лет назад, когда драма была поставлена в Малом театре с исполнителем заглавной роли Остужевым. Возражали против обычной трактовки трагедии, как «трагедии ревности»; говорили, что здесь — «трагедия героя, у которого разум подчинился крови»; хвалили игру Остужева, показывающего, как у Отелло постепенно зарождается прежде неведомое ему чувство ревности, как оно нарастает и доводит ранее спокойного и рассудительного воина до безумия. «Кровь одолевает разум» — в этом источник всей трагедии. Но в таком случае остается та же «трагедия ревности», только несколько усложненная. Мне кажется, наоборот. Мне кажется, основная трагедия Отелло как-раз в том, что у него «разум» одолел его «кровь», т.-е. нутро.

Почему Отелло так привлекателен, почему заставляет так горько страдать за себя? Нет более гнусной, мелко-собственнической страсти, как ревность. «Ты принадлежишь мне, — как смеешь ты принадлежать другому?» Казалось бы, так ясно: «изменила» тебе Дездемона, — устранись. Насильно мил не будешь, какую цену имеет принужденная любовь? Но мещанство всех времен признавало ревность, как и другие собственнические чувства, явлением вполне законным и даже почтенным. Но мы-то, — что, кроме омерзения, можем мы чувствовать к человеку, задушившему любимую женщину за то, что она, пускай даже и вправду, нарушила право его собственности на нее? А Отелло мы жалеем и горько болеем за него ду-

шою. И самый даровитый артист, если бы попробовал играть Отелло так, чтобы он в нас вызывал отвращение, безнадежно разбил бы себе голову о подобную попытку.

В чем тут дело?

Пушкин тонко заметил: «Отелло от природы не ревнив». Да, он не ревнив от природы. И он—честный, хороший, глубоко благородный от природы человек. Путем дьявольской интриги Яго приводит его к убеждению, что Дездемона ему изменяет. Что в таком случае должен испытывать ревнивый человек, да к тому еще с такою горячею, «маврританскою» кровью, как у Отелло? Любовь превращается в неистовую ненависть; нет такой утонченной казни, которая в достаточной мере могла бы утолить жажду мести. В мировой литературе мы встречаем немало образов настоящих ревнивцев, в бешенстве убивающих изменниц жен, навеки заключающих их в домашние темницы, предающих их всенародному поруганию. А что мы видим у Отелло?

Яго всякими намеками старается заронить в душу Отелло подозрение в верности жены. Отелло:

Постой!

К чему ведут, что значат эти речи?
Не мнишь ли ты, что ревностию жить
Я захочу и каждый день встречать,
Одно другим сменяя подозренья?..
Нет, Яго, нет! Чтоб усомниться, должен
Я увидеть. А усомнился, — надо
Мне доказать. А после доказательств —
Вон из души и ревность, и любовь!¹

Яго одно за другим приводит как будто совершенно неопровержимые доказательства. Отелло:

Ну, что же! Нет жены!

Обманут я. И утешеньем только
Презрение должно остаться мне.

Но Яго приводит все новые и новые доказательства будто бы совершенно исключительного бесстыдства и живости Дездемоны. Отелло в бешенстве:

— О, пусть же она пропадет, пусть сгниет, пусть станет добычею ада!

¹ Цитирую по старому переводу П. Вейнберга. Он много точнее и художественнее нового перевода.

И вдруг, — это место обычно либо пропускается, либо проходит у исполнителя совершенно незамеченным, — вдруг Отелло говорит Яго:

— Но как она мила!
— О, да! Слишком мила!
— Так, ты прав. Но все-таки... Жаль, Яго! О, Яго! Жаль, страшно жаль, Яго!

Мы ясно чувствуем этот смущенно умоляющий тон, с каким Отелло пытается отстоять перед Яго свое право на жалость к любимой женщине. Яго чувствует эту жестокую борьбу в душе человека, якобы «до безумия ослепленного ревностью», — и спешит подогреть опадающую злобу:

— Ну, если вам так нравятся ее пороки, — дайте им полный простор: уж если они не трогают вас, то, конечно, никому другому нет дела до них.

И Отелло, вскипая прежнею яростью, восклицает:

— Я изрублю ее на куски! Украсить меня рогами!

Постоянно разжигаемая усилиями Яго, злоба Отелло достигает крайних пределов. Кровавое решение созревает. Отелло входит ночью в спальню, чтобы задушить Дездемону на оскверненном ею ложе. И этот «бешеный ревнивец», «отуманенный кровавою жаждою мщенья», — что говорит он, входя?

Вот, вот причина, — вот причина, сердце!
Но назову я вам ее, о звезды,
Безгрешные светила, — вот причина!

Ему оказывается нужным настойчиво твердить себе, что есть, есть причина к замышленному убийству и причина самая основательная. И дальше, с любовью целуя спящую Дездемону, он говорит:

О, сладкое дыханье! Правосудье
Само был меч сломало пред тобой!
Еще, еще... О, будь такой по смерти!
А я тебя убью и после снова
Начну любить...

И еще дальше, в последнем объяснении с Дездемоной, когда она продолжает отпираться от улик, как будто совер-

шенно очевидных, Отелло в бешенстве восклицает:

О, женщина коварная, ты в камень
Мне превращаешь сердце, заставляешь
То называть убийством, что намерен
Я совершить и что считал я жертвой!

Совершенно ясно, что перед нами не бешеный ревнивец, в нарушение всех божеских и человеческих законов готовый «раздавить гадину», а человек с великою скорбью и с горестным преодолением себя приносящий жертву какому-то беспощадно требовательному богу. Какому?

Дездемона задушена. Интрига Яго разоблачена. Лудовико с грустью спрашивает:

О, Отелло!
Как мне назвать тебя, который прежде
Героем был, а нынче жертвой стал
Проклятого мерзавца?

И Отелло отвечает:

Как-нибудь:
Желаете, так назовите честным
Убийцею, затем что ничего
Я не свершил из ненависти,
все же
Из чести лишь.

«For naught i did in hate, but all in honour». Можно ли выразиться яснее? Вот-он, этот беспощадный бог, — честь! Честь, как она в то время понималась, требовавшая жесточайшей расплаты с изменившею мужу женщиною. Благородная натура Отелло всеми силами протестует против такого отношения к любимой, в сердце его, действительно, нет к ней никакой ненависти. Но честь — эта высшая, неоспоримая правда того времени — безоговорочно требует определенных действий. Говорят, в Италии и в настоящее время оправдательный приговор суда мужу, убившему изменницу жену, встречается дружными рукоплесканиями публики. И Отелло, как смертно-тяжкий долг, берет на себя исполнение требований общепризнанного нравственного закона. И естественно, чтобы подвинуть себя на это, всячески разжигает в себе ненависть и злобу.

Если бы пришел к Отелло какой-нибудь мудрый старик, им глубоко почитаемый, то не к чему было бы ему убеж-

дать Отелло, чтоб он не поддавался дурману ревности, чтоб не позволил «крови» одолеть «разум». Он бы только мог сказать Отелло:

— Слушайся своего сердца, своей «крови», и не слушайся разума, который уверяет, будто бы «честь» требует убийства разлюбившей тебя женщины. Честь требует от тебя только одного: разлюбила тебя, —

Вон из души и ревность, и любовь!

И Отелло с радостью, с чувством великого освобождения послушался бы старика.

□ □ □

58

Весною 1901 года молодой Художественный театр в первый раз приехал в Петербург показать себя. Слава предшествовала ему. И он сразу завоевал петербуржцев.

Первый спектакль, который я видел, был «Доктор Штокман» с Станиславским в заглавной роли. Это была одна из тех радостей, за которые на все дни остаешься благодарен жизни. И до сих пор я никак не могу соединить в своем представлении образ Станиславского с созданным им образом доктора Штокмана. Станиславский — гигант, с медленными движениями, с медлительной речью. А на сцене был маленький (да, да, маленький, я это ясно видел!), маленький, суетливый, угорбленный старичок с быстрой походкой, с странной манерой держать опущенную вниз правую руку с вытянутыми двумя пальцами. Это был человек, существовавший совершенно отдельно от Станиславского. Юродивая улыбка про себя, очки на очень близоруких глазах, — о, он ничего не видит кругом, видит только реющую перед его глазами правду! Умница и в то же время ребенок, наивный чудак, постоянно вызывающий улыбку. На народном собрании он говорит боевую свою речь, — и вдруг такая вставка:

— В домах, где не подметают ежедневно полов, — Катерина, моя жена, уверяет даже, что их нужно ежедневно

мыть, но это уже вещь спорная, — в таких домах люди в два-три года теряют способность нравственно мыслить и действовать!

Доктор Штокман сделал открытие, что минеральные воды, которые составляют богатство города, загрязнены бактериями и что все предприятие нуждается в коренной перестройке. Но это грозит совершенно подорвать интересы акционеров и всего города вообще. Доктор Штокман собирается опубликовать свое открытие. Этим решением он объявляет прямую войну «сплоченному большинству» городских собственников и акционеров. Жена его в ужасе, она указывает ему на мальчиков-сыновей:

— Что будет с ними? Что ты хочешь сделать?

И он коротко, решительно отрубает:

— Я хочу сохранить за собой право смотреть моим мальчикам прямо в глаза!..

Время в Петербурге было горячее. 4 марта 1901 года произошла знаменитая демонстрация на площади Казанского собора. Когда демонстрирующие студенты собрались, то спрятанная в соседних домах конная полиция выскочила на площадь, окружила толпу и стала топтать ее лошаадьми и избивать нагайками. Отвратительная бойня эта вызвала всеобщее возмущение. Воздух был насыщен революционным электричеством, все кипело и бурлило. Даже газета «Новое время», выступившая, как всегда, на защиту властей и наговорившая кучу гнусностей по адресу избитых во время демонстрации, — даже «Новое время», в первый, кажется, раз за все многолетнее свое существование, почувствовало силу общественного осуждения и несколько растерялось.

Ничего, казалось бы, зловонного нельзя было найти в «Докторе Штокмане». Однако то-и-дело в пьесе неожиданно выплывали словечки и положения, как будто прямо намекавшие на современность. И публика бешеными рукоплесканиями и смехом подчеркивала эти места. Спектакль превратился в сплошную демонстрацию.

В пятом действии доктор Штокман, помятый «сплоченным большинством» за

его речь на народном собрании, сокрушенно рассматривает дыру на своих новых брюках и сентенциозно замечает:

— Когда идешь защищать дело справедливости и свободы, никогда не следует надевать нового платья!

Хохот и рукоплескания: яркий намек на полицейские нагайки, от которых пострададо далеко не одно только платье бывших на Казанской площади.

В том же пятом действии к доктору Штокману являются редактор местной газеты Гауштад и издатель ее Аслаксен — продажные души, всегда готовые держать нос по ветру. Они предлагают доктору Штокману вступить с ними в гнуснейшую сделку. Он в негодовании бросается на них с зонтиком и выгоняет вон.

Рукоплескания, смех и неожиданные крики:

— Суворин! Суворин!

Суворин, издатель «Нового времени», был в театре, и публика это знала. Сначала он не понял, удивленно в своей ложе поднял голову, — и вдруг страшно поблел. Публика продолжала иронически рукоплескать и кричать:

— Суворин! Суворин!

Он поспешил исчезнуть из театра.

□ □ □

59

4 марта 1901 года произошла знаменитая демонстрация на Казанской площади в Петербурге, — я об ней только-что упоминал. Когда демонстрирующие студенты собрались, спрятанная в соседних дворах конная полиция выскочила на площадь, окружила демонстрантов и, не предлагая им разойтись, — что по закону обязана была сделать, — бросилась на толпу, начала топтать ее лошадьми и избивать нагайками. Отвратительная бойня эта вызвала всеобщее возмущение. Мы, петербургские писатели, подали министру юстиции, как генеральному прокурору, заявление; в нем мы, как очевидцы, доводили до его сведения о разбойном нападении полиции на безоружную толпу, об избивении ее без предупреждения и без предложения разойтись и выражали

твердую уверенность, что министр юстиции, как блюститель законности, конечно, не преминет привлечь к строжайшей судебной ответственности виновника описанного преступления, петербургского градоначальника Клейтельса. Не нужно, вероятно, прибавлять, что сделали мы это в агитационных целях, а никак не в надежде убедить министра юстиции вмешаться в дело.

Недели через две я, в числе других, получил приглашение явиться такого-то числа в таком-то часу к директору департамента полиции. Приглашение было составлено весьма вежливо, — чуть ли, помнится, не было написано: «Директор департамента полиции имеет честь просить вас...»

Пришел. Вице-директор департамента Зволянский принял меня в своем кабинете чрезвычайно вежливо и сказал с некоторым как бы недоумением в голосе:

— На имя господина министра юстиции подана одна весьма странная бумага, и под нею, между прочим, находится и ваша подпись. Подписывали вы, действительно, эту бумагу?

— Позвольте посмотреть бумагу... Да, подписывал, это моя подпись.

— В таком случае, пожалуйста, будьте добры написать вот здесь, что подпись, действительно, принадлежит вам... Очень вам благодарен! До свидания!

Я в то время служил ассистентом в Барачной больнице в память Боткина и жил в самой больнице. Однажды утром, когда я шел в свои барачки на обход, меня догоняет наш швейцар и просит немедленно зайти к главному врачу. Главный врач С. В. Посадский встретил меня весьма смущенно.

— Викентий Викентьевич, насчет вас получена из больницы комиссии бумага... Прочтите ее.

В бумаге сообщалось, что с.-петербургский градоначальник, ссылаясь на предложение Министерства внутренних дел, предлагает Городской управе ныне же сделать распоряжение об удалении и. д. младшего врача Барачной больницы лекаря В. В. Сидовича от занимаемой им должности, во исполнение чего... и т. д.

— В чем дело? Чем это вызвано? — спрашивал главный врач.

Я рассказал.

— Жаль, что вы мне заблаговременно всего не сообщили, — может быть, можно бы было предотвратить... Во всяком случае, — очень мне жаль, но приходится вас просить в бараки сегодня уж не ходить: ваших больных посмотрит дежурный врач.

Врачи нашей больницы были типичные столичные врачи. Читали «Новое время», всякой политики чуждались, очень интересовались частной практикой и в сборной рассказывали пикантные анекдоты, поглядывая на дверь, не идет ли женщина-врач. Однако увольнение мое вызвало всеобщее сочувствие ко мне. Врачи возмущались, расспрашивали, чем вызвана кара. Однажды один из товарищей радостно подходит ко мне и общает:

— Ну, Викентий Викентьевич, я ваше дело устроил! У меня есть один пациент генерал-адъютант. Он согласился, когда будет дежурным при государе, передать ему ваше письмо, — напишите, что вы подписали бумагу, не читавши, что, если бы знали ее содержание...

— Извините, Борис Александрович, — подписал, прочитавши...

Через несколько дней женщина-врач, заведывавшая женской амбулаторией нашей больницы, предложила мне устроить свидание с одним из товарищей министра внутренних дел, тоже ее пациентом. Я только должен был сказать ему, что весьма раскаиваюсь и сожалею...

Так все это было наивно, и так велика была у них охота помочь мне, что даже невозможно было оскорбляться, а было только смешно.

16 апреля, под 1 мая нового стиля, у меня был обыск, но ничего не нашли. Обыск произвел в больнице большую сенсацию, — ничего еще подобного в ней никогда не бывало. Вскоре я собрался уезжать из Петербурга. Мне передали просьбу врачей зайти к 12 часам в сборную.

Зашел. Все врачи были в сборе. Старший ординатор сказал речь, где все было, как полагается, — что я был прекрасным товарищем, что все они глу-

боко скорбят, что... В заключение он от лица всех товарищей просил меня принять от них на память вот эту вещичку...

И передал мне раскрытый футляр, в котором сверкал на золоте яркий рубин. Я ответил в соответственном тоне.

Дома рассмотрел подарок. Изящный брелок — золотая дощечка в виде визитной карточки с загнутым краем, и в углу ее — рубин. На оборотной стороне вырезано:

«Дорогому товарищу от врачей Барачной в память Боткина больницы».

Какому товарищу, кто он такой, — об этом брелок с благоразумною осторожностью умалчивал...

Я никогда его не надевал.

□ □ □

60

Берлин, 31 марта 1902 г.

Вчера был с двумя знакомыми у доктора Генриха Брауна, издателя немецкого «Архива социального законодательства и статистики». Доктор Браун — с темной бородой и умными, насмешливыми глазами. Его жена Лилли Браун, известная деятельница по женскому вопросу, — стройная, изящная красавица. Показывали гравюры их приятельницы, художницы Кэте Кольвиц. «Крестьянская война», — исступленная толпа с косами, топорами, вилами, мчится вихрем, сзади горят здания, над толпою парит нагая женщина с факелом. Танец пьяных от крови женщин вокруг гильотины...

Брауны рассказывали о художнице. Интересная двойственность. Родом из Кенигсберга, «города чистого разума и категорического императива», по натуре и образу жизни — человек самый трезвый и смирный. В искусстве же — страстная поклонница хмеля всякого рода, до алкогольного хмеля включительно. Возмущается трезвенниками, хотя щими лишить человечество такой радости, как алкогольное опьянение. Будучи в Париже, больше всего интересовалась балом художников, где они и натурщицы должны были танцевать голые. По-

пасть не удалось. Мечтает специально поехать в Париж, чтоб увидеть такой бал. Завтра пойдем к ней.

1 апреля.

Сегодня были у Кэте Кольвиц. Она — жена врача больничной кассы. Уютная, большая квартира, просторная мастерская. Сама художница — просто одетая, с седыми волосами и внимательными, хорошими глазами, с удивительно молодым цветом лица, — сразу видно, что никаким «хмелем» не потрепана.

Думал об этой удивительной «двупланности» художника, так мало кем-нибудь отмеченной.

□ □ □

61

У публициста Г. А. Джаншиева, автора в свое время очень известной книги «Эпоха великих реформ», на часовой цепочке висела в виде брелока серебряная итальянская монета лира.

— Это я получил за пение, — объяснял Джаншиев.

— Вы поете?

— Нет. Ни слуха, ни голоса...

— Так как же?

— Вот как. Был я в Италии. Раз во Флоренции поехал на извозчике осматривать Фьезоле. Извозчик на козлах все время поет-заливается. Потом вдруг оборачивается ко мне и протягивает шляпу: «Я вам пел». — «Да я вас вовсе не просил». Начинает скандалить, кипятиться. Дал ему две лиры. Едем дальше. Я начал во все горло петь. Попел, потом толкаю извозчика в спину и протягиваю ему шляпу: «Я вам пел!» Он изумленно взглянул, усмехнулся, достал кошелек и положил мне в шляпу лиру. Вот с тех пор я ее и ношу.

□ □ □

62

Прасковья Семеновна Ивановская. Член исполнительного комитета Народной Воли в самый героический период его работы. Принимала деятельное участие в подготовке первоапрельского

покушения, была близка с «техдками» взрыва Кибальчицем и Грачевским. В 1882 году судилась в «процессе семнадцати» вместе с Юрием Богдановичем, Яковом Стефановичем, Грачевским и др. Была присуждена к смертной казни, которую заменили каторжными работами. Отбывала наказание в Забайкалье, на Каре, где при ней в 1888 году разыгралась знаменитая карийская трагедия с массовым самоотравлением заключенных.

Была человеком несгибающейся воли, беспощадно требовательной к другим, а особенно к себе. По отбытии каторги жила на поселении. Там вышла замуж за ссыльнопоселенца Волошенко. Была у них прелестная дочка Надюша, ей уж минуло семь лет. В России у Прасковьи Семеновны была сестра Авдотья Семеновна Короленко, жена знаменитого писателя Владимира Галактионовича. Вдруг Авдотья Семеновна получила из Сибири от близких ее сестры телеграмму, что случилось большое несчастье и чтобы она немедленно приехала. Моментально собралась, поехала. Оказалось: были у Прасковьи Семеновны гости, она с мужем пошла их провожать. Дочка их Надя облокотилась на стол, на котором стоял кипящий самовар, самовар опрокинулся на нее. Через несколько дней умерла в страшных мучениях.

Прасковья Семеновна дни и ночи сидела неподвижно, с окаменевшим лицом, не спала, не ела. И невозможно было ее разговорить. Не удалось это и Авдотье Семеновне. Раз Прасковья Семеновна вдруг сказала ей:

— Дуня, я больше не могу. Я кончу с собой.

Авдотья Семеновна подумала и сказала:

— Пашенька, потерпи еще, — может быть, отойдешь. А не осилишь себя, — ну, что ж! Бог с тобой, кончай!

Там же, на поселении, жил старый народоволец доктор Фейт. Авдотья Семеновна пошла к нему и все рассказала. Он ей сказал:

— Пришлите вашу сестру ко мне.

Прасковья Семеновна пришла. Доктор встретил ее сурово.

— Вы сейчас ничем не заняты. А мы в нашей больнице погибаем от недостатка обслуживающего персонала. Больных масса, уход отвратительный... Придите, пожалуйста, помогите нам!

И запряг ее в работу. Она дежурила при тяжелых больных, делала уколы, ставила клизмы. Заставлял он ее делать и самую тяжелую работу, — носить дрова и воду, мыть полы. Навалил столько работы, что домой она приходила, валилась в постель и засыпала, как убитая.

Когда через несколько месяцев доктор Фейт отпустил Прасковью Семеновну, душевная рана ее зарубцевалась, и она ожила.

В начале девятисотых годов, воротившись в Россию, она принимала деятельное участие в организации убийства Плеве.

□ □ □

63

Баронесса Доротея Эртман превосходно исполняла фортепианные вещи Бетховена. Бетховен сердечно любил ее. У нее умер единственный сын. Она без слез сидела неподвижно и безмолвно, устремив глаза в одну точку, ничего не слыша. Напрасно окружающие старались вывести ее из этого состояния. Боялись, что она сойдет с ума.

Бетховен сначала никак не мог решиться пойти к ней. Однако через несколько дней, по ее приглашению, пошел. Попытался высказать ей свое сочувствие в ее горе. Но не мог ничего сказать, все слова казались банальными и замирали на губах. Тогда он тихо подошел к фортепиано, сел и стал импровизировать тихое *adagio*. Игра его продолжалась около часа. Когда он кончил, все лицо его было смочено слезами. Он встал, молча поцеловал Доротею и ушел. Из ее глаз лились потоки слез. Холодное отчаяние сменилось тихой печалью.

— Он высказал мне все, — говорила она, — и в конце-концов дал мне утешенье.

□ □ □

64

МОСКОВСКИЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КРУЖОК

С начала девятисотых годов до Октябрьской революции в Москве существовал Литературно-Художественный Кружок — клуб, объединявший в себе все сливки литературно-художественной Москвы. Членами клуба были Станиславский, Ермолова, Шаляпин, Собинов, Южин, Ленский, Серов, Коровин, Васнецов, все выдающиеся писатели и ученые, журналисты и политические деятели (преимущественно кадетского направления). Это были действительные члены. Кроме того, были члены-соревнователи, — без литературно-художественного стажа: банкиры, фабриканты, адвокаты и почему-то очень много зубных врачей. Эти члены права голоса на общих собраниях не имели. В чем они могли в Кружке «соревноваться», — неизвестно. А чем они были полезны Кружку, будет видно из последующего.

Ежегодный членский взнос действительных членов был — 15 рублей, членов-соревнователей — 25. Формально говоря, эти членские взносы были единственным доходом Кружка; в год это составляло не больше десяти тысяч рублей. Между тем Кружок занимал огромное, роскошное помещение на Большой Дмитровке в доме Востряковых № 15 (где впоследствии помещался Московский Комитет ВКП(б), а теперь — Верховная Прокуратура СССР). За одно это помещение Кружок платил сорок тысяч в год, ежегодно ассигновывал по 5 — 6 тысяч на пополнение библиотеки и столько же — на приобретение художественных произведений, оказывал материальную помощь нуждающимся писателям и художникам. Библиотека была великолепная, стены Кружка были увешаны картинами первоклассных художников; особенно много было портретов: знаменитый серовский портрет Ермоловой, Лев Толстой — Репина, Южин и Ленский — Серова, Шаляпин — Головина, Чехов — Ульянова, Брюсов — Малютина и др. Думаю, не ошибусь, если скажу, что действитель-

ный ежегодный бюджет Кружка был 150—200 тысяч рублей. Откуда же получались эти деньги?

В верхнем этаже Кружка был большой, с невысоким потолком зал, уставленный круглыми столами с зеленым сукном. Настоящую жизнь этот зал начинал жить с одиннадцати-двенадцати часов ночи. Тут играли в «железку». Были столы «золотые», где наименьшею ставкою был золотой. Выигрывались и проигрывались тысячи и десятки тысяч. Втягивались в игру и развращались все новые и новые люди. Ходит вокруг столов какой-нибудь почтенный профессор или молодой писатель, с иронической усмешкою наблюдает играющих; балуясь, «примажется» к чьей-нибудь ставке, поставит золотой десятирублевик, выиграет (к начинающим судьба, обыкновенно, бывает очень милостивой), возвращается к ужинающим в столовой приятелям и говорит, посмеиваясь:

— Вот, заработал себе на ужин!

Глядишь, — через год-другой он уже не выходит из верхнего зала, уже не примажывается, а занимает место за столом и играет все ночи напролет. Вот тут-то «соревновались» и члены-соревнователи, вот для этой-то цели они и выбирались.

Приходилось тут наблюдать очень странные типы. Аккуратно после театра являлся сюда артист Малого театра К. Н. Рыбаков — великолепный актер, сын знаменитого Н. Х. Рыбакова. Высокий, плотный, очень молчаливый. Пристраивался около стола, где шла самая крупная игра, и — смотрел. В игре никогда не участвовал. Но смотрел очень внимательно, не отрываясь. Сюда же спрашивал себе ужинать и ел за приставленным маленьким столиком, продолжая следить за игрой. Молчит. По тонким бритым губам пробегает чуть заметная усмешка. Просиживал аккуратно до шести часов утра, — крайний срок, до которого разрешалась игра, и уходил последним. И — никогда не играл. Меня очень он интересовал. В чем дело? Знающие люди мне объяснили. Так бывает с яркими игроками, бросившими играть. Когда-то Рыбаков же-

стоко проигрался, дал себе слово не играть. И вот мысленно переживал все перипетии чужой игры, находя в этом своеобразное наслаждение.

Много видов видал этот верхний зал Кружка, о многих острых событиях могли бы рассказать его стены. Вот одно из таких событий, о котором долго говорили в Кружке.

Поздняя ночь. В накуренном верхнем зале ярко горит электричество. Вокруг одного из «золотых» столов — густое кольцо зрителей. Все взволнованно следят за игрой. Мечет банк знаменитый артист Малого театра князь А. И. Сумбатов-Южин. Лицо его спокойно и бесстрастно. Вокруг стола в волнении расхаживает уже мною упомянутый артист К. Н. Рыбаков (он тогда еще играл). Поглядывает на стол, хватается за голову и говорит про себя:

— Нет, он, положительно, — сумасшедший! Он — с-у-м-а-с-ш-е-д-ш-и-й!

Рыбаков половиною долею вошел в банк, заложенный Южиным. Девять раз Южин выиграл, в банке двадцать пять тысяч. Но Южин продолжает метать.

— Даю карту!

Выигрывает в десятый раз. В банке пятьдесят тысяч. Рыбаков требует кончить. Но Южин как будто не слышит и опять:

— Даю карту!

Проигрыш почти уже верный. Присутствующие ставят последние деньги в расчете на выигрыш, глаза горят, лица бледны, руки дрожат. Только руки Южина спокойны и лицо попрежнему бесстрастно.

Выигрыш — в одиннадцатый раз! В банке сто тысяч. И — опять спокойный голос:

— Даю карту!

Общее молчание. И денег таких ни у кого уже нет, да если бы и были, так не пойдут, — всех охватил тот мистический ужас перед удачей, который знаком только игрокам.

Южин повторяет:

— Даю карту!

По губам его пробегает чуть заметная озорная улыбка. Рыбаков оживает:

желающих нет. Вдруг тихий старческий голос:

— Позвольте карточку! По банку!

Табачный фабрикант-миллионер Бостанжоголо. Золотым пером пишет чек на сто тысяч рублей и кладет на стол.

Южин мечет. Открывают карты. У Южина пять очков, у Бостанжоголо — победоносная девятка. Банк сорван.

Рыбаков схватился за голову и тяжело упал в кресло. А князь Сумбатов-Южин барственным жестом провел рукою по лбу и спокойно-небрежным голосом сказал:

— Ну, а теперь пойдем пить красное вино!

Этот-то верхний зал и служил главным источником дохода Кружка. Официально игра должна была кончаться в 12 часов ночи. За каждые лишние полчаса играющий платил штраф, увеличивавшийся в очень значительной прогрессии. Окончательно игра прекращалась в шесть часов утра. Досидевший до этого часа платил штрафу 32 рубля. Вполне понятно: человеку, выигравшему за ночь сотни и тысячи, ничего не стоило заплатить эти 32 рубля; человек, проигравший сотни и тысячи, легко шел на штраф в надежде отыграться.

Отсюда и шли в кассу Кружка основные его доходы. Так было везде, на такие доходы жили все сколько-нибудь крупные клубы. Часто против такого положения дел в Кружке раздавались протестующие голоса, говорили, что стыдно клуб сливок московской интеллигенции превращать в игорный притон и жить доходами с него. На это с улыбкою возражали: в таком случае нужно будет либо членские взносы повысить в 20 — 30 раз, либо нанять квартиру по сто рублей в месяц, обходиться двумя-тремя служащими, держать буфет только с водкой, пивом и бутербродами, выписывать в читальню пять-шесть газет и журналов. В такой клуб никто не пойдет.

И вот: анфилада больших залов с блестящим паркетом, с уютною мягкой мебелью и дорогими картинами по стенам, многочисленные вежливые официанты в зеленых фраках с золотыми пу-

говицами, огромный, тихий читальный зал с мягкими креслами и турецкими диванами, с электрическими лампами под зелеными абажурами, держащими в тени потолок; на столах — всевозможные русские и заграничные газеты и журналы; чудесная библиотека с редчайшими, дорогими изданиями. Прекрасный буфет, недорогой и изысканный стол, тончайшие вина. Очень удобно было наблюдать до того мне совсем незнакомую жизнь старорежимного клуба и широкие круги сливок московской интеллигенции.

В помещении Кружка заседали многочисленные литературные и художественные общества: Общество деятелей периодической печати и литературы, литературный кружок «Среда», Общество свободной эстетики и др. Устраивались банкеты и юбилейные торжества. В большом зрительном зале по пятницам происходили исполнительные собрания — выступали лучшие артисты и певцы, члены Кружка и приезжие знаменитости. По вторникам читались доклады на литературные, художественные, философские и политические темы. Диспуты часто принимали очень интересный и острый характер.

Ярко стоит в памяти один из таких диспутов. Приехавший из Петербурга модернист Д. В. Философов читал доклад о книге Льва Шестова «Апофеоз беспочвенности». Зашел ко мне Ив. Ив. Скворцов-Степанов — большевик, будущий редактор «Известий». Я ему предложил пойти на доклад. Он в Кружке никогда еще не бывал. Заинтересовался. Пошли вместе.

На эстраде за столом, покрытым зеленым сукном, — докладчик, приехавший с ним из Петербурга Д. С. Мережковский и Э. Н. Гиппиус, Андрей Белый. Председествовал поэт-модернист С. А. Соколов-Кречетов. Докладчик по поводу книги Шестова говорил о нашей всеобщей беспочвенности, о глубоком моральном падении современной литературы, о мрачных общественных перспективах. Потом начались прения. Выступил Андрей Белый с длинною истерическою речью. Он протягивал руки к публике и взволнованно говорил

об ужасающей всеобщей беспочвенности и беспринципности, о безнадежности будущего, о неслыханном моральном разложении литературы. Писатели занимаются тем, что травят собаками кошек. (В это время петербургские газеты шумели по поводу забавы, которую выдумали себе один неизвестный беллетрист и два журналиста: они привязывали к ножке рояля кошку и затравливали ее фокстеррьерами.)

— Литература сплошь продается! — восклицал Белый. — Осталась небольшая группа писателей, которая еще честно держит свое знамя. Но мы изнемогаем в непосильной борьбе, наши силы слабеют, нас захлестывает волна всеобщей продажности... Помогите нам, поддержите нас!..

Андрей Белый был замечательный оратор. Речь его своею страстностью чисто гипнотически действовала на слушателей, заражала своею интимностью и неожиданностью. Публика горячо аплодировала.

Иван Иванович слушал, пожимал плечами и давился от смеха.

— Нет, не могу вытерпеть! Разрешается у вас выступать посторонним?

— Конечно.

Вышел — огромный, громовоголосый. Вначале слегка задыхался от волнения, но вскоре овладел собою, говорил едко и насмешливо. Недоумевал, почему так безнадежно смотрят выступавшие ораторы на будущее, говорил о могучих «общественных силах», временно побежденных, но неудержимо вновь поднимающихся и растущих. Потом о литературе.

— Господин Андрей Белый в пример развращенности нашей литературы приводит бездарного писателя, получившего известность за откровенную порнографию, да двух газетных репортеров, занимавшихся совместной травлею кошек. И это — наша литература? Они — литература, а Лев Толстой, живущий и творящий в Ясной Поляне, он — не литература? (Гром рукоплеканий.) Жив и работает Короленко, — это не литература? Максим Горький живет «вне пределов досягаемости», — как вы думаете, неужели потому, что он

продался? Или и он, по-вашему, не литература? Господин Андрей Белый докладывает вам, что осталась в литературе только ихняя кучка, что она еще не продается, но ужасно боится, что ее кто-нибудь купит. И умоляет публику поддержать ее. Мне припоминается старое изречение: «Добродетель, которую нужно стеречь, не стоит того, чтобы ее стеречь!» Так и с вами: боитесь соблазниться, боитесь не устоять, — и не надо! Продавайтесь! Не заплачем! Но русскую литературу оставьте в покое: она тут ни при чем!

Как будто в душную залу, полную тонко-ядовитых, расслабляющих испарений, ворвался бурный сквозняк и вольно носился над головами притихшей публики. Когда Скворцов кончил, загремели рукоплекания, какие редко слышал этот зал.

Вскочил Мережковский с бледным от злобы лицом. С вызовом глядя черными гвоздиками колючих глаз, он заявил, что публика совершенно лишена собственных мыслей, что она с одинаковым энтузиазмом рукоплекет совершенно противоположным мнениям, что всем ее одобрениям и неодобрениям цена грош.

— И я вам докажу это. Вот, я вас ругаю. — а заранее предсказываю с полной уверенностью: вы и мне будете рукоплекать!

И правда, — зарукоплекали. Но рядом раздались свистки, шиканье. Многие из слушателей порывались на эстраду, но председательствовавший Соколов-Кречетов не давал им слова. Все-таки одна курсистка взбежала на эстраду и взволнованно заявила:

— Я должна объяснить господину Мережковскому то, что он должен бы понимать и сам: «Публика» — это не организм с одним мозгом и двумя руками. Одни рукоплекют Скворцову, другие — ему.

Пришлось закрыть собрание. Иван Иванович смеялся и потирал руки.

— Очень интересный провел вечерок! Никогда ничего такого не видал. Спасибо вам!

Жил в Москве знаменитейший адвокат Плевако Федор Никифорович. По всем рассказам, это был человек исключительного красноречия. Главная его сила заключалась в интонациях, в неодолимой, прямо колдовской заразительности чувства, которым он умел зажечь слушателя. Поэтому речи его на бумаге и в отдаленной мере не передают их потрясающей силы. Один адвокат, в молодости бывший помощником Плеваки, с восторгом рассказал мне такой случай.

Судили священника. Как у Ал. Толстого:

Несомненны и тяжки улики,
Преступленья ж довольно велики:
Он отца отравил, пару теток убил,
Взял подлогом чужое имянье...

И ко всему — сознался во всех преступлениях. Товарищи-адвокаты в шутку сказали Плеваке:

— Ну-ка, Федор Никифорович, выступи его защитником. Тут, брат, уже и ты ничего не сможешь сделать.

— Ладно! Посмотрим.

И выступил.

Все бесспорно, уцепиться совершенно не за что. Громовая речь прокурора. Очередь Плеваки.

Он медленно поднялся, — бледный, взволнованный. Речь его состояла всего из нескольких фраз. И присяжные оправдали священника. Вот что сказал Плевако:

— Господа присяжные заседатели! Дело ясное. Прокурор во всем совершенно прав. Все эти преступления подсудимый совершил и сам в них сознался. О чем тут спорить? Но я обращаю ваше внимание вот на что. Перед вами сидит человек, который тридцать лет отпускал вам на исповеди ваши грехи. Теперь он ждет от вас: отпустите ли вы ему его грех?

И сел. Так это было сказано, что я сам, сообщал рассказчик, был глубоко взволнован.

Я с недоумением спросил:

— Плевако, что же, толстовец, что ли, был? Отрицал всякое наказание?

Адвокат пренебрежительно оглядел меня.

— Дело совсем не в этом. Но как ловко сумел подойти к благочестивым москвичам, а?

Прокуроры знали силу Плеваки. Старушка украла жестяной чайник, стоимостью дешевле пятидесяти копеек. Она была потомственная почетная гражданка и, как лицо привилегированного сословия, подлежала суду присяжных. По наряду ли, или так, по прихоти, защитником старушки выступил Плевако. Прокурор решил заранее парализовать влияние защитительной речи Плеваки и сам высказал все, что можно было сказать в защиту старушки: бедная старушка, горькая нужда, кража незначительная, подсудимая вызывает не негодование, а только жалость. Но — ответственность священна, все наше гражданское благоустройство держится на собственности, если мы позволим людям потрясать ее, то страна погибнет.

Поднялся Плевако.

— Много бед, много испытаний пришлось претерпеть России за ее больше чем тысячелетнее существование. Печенеги терзали ее, половцы, татары, поляки. Дванадцать языков обрушились на нее, взяли Москву. Все вытерпела, все преодолела Россия, только крепла и росла от испытаний. Но теперь, теперь... Старушка украла старый чайник ценою в тридцать копеек. Этого Россия уж, конечно, не выдержит, от этого она погибнет безвозвратно.

Оправдали.

□ □ □

66

Инженер-путеец А. Н. С-ский. Чудесно играл на скрипке. Однажды по служебным делам остановился в Киеве. Вечером у себя в номере гостиницы играл Баха, любимого своего композитора. У Баха есть пьеса, специально написанная для одной скрипки, без всякого аккомпанемента. Ее он и играл.

Стук в дверь. Коридорный подал ему визитную карточку:

*Сергей Тимофеевич
Коненков*

Знаменитый скульптор.

— Проси!

Вошел Коненков.

— Извините, что я к вам врываюсь. Вы Баха играете. Я целый час в коридоре стою, слушаю. Позвольте тут при-
сесть.

— Пожалуйста!

И опять стал играть — пятую часть; она особенно хороша. Коненков сидел в уголке дивана и корчился в молчаливом восторге. Стал просить еще играть. Пошел к себе в номер, принес вина. И опять сидит, слушает, непроизвольно мычит и корчится. Принес фотографический снимок со своего знаменитого бюста Баха.

— Вот! Видите? На губах — ироническая улыбка к миру, а здесь, — он с почтительным благоговением указал на лоб, — здесь целый огромный собственный мир!

Назавтра днем С-ский уезжал. Хотел зайти к Коненкову проститься. Спросил коридорного.

— Слит еще. Пьяный вдрызг. Всю ночь пил и колобродил.

□ □ □

VIII

67

БУКЕТЫ

В учительской комнате женской гимназии сидело несколько учителей. Старый учитель математики сказал:

— Андрей Владиславович меня зовут. Никогда не встречал другого человека с таким именем-отчеством.

Недавно переведшаяся в школу учительница истории, тоже сильно пожилая, возразила:

— Ну, это не удивительно. Отчество ваше — у нас, русских, довольно редкое. Но вот странность: и имя, и отчество у меня самые обыкновенные, — Наталья Александровна, — а я тоже до сих пор никого не знала с таким именем-отчеством.

Старый математик мечтательно сказал:

— Нет, я знал одну Наталью Александровну. Это была моя первая любовь. Наташа Козаченко

Учительница с удивлением сказала:

— Простите, я вас никогда не встречала, а моя девическая фамилия — Козаченко.

Математик пренебрежительно оглядел ее.

— Нет, это были не вы. Может быть, родственница ваша. Гимназистка, чудесная девушка с русой косой и сикими глазами.

— Это в Киеве было?

— Да.

— Она жила на Трехсвятительской улице?

— Да, да!

— Так это была я.

Он пристально смотрел на нее, и, как сквозь сильно запотевшее стекло, сквозь темное морщинистое лицо с потухающими глазами проступило лицо прежней синеглазой Наташи Козаченко.

— Да, да... Ведь верно... Это, значит, вы и есть!..

— Но все-таки... Я вас не знала.

— Ну, фамилию-то должны знать. Я вам каждый день присылал по букету роз, у меня в саду чудесные розы росли. Самые срезал лучшие.

— Букеты мне приносил гимназист Владимир Канчер.

— Ну, да! От меня.

— Он этого не говорил.

— Как?! — Старик ударил себя по лбу. — От своего лица, значит?

— Да.

— Вот подлец!

□ □ □

68

ИСПЫТАНИЕ

Евгения Николаевна и Валя — большие друзья. Живут в соседних комнатах. Евгения Николаевна — пожилая, солидная, очень положительная. Служит счетоводом. У нее — девочка Танюшка, десяти лет, хроменькая и мало одаренная. Валя — студентка математического факультета. Однако фантазерка отчаянная.

Вечер. Сидят вместе и пьют чай. Вдалеке за дворами большой дом, в крайнем окошке верхнего этажа светится огонек. Валя мечтательно смотрит и говорит:

— Там сидит студент, проходит анатомию. Перед ним лежат кости черепа...

— Вздор! Ничего ты отсюда не можешь видеть, чем он занимается!

— Занимается анатомией. Открылась дверь, вошла девушка с тремя веточками мимозы. Подошла тихонько сзади, одной рукой закрыла ему глаза, а другою поднесла к носу цветы...

— Да будет тебе! Как будто отсюда что-нибудь можно видеть!

— А он вдруг сердито вскочил, вырвал цветы и — вот, мерзавец! — швырнул в сторону.

Евгения Николаевна с любопытством:

— А она что?

— Села в угол, закрыла ладонями лицо и плачет.

— Э, вздор! Выдумки одни!..

Танюшка пошла в школу на экзамен по арифметике. Она особенно слаба по арифметике. Мать и Валя взволнованно ждут ее возвращения. Евгения Николаевна вздыхает:

— Только бы ей не попались именованные числа!

Валя торжественно говорит:

— Женя! Согласилась бы ты влезть в ванну с тараканами, чтоб Танюшка выдержала экзамен?

— Э, вздор какой!

Евгения Николаевна панически боится больших черных тараканов.

— За это по всем предметам Танюшка блестяще выдержит экзамены.

— Ну, Валя, что за ребячество! Что может измениться от того, что я сяду в ванну с тараканами?

— Нет, не с тараканами, а на тараканов.

— Как это на тараканов?

— Тараканы в ванне будут большим слоем, и ты прямо должна сесть на них.

— А... какой высоты слой?

— Ну, как всегда воду наливают в ванну. Ты сядешь, они под тобою затрепещат, задергают лапками, из них поползет белая каша...

— Какая дикая фантазия! Будет тебе! Что за вздор!

— Танюшка зато станет очень способной, будет первой ученицей в классе.

— А как в ванну нужно сесть — одетой или раздетой?

— Совершенно раздетой! Тараканы испугаются, замечутся, побегут по рукам, по плечам, по голове...

— А сколько времени сидеть?

— Четверть часа. Танюшка зато станет совершенно здоровая, красивая. Хромота исчезнет.

Евгения Николаевна быстро поднялась, взволнованная, красная, с блестящими глазами, и решительно сказала:

— Хорошо! Согласна!..

□ □ □

69

На южном берегу Крыма.

ОН. — Ах, да! Я тебе, кажется, не говорил. Мы завтра идем на Ай-Петри.

ОНА. — И я тоже пойду!

— Твое дело.

— И Танюшку возьмем.

— Ну, вот еще! Отстанет, — возиться с нею!

— Отстанет, — домой воротится.

Молчание.

— А кто же идет?

— Да все та же компания.

— Какая та же?

— Ну, все эти... Неприятно, что Платонов будет: сильно болтлив. Зато другие двое молчаливые.

Молчание.

— И Надежда Осиповна будет?

— Ну, конечно. Она же все и затеяла. Разве я тебе с самого начала не сказал?

— (Кротко.) Нет, этого именно ты не сказал.

□ □ □

70

Была няня. Вырастила она двух детей. Обе вышли замуж. И обе приглашали старуху няню к своим детям. Она никак не могла решить, к которой из двух пойти. Отправилась к гадалке. Пришла от нее вполне удовлетворенная.

— Что же она тебе сказала?

— А сказала она мне вот что: «Иди, милая, к той, к которой тебе хочется!»

— К которой же тебе хочется?

Няня уперла правый локоть в левую ладонь, подбородок в правую ладонь и скорбно задумалась.

— Да... А вот к какой же мне хочется?..

□ □ □

71

— Сейчас я одну индийскую сказку прочел. Царь осудил своего министра на смерть, посадил в высокую башню. Ночью пришла к нему жена. «Могу тебе как-нибудь помочь?»—«Хочу бежать. Завтра рано утром принеси сюда длинную веревку, моток ниток, моток тончайшего шелку, таракана и немножко меду...»

— Таня, не ешь руками ветчину.

— Да, так вот, таракана и немножко меду. Принесла. «Крепко привяжи к таракану шелковинку и помажь ему медом усы...»

— Ты ветчину еще будешь есть?

— Нет.

— А то возьми, вот кусочек очень хороший.

— Да не хочу я!

— Чего ты злишься?

— Ничего не злось.

— Ну, и что же? Помазала таракану усы?..

— Да. Помазала усы таракану. «Теперь, говорит, посади его на стену башни, усиками кверху...»

— Ах, ты, господи! Всегда ты окурки в блюдечко суешь! Возьми, вон пепельница. Потом всегда блюдечки табаком пахнут, такая гадость!

— Да я не окуроч, я только пепел сбросил.

— Все равно, табаком будет пахнуть.

— В пепле табак перегорел, он не пахнет.

— Ну, что же дальше? Посадила таракана на стену...

— А ну вас к чорту. Тьфу! (Ушел.)

□ □ □

72

ЖЕНА. — Если тебе ночью захочется воды, то вон на столе стакан молока.

МУЖ. — Гм!.. А если тебе ночью захочется вина, то вон под столом жестянка с керосином.

□ □ □

73

— Я вас давно заприметил, сразу вижу: умный человек. А меня, знаете, вопросы всякие мучают, хочется ответ услышать от умного человека. Можно вас спросить?

— Пожалуйста!

— Позвольте узнать: «включительно» — когда можно сказать? Можно сказать: «Дверь запирается включительно»?

— Нет, нельзя.

— (С грустью.) Нельзя-с?.. Ну, благодарю вас.

□ □ □

74

СУПРУГИ

(пунктирный портрет)

МУЖ

— Писатель?! Очень, очень рад! Благословляю грозу, загнавшую вас под мой убогий кров! Люблю писателей, ученых! Я сам кавалерист!

— «Зе воркс оф Шакеспеаре»... Шекспир! Гулять идете и то книжку с собой берете, да еще на английском языке! По-английски могут понимать только очень умные люди... Но вот что: барометр еще с утра сильно упал. Как же вы, несмотря на это, пошли в такую далекую прогулку?

— У меня нет барометра.

— Нет барометра?.. Гм! Английский язык знаете, а барометра нету?

— Пианино — не так чтобы из Художественного театра, но все-таки ничего, играть можно.

— (О Шаляпине.) Прилично поет.

ЖЕНА

— Снами из Минеральных Вод ехал в вагоне один... Как его? Персидский, кажется, консул... Вообще, из Турции.

— Страдания необходимы человеку. Они воспитывают его, облагораживают его душу.

— Да, да! И французы то же самое говорят: *pour être belle, il faut souffrir.*

— Мы с мужем объяснились в любви, совсем как Кити и Левин в «Анне Карениной». Только те много разных букв писали, пока столковались, а мы сразу друг друга поняли. Он всего три буквы написал: «я В. л.». А я ему в ответ четыре: «и я В. л.».

— Никогда я не могла понять, как это люди верят во всякие предрассудки. Ну, я понимаю: тринадцать человек за столом, три свечи, заяц перебежал дорогу... А всякие там предрассудки... Не понимаю.

□ □ □

75

Студент, получив от проститутки то, что ему было нужно, закурил папиросу и сочувственно спросил:

— Как ты дошла до этого?

Она вскочила на постели и сказала:

— А ты как до этого дошел?

Он с недоумением:

— До чего?

— Что покупаешь человека!

□ □ □

76

— Ты любишь жить вкусно, но поваром своей жизни быть не умеешь.

□ □ □

77

Он не переваривал лжи, но от правды приходил в бешенство.

□ □ □

78

Этот человек горд и самолюбив, милостыни никогда не просит. Предпочитает брать взаимы без отдачи.

□ □ □

79

На одном кладбище Тульской губернии я списал такую эпитафию:

Природный нрав свой укрощая,
Была ты мужу верная жена,
А детям — мать родная.

□ □ □

80

— Мне доктора не хотели сказать, какая у меня болезнь. А когда они ушли, я сам прочел в больничном листе. Оказывается: диагноз.

□ □ □

81

По Новому шоссе, близ Тимирязевской сельскохозяйственной академии, неслась под гору легковая машина. Шофер с испуганным лицом давал непрерывные гудки и старался затормозить машину. Внизу, посреди неширокого моста, озорной мальчишка лет девяти, балуясь, удерживал на месте пятилетнего братишку и не давал ему убежать. Всем было ясно со стороны, что мальчишка с братом не успеют вернуться. Мать с воплем бежала к мосту. Гибель ребят была неминуема. Вдруг в последний момент шофер повернул руль — и машина вместе с шофером рухнула в овраг.

Сбежался народ. Окровавленный шофер без чувств лежал в поломанной машине. Вызвали скорую помощь. Люди в белых халатах вынесли в носилках раненого из оврага. У него были перебиты обе ноги. Затуманенные глаза раскрылись. Морщась и крепко закусив губы, чтобы не стонать, он смотрел на облака.

Белая карета с красным крестом уехала. Народ взволнованно обсуждал случившееся.

□ □ □

82

Зимой 1906/07 года, в Москве. В актовом зале университета происходило заседание Общества любителей российской словесности. Читали

И. А. Бунин, я и еще поэты, не помню, какие.

Я читал свой рассказ из русско-японской войны «В мышеловке». В нем описывалась жизнь передового нашего люнета, тщеславием корпусного командира выдвинутого без всякой надобности далеко вперед к вражеским позициям. Солдаты этот люнет прозвали «Мышеловкой».

Читал я в то время очень плохо, голос у меня не был поставлен, я не умел его принаравливать к акустическим условиям помещения, дикция была плохая. А акустика актового зала была очень неважная.

Начал я читать. Как я потом узнал, ничего в моем чтении нельзя было разобрать, слышно было только:

— Бу-бу-бу-бу...

Когда я поднимал глаза, я видел мучительно вслушивающиеся лица, ладони, приставленные к ушам. Потеряв надежду что-нибудь услышать, слушатели стали потихоньку разговаривать.

Ночью происходит смена охранения люнета. Все идут, затаив дыхание. Когда спускались в окоп, один солдат зацепил прикладом за котелок. Ротный грозно зашипел:

— Тише вы, черти!

Эти слова раздельно пронесли по всему залу. Разговаривавшие испуганно взглянули на меня и сконфуженно замолчали.

И опять потекло ровное, томительное: «бу-бу-бу-бу», гулко отражаемое гладкими стенами зала. Минут двадцать тянулось чтение. Слушатели окончательно потеряли терпение. Потихонечку, один за другим, стали они подниматься и на дыпочках, балансируя руками, выходили из зала.

В люнете командир роты убит япон-

скою пулею. Солдаты взволнованно затеснились к трупу, напирали друг на друга и вытягивали головы. Младший офицер, к которому перешло командование, властным голосом крикнул:

— Куда поперли? По месту!

Выходившие так и замерли.

□ □ □

83

СРОЧНЫЙ РАЗГОВОР

В сельском почтовом отделении. Солнце печет, в окна облаками несется пыль. По полу бродит курица. Почтальон, скуластый парень с огромным золотистым чубом, уж полчаса отчаянно вертит ручку телефона и кричит на всю площадь. Вошла баба, спросила конверт с маркой. Он отпустил — и с новой энергией завертел ручку. И завопил:

— Касимов?! Что?! Соедините с Давыдовом, строчный служебный разговор!.. В Вышгород? В Вышгород не дозвонишься!.. Что? Служебный, говорю, разговор, строчный! Не терпит промедления!

Наконец, дозвонился. Лежит на столе, дрыгая ногою, и ведет разговор:

— Ждите третьего числа, еду в отпуск!.. Либо письмо напишу, либо дам телеграм, когда приеду.. Иисть-то, йисть-то есть у вас чего? Шамать? Что?.. А? Та-ак!.. Полботинки? Ага, хорошо! Сороковой? Черные или желтые? Черные? Ладно! Передай там привет Мокею Васильичу... Ну!? Здесь?! Давай его сюда!.. Мокей Васильич? Здорово! Ну, как живешь? Ничего? Как торговлишка идет? Хорошо? Угощенья готовь побольше! Четверть красного!.. Ну, пока! А то перерывают, — строчный, говорят, разговор!.. Жениться еду, готовьте кой-чего!

Летчик Козлов

МАКС ЗИНГЕР

★

1. НА ЛЕДОВУЮ РАЗВЕДКУ

Зимовщики острова Диксон — все, кроме вахтенных, — вышли провожать отлетающих воздушных гостей. Внизу, в бухточке, слышался рев моторов тяжелой морской машины: бортмеханик Григорий Трофимович Побежимов, по приказу летчика Матвея Ильича Козлова, запустил кормовой и носовой моторы лодочного самолета «СССР Н-2». Летчики заткнули ватой уши, туго затянули шлемы, подбитые мехом, низко спустили голенища болотных сапог.

Рядом с высоким Побежимовым Козлов казался совсем маленьким. Только одно придавало им сходство: у обоих были голубые, ясные глаза.

Согласно воздушному этикету Козлов, оторвав самолет от бухты, заложил крутой вираж над зимовкой. Он прощался с полярниками, кружа над домами, сгрудившимися возле островной радиостанции. Летчики видели, как внизу маленькие фигурки размахивали носовыми платками и кепками, отвечая на прощальный вираж.

Самолет лег на курс. Впереди расстилалось Карское море, покрытое льдинами. Ветры и течения гнали их в неведомый путь.

До острова Белого самолет тянул при ясной погоде. Звук работающих моторов напоминал звериное рычание, но не сердитое, а добродушное. От острова Белого командир и штурман самолета

Анатолий Дмитриевич Алексеев¹ проложил курс прямо к проливу Югорский Шар, однако, следовать по курсу не удалось. Туман заставлял летчиков жаться к берегу Ямальского полуострова.

Козлов держался бровки берега, чтобы легче ориентироваться при плохой видимости. Пилот пробивал скопление тумана, и казалось, что хлопья его мчатся навстречу самолету. Наблюдая сквозь разрывы облаков редкий лед в море, штурман торопливо заносил на карту его расположение. Это была первая за навигацию ледовая разведка.

Июнь 1932 года подходил к концу. Туман прижимал машину к самой воде. Козлов едва не задевал днищем лодки за торосистые льдины. Без приборов для слепого полета Козлов, сидевший бессменно за баранкой штурвала, с неохотой лез в облака, но погода вынудила его к этому.

Высотомер показывал уже около тысячи метров, а конца облачности не было видно. Но вот боком, неуклюже, машина вылезла из облаков в синеву, где ослепительно сияло солнце. Козлов выровнял машину, и она пошла над облаками.

Все облегченно вздохнули, вырвавшись из мрака. Моторы работали дружно, без перебоев.

¹ Ныне Герой Советского Союза.

Козлов широко улыбнулся, вспомнив свой недавний разговор в Архангельске. Солнце тогда пекло невыносимо. Архангелогородец, сопровождавший Козлова, не выдержал и взмолился:

— Перейдем, Матвей Ильич, на теневую сторону. Солнце очень вредно человеку.

— Мне вредно солнце? Кто тебе это сказал?

— Доктора говорят.

— Врут твой доктора. Нам, морякам, доктора другое говорят. Нам, морякам, солнышко дороже всего на свете. Солнышко и чистый горизонт, — тогда вернее можно взять высоту и определить местонахождение корабля в море.

Козлов был настоящим моряком. В учетно-всинском билете, выданном ему N-ской отдельной авиаэскадрилей, значилось, что Козлов родился в Вологодской губернии, в 1902 году. Девятнадцатилетним юношей прибыл в Балтийский флотский экипаж на учебное судно «Океан». Плавал на яхте «Астарт», проходил морскую практику на линейном корабле «Марат», на крейсере «Аврора» и на учебном судне «Трифелев». Впоследствии был откомандирован в высшую авиационную школу, а затем в Качинскую школу морских летчиков.

Но сейчас не синие морские просторы, а безбрежное море облаков тянулось под самолетом; по белым волнам бежала фиолетовая тень.

С каждым часом полета уменьшалось количество бензина в баках самолета. Побежимов видел отсчеты бензинометра и всматривался через иллюминаторы в облака, ища разрывы среди них, чтобы увидеть воду.

Никто не знал, что сейчас под самолетом: земля, вода или дрейфующий сплоченный лед с острыми ропками? И вот настал неприятный момент.

— Друзья! Керосинцу остается на тридцать минут полета!

Козлов продолжал полет. Не хотелось верить тревожной записке Побежимова, но и пробивать высокую облачность тоже не хотелось. Не век же

итти над облаками. Откроется оконце, и машина юркнет в него.

Но продуха в облаках все не было.

Командир самолета Алексеев, прочитав вслед за Козловым записку Побежимова, показал Козлову рукой: надо итти вниз. Козлов привык к военной дисциплине с молодых лет. Командир приказал, — значит, надо делать разворот и итти на посадку, пусть вслепую, пусть на неизвестный аэродром, морской или сухопутный.

Командир знал, что аэродромов поблизости нет и в помине. Какие могли быть здесь аэродромы? Одиночные чумы кочевников отстоят друг от друга на сотни километров, в море — льды, а в воздухе — плотно слежавшийся туман. Алексеев полагал дотянуть до Баренцова моря и там садиться на чистой воде.

Но горючее не позволило.

Невесело пробивать облака толщиной в тысячу метров и садиться неизвестно на что, вслепую. Когда-то мать отговаривала Козлова итти в летные люди.

— Отец был кожевником, ходил по земле, как люди, а тебе вот обязательно летать! — сказала мать, окая по-вологодски.

Но сама проводила его в дорогу и подарила на память кيسет с вышитыми инициалами любимого сына.

Разное случилось с Козловым на военной службе в воздушном флоте. Машина у него в ту пору была старенькая: «Савойя 16-бис». Летчики знали, что, если вгонишь «Савойю» в штопор, — значит, гроб.

Однако Бухгольц и Леваневский штопорили на «Савойе».

Бухгольцу удалось вывести машину только над самой водой, за секунду до неминуемой катастрофы. Леваневский вывел машину с третьего витка. Они делали это не из ухарства. Пытливым летчикам хотелось знать наверняка — выведут ли они «Савойю» из штопора, — чтобы чувствовать себя уверенней в дальних полетах. Козлов последовал их примеру. Выведа машину из первого же витка, молодой летчик мог теперь на себя положиться. Он спокой-

но делал на «Савойе» глубокие выра-
жи, не опасаясь завала машины в што-
пор.

Десять лет назад Козлов плавал на
«Авроре». Судно стояло на Большом
кронштадтском рейде. На одном из фор-
тов возник сильный пожар. Старин-
ный форт в наше время уже не пред-
ставлял собой боеспособного средства
защиты. Сложенный из гранита, он
использовался как складочное помеще-
ние для взрывчатых веществ: в нем
хранилось большое количество старых,
выловленных тральщиками, мин. По-
жар грозил большим бедствием.

С «Авроры» спешно отвалили шлюпки
— в первой находился и Матвей
Козлов. Вместе с товарищами он ринулся
на огонь. Несколько взрывов, после-
довавших один за другим, убили на ме-
сте его товарищей — Казакова, Альма-
на, Ушеровича, Гельде. Самого Козло-
ва контузило. Он отлежался в госпи-
тале...

За минувшие годы Козлов выработал
в себе волю и отвагу. И все же сейчас
тяжело было начинать спуск.

Алексеев легонько толкнул Козлова,
приглашая начинать посадку.

«Будем спускаться! — подумал Коз-
лов. — Метрах в двухстах от земли
сквозь облачность, небось, видно бу-
дет, как садиться».

Козлов убрал газ и повел машину на
посадку. И не поверил собственным гла-
зам: вдруг под ним, в глубине, открылся
среди облаков колодец, показав на
своем дне блеск воды. От радости Коз-
лов пустился бы в пляс, если бы габа-
риты воздушного корабля позволили
сделать это!

Козлов заложил вираж над колодцем.
Машина с трудом поворачивалась в
узком «окне», часто заходила в облака,
и Козлов на миг терял под собой ма-
нящий блеск воды, еще далекой. — и
тогда становилось не по себе. Выйдет
или не выйдет машина при следующем
вираже в узкую воздушную трубу, не
закрытую туманом и облаками? Но,
кружась, машина вновь находила глу-
бокий колодец, и далекая вода посте-
пенно становилась все ближе и ближе.
У членов экипажа радостно зарумяни-

лись лица. Что может быть лучше во-
ды под гидросамолетом? Кто хоть раз
летал на морской машине в тумане над
тайгой, горами или ледовитым морем,
тот хорошо знает эту радость, когда
отыскана, наконец, вода для посадки
машины.

Бортмеханик прильнул к иллюмина-
тору. Положив руку на гаргрот, свесил
голову с борта командир самолета, Коз-
лов круто шел на вираж. На «Дорнье»
так не принято выражать. Морская тя-
желая машина не любит бесцеремонно-
го водителя. Козлов знал это и отно-
сился к машине, что называется, на
«вы». Но приспело горячее время. Он
не мог допустить потери «окна».

Круги виража были шире узкого
оконца, но Козлов не потерял воды.
Машина коснулась ее по всем правилам
точной посадки. Смерили глубину, до
грунта было недалеко. Отдали якорь.
Подняли головы, чтобы взглянуть на
окно, через которое пробилась на воду.
Окна уже не было, оно закрылось обла-
ками, как ставнями.

Все были утомлены полетом, нестер-
пимо хотелось спать.

Люди, зачехлив винты, в изнеможе-
нии повалились на койку, мокрые с го-
ловы до сапог. Заснули сразу. Не слы-
шали ни воя ветра, ни тревожного шу-
ма волн. Сгустившийся туман лег на
воду. Проснулись все разом.

— Сколько же мы спали, друзья? —
спросил Побежимов.

— Может быть, сутки... — ответил
Козлов.

— А, может быть, и все двое, — по-
шутил Алексеев и высунулся из горло-
вины кормового отсека. — Смею вас
заверить, уважаемые, — продолжал
он, — у меня не остается никаких со-
мнений: мы не в открытом Карском мо-
ре, мы на озере.

— А точнее? — спросил Козлов. —
На материке или на Вайгаче?

— Может, на южном острове Новой
Земли? — снова пошутил Алексеев. —
Итак, начинается первое действие на-
шего спектакля. Но, уважаемые, не го-
ворюйте! Мы в полдень...

— До полдня ждать — долгая пес-
ня, — перебил его Козлов. — Я, ка-

жется, потерял доверие к арктической погоде. Как бы опять не затянуло к полдню... Может, солнышка дней двадцать не увидишь!

Козлову хотелось скорее в воздух. Побежимов и Алексеев полезли в баковое отделение и все горючее, оставшееся на дне каждого бака, перелили в один. С этим горючим самолет мог продержаться в воздухе минут двадцать.

— Взлетим и осмотримся! — сказал Козлов. — С высоты виднее. Может, горушку какую-нибудь заметим. Определимся.

— Совершенно справедливо! Поднимемся и осмотрим все хозяйство сверху, — согласился командир.

Побежимов пошел снимать чехлы с винтов.

Отрыв был едва заметен. Перестала пениться вода. Козлов круто повел машину вверх. Не успели подняться метров на сто, как увидели невдалеке пароходы. Это была бухта Варнека в Югорском Шаре. К ней напрямик и потянул Козлов.

Когда сели и пилот стал подруливать к пароходам, одновременно остановились оба мотора. С момента вылета прошло ровно двадцать минут, и последние запасы горючего иссякли.

Моряки уже спускали в воду катер. Самолет прибуксировали и поставили на бакштове у ледокола «Ленин». Летчиков провели к капитану. Алексеев достал карту и стал докладывать начальнику ледовой проводки судов о результатах первой разведки.

После горячего душа в бане ледокола Алексеев спросил Козлова:

— Ну, как она, Арктика? Небось, ругаете меня за то, что подбил вас лететь на Север?

— Всем она, Арктика, хороша, только туману многовато, — ответил Козлов. — Но летчику все равно, где ни летать. Воздух и здесь родной, советский...

— Сегодня, Матвей Ильич, снова идем в разведку. Надо подсчитать ледовый баланс, — сказал Алексеев.

— Есть-есть! — по-морскому отчеканил Козлов и пошел за Побежимовым готовить машину к полету.

Так начались ледовые разведки летчика Козлова на Карском Севере, с которым он связал впоследствии большую часть своей богатой событиями жизни.

2. ПЕРВЫЕ ЛЕТЧИКИ НА СЕВЕРНОЙ ЗЕМЛЕ

Прилет Козлова на «Н-2» в Карское море совпал с постройкой на мысе Челюскина первой полярной радиостанции. Пролив Вилькицкого уже не был безлюдным. Здесь стоял ледокольный пароход «Русанов», вернувшийся с острова Домашнего, где он сменил зимовку. Новые зимовщики не подавали о себе никаких вестей. Возникло опасение, что у них отказала радиостанция. Надо было выяснить, что случилось на Домашнем, другими словами, — слетать на Северную Землю. Это совпадало с желаниями экипажа «Н-2». Попутно летчики решили проверить с воздуха карту архипелага, составленную первыми зимовщиками Домашнего.

За штурвалом сидел едва оправившийся после болезни Козлов. Трассу к острову Домашнему проложил Алексеев. Теперь, когда пишутся эти строки, почти не осталось в Советском Союзе необлетанных пространств. Но слетать в 1932 году к Северной Земле — значило повидать земли, еще не виданные человеком. Это волновало членов экипажа «Н-2». Любой из летчиков, работавших в те дни на Севере, считал для себя высокой честью слетать на Северную Землю, а было в тот год на Карском море лишь две машины: «Н-2» и «Н-3».

Козлов после болезни осунулся и словно уменьшился в размерах. Он мог бы отказаться от полета до окончательной поправки. Но в Арктике нельзя терять времени. Отказаться от полета — значило отказаться достигнуть Северной Земли в 1932 году. Надо было торопиться. Уже табунились перелетные гтицы, собираясь в теплые края. Последний летний месяц в Арктике был на исходе. На далекий Север ложилась ночь.

Настал назначенный день — 29 августа. Заняв свое место в пилотской ка-

бине, Козлов, как обычно, сказал Побежимову:

— Сперва кормовой, а потом носовой без предупреждения.

Машина ринулась с острова Диксон к Северной Земле против сильного ветра.

— Тут, видно, другой погоды не бывает: пурга, туманы, в лучшем случае — встречные ветры. Здесь тому летать хорошо, кто на себя три года подряд серчает, — шутил Козлов.

Через восемь часов летного времени машина была уже на бакштове «Русанова» у мыса Челюскина. Сюда еще никто до этого не прилетал. В проливе Вилькицкого самолет встретила значительная зыбь. Козлов сел на волну и ловко подрулил к ледакольному пароходу.

У северной оконечности Евразии встретились в тот день два корабля: морской и воздушный.

Алексеев жал руку Козлову, говоря: — Поздравляю с прибытием на самую северную оконечность Евразии. Смею вас заверить, мой уважаемый, что это не шаблонный перелет.

Солнце уже скрылось за горизонтом, когда «Н-2» оторвался от воды и взял курс к Северной Земле. На семьдесят восьмой параллели зоря сходилась с зарей, и можно было летать хоть круглые сутки.

В проливе Вилькицкого редкие, одинокие льдины дрейфовали с запада на восток. Вскоре летчики увидели высокие берега южного острова Северной Земли — Большевика: заснеженные вершины безвестных гор, фиорд Тельмана с величавым ледником. Стадо диких оленей, вытянувшись цепочкой, поднималось по склону горы в поисках ягеля. Вероятно, олени пришли на остров весной, а летом были отрезаны от материка дрейфующим льдом.

Под самолетом плыли острова: Большевик, Октябрьская Революция, Комсомолец, Пионер, Домашний — архипелаг новооткрытой Северной Земли. Козлов, вместе со всем экипажем «Н-2», был первым открывателем Северной Земли с воздуха.

Зимовщики Домашнего удивились и

обрадовались прилету «Н-2». Раньше чем через год они не чаяли увидеть людей с Большой Земли.

— Что у вас случилось? Почему не работает радиостанция? — спросили летчики.

— Не до радиостанции нам было! Тринадцатые сутки штормит, не переставая. Уголь, выгруженный с парохода, забросало галькой. Пришлось спешно раскапывать, пока снегом не занесло. Цистерну с бензином опрокинуло. Вода подходила почти к самому дому. Как только не смело наш ковчег!

Визит на Северную Землю был коротким. Летчики торопились обратно, на юг («югом» здесь называли северную оконечность Евразии, мыс Челюскина).

Стоя по пояс в воде, экипаж «Н-2» перекачивал горючее в баки самолета. Нулевая температура воды давала себя чувствовать, несмотря на непроницаемый гидрокостюм.

Шквалистый ветер развел волну. Временами проносились заряды снегопада. Нагруженный самолет тяжело оторвался от воды и медленно стал набирать высоту. Вдруг отказал носовой мотор. Садиться на волну было опасно: можно разбить лодку самолета. Козлов дал полный газ кормовому мотору, круто развернулся и сел в проливе, где держалась значительно меньшая, чем в открытом море, зыбь. Машина была спасена, но ей грозила зимовка на острове. Продовольствие же на Домашнем рассчитано строго на четырех зимовщиков!

Бортмеханик осмотрел носовой мотор и объявил, что лопнула пружина прерывателя одного из магнето. Запасной пружины на самолете не было. Летчики заскучали.

— Дело тухлое, друзья, — сказал сокрушенно Побежимов. Ясные его глаза подернулись печалью. — Лопнула мелочь, — пружина! — и вот изволь зимовать. Жаль, что на Северной Земле еще не раскинули сеть универмагов!

Летчики поочередно вертели в руках лопнувшую пружинку, вздыхали...

— Ура, товарищи! Сегодня вылетим! — воскликнул Побежимов и опрометью побежал к зимовке.

Он вернулся быстро, торжественно неся будильник.

— Вот он, мой дорогой!

Побежимов вытянул из будильника пружину, и в его золотых руках магнето вскоре заработало.

Обратный полет проходил при низкой облачности и туманах. Шли бреющим полетом над проливом Вилькицкого. Наконец, добрались до мыса Челюскина. Но оказалось, что посадка у борта «Русанова» невозможна: море белое, клубится пеной, сесть на волну, — значит, разбить машину.

Но не зря еще на острове Домашнем экипаж «Н-2» позаботился о предельной загрузке самолета горючим: не окажись в этот момент в баках горючего, — пришлось бы садиться на волну без разбора! Козлов, посоветовавшись с командиром корабля, повел машину к материку и стал выскивать спокойную лагуну. Утро занималось туманное и мгlistое, и в то же время штормовое. Зеленый цвет воды в лагуне говорил о том, что посадка возможна. Но лагуна оказалась предательски маленькой, и машина с разбегу выскочила на песчаную банку. После утомительного полета уже не осталось сил, чтобы снять самолет с банки. Экипаж потянулся на пароход. Отдохнув и взяв на помощь пятерых матросов, летчики долго трудились, пока не сняли самолет. Полет на Диксон продолжался снова.

Козлова одолевала слабость. Он едва удерживал в руках штурвал. Неимоверно хотелось спать после почти бессонной ночи. Наконец, показалась мачта радиостанции Диксона. Теперь Козлов дома. Остров, после нескольких перелетов, стал для летчика обжитым местом. Когда «Н-2» плавно сел в бухте и якорь был отдан, Козлов сказал товарищам, что он очень устал и никуда из машины не пойдет. Он заснул в самолете.

3. НОВОЗЕМЕЛЬСКИЕ ПОЛЕТЫ

Полярная навигация 1932 года была закончена. Но часть становищ по западному берегу Новой Земли снабжалась слабо. Голодовка на Севере влек-

ла за собой цынгу. Необходимо было спешно доставить промышленникам продовольствие и вывезти больных на материк.

Ледокол «Красин» получил задание пробиться зимой к северному острову Новой Земли. Летчиком в экспедицию «Красина» пошел Козлов с бортмехаником Чечиним.

Они выбрали для работы испытанную машину «У-2»: маленький самолет не требовал большой площадки для посадки и взлета, располагал достаточным радиусом действия и малой посадочной скоростью.

Моряки с недоверием посматривали на маленькую машину. «У-2», стоявший на верхней палубе мощного линейного ледокола, был похож на воробья. Козлов часто слышал обидную шутку:

— Вылетит птичка и не вернется к сроку, — потом ходи, ищи ее!

Козлов решил переломить настроение моряков. В становище Смидовича, перед отходом «Красина» в Архангельскую губу, он пригласил капитана ледокола принять участие в полете. Отказаться капитану было неудобно, — летчики, чего доброго, скажут: «Моряк труса празднует!», — и капитан пошел на самолет.

Козлов облетал с капитаном большой участок и вернулся к намеченному сроку. Капитан крепко пожал руку летчика на виду у всей команды ледокола, собравшейся на борту у релинга. Полет сразу же поднял авторитет «У-2» и ее командира.

Отмелые берега в Архангельской губе не позволяли «Красину» подойти к становищу ближе, чем на пятнадцать километров. На помощь пришел Козлов:

— Мы вам тонн пять груза шутя переработаем, — сказал он.

Маленький «У-2» превратился в воздушную телегу, а Козлов — в ломового извозчика. Шутники поднесли ему красный кушак и кнут. Козлов подпоясался кушаком извозчика, а кнутом принялся разгонять шутников. Он поторапливал команду ледокола, грузившую самолет мукой. Он только и знал, что летал от ледокола к становищу и обратно. «У-2»

потерял свой первоначальный яркозеленый колер: побелел от муки, да и Козлов стал походить на заправского мукомола.

Погода стояла морозная. Мотор чихал, капризничал, но Козлов не давал ему отдыха. «У-2» непрерывно возил на остров, в становище, промышленникам, муку, мясо, овощи, жиры. Сорок один раз взлетал и садился Козлов на своем самолете.

Неожиданно поднялся штормовой ветер. Аэросани, стоявшие на льду под бортом ледокола, во время сжатия были раздавлены. Самолету Козлова грозила та же участь. Летчик попросил у капитана людей и по штормтрапу спустился на лед, торосившийся уже поблизости от «У-2». Надо было оттянуть машину на безопасное место, поближе к стрелам ледокола, и как можно скорей поднять на верхнюю палубу. Ветер сшибал с ног, свистел в растяжках.словно птица, пойманная в силки, рвалась из рук машина. После долгой борьбы с ветром ее, наконец, водрузили на верхнюю палубу.

Помогла и маленькая птичка огромному судну.

Товарищ Сталин приветствовал энергию и настойчивость моряков «Красина» и его летного состава, закончивших операцию раньше установленного срока.

По возвращении в Москву Козлов и Чечин были вызваны в Кремль. Михаил Иванович Калинин лично вручил летчикам ордена Трудового Красного Знамени.

Этим начинался второй год летной работы Козлова в Арктике.

На Большой Земле, в Москве, на улицах и площадях уже продавали сирень и черемуку. Козлову же и Чечину предстоял новый полет в летнюю, но холодную Арктику на ледовые разведки.

Знакомые моряки рассказывали Козлову, как они «обманывали» зиму, то есть уходили от зимы куда-нибудь на юг, в тропический рейс, и возвращались к своим берегам лишь к весне, чтобы следующей зимой снова отправиться в тропики. Козлов же зиму и лето прово-

дил в Арктике. Летчик знал, что это нужно для страны, для народа, и без горечи уходил от весны, перегонял свой самолет к высоким широтам, летал над горами Севера, еще не знавшими геологов, над морскими проливами, не видавшими кораблей, по воздуху, где не пролетал еще ни один самолет.

4. АВАРИЯ

После штормовой ночи наступило затишье. Речка Дудинка, у которой стоял самолет Козлова «Н-9», покрылась за ночь льдом. Плоскости машины занесло сугробами снега, лодка и жабры затаились ледяной корой. Летчики долго счищали с машины ледяной груз. Козлов вышел на катере со стороны Енисея в Дудинку. Катерок, словно ледокол, проложил в молодых осенних льдах канал. На самолете Козлов вынул по этому каналу в Енисей на старт.

Машину Козлова преследовали туманы и пурга. Встречный ветер достигал семи баллов. От Дудинки до самой Игарки Козлов шел бредущим полетом. И только за Игаркой загорелась на горизонте яркоголубая полоска неба. Это было хорошим предзнаменованием: по курсу самолета открывалось чистое небо. Бредущему полету наступал конец. Можно подняться выше, распротиститься с маковками лиственниц, протягивающих голые ветки к самому днищу самолета.

Настроение было приподнятое. «Н-9» шел в Красноярск: на юг, домой. Летняя навигация заканчивалась. В тундре замерзли озера и выпал глубокий снег. На Енисее появились забереги. Нельзя было дальше оставаться на Севере, и машины потянулись одна за другою на юг. До Игарки летчики Алексеев, Махоткин и Козлов шли вместе. Затем машина Козлова оторвалась и продолжала путь на юг одна. Козлов надеялся «вылететь» на хорошую погоду.

Еще в Дудинке у Козлова на правой руке вскочил большой фурункул. Он не давал летчику покоя ни днем, ни ночью. Рука распухла, опухоль ползла все выше. Превозмогая боль, Козлов забинто-

вал руку, засунул ее в меховую рукавицу и сел в машину рядом с Власовым — вторым пилотом. Управлял самолетом одной рукой.

Когда Козлов увидел на горизонте ясную полоску неба, он передал управление Власову. Но ненадолго. На самолет снова надвигался заряд снегопада, закрывающий и Енисей, и тайгу.

Самолет то прямил — коротал путь над тайгой, совсем теряя Енисей, то выходил над лентой могучей реки, споря с ветром и туманом. Далеко внизу плыл пароход с баржами — будто игрушечный. По опустевшей заснеженной лесотундре металась какие-то зверьки, вспугнутые моторами.

Козлов знал эту тайгу. Он изучал ее вместе с лесоводами, когда она была еще в летнем уборе. Пролетал над ней и в осенние дни, когда она, вся в разноцветных пятнах, — золотистых, красных, как свекла, густозеленых и даже синих, — стлалась под самолетом бесконечным ковром. Теперь лишь кое-где зеленели среди оголенных листовенниц гнезда елей.

Низкая облачность прижимала самолет к тайге. Моторы ревели дружно и тянули машину по курсу на Туруханск. Вдруг Козлов увидел несущийся навстречу заряд пурги и кивнул Власову: отжимай влево, обходи снегопад! Власов взял влево. И, когда самолет был уж далеко от Енисея, вдруг одновременно затихли оба мотора. Высота, набранная самолетом, едва равнялась двумстам метрам. Козлов взял управление, резко развернул самолет к реке, сделал знак Власову, чтобы тот подкачивал бензин ручной помпой. Самолет шел над самым лесом, — вот по днищу лодки уже царгнули верхушки деревьев! Козлов выключил и без того неработавшие моторы и поставил машину в положение парашютирующей. Послышался оглушительный треск ломающихся сучьев. Казалось, что тысяча дровосеков по команде колют дрова. Через несколько секунд летчики вылезли из самолета на болотистый грунт лесотундры. По тайге, в той стороне, откуда прилетел «Н-9», пролегла широкая просека.

Люди были целы. Только штурман Ритслянд сломал лучевую кость правой руки.

— Руки для летчика — это карандаши, ребра — корзинка, голова — котелок, — утешал бортмеханик штурмана. — Ты, Алеша, сломал один карандаш, это дело поправимое. Гораздо хуже, если сломаешь корзинку, и совсем плохо, если задело котелок. Мы же с тобой, Алеша, еще летаем!

Самолет сел в тайге на возвышенном правом берегу Енисея. Бензиновый фильтр оказался забитым льдом.

Раненого товарища надо было вести в ближайшее селение.

— Самое тяжелое дело для нашего брата — летчика — бросать самолет и идти пешком, — сказал Козлов, покидая место посадки. Он приказал бортмеханикам неотступно быть на вахте у самолета.

Ритслянд едва шел по кочковатой почве. Козлов утешал товарища рассказами из своей летной жизни:

— Я был тогда юнцом. Начальник пограничной авиации приказал слетать прямым курсом из Очакова в Севастополь над морем (мне Черное море прибавило ума!). Я шел за машиной Лухта на «Савойе». Мы приближались к Тарханкуту. Местечко небольшое, но противное, — самые ветры! И как-раз над беспокойным морем, над этим самым чортовым гнездом, у меня трехсотсильный мотор «Фиат» просто рассыпался в воздухе (а шли мы бреющим). Так и плюхнулись сразу на волну, даже засмеяться не успели. Поглядел я с завистью на улетающую машину Лухта. А тот и не заметил, что потерял нас. Мой летнаб — веселый украинец — и говорит мне: «Ну, Матвей Ильич, вылезай, приехали!»

Иногда приснится что-нибудь страшное. Вроде того, что летишь в пропасть или на тебя поезд мчится, а ты и пальцем во сне не можешь пошевелить, и голос пропал, ну, просто, — не человеком стал. А мы наяву уселись в открытом море, в штормовую погоду, и тихо ждем своего конца. Харчей у нас — никаких. Пресную воду из радиатора всю выпили. Жажда напала лютая.

Летнаб говорит: «Матвей Ильич, будем пить морскую воду. Как говорится: по какой реке плыть, ту и воду пить».

На вторые сутки ночью в отдалении мелькнул луч прожектора: нас искали. Ракеты, которые были у нас в запасе, мы израсходовали в первую же ночь. Но мы придумали световую сигнализацию: сняли с себя белье, смочили его маслом, положили на якорь и зажгли. Якорь держали в вытянутых руках, высоко. К утру мы походили на негров — почернели от копоти. А самолет погружался с каждым днем все глубже и глубже. На четвертые сутки нашего голодного дрейфа нас заметили и сбросили нам посылку, но промахнулись. Посылка ушла на дно моря. Мы только облизнулись. Разыскавший нас самолет вывел к нам катер. Все, Алеша, кончится по-хорошему: рука у тебя заживет, и самолет мы отсюда вытянем.

Козлов проводил раненого друга до поселка Карасино и вернулся к самолету. Ритслянду же поручил передать в Игарку рапорт о вынужденной посадке.

Наутро послышался близкий шум моторов. Это летел Алексеев из Игарки. Козлов развел большой костер, давая знать о себе. Но Алексеев из-за плохой погоды не увидел костра и прошел мимо. Козлов с досады чуть было не кинулся бежать вслед за его самолетом.

Бортмеханики Сугробов и Блохин ночевали вместе с Козловым в тайге, грелись у костра, питались аварийным запасом продовольствия, хранившимся в кормовом отсеке «Н-9».

Помощи теперь ждать было неоткуда. Козлов принялся спасать машину от надвигавшейся зимы. Он законсервировал моторы, снял некоторые детали и приборы. Вскоре из Игарки пришел буксирный пароход, взял на борт людей и часть самолетного имущества.

Тяжело было летчику возвращаться на Большую Землю без самолета.

5. ЗВЕРОВОЙКА

Вешний промысел тюленя начинался в апреле. Зверобой-поморы из селений Койда и Долгощелье выходили к остро-

ву Моржовцу. Разбивались на пятки или десятки, складывали в лодки-ледянки все необходимое для промысла. Восемьдесят километров тянули на постромках груженные ледянки. Отдыхали на льдине, на льдине и работали. Зверья поморы называют кожей, разведчиков зверя — хозниками. Поморы — потомки удалых новгородских выходцев. От языка их веет глубокой стариной. Они верно предсказывают погоду по народным приметам. Знают, что если лето сухое, то зима будет снежлива. Холодная весна предвещает обильный урожай ягод. Если осень теплая и «протяжная», — весне быть холодной и протяжной. Их деды и прадеды жили и кормились морем, из поколения в поколение певали песню:

Ах ты, море, море, море синее,
Море синее, море соленое,
Ты нас кормишь, поишь, море синее,
Море синее, море соленое...

Десятки поморов носят одни и те же фамилии: Мальгины, Заборщиковы, Чунины, Кожины, Стрелковы, Чухчины и Воронины. Имена у них необычные, древние: Иовии, Евтихии, Аверкии, Евлагии, Иоанникии, Македоны, Геврасии.

Поморы жили побригадно и на корабле, и на льду, и на берегу. Бригады соревновались между собой. Поморы считали летчиков своими друзьями, потому что летчики служили им «гляднем», разведчиками зверя в горле Белого моря.

— Мотя Козлов — правильный человек, — говорили поморы. — Северного человека видать по работе.

Козлов командовал авиазеном. Возле маленького домика, в котором жило зено, стояла банька. Попариться после полета в бане (по-русски, с веником!) было лучшим отдыхом летных людей. Не было недостатка и в беломорской семужке и наваге.

Капитан Воронин садился вместе с Козловым на самолет «Сталь-2» и летал над морем в качестве штурмана. Он высматривал тюленьи залежки и отмечал на карте их местонахождение. Козлов с бортмехаником не спускали глаз

со льда, выскивали, летая над Белым морем, зверя. Открыть побольше залежек, — это зажигало всех троих охотничьим азартом.

Зверобойные суда устремлялись в указанные самолетом места и быстро набивали звериными шкурами свои трюмы. Когда зверя было много на льдине, поморы говорили: «Кожа налилась очень густая». Когда же зверь покидал свою залежку, зверобой заявляли: «Кожа вся слилась».

Поморы помогали летчикам чистить ледяной аэродром, скалывать заструги. Тройка самолетов звена Козлова стояла на озере, круглом, как тарелка. Самолет Вершинского, которого молодые летчики звали уважительно дядей Димой, входил в козловскую тройку. Это была маленькая летающая амфибия «Ш-2».

Однажды лыжи амфибии примерзли к насту. Вершинский никак не мог оторвать машину от ледяной коры озера. Он давал полный газ. Винт вертелся с предельной силой, а машина только дрожала, но не трогалась с места. Дядя Дима оставил мотор работающим на малом газу, сам же пошел раскачивать машину. Но амфибия не поддавалась и стояла, как привязанная. Вершинский ругал ее, будто клячу, отказывающуюся тянуть воз:

— Давай! Ну, давай, что ли, дьявол!

Наконец, амфибия поддалась и тихонько потянула вперед. Дядя Дима ухватился за самолет и побежал рядом с ним, пытаясь прыгнуть в пилотскую кабину. Но на каждой заструге при подскоке прибавлялось газа, и «Ш-2» все сильнее рвалась из рук своего водителя.

Козлов и капитан Воронин вышли из домика посмотреть погоду и увидели бегущий по озеру самолет, а позади него — ноги. Они мелькали по снегу совсем близко от самолета. Потом Козлов и Воронин увидели, что «Ш-2» бежит одна и что Вершинский поднимается со льда и вытирает лицо рукавом.

На крики выбежали из домика люди. Длинноногий бортмеханик Чечин обогнал своих товарищей и ухватился было за хвост самолета. Но «Ш-2», уда-

рившись о высокую застругу, подняла, подобно норовистому жеребенку, хвост, фыркнула и помчалась в противоположную сторону. Люди, бежавшие вслед за Чечиным, так и метнулись от машины.

Теперь «Ш-2» вырвалась на середину озера и шла полным ходом.

— Она сейчас взлетит, — сказал Козлов Воронину.

Но в этот миг новая заструга остановила ход машины, и «Ш-2», словно пораздумав, снова рванулась на людей.

Стало так жарко от бега, что люди сбросили верхнюю одежду. Чечин даже разулся и бегал по льду в одних носках, — было же в тот день больше десяти градусов мороза.

Вершинский совсем выбился из сил. От ударов об заструги лицо и руки покрылись царапинами. Он побрел домой, бормоча:

— Это редкий случай в истории авиации. Это чорт знает, что такое! Самолет без летчика!

Мотор работал уже на большом газу. Люди stalkивались друг с другом, падали на снег, вставали и снова бежали вперед, оголтело крича:

— Хватай ее за подкосы!

— За хвост держи!

А самолет на миг упирался в округлый берег озера, скользил и снова продолжал свой неистовый бег. Он нигде не задерживался дольше, чем на мгновение. Он не подпускал к себе людей. А те заметно уставали. Погоня становилась слабей. Но «Ш-2» не сдавалась. Она то выбегала на середину озера, то кружила по его краям.

— Опасаюсь, как бы эта дура не вмазала в наши «Сталь-2»! — встревоженно сказал Козлов. И капитан Воронин сразу перестал смеяться.

Это грозило срывом зверобойной кампании. Без машин трудно было бы разыскивать зверя в море, и план мог остаться невыполненным.

— Что же делать? — озабоченно спросил капитан.

— Будем от этой дуры поленьями отбиваться! — ответил Козлов.

— Как же отбиваться?

— Очень просто: бить прямо в винт! Винт в куски, — и машина остановит-

ся! Жалко, да остальные машины куда ценней!

Капитан и летчик схватили лежавшие возле бани поленья и приготовились отражать противника. «Ш-2» мчалась к месту стоянки «Сталь-2». Оставалось полминуты до начала атаки. Козлов и Воронин подняли поленья, напоминая городошников.

— А если промахнемся? — спросил капитан.

— Тогда помнет нас, — сказал Козлов. — Но не может быть, чтобы оба промахнулись. Кто-нибудь да угадает в винт!

Машина не добежала до стоянки авиазена. На подскоке она вновь круто свернула и помчалась к противоположному берегу. Под нее чуть не попал выскочивший из дома позже всех механик дядя Саша.

Наконец, машина уткнулась в берег. Раздались возгласы восторга. Только Козлов не радовался:

— Это для нее не шлагбаум!

— А сколько у нее горючего? — спросил капитан.

— Да у нее столько горючего, что всех нас уморит до смерти, — сказал Козлов. — Вот что, Владимир, Иванович, — обратился он к капитану, — вы оставайтесь на вахте около «Сталь-2», а я побегу ей навстречу, буду бить поленом. Больше ничего не остается. Потугим винт, — спасем остальные машины.

А самолет возобновил свой бег. Уже запыхался крепкий Чечин. Отстал и механик дядя Саша. Машина бегала с прежней резвостью по аэродрому. Люди смотрели на нее в бессильной злобе.

— Да навалиться на нее, на чорта, всем десятком! — орал один из поморов.

— Пойди попробуй, — предложил Чечин помору, — а мы посмотрим на тебя. У ней вон сколько лошадиных сил, а у нас-то силы человечьи!

Но сам быстрее прежнего побежал за машиной, за ним — помор, за помором — дядя Саша и все, кто был на озере. Чечин вновь был у самого хвоста.

— Витя, — кричал Чечину Козлов, — подтолкни ты ее, дуру, малость к норд-осту, там расселина здоровая...

Чечин услышал Козлова и толкнул машину в хвост изо всей силы. Правая лыжа «Ш-2» провалилась в расселину льда, зацепилась носком, и машина сразу остановилась. Чечин ухватился за ее стойки, как конюх за гриву норовистого коня, и, вмиг оказавшись в самолете, ударил по контакту: прерцеллер смолк и остановился. Люди навалились на машину, схватили ее за хвост, за плоскости, за подкосы, долго держали, все еще не доверяя: не убежала бы, каналья, вновь.

— Ни одной царапины, — удивленно сказал Козлов, осмотрев борты самолета. — Прав дядя Дима: действительно, редкий случай в истории авиации!

Изнеможенные люди едва волочили ноги.

— Ты бы хоть сапоги надел, ведь мороз на дворе, — укоризненно сказал Козлов Чечину.

— Ух! Запарила меня «ша-двошка». Я ног под собой, Мотя, не чую, — едва выговорил механик.

Козлов посмотрел на часы и сказал:

— А знаете, друзья, она бегала самостоятельно около сорока минут!

Но слова командира не вызвали интереса: каждый мечтал сейчас добраться до койки, чтобы выспаться и отдохнуть после всей этой маяты.

Наутро предстояло лететь в разведку. Зверобойная кампания заканчивалась. Летчики облетали около семидесяти тысяч километров за восемьдесят дней. Каждая машина пробыла в воздухе по двести часов, вместо положенных полутора. Трюмы ледокольных пароходов наполнились добычей. Моряки и летчики с победой возвращались в Архангельск.

6. ЛЕДОВИКИ-СТРАТЕГИ

Козлова завлек в Арктику летчик-наблюдатель и командир воздушного корабля Анатолий Алексеев.

Когда погиб итальянский дирижабль «Италия», Алексеев принимал участие в поисковой экспедиции на ледоколе

«Красин» в районе Шпицбергена. Самолет Чухновского, на котором находился Алексеев в качестве штурмана корабля, разыскал во льдах группу Мальмгрена. Ее считали погибшей.

На Карском море Алексеев бывал ежегодно.

— У Карского моря, Матвей Ильич, есть свои законы, — говорил он Козлову за чашкой чая на диксоновской зимовке. — Полетай, Матвей Ильич, над Карским морем. Присмотрись. Тогда скажешь, что и Алексеев кое в чем прав. Дело не только в ветрах. Помоему, дело решают три силы — солнечная радиация, теплое течение Гольфстрим и реки, впадающие в Карское море. Они определяют баланс тепла, холода, льда и чистой воды в Карском море и ходы морских караванов. В Карском море есть полоса мелководья. Она тянется с юга на север. Эту линию можно прочертить примерно так: острова Свердруп — Известий — Исаченко — Кирова и почти до североземельского острова Октябрьской Революции. Так вот, мой уважаемый, если весна поздняя, то и реки вскрываются с запозданием, и Карское море получает тепло от речных вод позднее обычного. Тогда не ищи прохода судов под восточным берегом Карского моря. Нужно избирать путь севернее мелководья. Реки не вскрылись, бухты не вытаяли, весна поздняя, — одна надежда на Гольфстрим. Есть два хода: либо при поздней весне севернее карского мелководья, либо при ранней весне южнее этого мелководья. Вот так и «плавам», как говорят поморы. Пролив Вилькицкого — главные ворота Северного Морского пути. Надо приглаживать за мысом Неупокоевым, за островом Русским и Матисена. Я считаю, что между припаем и движущимся льдом будет ход для судов. Тепловой баланс решает все. Страшны не льды, а люди, не понимающие, как водить в Арктике суда, и не знающие Карского моря. Вот здесь-то летчики и должны корректировать моряков, исправлять их маршруты.

Козлов перенимал у своего учителя искусство ледовой стратегии. Так же,

как и Алексеев, он стоял прежде всего за глубокую разведку льдов в начале навигации. Как бывший военный летчик, он прежде всего хотел знать своего противника в Карском бассейне. Расположение льдов он считал дислокацией противника.

Летчики за один вылет осматривали море по маршруту: остров Уединения — Домашний — Шмидта — Ушакова — Визе — район мыса Желания, и возвращались на Диксон. Другие летали по маршруту: Стерлегов — Усть-Таймыр — Челюскин — Фаддея — Малый Таймыр — Неупокоева — мыс Оловянный — Русский — Макарова, и возвращались на Стерлегов. Так перекрестными маршрутами выясняли ледовую картину моря.

Если с севера нависали длинные языки, — значит, следовало беречься северных сгонных ветров. Эти ветры могут быстро подвинуть дрейфующий лед на юг и завалить трассу, по которой следовали караваны пароходов. Но главное для севера Карского моря (Козлов соглашался в этом со своим учителем) — солнце, реки и Гольфстрим: они управляют ледовым хозяйством Карского моря. На стоянках, после кратковременного отдыха, Алексеев любил рассуждать о технике ведения ледовых разведок.

— Техника воздушных разведок требует от экипажа самолетов больших знаний, — пояснял он. — Поверь мне, доносить только о том, что видишь, — мало. Надо найти систему в бессистемном, на первый взгляд, нагромождении льдов. Надо отыскать ключ к пониманию тех факторов, которыми природа каждый год определяет различную ледовую ситуацию. Надо не только видеть, но и предвидеть изменения ледовой обстановки.

— А скажи, Анатолий Дмитриевич, бывает ли тебе когда-нибудь страшно в воздухе? — вдруг спросил Козлов.

Алексеев рассмеялся.

— Когда, Матвей Ильич, мы сядились с тобой в окно на озеро близ Варнека, я хорошо видел, что тебе нестрашно. Страх приходит потом. Страх — это реакция на пережитое. Чувства обре-

ченности у летчика нет и быть не может. Ну, скажи, думаешь ли ты когда-нибудь в самолете о смерти? Да никогда! Ты себя в самолете считаешь королем воздуха. И правильно! Каждый летчик уверен, что выйдет из любого опасного положения. Летчик в свою смерть от самолета не верит. Вон американец Коллинз подробно описал свою будущую гибель от самолета. Ну, уж извини меня, такого летчика я бы и часу не держал в авиации! Что это, как не самая предельная вылетанность? Раздвоение человека! Летчик садится в самолет, идет уверенно в высоту, а двойник его, сидящий в нем самом, нашептывает: «А не убьюсь ли я в этом полете?» Это вылетанность! Летчик вылетался! Он боится воздуха. Не верит машине. Не верит себе. Его точит червь сомнения. Он разобьется непременно.

Летные пути Козлова и Алексева скрестились вновь в 1936 году. В тот год Северным Морским путем шли корабли особого назначения. Это был первый пробный и ответственный рейс. Задача авиации в таком рейсе — почтенно. В ее средствах закрыть или открыть дорогу каравану среди тяжелых льдов.

Ледовая обстановка в Карском море складывалась неудачно. Караваны стояли без движения, закованные льдом близ материка на пути от Диксона к проливу Вилькицкого. Август подходил к концу. Уже табунились птицы, готовясь к перелету на юг, в теплые края. Уже в полыньях по утрам затягивало воду льдом. Люди, впервые видевшие Арктику, поговаривали о том, что невозможно провести караван в таких тяжелых льдах. Корабли не поворачивали обратно, но и не двигались вперед. Это было молчаливое выжидание.

Близ мыса Стерлегова повиражил над караваном «Литке» Алексеев. В глубокую разведку льдов ушел и Козлов. Ночью на кораблях стали известны результаты разведок. Единственный путь к мысу Челюскина проходил в шхерах через пролив Матисена, где еще никогда не плавали большие корабли. День был холодный, ветренный, но радостный. После длительного дрейфа ко-

дзгары поднимали пар во всех котлах, готовя корабли к походу.

Ледовые разведки Алексева и Козлова открыли путь кораблям на восток.

7. НА ПОЛЮС

Козлов не признает отдыха на курорте. Он отдыхает на охоте с ружьем, в лесу, на берегу реки, озера, моря. Он отдыхает в летящей машине.

Городская жизнь быстро утомляет его. Находясь в Москве, он стремится вырваться за город — на Ленинские горы, Химкинское водохранилище. И чем дальше от города забирается Козлов, тем лучше чувствует себя. Вспоминаются северная тишина, сибирская тайга, просторы тундры.

— Матвей, если бы скинуть тебе годков двадцать, каким бы ты занялся делом? — спросили Козлова его приятели.

— Летал бы в Арктике. Лучшие места не найти!

— Ну, а не скучаешь на Севере по Мдске?

— Времени для этого почти не находится, друзья. Приедешь в Москву, хочется побывать всюду, все посмотреть. С удовольствием сбрасываешь с себя полетное платье. А потом проходит неделя, другая, — и мы все начинаем вспоминать Север...

Матвей одевается в Арктике тепло. Зимой летает в меховых штанах и в теплом белье, лучшей обувью считает для летнего времени — болотные сапоги. Хорошие сапоги, если за ними ухаживать, смазывать звериным жиром, не пропускают воды. Правда, они тяжело ваты, но не предадут летного человека. Их и сбросить легко, если случится хлестать соленую морскую водичку.

Козлов говорит:

— Лучше наших сапог ничего нет на свете. А вот, что будешь делать в воде с американскими ботинками, которые до самых колен шнуруются?

Козлов при посадках никогда не расхаживал в шлеме по селению, чтобы не выделяться и не обращать на себя внимания. Иной пассажир не расставался со своим авиационным шлемом,

желая привлечь к себе внимание северных жителей и жителейниц.

Козлов же из скромности надевал кепку.

Но никогда так тепло и продуманно не одевался Козлов, как во время полета на полюс. Легкая и теплая одежда, соединившая в себе портновское искусство чукчей, ненцев, якутов и американцев, была формой советских летчиков, стремившихся на Северный полюс.

Мех, шерсть и кожа защищали летчиков от морозов.

До острова Рудольфа Козлов летел вторым пилотом в машине Анатолия Алексева. На острове Рудольфа экспедиция перестроила свои ряды, и Козлов был назначен вторым пилотом на машину Мазурука. Перед самым стартом на полюс Мазурук во время лыжной прогулки подвернул ногу. Врач нашел разрыв связок. Погода задерживала старт, и Мазурук не терял надежды на выздоровление. Он ходил на костылях. Быть на Рудольфе, близ полюса, и отказаться от полета Мазурук считал для себя невозможным ни при каких обстоятельствах.

21 мая 1937 года Герой Советского Союза Михаил Водопьянов дал полный газ своей флагманской машине и оторвался от купола острова Рудольфа. Его самолет пошел на Северный полюс. Через четыре дня поднялись в воздух машины Молокова, Алексева и Мазурука. Последним стартовал Мазурук. У кромки облаков, где Молоков определил собраться всем самолетам, долго кружили машины Молокова и Алексева, поджидая Мазурука. Ожидание было томительно. Наконец, запросили Рудольф и узнали, что машина Мазурука стартовала через тридцать пять минут после алексеевской. Горючее было рассчитано до капли. Мазурука предупредили, чтобы летел на север, после коротких поисков лагеря садился по способности и, установив связь с полюсом, продолжал полет. Но, несмотря на все старания радиста Стромиллова, находившегося в молоковской машине, связи с Мазуруком установить не удалось. Когда самолеты прошли 86-ю параллель, была получена радиограмма

Мазурука, сообщавшая, что его машина прошла 85-й градус. Мазурук просил Молокова убавить скорость, чтобы дать ему возможность подтянуться к товарищам. Молоков уменьшил скорость километров на тридцать, но Мазурука по-прежнему не было видно. Впоследствии выяснилось, что он опередил товарищей и вырвался значительно вперед.

Алексеев и Молоков вскоре сообщили о своих посадках в районе полюса. От Мазурука же не приходило никаких известий. Первыми услышали его радисты Диксона. Мазурук находился километрах в ста от папанинцев. У него не ладилось с радиостанцией. Посадка была совершена благополучно, но аэродром, выбранный Мазуруком, требовал большой работы для старта. Изобилие ропаков и заструг делали взлет без подготовки невозможным.

На радиостанции у Мазурука часто обрывался приводной ремень от мотора и разрядились аккумуляторы. Все же «радиомаг» Стромиллов сумел услышать невнятный голос отбившейся от отряда машины и установил с нею связь.

Федоров и Ширшов вели регулярные астрономические, магнитные и метеорологические наблюдения. Но измерить глубину океана под льдиной было невозможно: гидрологическая лебедка оставалась на борту машины Мазурука. Мазурук по состоянию здоровья не мог скалывать ропаки. Радист торопился наладить связь. Вся тяжесть ледокольной работы легла на плечи остальных четырех членов экипажа. Они сбили себе руки в кровь.

Козлов уходил с товарищами после короткой ночевки на аэродром. Он думал теперь только об одном — о ропаках. Они были ему ненавистны, эти торчащие вверх острия, похожие на сахарные головы. Мазурук уже считал свой аэродром готовым для старта. Но Козлов хотел избавить машину, ее экипаж и ценный для экспедиции груз от какого бы то ни было риска. По-прежнему после короткой ночевки он брал инструмент и шел с товарищами очищать аэродром.

Только 5 июня измученный непосильной физической работой экипаж

Кричала тетя Лиза, поморка, привечавшая во время зверобоек козловский экипаж, когда тот облетывал Чешскую губу.

— Тетя Лиза, а нас сей день много народу прилетело! — сказал Козлов, махая приветственно рукавицей.

— А ты, Матвей Ильич, собери людей, какие тебе больше любви, и давай к нам в избу, а для других мы тоже подготовим стан, — отвечала тетя Лиза. И снова, как несколько лет назад, кормила Козлова пирогами, начиненными вкусной северной рыбой.

Механики зачехлили моторы и винты. Двое суток неистовствовала пурга в Кие и не давала самолету подняться в воздух. И когда, наконец, «Н-169» взлетел, то Архангельск отказался принимать самолет, и Козлов повернул к острову Моржовцу, где некогда летчик Вершинский гонялся за своей обезумевший «Ш-2». Здесь переждали непогоду.

Четырехмоторный гигант «СССР Н-169» коснулся, наконец, московской земли. Летчиков встречали после годичной разлуки родные и близкие. Все было радостно взволнованы.

— Об одном жалею, — сказал товарищам Козлов, — что не удалось вернуться вместе со всеми полюсными машинами в Москву. Тогда товарищ Сталин лично встречал нашего брата — летчика, — он обнял бы и меня.

— Это верно, — отозвался один из бортмехаников. — Но, может быть, мы еще чем-нибудь заслужим такую встречу!

8. КРЫЛАТАЯ МЕДИЦИНА

В устье Индигирки разгружался парход «Якутия», пришедший в реку Северным Морским путем. Упавшим во время разгрузки ящиком сломало ногу комсомольцу-стахановцу матросу Парамонову. Условия, в которых находился больной и отсутствие необходимых средств для операции вызвали гангрену. Парамонов обратился по телеграфу в Москву:

«Спасите мою молодую жизнь».

На Севере начался уже так называе-

мый осенне-зимний период. Тундра звенела, охваченная первыми морозами. Летчики вместе с перелетными птицами покидали Северный бассейн. Зима сковала лагуны, где могли базироваться машины. Замерзли бухты. Только один самолет оставался еще в Якутске, в двух с половиной тысячах километров от большого. На этом самолете возвращался домой после ледовых разведок Козлов. «Консолидейтед» — новейшая тяжелая американская машина, на ней известный американский полярник Вилкинс летал искать Леваневского и его товарищей, пропавших без вести в районе полюса. На этой же машине Козлов впоследствии разведывал пути караванам грузовых советских судов в западном секторе Арктики.

Управление полярной авиации знало, что Козлов не откажется от работы в любое время года, как бы трудна эта работа ни была. И в Якутск пришла телеграмма командиру «Консолидейтед» о необходимости срочного вылета на Индигирку для спасения стахановца.

Лететь на морской машине накануне зимы из Якутска на крайний север материка, в устье Индигирки, по неизведанной трассе, было делом очень сложным. По пути — ни авиационных баз, ни аэродромов, ни служб погоды, ни работающих надежно радиостанций. Сама трасса никем не облетана. Но дело шло о спасении человеческой жизни, требовалось срочное вмешательство хирурга.

Моторы самолета Козлова выработали положенные ресурсы. По северным рекам шла шуга. Линейные якутские самолеты уже прекратили свою работу. Совсем недавно летчики «Консолидейтед» распрощались с бухтой Тикси, где уже начиналось смерзание. Но священный закон нерушимой большевистской дружбы принуждал снова лететь в Тикси.

Штурман Штепенко достал карты и углубился в разработку маршрута. Он предложил Козлову разные варианты полета. Но Козлов выдвинул свой вариант — лететь на Тикси и оттуда на Индигирку, а возвращаться напрямую через Верхоянский хребет.

Через два часа после получения задания самолет Козлова был уже в воздухе, имея на борту врача-хирурга.

Гидросамолет тянул над сушей, тайгой, над горами, замерзавшими реками и, наконец, над тундрой, выбеленной первыми снегопадами. Врач стойко переносил тяготы воздушного пути. Перед полетом он опасно спросил летчиков:

— А вы не убьете меня?

— Доставим в целости и сохранности. Скачаем по всем правилам высокой техники пилотажа, — пошутил Козлов в ответ.

Это был отчаянный полет на тяжелой морской машине над сушей. В случае отказа моторов в тумане или снегопаде встреча с землей была бы неминуема, «со всеми вытекающими отсюда последствиями», как шутили между собой люди козловского экипажа.

В Тикси накануне прилета Козлова шторм вынес из бухты в море весь лед и шугу. Брызги волн покрыли самолет ледяной глазурью. Сильный ветер задувал лампы и не давал летчикам подогреть моторы. Москва требовала ежедневной информации о ходе перелета. Погода задерживала машину в Тикси. Из Москвы пришла телеграмма: «Считаем дальнейший полет рискованным для машины и экипажа. При первой возможности вылетайте обратно Якутск».

Козлов начал подготовку к полету из Тикси на Индигирку не как обычно, с утра, перед рассветом, а накануне, с вечера, чтобы к свету быть уже в полной готовности. Летчики защитили брезентами лампы от ветра и подогревали моторы. К утру моторы были запущены.

Начинался новый шторм. Остаться в бухте становилось опасным. Машина очень тяжело пошла на взлет. Но оторваться было необходимо: каждый полярник в Тикси знал, что после шторма бухта станет сразу по-зимнему. Тогда самолету не видать ни Индигирки, ни Москвы. Машина не получит необходимого ремонта перед следующей навигацией и выйдет из строя на будущее лето.

Козлов поставил машину против вет-

ра. Волна заливала нос самолета. Стекла кабины покрылись изморозью, стали непроницаемыми для острых глаз Козлова. Второй пилот высунулся из кабины и на взлете протирал окно ветошью, чтобы командир мог видеть место старта. Шлем второго пилота покрылся ледяной корой, но летчик продолжал протирать окно, пока Козлов не выдрал машины из смерзавшейся воды.

Курс был проложен на восток к устью Индигирки.

Где-то среди лесотундры находилась незаметная с воздуха точка Чокурдах. Там ждал хирурга смертельно больной Парамонов. На карте селение не было обозначено. В Якутске сказали летчикам, что Чокурдах находится километрах в сорока ниже Аллаихи.

Козлов подошел к Индигирке бредущим полетом. Радиостанция в воздухе не работала из-за непрохождения радиоволн. Связи с землей не было никакой.

В Чокурдах ждали Козлова и жгли каждый вечер костры. День догорал. Козлов увидел огни костров и благополучно приводнился на Индигирке. Врач, выйдя из самолета, направился прямо в больницу, помещавшуюся в избе.

Комсомолец Парамонов лишился ноги, но жизнь его была сохранена.

Машина пошла в обратный полет над хребтами Черского и Верхоянским. На борту самолета, кроме хирурга, был и комсомолец Парамонов. Полет продолжался свыше девяти часов. Часть пути шли вслепую на высоте до четырех тысяч метров. Радиосвязи с землей все еще не было. Восстановить ее мешала магнитная буря.

— Мы над Алданом, — сказал штурман Штепенко, показывая карту командиру.

Козлов доверял своему штурману. Над Алданом надо было пробивать облачность и по Алдану выходить на Лену. Козлов пошел спиралью на снижение. Штурман не ошибся: вот мелькнуло селение Алдан на одноименной с ним реке. Вот показались и широкая Лена. До Якутска оставалось уже немного. Тут вдруг восстановилась радиосвязь с землей. Штурман передал на коротких вол-

нах в Якутск, чтобы больница приготовила место для Парамонова, нуждавшегося в срочном переливании крови.

Перед отлетом в Красноярск Козлов заглянул в больницу, — Парамонов уже поправлялся и сердечно благодарил своих спасителей.

Так заканчивалась без единой поломки материальной части шестнадцатая по счету арктическая экспедиция Козлова.

9. НА ФИНСКОМ ФРОНТЕ

Начальник штаба говорил вполголоса. Козлов, вытянувшись во фронт, отвечал ему коротко:

— Слушаю, товарищ начальник штаба. Есть-есть.

— Итак, повторяю. Достигнуть «точки Н», сбросить на военный объект весь груз бомб и вернуться на место.

— Есть-есть, — подтвердил Козлов. — Будет сделано точно.

Люди отправились за Козловым, командиром звена, к самолетам.

— Погода самая подходящая — туман и низкая облачность! — улыбнувшись, сказал вслед Козлову начальник штаба.

— В такую погоду хорошо только водку пить, — ответил Козлов. — Здесь, я посмотрю, погода хуже, чем в Арктике!

— Мы сейчас сильно рассчитываем на полярных летчиков: они привыкли к любой погоде.

— Это точно, товарищ начальник штаба. Есть приказ и летим, — сказал Козлов.

Машины, легко оторвавшись от снежного аэродрома, взмыли над лесом. Клином, как на параде, потянулись они над пятнами озер. Флагманская машина Козлова легла на боевой курс, к ней подстроились остальные. Козлов переговаривался по телефону со стрелком-радистом, комсомольцем Колей Кондратьевым — питерским рабочим. Молодой штурман из стрелков-радистов сидел впереди Козлова. Штурман окончил железнодорожный техникум и, когда был призван на военную службу, попросился в авиацию. Сейчас люди шли с Козловым в свой первый боевой вы-

лет на один из крупнейших объектов противника. С этого объекта финны из пушек обстреливали расположение наших частей.

Козлов вел машину по курсу, привычно, как на ледовых разведках. Только сейчас под ним простирались не льды, запорошенные снегом, а леса с белыми пятнами озер. Порой казалось Козлову, что он летит над зимним Енисеем из Красноярска на остров Диксон. Вот стелется перед ним вековая тайга, белыми просеками змеятся русла замерзших речек. Проплыла одинокая избушка, чащоба сменилась редколесьем, потянулась лесная гарь: деревья черные, голые, без ветвей, как столбы.

Чем дальше по курсу шло звено Козлова, тем лучше становилась видимость. Это обстоятельство заставляло Козлова набирать высоту.

Как только боевая тревога была объявлена на финской границе, летчик Козлов попросился на фронт. Это случилось совсем недавно. Но Козлов за этот короткий срок словно потерял чувство времени, развитие авиационной работой. Бывало, надо было встать ровно в пять утра, и Козлов без будильника вставал ровно в пять, будил товарищей и шел с ними по дощатому, скользкому от инея тротуару к бухточке, где стояли полярные летные машины.

Сейчас, в первом боевом вылете, Козлову казалось, что летит он давно, быть может, день, а, может, и неделю. Он рассчитывал добраться до «точки Н» под защитой тумана. Но туман изменил Козлову, поднялся и открыл советских летчиков неприятелю. Вокруг машин одно за другим появились облачка разрывов зенитной артиллерии. Похоже было, словно рядом с машинами козловского звена раскрывались парашюты. От этих взрывов самолеты встряхивало, слегка кидало в сторону. Козлов не изменял боевого курса и упрямо шел на цель.

— Не думал никогда, что война в воздухе представляет такое захватывающее зрелище, — говорил стрелку-радисту Козлов. — Это же фейерверк!

И в самом деле, было похоже на фейерверк. Вспыхивали и погасали цветные

яркие полосы трассирующих пуль и снарядов — зеленые, голубые, красные. Они тянули свои смертоносные лапы к самолетам Козлова: это вражеские зенитчики нащупывали верный прицел. Самолеты проделывали сложные фигуры высшего пилотажа, уклоняясь от пристрелявшегося противника, но боевого курса не меняли.

Напрасно цветными следами своих пуль и снарядов пытался враг посеять страх в душах советских летчиков. Эти цветные дорожки смерти только заостряли их внимание. Козлов упорно и решительно шел на цель. Под самолетом, в глубине, показался военный объект — та самая «точка Н», о которой говорил начальник штаба. Зайдя на цель, звено вслед за флагманом сбросило весь запас бомб. Штурман успел сфотографировать начавшиеся тут же громадные пожары, чтобы знать, какие объекты загорелись после бомбежки. Это для доклада начальнику штаба.

Козлов за годы полетов в Арктике привык к походной жизни. Сколько раз приходилось мытарствоваться на Стерлегове, Диксоне или в устье Таймуры, спать, не раздеваясь, в одежде и сапогах. Случалось итти на вынужденную посадку в открытом Карском море, где ничего не было на сотню километров, кроме битого льда. Привык полярный летчик в Арктике после долгого полета засыпать без подстилки и подушки. Подушкой нередко служила ладонь, етеной и крышей — кожаная одежда.

Товарищи по самолету называли Козлова «стариком» за манеру жить и работать продуманно и деловито. Седые волосы уже серебрили его густую темную шевелюру. Но он не чувствовал на плечах четырех десятков прожитых в беспокойстве лет. Он казался самому себе тем же молодым человеком, каким пришел во флот, в Балтийский экипаж. Погода не останавливала летчика, как пасмурное небо не останавливает путешественника. Рядом с Козловым сидели в машинах юнцы. Их молодые, румяные от мороза лица не отражали ни тени тревоги. Каждый был озабочен порученной ему работой. Стрелок радист

проверял свою боевую часть, штурман сверялся с картами местности. Словно были они не на фронте, а на обычной тренировке.

— Вот я смотрю на вас, ребятки, и думаю, — говорил Козлов после полета своим товарищам по звену. — Такие вы молодые да хорошие! Расцеловать хочется каждого! Случается иногда: люди пылят друг на друга. А этого не нужно. Не пылить надо, а уважать товарища. Советским людям надо жить в радости.

Зима приходила к концу. Лютые сорокаградусные морозы сменились двадцатиградусными, и летчики называли такую погоду оттепелью. Жили в землянках, грелись у костров в лесу.

Козлов шел в свой двадцать четвертый боевой вылет. Он уже привык к игре со смертью, привык увертываться от ее ударов. Боевой вылет настраивал летчика на высокий лад: будто в далекой юности шел на экзамен. При посадке на аэродром после первого боевого вылета летчики козловского самолета отметили, что плоскости пробиты. Несколько сплюсненных пуль Козлов нашел в фюзеляже. Он взял их, чтобы в Москве подарить друзьям — на память о финском фронте.

«Оттепель» держалась недолго. Снова ударили жестокие морозы. Над землей облаком стояла белая мгла. Козлов еще не успел отогреться после ответственного полета. У него заоченели руки. И снова надо было итти на цель, подвесив бомбы. Внизу, в безмолвии, тянулись леса.

Козлов вынул из рукавицы руку и стал дышать на нее, чтобы хоть немного отогреть. Рука одеревянела. Он снова сунул ее в рукавицу. Рука отказывалась повиноваться. Козлов прижал к груди баранку штурвала и так управлял самолетом, выводя его на цель.

Вскоре он увидел впереди по курсу «лисий хвост». Под самолетом тянулись холмистые гряды облаков: подходя к цели, Козлов задолго до этого поднялся выше облаков, чтобы не выдать себя противнику. Уже не видно леса под самолетом. До цели итти около получаса. Иногда в разрывах обла-

ков мелькали темные пятна леса. Термометр показывал более сорока градусов холода. Воздух был влажен. От летящих машин, из-за конденсации воздуха, оставались на небе «лисий хвосты», видимые издалека.

В центре «лисьего хвоста» Козлов вскоре обнаружил черную точку. Сомнений не оставалось — впереди самолет противника. Не в первый, а в двадцать четвертый раз бросались на Козлова финские истребители. Не свернул Козлов с боевого курса в свой первый вылет, не собирался сворачивать и теперь. Он вел машину в лоб противнику. Надо было предупредить стрелка-радиста о неизбежной встрече с истребителем.

Козлов попытался взять обмороженной рукой микрофон и не смог. Внизу открылся разрыв облаков, стали видны зеленоверхие леса и сверкающие на солнце, покрытые снегом озера. Глазам больно. Плоскости летящих рядом машин пускали зайчиков в лицо Козлову, затрудняя видение.

Встреча с противником надвигалась. Неприятельский летчик упрямылся. Он держался смело. Уже можно было видеть очертания машины, летевшей навстречу. Это был английский «Бристоль-Булдог».

Радист-стрелок на машине Козлова готовил к бою пулемет, хоть и не видел еще врага.

И вдруг услышал вызов Козлова, которому удалось, наконец, прижать щекой к плечу трубку микрофона:

— Коля, впереди по курсу вражеский истребитель! Приготовься к встрече!

Финский истребитель пытался выйти из облаков незаметно. Козлов не мог понять, почему медлит стрелок-радист? Тот не спешил, подпуская к себе врага поближе. У молодого стрелка Николая Кондратьева нервы были крепкие. Противник продолжал идти встречным курсом, не сворачивая и не уступая дороги.

Похоже, он шел на таран, жертвовал собой, чтобы сбить советских пилотов.

Козлов напряженно смотрел вперед. «Лисий хвост» противника все приближался, увеличиваясь в размере.

Вот уже ясно виден весь самолет, мчащийся в лоб Козлову. До встречи остались мгновенья.

Кто кого?

Козлов был уверен в своем стрелка-радисте. Заботило его другое: выйти на цель и сбросить весь запас взрывчатого на военный объект противника.

Когда-то он слышал от знакомого казака, что в кавалерийской атаке рано или поздно наступает момент, когда одна из сторон, охваченная смертельным ужасом, не в состоянии сделать ни шагу вперед и бежит от противника, подавившего ее своей моральной силой.

Командир авиазвена ждал этого решительного момента, но враг не уступал, продолжая бешено мчаться на Козлова:

«Значит, казак-то был неправ? — думал Козлов. — Неужели так и вмажем друг в друга?»

Но противник не дошел до советских машин и развернулся горкой. Он пытался атаковать флагманскую машину. Застрекотал пулемет Кондратьева. Стрелок, не торопясь, выпускал одну очередь за другой. Козлов едва удерживал штурвал обмороженными руками и вдруг увидел, как пронзенный пулями Кондратьева самолет противника резко пошел на снижение, стал падать на лес, сливаясь с ним своей защитной зеленой окраской. Машины вновь набрали высоту и легли на боевой курс.

В разрыве облаков показался объект. Самолеты сбросили на него весь запас бомб и благополучно вернулись на свой аэродром. Летчики стали вынимать застрявшие в плоскостях финские пули, которым так и не удалось помешать звену Козлова выполнить боевой приказ.

Пробоины в самолетах говорили о мужестве и героизме советских летчиков. Товарищи по авиационному полку с уважением осматривали флагманскую машину и крепко жали руки друзьям, вернувшимся из боевого полета. Они не говорили «ранило», но — «поцарапало». Не говорили «погиб», но — «снизился». Машина в тумане не «разбилась о скалу», но — «встретилась с землей». И ве-

черами долго вспоминали товарищей, не вернувшихся после боевого вылета.

Командир N-ского авиационного полка писал вместе с военкомом боевую характеристику майора Козлова, Матвея Ильича. В этой характеристике скупо сообщалось следующее. Майор Козлов всесторонне развит. Культурный и общительный командир. Морально устойчив. Классово бдителен и умеет хранить военную тайну. Предан партии Ленина—Сталина и социалистической родине. Проявил себя деятельным командиром, умеющим поднимать актив на выполнение поставленных задач. Заботлив к подчиненным. Авторитетен в деловом и практическом отношениях. Энергичен, решителен, инициативен в боевой работе. Требователен к себе и подчиненным. Любит летную работу. Умеет передать свои навыки и знания подчиненным. Проявил себя в боевой работе высококвал-

лифицированным летчиком. Имеет двадцать четыре боевых вылета. Летает в сложных метеорологических условиях. Десять раз был обстрелян огнем зенитной артиллерии и зенитных пулеметов, атаковывался истребителями противника. Смелый, хладнокровный в бою. Представлен к награде за проявленные отвагу и мужество при выполнении боевых заданий. Представлен к повышению в звании...

Морозы кончились. Весна решительно вступала в свои права. Козлов возвращался с боевыми товарищами домой. Но в Москве он долго не усидел без дела: после короткого отдыха стал готовиться к борьбе с карскими льдами, мешающими советскому мореплаванию.

С боевым орденом Красного Знамени на груди, улетел Матвей Козлов к высоким параллелям, чтобы помочь советским кораблям проложить надежную полярную магистраль с запада на восток.

На корабле „Георгий Седов“ через Ледовитый океан*

Записки капитана

К. БАДИГИН

★

ТРЕТЬЯ ЗИМОВКА ВО ЛЬДАХ

28 сентября «Седов» пересек государственную границу СССР и вышел в район арктических владений Норвегии. В этот день «Седов» находился на широте $85^{\circ}32',6$ и долготе $31^{\circ}33'$. За какой-нибудь месяц мы спустились к юго-западу примерно на 80 миль. Заканчивая приготовления к зимовке, наш коллектив на ходу перестраивал свой жизненный ритм, приспосабливаясь к обстановке начавшейся полярной ночи.

Медицинское обследование экипажа, проведенное Соболевским, показывало, что длительное пребывание в дрейфе оставило некоторый след на физическом и душевном состоянии людей. В поданном мне рапорте судовой врач писал:

«1. Ефремов Андрей Георгиевич. Функциональное расстройство сердечной деятельности, неврастения, малокровие, понижение жизненного тонуса, усугубляющееся длительным нахождением в дрейфе. По сравнению с данными медосмотра в декабре 1938 года наблюдается более резкая раздражительность, частая смена настроения, ухудшение сердцебиения (периодически), быстрая утомляемость. Периодически лечится амбулаторно.

2. Буйницкий Виктор Харлампиевич. Неврастения в средней степени, не резко выраженное малокровие.

3. Трофимов Дмитрий Григорьевич. Хронический суставной ревматизм, периодически обостряющийся, не-

врастения, расширение вен голеней обеих ног, закупорка салных желез кожных покровов. По сравнению с прошлым годом — некоторое улучшение. После проведенного амбулаторного лечения уменьшились опухоль и боли в лучезапястном суставе левой руки и в правом коленном суставе, увеличилась их подвижность.

4. Полянский Александр Александрович. Нуждается в протезировании 19 зубов и санации одного, неврастения, функциональное расстройство сердечной деятельности.

5. Токарев Сергей Дмитриевич. Хронический ревматизм без объективных данных. Слабо выраженная неврастения.

6. Бежасов Николай Николаевич. Неврастения, не резко выраженная.

7. Алферов Всеволод Степанович. Функциональное расстройство сердечной деятельности, неврастения, не резко выраженная. Нуждается в протезировании 4 зубов.

8. Буторин Дмитрий Прокофьевич. Неврастения. По сравнению с прошлым годом — незначительное ухудшение состояния сердечной деятельности. Нуждается в санации трех зубов.

9. Гетман Иван Иванович. Неврастения, не резко выраженная.

10. Гаманков Ефрем Иванович. Функциональное расстройство сердечной деятельности. По сравнению с прошлым годом — усиление неврастения.

11. Шарыпов Николай Сергеевич. Хронический ревматизм без объективных данных, увеличение фолликулярных миндалин, функциональное расстройство сердечной деятельности.

12. Мегер Павел Власович. Неврастения. Нуждается в санации и протезировании зубов.

* Продолжение. См. «Новый мир», №№ 4—5, 6, 7, 8, 9 — 1940 г.

13. Недзвецкий Иосиф Маркович. Легкая возбудимость. Неврастения, не резко выраженная. Незначительное функциональное расстройство сердечной деятельности, увеличившееся по сравнению с прошлым годом.

Наблюдается повышенная возбудимость и понижение жизненного тонуса всего экипажа, что объясняется длительным пребыванием в условиях дрейфа и двух полярных ночей.

Этот документ свидетельствовал, что третью зимовку нам будет труднее перенести, чем первые две.

Я считал необходимым внести значительные изменения в распорядок нашей жизни. Особым приказом продолжительность рабочего дня была сокращена с восьми до пяти часов для людей, занятых непосредственно на судовых работах. Но одной этой меры было бы недостаточно для того, чтобы как-то встряхнуть, оживить коллектив. Ведь сам по себе досуг в условиях полярной зимовки вреден. Следовало заинтересовать людей чем-то новым, дать им какое-то занятие, которое увлекло бы их и заставило забыть о трудностях третьей полярной ночи.

И это целебное средство было найдено. Называлось оно «курсами механиков III разряда и судоводителей малого тоннажа».

Мы уже не раз принимались за организацию учебы на корабле. Каждую зиму люди усаживались за книги и весьма прилежно изучали самые различные предметы, начиная от химии и физики и кончая иностранными языками. Но до сих пор эта учеба носила несколько любительский характер: она никого ни к чему не обязывала и ничего никому не обещала. Занятия посещали кто хотел и когда хотел.

Надо было создать на этот раз на корабле нечто подобное настоящему учебному заведению — со строгим расписанием, строгой дисциплиной. Хотелось поставить дело таким образом, чтобы учеба занимала у людей 75 процентов их свободного времени, не оставляя пустых беззаботных часов, когда в голову невольно лезут всякие неприятные мысли о разлуке с семьей, о трудностях зимы, о приближении

встречи с негостеприимным Гренландским морем.

Заблаговременно, еще в летние месяцы, по нашей просьбе передало Управление учебных заведений Главсевморпути на «Седов» программы школ механиков III разряда и водителей судов водоизмещением до 200 тонн. Радистам пришлось немало поработать в эти месяцы — программы оказались довольно обширными. Курсы механиков были рассчитаны на 1 210 учебных часов, а курсы судоводителей — на 780 часов.

Когда стало ясно, что третья зимовка неизбежна, я начал вести с нашими командирами разговоры об организации школ.

Широкие масштабы вначале несколько озадачили Андрея Георгиевича, которому было предложено принять руководство учебной частью. Но потом удалось убедить его в том, насколько большое значение может сыграть учеба в жизни нашего коллектива, и, после некоторых колебаний, он согласился взяться за дело.

Постепенно нам удалось полностью укомплектовать и штат преподавателей: Буйницкий взялся читать лекции по геометрии и русскому языку и вести курс проекционного черчения, Трофимов согласился преподавать курсы паровых котлов и паровых машин, Токарев взял на себя преподавание курса двигателей внутреннего сгорания, Соболевский изъявил согласие прочесть курс химии.

Андрей Георгиевич взял на себя преподавание устройства и теории корабля, алгебры и физики, а я преподавание навигации, лоции, морской практики и политэкономии. Уже один перечень предметов показывает, с каким размахом ставилась на этот раз учеба на корабле.

Когда подготовка к организации курсов была завершена, я попросил как-то команду задержаться после ужина и подробно рассказал о проекте организации школ.

Со всех сторон посыпались вопросы — как будет организована учеба, где придется сдавать экзамен на получение дипломов, какие права дают эти

дипломы? Чувствовалось, что эта идея заинтересовала людей. Они поняли, что на сей раз речь идет не о простом кружке, а о настоящей школе. И каждому захотелось принять участие в учебе, чтобы время зимовки не пропало даром. Кстати сказать, после разговора по радио с «Русановым» многие не раз вспоминали, вздыхая, о Капелове и Малыгине, которые в первую зимовку в море Лаптевых были простыми матросами, а теперь уже кончили школу штурманов. Было довольно заманчиво — в условиях дрейфа догнать своих товарищей, учившихся на материке.

— Ну, так как, товарищи, — будете заниматься? — спросил я, когда все вопросы были исчерпаны.

— Буду. На судоводителя, — сказал Буторин.

— Правильно, — поддержал я его, — боцману прямая дорога в штурманы...

— И я на судоводителя, — сказал наш кок Мегер.

— А я на механика, — откликнулся из угла Гетман.

— И я, и я... — один за другим изъявили желание учиться все члены команды.

Утром 30 сентября в кают-компании были вывешены приказ о начале учебного года и тщательно составленное, даже перепечатанное на машинке Андреем Георгиевичем, расписание уроков. Эти документы как бы подтверждали солидность затеянного нами предприятия. Люди то-и-дело подходили к доске, перечитывали расписание и, покачивая головами, отходили, словно не веря своим собственным глазам.

Действительно, такой документ, как расписание уроков, выглядел не совсем привычно на дрейфующем корабле. Но вскоре, когда в кают-компанию внесли классную доску, кусок мела, тряпку и когда в строго определенные часы сюда начали являться преподаватели с классными журналами, все сомнения были окончательно рассеяны, — учебный год начинался точно так же, как в любом училище, без всяких скидок и послаблений. Преподаватели аккуратно отмечали в классном журнале пройденный курс, старосты групп вели учет

посещаемости, проводилась строгая проверка знаний.

Занятия в школах начинались сразу после обеда.

Как и следовало ожидать, учеба увлекла людей настолько, что они, невзирая на усталость, занимались весьма прилежно. Расписание соблюдалось строго и неукоснительно, хотя нам очень часто было трудновато его выполнять: ведь мы работали в особых условиях дрейфа, когда так часто возникают самые непредвиденные и самые срочные дела.

Наши донесения о работе школ механиков и судоводителей вызвали живейший интерес в Москве, и через месяц после начала занятий мы получили письмо Цуморпорта Наркомморфлота, которым нам было разрешено образовывать временную квалификационную комиссию для производства выпускных экзаменов на звание судоводителей двухсоттонников и механиков 3-го разряда.

После окончания испытаний эта комиссия должна была составить протокол, который послужил бы основанием для выдачи в ближайшем порту дипломов выдержавшим экзамен. Главсевморпуть утвердил сразу же и состав комиссии: председатель — Бадигин, члены — Трофимов, Ефремов и Токарев.

Как только нашим слушателям было сообщено, что они смогут тут же, на корабле, сдать экзамен на право получения диплома, люди единодушно решили работать над собой так, чтобы успеть до конца дрейфа пройти всю программу. И только быстрое ускорение темпов дрейфа, который закончился раньше, чем мы предполагали, сорвало наш учебный план.

Теперь, когда печатаются эти строки, большинство моих учеников продолжает учебу в более спокойной обстановке; с осени 1940 года они заняли места в различных промакадемиях. Думаю, что они так же, как и я, не раз будут с признательностью вспоминать часы учебы в нашей тесной кают-компании, у железного камелька, при свете «фруктовых» ламп. Именно тогда у наших моряков с особой силой про-

снулась жажда знаний, которая привела их впоследствии к промакадемии.

Но эта учеба сыграла и еще одну далеко не маловажную роль. Как я и предполагал, она отвлекла людей от мрачных мыслей о трудностях третьей зимовки, еще теснее сблизила их, заставила работать еще энергичнее и дружнее.

Арктическая ночь, как всегда, двигалась очень быстро. Уже первого октября на небе ясно были видны звезды второй и третьей величины, и в 20 часов заметно темнело. Семь дней спустя мы простились с солнцем, — только высокий светлый столб поднялся над горизонтом в том месте, откуда раньше восходило дневное светило. Затем исчезло и это напоминание о далекой земле, где люди каждый день любуются восходом солнца, а 16 октября ударил 30-градусный мороз, затрещали деревянные части судна, началась пурга, и мы почувствовали себя уже в привычной обстановке полярной зимы.

Снова заиграли над кораблем призрачные сполохи полярного сияния, снова растворились во мраке окружающие «Седов» льды, и наш мирок сузился до предела: теперь уже не находилось охотников до прогулок по льду, и даже самые упорные спортсмены расстались с лыжами.

Приближение к Гренландии, этой загадочной стране вечно льда и безмолвия, давало себя чувствовать. Морозы, начавшиеся с первых же дней зимы, были на редкость упорными. Хотя мы на этот раз находились южнее, чем в начале прошлой зимы, температуры, в среднем, держались на более низком уровне:

	1938 год	1939 год
Сентябрь	— 3,7	— 12,3
Октябрь	— 12,8	— 17,3

В сентябре—октябре 1938 года снег на льду почти отсутствовал. Теперь же метели намели довольно солидные сугробы, достигшие большой плотности, — некоторые из них свободно выдерживали тяжесть человека.

Устойчивые северные ветры все быстрее и быстрее гнали нас на юг. Уже 16 октября мы навсегда простились с 85-й параллелью и достигли широты 84°42',3 и долготы 28°08'.

Невзирая на быстрый дрейф, льды пока-что вели себя вполне прилично.

Не в пример прошлому году¹ мы совершенно не наблюдали подвижек. До тех пор, пока льды не пригнали нас к побережью негостеприимной Гренландии, где обычно образуются заторы, мы могли чувствовать себя более или менее спокойно, — мощный ледовый поток, с которым двигался «Седов», не встречая сопротивления, плавно стекал в Атлантический океан. В случае же небольших задержек, вызванных незападной переменной ветров, всю тяжесть удара принимал на себя молодой лед в гигантском разводье, которое все еще держалось на юго-юго-западе от нас.

Это разводье, обнаруженное нами ранней весной, проделало вместе с «Седовым» более чем 1 000-километровый путь, играя роль естественного буфера, предохранявшего нас от сжатий. То сходясь до мили в ширину, то закрываясь вовсе, это разводье как бы регулировало ледовую обстановку, и, быть может, именно ему мы обязаны тем, что около восьми месяцев прожили вполне спокойно, хорошо отдохнули после утомительных ледовых авралов 1938—1939 годов.

Наши наблюдения над льдом пока-что не обнаруживали дальнейшего увеличения его толщины. Невзирая на сильные морозы, намерзание еще не началось: ему, как обычно, предшествовал длительный и довольно сложный процесс консолидации ледяного покрова, внутри которого с лета остаются миллиарды ячеек, заполненных водой. К концу октября лед сохранял толщину в 223 сантиметра, зарегистрированную нами еще в период прекращения таяния. На глубину до 70 сантиметров шел

¹ Напомню, что в сентябре, октябре и ноябре 1938 года мы насчитали 51 сжатие, причем некоторые из них были настолько серьезны, что угрожали судну гибелью.

прочный, если так можно выразиться, «зимний» лед, а дальше бур уходил в рыхлую и сырую массу.

Даже в том случае, если бы 30-градусные морозы держались непрерывно, намерзание могло начаться не раньше первых чисел января 1940 года. Ведь в минувшем году, когда толщина льда достигла лишь 130 сантиметров, этот процесс начался только в конце ноября. Поскольку же нас очень быстро уносило на юг, можно было уже с полной уверенностью сказать, что мощность льдов, окружающих «Седов», так и не достигнет размеров, наблюдавшихся Нансеном во время дрейфа на «Фраме».

В сентябре «Седов» спустился на юго-юго-запад генеральным курсом 217° на 97 миль, продрейфовав в общей сложности 137 миль. В октябре он, двигаясь зигзагами, оставил за кормой 140 миль и переместился еще на 74 мили к юго-западу курсом 238° . Такой быстрый дрейф заставлял нас учащать свои научные наблюдения, уплотняя короткий рабочий день до предела.

Данные наблюдений представляли выдающийся интерес. Измерения глубин показали, что характер океанского ложа резко изменился. Если раньше глубины часто менялись, то теперь наш лот нащупывал почти ровное дно, покрытое мягким серым илом:

Дата	Широта	Долгота	Глубина	Образец грунта
12 октября	$84^\circ 57', 5$	$28^\circ 54'$	4 126 м	Груз глубоко ушел в мягкий грунт и оторвался от него с трудом. Мягкий серый ил без крупинок.
14 октября	$84^\circ 46', 8$	$28^\circ 54'$	4 135 м	Мягкий серый ил без крупинок.
23 октября	$84^\circ 44', 2$	$23^\circ 43'$	4 145 м	На гире удержалось большое количество грунта. Серый ил, более жидкий, чем прежде, без крупинок.
30 октября	$84^\circ 35', 6$	$20^\circ 26'$	4 149 м	Гиря глубоко ушла в грунт.

Еще интереснее были данные гидрологических наблюдений.

Мы начали глубоководные гидрологические наблюдения год назад — 16 октября 1938 года на $84^\circ 00', 0$ северной широты и $133^\circ 22'$ восточной долготы, 22 октября 1939 года мы оказались на $84^\circ 45', 0$ северной широты и $24^\circ 27'$ восточной долготы. Здесь мы сделали нашу 35-ю гидрологическую станцию. Таким образом, нам удалось произвести глубоководный гидрологический разрез в Ледовитом океане к северу от 84-й параллели по линии, протянувшейся на 109 градусов по долготе.

Везде на протяжении этого разреза верхние 75 метров оказались совершенно однородными: их температура — около минус $1,7^\circ$. Вполне понятны происхождение и однородность этого приповерхностного слоя. Ежегодно могучие сибирские реки выносят в Ледовитый океан около 5 000 кубических километров пресных вод, разливающихся по поверхности океана. Ветры и течения перемешивают эти воды с более глубокими и более солеными. В дальнейшем начинается переработка этих вод холодом: сначала температура их понижается до температуры замерзания, после этого начинается льдообразование. Морской лед обладает удивительными свойствами: соленость этого льда в начальный момент приблизительно в четыре раза меньше солености морской воды, из которой он образовался. С течением времени лед опресняется еще более. Рассол морской воды, заключенный в ячейках между кристаллами льда, вследствие своей относительной тяжести постепенно стекает вниз, и верхние части торосов и ропаков очень быстро становятся совершенно пресными.

Таким образом, благодаря охлаждению и осолонению поверхностный слой морской воды становится более плотным, чем нижние. Тогда начинается конвекционное перемешивание; оно продолжается все время, пока образуются льды, т.-е. всю зиму, и приостанавливается только летом.

Особенно глубоко это перемешивание или, как говорят гидрологи, вертикальная зимняя циркуляция в Северном Ледовитом океане распространиться не

может: как показали наблюдения «Фрама», станции «Северный полюс» и наши, везде на глубинах под слоем вертикальной зимней циркуляции расположен слой более теплых, но более соленых и, следовательно, более тяжелых атлантических вод, вливающихся в Арктический бассейн через широкий пролив между Гренландией и Шпицбергом. Температура этих вод в Арктическом бассейне не такая уж высокая, но во всяком случае положительная. На всем пути нашего дрейфа приблизительно на глубинах от 150 до 750 метров мы находили воды с температурой выше 0°.

Как только мы спускались к югу, высота этого теплого слоя увеличивалась, и температура его повышалась.

Последнее вполне понятно. Всякое движение на земле подвержено влиянию отклоняющей силы вращения земного шара, так называемой силы Кориолиса. Эта сила отклоняет артиллерийские снаряды, самолеты, железнодорожные поезда, реки, ветры в Северном полушарии вправо, а в Южном полушарии влево от начального направления их движения. Подчиняясь силе Кориолиса, теплые атлантические воды, входящие в Арктический бассейн глубинным течением, прижимаются к материковому склону европейско-азиатского материка и направляются в желоба таких морей-заливов, как Карское, море Лаптевых, Восточно-Сибирское. Другими словами, самый стержень теплых атлантических вод, отличающийся наиболее высокими температурами, проходит очень близко от северных побережий Шпицбергена, Земли Франца-Иосифа и Северной Земли.

На глубинах свыше 750 метров мы, так же, как «Фрам» и станция «Северный полюс», наблюдали постепенно понижающиеся температуры, а ниже 2 000 метров — великое их однообразие: здесь температура воды колебалась около минус 0,8°. На глубине 3 917 метров, в расстоянии 75 метров от дна (85°45,6 северной широты и 66°41' восточной долготы), температура воды также оказалась около минус 0,8°. Почти два километра воды

совершенно одинаковой солености и температуры! Ничто не изменилось здесь на глубинах со времени Нансена, не изменится ничего здесь и для наших потомков, если только не случится какой-либо катастрофы.

Любители сравнений частенько именуют Гольфстрим печью, отопляющей Арктику. Надо сказать, что мы воспользовались благодатным течением, как печью, не в переносном, а в самом прямом, весьма прозаическом смысле: заставили Гольфстрим отогревать... замерзшие брезентовые шланги. И надо сказать, что эта печь поработала превосходно.

Как я уже говорил, сильные морозы наступили внезапно, раньше, чем мы ожидали. Поэтому команда не успела убрать с палубы развешанные для просушки на веревках брезентовые шланги, с помощью которых мы пополняли запасы пресной воды из снежниц.

Мокрый брезент превратился в подобие камня, покрытого льдом. Длинные и громоздкие шланги мы не могли ни свернуть, ни внести во внутренние помещения корабля, где их можно было бы высушить. На оттепель в Арктике зимою рассчитывать трудно. Поэтому шлангам было суждено до весны пролежать под открытым небом, — не рубить же их топором на куски!

Но шланги могли срочно понадобиться для откачки воды в случае аварии. Да и вообще было как-то неловко бросать их на всю зиму на палубе. И вот, когда данные гидрологических станций показали, что температура воды на глубине от 200 до 750 метров положительная, я решил воспользоваться даровым теплом: на этой глубине шланги должны были оттаять. Тогда нам удалось бы их свернуть, внести во внутренние помещения корабля и там просушить.

Проверив еще раз свои расчеты, я объявил за завтраком:

— Сегодня начнем оттаивать шланги...

— Как это, Константин Сергеевич? — удивленно спросил боцман.

— Очень просто — под водой. Привяжем их к тросу, опустим на глубину, — они и оттают там...

Лица моих товарищей расплылись в улыбку — они решили, что капитан шутит. Но, когда было отдано приказание готовить майну и взять шланги к тросу, веселое оживление сменилось некоторой тревогой, — приказ показался людям весьма странным.

Хотя наши моряки, активно помогавшие Андрею Георгиевичу проводить гидрологические наблюдения, хорошо знали, что на глубине 100—200 метров находится относительно теплая вода, но никому и в голову не приходило использовать эту воду для технических целей.

Но приказ есть приказ, и Буторин вдвоем с Гетманом принялись его выполнять. На всякий случай бережливый боцман решил держать шланги поближе, метров на сорок от поверхности льда, — все-таки это не так глубоко.

После того, как шланги около суток пополоускались в воде, я распорядился их вынуть, в полной уверенности, что они уже оттаяли. Боцман с готовностью принялся выполнять долгожданное распоряжение, и... вечером, зайдя в кубрик, я заметил какое-то странное оживление. Хотя люди старались сохранить самое невинное выражение на своих лицах, я почувствовал что-то неладное. Наконец, Мегер произнес с деланно скуечающим видом:

— А шланги-то, Константин Сергеевич... еще хуже стали. Топором не разрубись...

Я в упор спросил боцмана:

— На сколько опускали?

Буторин немного замаялся:

— Да куда глубже, — метров сорок будет. Все морское царство, небось, распугали...

— Ну, тогда понятно, — сказал я. — Сегодня же опустить на 180 метров!

Лицо боцмана вытянулось. За все время своей службы он не слышал, чтобы опускали вещи морского обихода в море, да еще на такую огромную глубину.

Двое суток волочили за судном в 200 метрах под водой привязанные к

проволочному тросу шланги. Как и следовало ожидать, они постепенно размякли в относительно теплых атлантических водах, и пресный лед растворился в соленой влаге. Когда мы, наконец, извлекли их на поверхность, удивлению команды не было предела. Оттаявшие шланги без всякого труда свернули в бухты, перенесли в жилые помещения и там просушили.

Так слушатели наших школ получили сверхпрограммный урок океанографии.

Приближалась вторая годовщина нашего дрейфа. Эта дата была особенно памятна нам еще и потому, что в минувшем году она была ознаменована получением теплой, ободряющей телеграммы товарища Сталина и товарища Молотова. Эта телеграмма, заботливо переписанная от руки и вставленная в рамку, висела на самом видном месте в кают-компании. Она как бы символизировала собою самую тесную и непосредственную связь нашего маленького коллектива с родиной, сталинскую заботу партии и правительства об экипаже «Седова». И на этот раз было решено отпраздновать годовщину дрейфа 24 октября, — в тот день, когда мы получили приветствие товарищей Сталина и Молотова.

Подготовку к празднику начали заранее. Урывая каждую свободную минуту, я, Андрей Георгиевич и Виктор Харлампиевич щелкали на счетах, производили различные вычисления карандашом, чертили схемы, составляли таблицы, — хотелось подвести хотя бы некоторые, пусть даже не совсем точные, итоги двухлетней работы.

Путь, пройденный за эти два года кораблем, лежал на карте неровной, петливой кривой, загибающейся сначала на восток — до $153^{\circ}26'$ восточной долготы, потом на север — за 86-ю параллель и, наконец, на юго-запад — почти до 23-го меридиана. Когда мы выпрямили эту кривую и подсчитали ее длину, то оказалось, что корабль прошел со льдами уже 2750 миль — более одной трети окружности земного шара по долготе и вдвое больше, чем

потребовалось бы для нормального плавания (если бы оно было возможно) от Ново-Сибирских островов через Полярный бассейн до меридиана Шпицбергена.

На этом пути за два года было произведено 400 астрономических определений, 60 магнитных наблюдений, 10 суточных наблюдений над вариациями магнитного склонения, 47 гравитационных наблюдений, 35 глубоководных гидрологических станций, 26 измерений глубины океана, 5 016 метеонаблюдений. Такие цифры было не стыдно опубликовывать!

И мы на несколько дней превратились в корреспондентов: десятки газет со всего СССР завалили нас телеграммами с просьбой прислать статьи к годовщине дрейфа.

Одна из них звучала, как приказ:

«Срочно высылайте статью «Два года дрейфа» в газету «Московский большевик». Па панин».

Вторая была написана более странно:

«Седов» теперь приписан к Мурманскому порту. Выбирать в местные советы вы будете вместе с мурманцами. Надеемся, что вы не откажетесь рассказать избирателям об итогах двухлетней работы через свою областную газету «Полярный большевик». Обком ВКП(б)».

Третья телеграмма была из ТАСС:

«Срочно нужна ваша статья для передачи в зарубежную прессу...»

Ни на одну из этих радиogramм нельзя было ответить отказом.

С утра 23 октября в честь второй годовщины дрейфа мы произвели очередное измерение глубины, взяли пробу грунта со дна океана, взяли гидрологическую станцию № 36 и гравитационный пункт № 47. Потом все разошлись по каютам — привести в порядок свои костюмы к предпраздничному вечеру, почиститься, умыться, побриться.

Только радисты в эти часы работали с удвоенной нагрузкой: с утра на «Седов» хлынул дождь приветственных радиogramм. Вначале я оглашал их за

завтраком, обедом и ужином, но потом пришлось попросту складывать приветствия в аккуратную стопку: прочесть их все вслух не было никакой возможности.

Наконец, в 18 часов провели торжественное общее собрание и в 20 часов уселись за празднично убранный стол.

Все деликатесы, какие только могла породить фантазия наших коков, — Мегера и Гаманкова, — были перед нами. Нас угощали манным супом и отбивными котлетами из медвежатины, бережно сохраненной для этого дня. Затем нам предложили запеченный окорок, — он стал несколько жестковат после двух лет дрейфа, но мы давно уже привыкли не обращать внимания на такие мелочи. Консервы в восьми видах завершили собою серию закусок. На сладкое были поданы пирог с вареньем, пирожное «Наполеон», которым так гордился Мегер, песочное пирожное и конфеты. Почтенная фирма, скрытая за прозрачным псевдонимом «АГЕ», предложила нашему вниманию три сорта новых ликеров домашнего производства. Но наибольший фурор вызвало на сей раз пиво нашего неутомимого изобретателя А. П. Буторина — чудесный напиток, и в самом деле напоминавший по вкусу настоящее пиво.

24 октября было объявлено нерабочим праздничным днем. Каждый мог как следует выспаться, и с утра на корабле царила необычная тишина. Бодрствовали только я и Бекасов: я с двух часов ночи нес вахту, заменив Андрея Георгиевича, который сильно устал накануне, а Бекасов дежурил в радиорубке.

Было темно. Густая мгла застилала звезды, и реденький скупой снежок медленно-медленно оседал на корабль. В семь часов утра я, как обычно, подошел к метеобудке, записал показания приборов и спустился в кают-компанию, где стоял анероид, чтобы закончить составление сводки о погоде и передать ее радисту.

Привычная работа подвигалась быстро, не требуя особого напряжения. «Вот и еще год прошел, начался третий, —

подумал я немного меланхолически, — скоро ли наступит время, когда мы заживем иначе?..»

И вдруг слышались торопливые шаги. Я отложил карандаш и прислушался. Мы настолько хорошо изучили голоса, жесты, походку друг друга, что можно было безошибочно угадать—это идет Бекасов, принявший по радио какую-то очень важную и притом радостную весть.

Так и есть! Бекасов вбежал в кают-компанию с листком бумаги в протянутой руке и громко сказал:

— Приветствие от товарищей Сталина и Молотова! Только-что... Через станцию мыса Желания...

Я вскочил из-за стола, забыв о метеосводке. Всю скуку, всю хандру как рукой сняло.

— Давайте сюда,—сказал я, схватил телеграфный бланк и прочел:

«Из Москвы. 420-52-24-00-20. Вручить немедленно...»

Я невольно задержался на этих служебных пометках: телеграмма передана на телеграф в первом часу ночи! Поздней ночью, среди неотложных государственных дел руководители партии и правительства нашли время, чтобы еще раз приветствовать наш коллектив, одобрить и поддержать его...

Я читал дальше:

ЛЕДОКОЛ «СЕДОВ»
Капитану Бадигину
Помполиту Трофимову

Во вторую годовщину дрейфа шлем всему экипажу «Седова» большевистский привет. Желаем вам здоровья, победоносного преодоления всех невзгод, возвращения на родину закаленными борьбой с трудностями Арктики.

Жмем ваши руки, товарищи!

*По поручению ЦК ВКП(б) и СНК СССР
И. Сталин В. Молотов*

Я несколько раз перечитал эти теплые, проникнутые отеческой заботой строки. Бекасов, топчась на месте, тоже несколько раз заглядывал в записанную им самим радиogramму, словно не веря, что именно ему выпала честь принять из эфира сталинский привет. Улыбаясь, он повторял:

— Пишу, а карандаш дрожит. Пишу

и опасуюсь — как бы какую букву не спутать. Минут пять принимал...

Наконец, мы немного успокоились. Я наскоро дописал метеосводку, сунул ее Бекасову и отправился будить Трофимова:

— Дмитрий Григорьевич! Нам телеграмма... от Сталина и от Молотова.

Трофимов вскочил с постели:

— Где? Где?..

— Вот. Прочтите. Нет, лучше я вам прочту...

Я прочел телеграмму вслух, потом ее прочел сам Трофимов. Потом мы разбудили всех, и снова, как год назад, началось всеобщее ликование.

Я, Трофимов, Буйницкий и Бекасов уселись писать проект ответа на приветственную телеграмму. Писали на этот раз долго, стараясь отобрать самые лучшие, самые горячие слова. Но все написанное казалось бледнее того, что было в наших взволнованных сердцах.

Над льдами попрежнему стоял густой туман. Было сыро и холодно. Но мы не замечали всех этих неудобств. На корабле царило радостное, приподнятое настроение.

Радисты попрежнему работали с полной нагрузкой: поток приветствий с Большой Земли усилился. Запомнилась лаконичная телеграмма капитана ледокола «И. Сталин» Белоусова:

«До скорой встречи!»

День прошел быстро и как-то незаметно. А вечером нас ждала новая большая радость: Политуправление Главсевморпути в четвертый раз организовывало специальную радиопередачу для экипажа «Седова». Снова в Москву пригласили всех наших родных, снова в их распоряжение предоставили на весь вечер самый мощный радиопередатчик в СССР, чтобы они могли рассказать нам о своем житье-бытье.

Мы знали о предстоящем разговоре с близкими из телеграмм, присланных Политуправлением. Как всегда, ждали его с большим волнением, но никто из нас не мог даже предполагать, что в этот день, кроме наших родных и кроме работников Главсевморпути, перед микрофоном выступит глава государства

председатель Президиума Верховного Совета СССР.

И когда диктор сказал, что с нами будет говорить по радиотелефону М. И. Калинин, нам в первое мгновение показалось, что мы ослышались. Но потом до нас донесся негромкий задушевный голос Михаила Ивановича, мы услышали проникновенные, особенно близкие и доходчивые слова, по которым всегда и сразу узнаешь калининские выступления, и поняли, что никакой ошибки нет. Сам председатель Президиума Верховного Совета СССР, член политбюро ЦК ВКП(б), ближайший соратник Ленина и Сталина, оторвался на время от важных государственных дел, чтобы приехать в радиостудию и побеседовать с нами!

Телеграмма товарищей Сталина и Молотова, десятки приветствий с Большой Земли, разговор с родными по радио и, наконец, эта речь...

Невольно вспоминались истории полярных экспедиций прошлого... Смели мечтать наши отважные предшественники о таком внимании со стороны руководителей государств? Вспомнил ли хоть раз президент Соединенных Штатов Америки о горсточке храбрецов, которые под руководством Бэрда зимовали в ледяной пустыне Антарктики? А сколько колкостей пришлось выслушать Нансену по поводу того, что он явился на прием к французскому президенту в простом пиджаке, а не во фракной паре?

Правда, гордый и независимый исследователь Арктики сумел достойно ответить чиновникам, охранявшим престиж президента:

— Какая же у вас, господа, республика, если вы требуете от посетителя облачатся во фрак? Если ваш президент не примет меня, потрудитесь передать ему карточку — мне некогда переодеваться...

Но этот независимый ответ дорого обошелся Нансену. Скандальная сенсация облетела всю европейскую прессу, и даже один из самых распространенных в России журналов — «Природа и Люди», — незадолго перед этим поместивший несколько благосклонных от-

зывов об экспедиции «Фрама», гневно воскликнул:

— Интересно было бы спросить господина Нансена, посмел ли бы он в таком же костюме явиться ко двору какого-нибудь государя?! Его не допустили бы и на порог дворца!

Как дико и странно звучат в нашей стране эти рассуждения! Не богатство, не знатность и не наряд, а мужество, воля и преданность родине, — вот основной показатель для оценки человека в СССР. Мы прекрасно знали это. Но с особой силой и наглядностью ощутили мы значимость этого закона именно теперь, когда сам глава советского государства, не дожидаясь, пока мы вернемся на Большую Землю с отчетом о своей работе, сам отправился на радиостанцию, чтобы поговорить с нами...

М. И. Калинин отечески ободрил нас, напомнил нам о том, как внимательно следит за дрейфом «Седова» весь мир, посоветовал нам еще крепче взять себя в руки, чтобы победно закончить рейс сквозь льды. Говорил он ровно, не торопясь, без всяких ораторских ухищрений, стараясь выговаривать отчетливо каждое слово, чтобы радио донесло его к нам без искажений. Слышимость была прекрасная: мы улавливали все интонации М. И. Калинина. И когда он закончил свое выступление, из всех кают понеслись аплодисменты, — каждый из нас от всей души благодарил главу советского государства за огромную радость, которую он доставил нам своей речью.

Как и на прошлых радиопереключках, мы жадно ловили каждое слово наших близких, — чего не расслышит один, то потом подскажет другой. Воспоминания об этих разговорах обычно подолгу жили в кубрике и в кают-компании, люди перебирали все детали выступлений родных, толковали их по-всякому, вспоминали, кто из близких сильно волновался, кто выступал более бойко.

На этот раз больше других переживал, слушая выступления родных, Александр Александрович Полянский: его любимая дочурка Зоя, которую пустили к микрофону, неожиданно расплакалась. Мы слышали, как диктор вполго-

лоса уговаривал ее и советовал спросить у папы про медвежат. Но Зоя не слушала его и плакала навзрыд. Пришлось временно отложить ее выступление. Только под конец передачи Зоя успокоилась и рассказала Александру Александровичу все домашние новости.

До поздней ночи слушами мы радиопередачу, посвященную двухлетней годовщине нашего дрейфа. По установившейся традиции она закончилась большим праздничным концертом, организованным по заявкам седовцев. И только под утро мы разошлись по своим каютам, взволнованные, веселые, бодрые...

Все быстрее и неукротимее дрейфовал наш корабль на юго-запад. Плотно вмерзнув в мощный торосистый лед, едва заметно накренившись на правый борт, он плавно спускался к северо-восточной оконечности Гренландии, не встречая пока-что никакого сопротивления.

Как и год назад, над нами часто проносились мощные циклоны, сопровождавшиеся быстрым падением барометра и крепкими переменными ветрами. По нескольку дней свирепствовала пурга, наметавшая вокруг судна гигантские сугробы. Иногда за сутки ветер обходил чуть ли не весь горизонт. И все-таки мы не обнаруживали никаких признаков подвижки льда.

Поэтому жизнь на корабле шла по-прежнему ровно и размеренно, в точном соответствии с расписаниями научных наблюдений, судовых работ и учебных занятий. И только крупные революционные праздники да важные известия, приходившие с Большой Земли, вносили изменения в этот привычный распорядок нашей жизни и заставляли нас отвлекаться от него.

1 ноября, например, нам пришлось отменить вечерние занятия, так как Полянскому удалось нащупать в эфире трансляцию заседания V сессии Верховного Совета СССР, на котором решался вопрос о включении западных областей Украины и Белоруссии в состав УССР и БССР. С огромным вни-

манием слушали мы взволнованные, идущие от самого сердца речи представителей освобожденных народов.

Шесть дней спустя мы отмечали XXII годовщину Октябрьской революции. В третий раз приходилось нам праздновать Октябрь под ночным небом, усеянным звездами и подернутым бликами полярного сияния. Термометр показывал минус 31°. Как всегда, мы расцвелили свой корабль флагами, зажгли факелы и вышли на лед под знаменем. Как всегда, провели праздничный митинг и потом слушали по радио передачу с Красной площади, где шел парад Красной армии.

Но было в этом празднике нечто такое, что отличало его от предыдущих: хотя мы избегали называть сроки выхода корабля из дрейфа, каждый из нас уже знал, что мы в последний раз празднуем годовщину Октябрьской революции в полярных льдах и что следующую годовщину нам, по всей вероятности, доведется встретить уже в кругу родных и близких нам людей.

После демонстрации, в 3 часа дня, Буйницкий определил координаты. Мы находились на широте 84°22'0" и долготе 15°55'. В среднем теперь «Седов» ежедневно продвигался более чем на три мили к юго-западу. Я засел за карту, вооружившись циркулем и линейкой, произвел вычисления и сам несколько изумился полученным результатам: даже если бы корабль в дальнейшем двигался к югу лишь по 3 мили в сутки, мы должны были бы выйти на чистую воду менее чем через два месяца.

Я попытался найти ошибку в своих расчетах, но ошибки не было. И за праздничным ужином я поднялся и провозгласил не совсем обычный тост:

— За встречу с мощным ледоколом к новому году! За то, чтобы новый год мы встретили в кругу советских моряков!..

Легкий гул прокатился по кают-компани. Люди несколько недоверчиво встретили мой оптимистический тост. И, когда я вышел по какому-то делу из кают-компании, один из участников экспедиции провозгласил новую здравицу, казавшуюся более реальной:

— За выход из льдов в марте 1940 года!

Не так-то просто было свыкнуться с мыслью, что конец нашего долгого и утомительного пути уже близок, что еще немного — и мы простимся с Ледовитым океаном...

На Большой Земле разворачивалась подготовка к выборам в местные советы депутатов трудящихся. Отзвуки этой большой политической кампании доходили и до нас. На «Седове», приписанном к Мурманскому избирательному округу, была утверждена участковая избирательная комиссия в составе председателя Трофимова и членов — Буторина и Бекасова.

Нам предстояло в третий раз голосовать за кандидатов сталинского блока коммунистов и беспартийных: выборы в Верховный Совет СССР мы проводили в море Лаптевых, выборы в Верховный Совет РСФСР прошли за 82 параллелью, и, наконец, выборы в местные советы депутатов трудящихся должны были состояться, судя по всем расчетам, где-то в Гренландском море.

По этому поводу было много разговоров: успеем ли мы проголосовать в дрейфующих льдах, или же нас к тому времени вынесет на чистую воду?

Никто из нас не думал, что на этот раз наше участие в выборах не ограничится голосованием. Между тем на Большой Земле уже готовился новый акт огромного доверия к нам, морякам «Седова»: кандидатуры всех пятнадцати членов экипажа выставлялись в местные советы депутатов трудящихся.

16 ноября я получил сразу четыре молнии из Мурманска: начальник арктического пароходства, начальник политотдела, райком партии и редакция «Полярной правды» сообщали, что предвыборное собрание моряков арктического флота и работников береговых организаций Севморпути выставили мою кандидатуру в депутаты Мурманского областного совета депутатов трудящихся.

Эти молнии произвели на меня глубокое впечатление. Чувство глубокой благодарности за доверие охватило меня, когда я сел составлять ответную телеграмму участникам предвыборного

собрания. Давая свое согласие на баллотировку, я написал:

«Знаю, что только преданностью и упорным трудом можно оправдать доверие народа. Заверяю, что так же упорно и настойчиво, как сейчас, в дрейфующих льдах Ледовитого океана на славном корабле «Георгий Седов», буду бороться за новые победы Сталинских пятилеток, ведущих к еще большему расцвету любимой родины, к вершинам человеческого счастья — коммунизму...»

Сообщение о том, что кандидатура капитана выдвинута в депутаты Мурманского областного совета трудящихся, мигом облетело экипаж. Люди приходили ко мне в каюту, жали руку, поздравляли.

А еще через несколько дней прибыло сообщение о том, что моя фамилия была названа не только в Мурманске, но и в Москве, — коллектив машиностроительного завода Ростокинского района решил выдвинуть меня кандидатом в депутаты городского совета столицы...

Признаться, я даже несколько растерялся: отказываться от баллотировки было бы неудобно, но имею ли я право соглашаться на голосование своей кандидатуры одновременно и в Мурманской области, и в Москве? Я запросил совета у начальника Политуправления Главсевморпути тов. Белыхова, — как мне поступить. Ответ прибыл немедленно:

«Давая согласие баллотироваться в Московский совет, поступите правильно».

И я с радостью согласился поставить свою кандидатуру на баллотировку...

Телеграмму рабочих машиностроительного завода Ростокинского района я получил 29 ноября, а в этот день мне как-раз исполнилось 29 лет. Лучший подарок ко дню рождения придумать было бы невозможно, и с утра у меня было самое светлое и безоблачное настроение, какое только можно себе представить.

В старину об Арктике писали, как о стране мрака, ужаса и отчаяния. Именно такой она была в прошлом и именно такой рисовало ее в детстве мое воображение. Но в жизни оказалось все наоборот: именно Арктике, советской Арктике, я обязан всем — она закали-

ла меня, вооружила опытом, сделала меня капитаном, предоставила самое широкое поле для творческой деятельности. И вот, в 29 лет я, начинавший двенадцать лет назад свой трудовой путь подручным штукатура в Хамовниках, узнаю о том, что граждане столицы выдвигают меня кандидатом в депутаты своего совета...

Вечером по традиции я, как «новоорожденный», устроил праздничный ужин для членов экипажа. Было очень весело и шумно.

За оживленной дружеской беседой вечер пролетел незаметно. Беседовали на самые различные темы. Но с чего бы мы ни начинали свой разговор, он обязательно к концу переходил на вопросы международного положения, которое обострялось все больше и больше. Когда наступил час передачи «последних известий по радио», мы тесным кружком обступили громкоговоритель. И вдруг диктор объявил о том, что у микрофона выступит с речью по радио В. М. Молотов...

Назавтра мы узнали о начале военных действий на советско-финляндской границе. Как и в сентябре, когда до нас дошли вести об освободительном походе Красной армии в западные области Украины и Белоруссии, нам было тяжело и обидно, что приходится оставаться в стороне от линии огня. Чего бы мы ни дали в эту минуту, чтобы каким-то чудом в небывало рекордный срок вырваться из ледовых объятий и стать плечом к плечу с бойцами Красной армии, которым родина поручила обеспечить безопасность города Ленина!

Но чудес на свете не бывает, и нам пока-что оставалось заниматься сугобо мирными делами: с той же методичностью проводить научные наблюдения, читать лекции в школах механиков и судоводителей, строить снежные домики для гидрологических и научных наблюдений, окалывать лед у руля и винта, чтобы постепенно выморозить их и окончательно привести в порядок рулевое управление.

1 декабря «Седов» находился на широте $83^{\circ}40'$ и долготе $6^{\circ}39'$. Нас окру-

жали все те же безмолвные сплоченные льды, — в ноябре не произошло ни одной подвижки. Мы уже начали понемногу забывать страшную ледовую музыку, которая так сильно оглушала нас минувшей зимой, — последняя подвижка льда была отмечена 21 марта!

К югу от нас льды все еще тянулись на сотни километров. В ответ на мой запрос начальник гидрометеослужбы Главсевморпути тов. Сергеев сообщил из Москвы:

«Наблюдения прежних лет показывают, что кромка льда к северу от Шпицбергена в начале зимы располагается около 81° северной широты и изменяется мало...»

Прославленный бот «Мурманец», ходивший навстречу дрейфующей станции «Северный полюс», и на этот раз был отправлен в разведку. Его донесения, которые мы получали довольно регулярно, подтверждали данные, присланные мне из Москвы: при всем желании команде «Мурманца» не удавалось проникнуть севернее 80 -й параллели.

Пока «Седов» не пересек нулевой меридиан и оставался в Восточном полушарии, нам как будто бы ничто серьезно не угрожало, — только на западе, у берегов Гренландии, куда полтора года назад была занесена дрейфующая станция «Северный полюс», железный корпус нашего корабля мог испытать весьма неприятное знакомство с вечно движущимися мощными льдами. Опаснее всего для корабля попасть в круговорот обломков пака, прижатых ветрами к берегу.

Все же довольно скоро и нам пришлось вспомнить прошлогодний опыт борьбы со льдами и начать борьбу со сжатиями...

Около часу дня 3 декабря я сидел в кубрике, объясняя Буторину очередной урок из навигации. Только-что боцман с Шарыповым и Гетманом закончили сооружение снежного домика для гидрологических работ. Буйницкий и Мергер ушли на магнитные наблюдения. Остальные кончали судовые работы и готовились к урокам.

Вдруг я почувствовал характерный удар, — судно встряхнулось и замерло.

Послышался хорошо знакомый низкий гул, — где-то совсем рядом с судном лопнул многолетний лед.

«Начинается!» — мелькнуло в голове.

В несколько прыжков мы очутились на палубе. На снегу чернели трещины.

Мы спустились по трапу на лед.

— Константин Сергеевич! В котловане вода... — крикнул Буторин.

Я бросился к корме. Действительно, котлован, над которым трудилась полмесяца наша палубная команда, был заполнен водой, — трещина разорвала его пополам и, коснувшись пера руля, разошлась полукругом. Она протянулась к майне, служившей нам для измерения глубины, пересекла ее, подползла к тому-то построенному снежному домику над гидрологической майной, оторвала от него угол, затем отошла на 8—10 метров от судна и далее ушла до пределов видимости на север. Противоположный конец трещины затерялся где-то на юге.

Чтобы обследовать ледовую обстановку более широко, я немедленно отправил на разведку Шарыпова, Недзвецкого, Алферова и Гетмана. Шарыпов и Недзвецкий ушли вдоль трещины на север, Алферов и Гетман отправились на юг. Тем временем Трофимов, Токарев, Соболевский, Мегер, Бекасов и Буторин при свете факелов начали сверлить во льду у кормы лунки для закладки аммониака, — на случай, если придется взрывать наступающие на корабль ледяные поля.

Пока-что признаков сжатия не было видно. Но на протяжении какого-нибудь получаса трещина разошлась до 10—15 сантиметров, и зловещее поблескивание черной воды в этой глубокой щели не предвещало ничего хорошего.

Разведчики, бродившие по льду в течение нескольких часов, собрали довольно тревожные сведения: мощное ледяное поле, с которым дрейфовал «Седов», внезапно раскололось на десятки кусков. Трещины шли в самых различных направлениях.

Неприятным открытием было возникновение огромного разводья на востоке в 700—1000 метрах от корабля. Разводье, достигая ширины в 20—30 мет-

ров, тянулось полукругом на несколько километров, огибая корабль. Трещина, образовавшаяся у судна, огибала его с запада и соединялась с этим разводьем. Только в одном месте, на юго-востоке, она прерывалась на десять метров, образуя естественный ледяной мостик.

Если этот мостик не принимать во внимание, то можно было считать, что «Седов» внезапно очутился на своеобразном ледяном острове, окруженном со всех сторон водою. Хуже всего было то, что с запада корабль почти ничем не был защищен от атак льда: трещина прошла в самой непосредственной близости от корпуса.

Пока не начались сжатия, эти изменения в ледовой обстановке не могли оказать губительного влияния на наше судно. Но начала сжатий можно было ждать с часу на час, — лед полопался не спроста, — наши разведчики обнаружили близ большого разводья на востоке несколько гряд свежих больших торосов. Местами старый, тяжелый лед толщиной до трех метров образовал до шести параллельных торосистых гряд. Несколько раз разведчики сами наблюдали подвижки, — льдины трескались и расходились у них под ногами.

Все это достаточно красноречиво говорило о том, что нам предстояло в самые ближайшие дни выдержать серьезную борьбу со стихией. Но мы были полностью подготовлены к этой борьбе, и она нас не страшила.

В ГРЕНЛАНДСКОМ МОРЕ

Ледокол «И. Сталин», вышедший из Мурманска навстречу «Седову», упорно пробивался все дальше на север. Он подходил уже к мысу Зюд-Кап на Шпицбергене. Наши радисты явственно слышали его сигналы и пытались возможно скорее пустить в ход радиотелефонную связь: очень хотелось услышать голоса спешивших к нам на выручку сталинских посланцев.

Пока ледокол находился по ту сторону Шпицбергена, все ухищрения радистов ни к чему не приводили. Но ранним утром 22 декабря «И. Сталин», нако-

нец, миновал Зюд-Кап и вышел в Гренландское море. И уже через несколько часов ко мне примчался Полянский:

— Константин Сергеевич! Только-что разговаривал с Женей Гиршевичем¹ по телефону!.. Его слышно прекрасно, и он меня слушал. Сейчас еще маленько наладим, — тогда прошу пожаловать к микрофону.

Эта новость казалась совершенно невероятной. За годы дрейфа мы так привыкли к одиночеству, настолько освоились с мыслью о том, что наш корабль затерян в пустыне, что теперь как-то даже не верилось: неужели ледокол, идущий к нам на выручку, уже так близок, что там слышат телефонную передачу нашей радиостанции?

Нас разделяло пространство в 130 миль. Правда, это пространство было заполнено тяжелым многолетним льдом, который нелегко преодолеть даже такому мощному ледоколу, как «И. Сталин». Но зато «Седов» продолжал довольно быстро дрейфовать навстречу «И. Сталину» — за один день 21 декабря мы продвинулись к югу на 9 миль. Это означало, что до встречи с ледоколом теперь остались считанные дни.

Было решено перевезти на судно большую часть аварийных запасов: так как подвижки льда не прекращались, в любую минуту наши аварийные базы могло оторвать и унести.

Зажгли прожектор, осветили им путь к складам по льдине, исполосованной трещинами и загроможденной торосами; Буторин, Алферов, Буйницкий, Мегер, Гетман, Недзвецкий, Шарыпов впряглись в самодельные сани — и в течение нескольких часов почти все грузы были доставлены на корабль.

На льду оставили на всякий случай месячный запас продовольствия, — бо́льший аварийный запас в этих широтах уже не требовался. Кроме того, на льду были оставлены палатки, аварийная радиостанция и меховая одежда.

Потом мы провели контрольную гидрологическую станцию. Механики про-

верили паровое отопление и сигнальные огни. Буторин и Буйницкий после перевозки аварийного запаса убрали по-походному грузы в твиндеке.

Одним словом, работы было, что называется, по горло, и день пролетел незаметно. В этой суতোлке я совсем забыл о разговоре с Полянским. И вдруг совершенно неожиданно, во время ужина, наш старший радист подошел ко мне и заявил с деланным спокойствием, словно речь шла о чем-то будничном и привычном:

— Константин Сергеевич! Вас Папанин просит к телефону...

Я поспешил в радиорубку. Встретив Трофимова, который зачем-то выходил в свою каюту, я окликнул его:

— Дмитрий Григорьевич! Идемте в радиорубку, — будем говорить по телефону с Папаниным...

— По телефону? — На лице парторга мелькнула тень недоверия: он подумал, что я шучу.

— Ну, да, по телефону! Идемте, сейчас начнется разговор...

Дмитрий Григорьевич зашагал за нами.

Как-то по-новому оглядывали мы закопченную, тесную радиорубку, сплошь уставленную аппаратурой. Одно дело, когда мы разговаривали отсюда с островом Рудольфа по радиотелефону, и совсем иное, когда нам предстоит услышать голоса людей, идущих к нам на помощь. С невольным уважением осматривал я знакомый передатчик, батареи аккумуляторов, телеграфный ключ, микрофон, выдвинутый на почетное место.

Полянский включил передатчик и начал звать радиста ледокола. Через полминуты из репродуктора донеслось громкое и отчетливое:

— Я вас слышу... Я вас слышу... Сейчас будет говорить Папанин. «Седов», отвечайте, как вы меня слышите?..

— Включите репродукторы, — шепнул я Полянскому, — пусть весь экипаж слушает!..

Полянский кивнул головой, сделал нужное переключение и ответил радисту «И. Сталина» в микрофон:

¹ Радист ледокола «И. Сталин».

— Говорит «Седов». Слышу вас хорошо. В рубке Бадигин и Трофимов. Слушаем вас...

Мы внимательно смотрели в черный диск репродуктора, словно от этого слышимость могла еще улучшиться.

И репродуктор, откашлявшись, заговорил хорошо знакомым по прежним радиопередачам голосом, с мягким южнорусским выговором. Только на этот раз голос немного дрожал и прерывался, — чувствовалось, что и Папанин переживает не меньше нашего.

— Здравствуйте, дорогие товарищи седовцы! Передаю вам сердечный привет. Вами и вашей работой гордится весь советский народ. Вы показали всему миру, на что способны советские люди, которых ведет наш великий Сталин...

Папанин взволнованно вздохнул и продолжал:

— Везем мы вам подарки. Колхозы и совхозы послали для вас свежие огурцы, лимоны, мандарины, помидоры...

В спешке Иван Дмитриевич сказал, как настоящий южанин, «помадоры» вместо «помидоры», и от этого его выступление звучало еще проще и непосредственнее. Он разговаривал с нами, как заботливый, рачительный и гостеприимный хозяин:

— Везем также живую птицу, — петушочков, — свежее мясо и многое другое. Правда, браточки родные, во время шторма двух петушков волной убило, но не беспокойтесь — того, что осталось, хватит вполне. Везем и письма. Одна просьба у меня: дрейфуйте скорее...

Теперь Папанин перешел к деловой части разговора. Он задавал мне один вопрос за другим, выясняя, в каком состоянии здоровье всех седовцев, в каком положении судно, на каком расстоянии от корабля проходят трещины, в каком направлении они идут, сколько их, как часто наблюдаются сжатия. Я записывал эти вопросы.

Наконец, репродуктор умолк. В радиорубке на мгновение воцарилась тишина. Полянский указал жестом на микрофон и шепнул:

— Ну, Константин Сергеевич! Говорите же!..

Хотя я с самого начала разговора готовился к этой минуте, она застала меня как-то врасплох. Наконец, преодолев волнение, я шагнул к микрофону:

— Сердечный привет вам, Иван Дмитриевич, товарищ Белоусов и все остальные товарищи! Мы горячо тронуты тем вниманием, какое оказывают нам партия, правительство, советский народ и наш родной Сталин. Ждем вас с великим нетерпением. Мы все здоровы и бодры, сейчас особенно...

Несколько месяцев спустя после этого разговора мне показали документальный фильм «Седовцы». Оказалось, что кинооператоры записали радиобеседу на пленку. Сверх наших ожиданий на ледоколе «И. Сталин» нас слышали прекрасно. Но я с трудом узнал собственный голос, — настолько изменился он в эту волнующую минуту встречи в эфире.

Ответив на все вопросы Папанина, я передал микрофон Трофимову. Но он был взволнован еще больше моего и смог произнести лишь несколько слов:

— Все здоровы, дорогой Иван Дмитриевич, работаем по-ударному, выполняем план, принятый нами на производственном совещании...

Он замолчал и потом добавил дрогнувшим голосом:

— Иван Дмитриевич, разрешите мне больше сегодня не говорить...

Тогда Папанин сообщил, что с нами хочет говорить Белоусов, и через мгновение мы услышали бодрый голос боевого капитана флагманского корабля, моего учителя и старшего товарища по ледоколу «Красин».

— Здравствуй, дорогой Костя! Очень рад был слышать твой голос. Теперь мы уже скоро увидимся, — ручаюсь, что выведем вас всех с доставкой на дом, и там, как полагается, по баночке придется за это дело опрокинуть.

Ну, нам здесь пришлось пока не сладко. Сам знаешь — тьма египетская, ни зги не видать, шторм — десять баллов. Сильно обледенели. 17-местный катер смыло, трапы подло-мало. В общем, хлопот было порядоч-

но. Но это все ничего, — хорошая для нас школа.

Теперь ждите нас. Будем пробиваться на север. А сейчас передаю микрофон Ивану Дмитриевичу...

Папанин говорил:

— Дорогие братки! На этом заканчиваем сегодняшний разговор. Устанавливаем с вами регулярную связь. Прошу передавать сведения о дрейфе и погоде прямо нам, это облегчит работу. До скорого свидания, нажимайте на все педали!..

Мы тепло распрощались, и я вернулся в кают-компанию. Там царило ликование. У некоторых на глазах блестели слезы, — людей тронула настойчивость, с которой Папанин расспрашивал меня о состоянии здоровья седовцев.

Теперь уже никто не сомневался в том, что наше освобождение из ледового плена близко. Не считаясь с обычным распорядком дня, люди работали столько, сколько могли, — каждому хотелось до прихода ледокола завершить все приговления к походу. В то же время научные наблюдения производились с подчеркнутой пунктуальностью и тщательностью.

23 декабря, когда мы находились на широте $82^{\circ}05'$ и долготе $5^{\circ}08'$, в вахтенном журнале были зарегистрированы сразу три наблюдения: магнитный пункт № 78, гравиметрический пункт № 50 и очередной глубоководный промер.

В течение девяти месяцев мы пользовались для взятия проб грунта со дна кустарным приспособлением, сделанным из гирь Томсона: так как корабль все время дрейфовал над большими глубинами, я не решался пустить в ход трубку Экмана, изготовленную с таким трудом нашими механиками под руководством Токарева. Ее могло засосать в грунт, и тогда она, оборвав трос, осталась бы на дне, как и ее предшественницы. Но теперь, когда мы вышли на меньшие глубины, я решил воспользоваться этим прибором.

Проба дала блестящий результат: лотинг достиг дна моря на глубине 1 795 метров, храпцы трубки автомати-

чески захлопнулись, как только она вошла в грунт, и вскоре мы извлекли из нее аккуратную колонку серого ила с зеленоватым оттенком.

Наутро нам предстояло принять участие в выборах местных советов. На «Седове» ставились на голосование три кандидатуры: моя, Дьякова и Бокарева.

Все до одного члены экипажа «Седова» выступали на этот раз не только как избиратели, но и как кандидаты в депутаты, — наши кандидатуры баллотировались в различных избирательных округах Мурманска и на кораблях, приписанных к Мурманскому порту. Может быть, именно поэтому на выборы мы шли с особенно приподнятым настроением.

Встали мы очень рано. Голосование должно было начаться в шесть часов, но уже в пять в кают-компании, где разместился наш избирательный пункт, толпился народ. На камельке кипел чайник — неперменный спутник всех праздничных событий на корабле. Вооружившись большими эмалированными кружками, люди распивали чай и оживленно беседовали.

На стене красовался только-что вышедший номер нашей стенгазеты, посвященный выборам. Лозунги, написанные на бумажных лентах, склеенных из мелких клочков, дополняли праздничное убранство нашего пловучего избирательного участка.

Кабина для голосования была оборудована в каюте, где жили Алферов и Недзвецкий. Пока-что туда входить строго воспрещалось, но люди искоса то-и-дело поглядывали на закрытую дверь, измеряя на-глаз расстояние до нее: начиналось традиционное соревнование — кто успеет проголосовать первым.

Комиссия с раннего утра заседала в каюте у Трофимова, — там опечатавали урну, проверяли еще раз список избирателей, бюллетени. Наконец, ровно в 6 часов Трофимов, Буторин, Бекасов торжественно вошли в кают-компанию, и наш парторг как председатель комиссии громко объявил:

— Граждане избиратели! Приглашаю вас принять участие в голосовании.

Буторин поставил урну, Трофимов разложил на столе списки избирателей и начал раздавать избирательные бюллетени. У стола сразу же возникла небольшая толкучка. Всех опередил Мегер. Он первым проскользнул в каюту для голосования и опустил бюллетень в урну. Через каких-нибудь десять минут все уже проголосовало.

Поскольку больше ждать было некогда, избирательная комиссия сразу же решила произвести подсчет голосов. Уединившись в каюту Трофимова, она вскрыла урну и занялась просмотром бюллетеней. На заседании комиссии в качестве представителя прессы присутствовал Андрей Георгиевич. На этот раз, кроме «Ленинских искр», он представлял редакцию «Известий» и «Водного транспорта».

Подсчет голосов оказался довольно несложным делом. Уже в половине седьмого утра комиссия завершила свою работу, и Дмитрий Григорьевич громко объявил в кают-компании, что все кандидаты получили 100 процентов голосов.

Моя вахта закончилась в 8 часов утра, но спать мне не хотелось, и я долго еще бродил по палубе, залитой лунным светом. Полная луна давала яркое, но какое-то мертвенное, безжизненное освещение. До самого горизонта были отчетливо видны необозримые белые поля, рассеянные грядами торосов. Разводья и трещины подернулись коркой молодого льда, и теперь ни одно пятнышко, ни одна точка не нарушали монотонного однообразия белой пустыни. Только синеватые тени торосов, ложившиеся на снег, несколько оживляли этот угрюмый пейзаж.

Утром 24 декабря мы находились на широте $82^{\circ} 01',7$ и долготе $4^{\circ} 51'$. Ледокол «И. Сталин» достиг широты $80^{\circ} 27',5$ и долготы $4^{\circ} 30'$. Но дальше он продвигался с огромным трудом — его окружал 10-балльный крупнобитый лед.

Капитан Белоусов с дружеской откоро-

венностью сообщил мне в 8 часов утра:

— Двигаюсь со скоростью около мили в час. Обстановка трудная. Задание правительства — действовать только наверняка, чтобы не попасть с ледоколом в неприятное положение и не оставить тебя без помощи, так как других ледоколов поблизости нет. Происходит борьба двух чувств: первое — хочется итти напролом, чтобы скорее добраться и обнять тебя и твоих товарищей; второе — чувство разума, требующее хладнокровия и обдуманности каждого шага. Сейчас имею 1900 тонн угля, 900 тонн воды. Это обеспечивает около 19 суток работы. Договорился с Иваном Дмитриевичем двигаться вперед на nord-ост, чтобы выходить восточнее, так как опасаемся попасть в дрейф у берегов Гренландии. Если удастся продвигаться успешно, будем пробиваться прямо к «Седову». В противном случае придется выходить обратно на кромку и бункероваться углем. Уголь нам подвезет пароход «Сталинград», который сейчас берет для нас топлива в Баренцбурге. Вот какова обстановка. Буду ежедневно информировать о нашем продвижении. Привет Ефремову. Он, наверное, бороду отрастил?..

Я ответил Белоусову, что целиком одобряю его план. Незачем было рисковать флагманским кораблем советского ледокольного флота, пока нам не угрожала непосредственная опасность. Лучше подождать, пока «Седов» спустится к югу хотя бы еще на один градус, и тогда уже предпринять решающую операцию.

Весь день мощный ледокол боролся с тяжелыми льдами. С каждой милей пробиваться на север становилось все труднее. И вечером я получил новое сообщение капитана ледокола:

— Пользуясь лунным светом, весь день форсировал лед. Но постепенно проходимость ухудшалась. Тараном пробивал три метра, отходил назад и вновь полным ходом вперед пробивал три метра. Видя бесполезность усилий, остановились в ожидании подвижек льда. 20 часов — широта $80^{\circ} 39'$, долгота 5° восточная. Лед — 10 баллов. Северный

ветер — 3 балла, температура — минус 32 градуса. Привет. Белоусов.

Потянулись долгие, томительные часы выжидания. Двое суток ледокол «И. Сталин» простоял на одном месте, — он не мог продвинуться к северу ни на один метр. Единственным утешением для нас служило то обстоятельство, что сам «Седов» с каждым часом все быстрее и быстрее несся на юг, словно усталая лошадь, почуявшая приближение своей конюшни. 26 декабря в 18 часов мы находились уже на широте $81^{\circ}46',8$ и долготе $4^{\circ}31'$, — за одни лишь сутки нас снесло к югу на 13 миль! Теперь нас и ледокол «И. Сталин» разделяли всего 84 мили.

Если бы и дальше мы двигались к югу так же стремительно и в то же время спокойно, наш выход из льдов превратился бы в своеобразное триумфальное шествие. Но судьбе было угодно именно в эти заключительные дни дрейфа провести нас через новые испытания, которые сулили нам большие неприятности...

ПОСЛЕДНИЕ МИЛИ

Это было 26 декабря 1939 года.

Как всегда, мой рабочий день начался в 2 часа утра. Я заступил на вахту. Все как будто бы было в пределах средней декабрьской нормы: северный ветер — 4 балла, мороз — минус 36 градусов, низовая метель. Сквозь тонкие облака просвечивала луна, светившая так ярко, что даже узенькие полоски воды в свежих трещинах были видны на расстоянии трех миль. Изредка, когда ветер немного отклонялся к западу, слышалось небольшое шевеление льда у левого борта, но потом снова все утихло.

Лишь маленькое юмористическое приключение внесло некоторое разнообразие в унылую ночную вахту. Дело было так. Составляя очередную метеосводку, я позабыл о камельке в своей каюте, и он погас. Когда я зашел к себе, термометр показывал всего 5 градусов тепла. Андрей Георгиевич, спавший в соседней каюте, поживившись на своей койке, прятаясь поглубже под меховую малицу.

Я начал колоть лучину и разжигать огонь. Но тяги не было, и камелек упор-

но не разгорался. Тем временем температура быстро падала: градусник показывал уже ноль градусов. Андрей Георгиевич во сне беспокойно ворочался. Мне стало жаль его: в 8 часов утра он должен был сменять меня, и ему предстояло еще вдоволь померзнуть.

Вспомнив о горячей смеси, приготовленной Токаревым и Алферовым для факелов, я решил пустить ее в дело, чтобы поскорее разжечь огонь. Принес ведро с этой густой черной жидкостью, плеснул из него на щепу и чиркнул спичкой.

Как и следовало ожидать, горячая смесь вспыхнула мгновенно. Камелек загудел, словно паровоз, и через минуту железная труба раскалилась докрасна. Но... в спешке я совершенно забыл о том, что в горячую смесь добавлен медвежий жир, и жестоко поплатился за эту забывчивость: я обошел на кораблях чуть ли не весь земной шар и узнал тысячи самых различных запахов, как приятных, так и неприятных, но мне не известно что-либо более гнусное и отвратительное, чем запах горелого жира белого медведя.

К несчастью, несколько капель горячей смеси пролилось на поверхность камелька, и теперь обе каюты наполнились тошнотворным смрадом. Я пытался соскоблить остатки смеси с камелька, но это нисколько не помогало. За спиной у меня послышался душераздирающий кашель, — Андрей Георгиевич, услышав запах горелого жира, кубарем скатился с койки и бросился вон из каюты. Я последовал за ним. Только в кают-компанию нам удалось отделаться от этого страшного запаха и немного перевести дух.

Обозленный неожиданным и неприятным пробуждением, Андрей Георгиевич был на этот раз плохим собеседником. Делать же до утра теперь было нечего, и я, вытащив из шкафа книжку Джироламо Кордано «О моей жизни», углубился в чтение. История виднейшего ученого XVI века, который всю жизнь принужден был думать о средствах к существованию и бороться с завистниками, увлекла меня, и остаток ночи протек незаметно.

В 8 часов утра я передал вахту Андрею Георгиевичу. Ветер к этому времени отошел к западо-северо-западу и усилился до 7 баллов. Следовало ждать начала подвижек. Поэтому я несколько раз повторил Андрею Георгиевичу, что запрещаю Буйницкому выходить на лед для магнитных наблюдений.

Затем я съел яичницу, которую наш кок наловчился неплохо делать из яичного порошка, немного почитал и улегся спать.

Внезапно меня разбудил резкий толчок. Было около часу дня. В это время в каюту вошел Андрей Георгиевич.

— Что-нибудь случилось?—спросил я.

— Подвижки. Лед по старой трещине у левого борта отходит...

— Где Буйницкий?

— На судне.

У меня отлегло от сердца. Быстро одевшись, я вышел на палубу. Как и 7 декабря, западное поле беззвучно отодвинулось от судна. Но на этот раз оно ушло значительно дальше. Вот что записано в этот день в вахтенном журнале:

«16 часов. Трещина во льду разошлась до 250—300 метров. Сильная низовая метель. Туман. Видимость до 600 метров. Сквозь тонкий слой снежной облачности отчетливо просвечивает полная луна. Временами вокруг луны видно гало. Иногда появляются просветы, в которых видны звезды.

19 часов. Разводье расширилось до 500 метров. Из-за плохой видимости противоположная кромка различается с трудом. На разводье значительное волнение с барашками. Образовывается блинчатый лед. Его прибывает к кромке льда. У судна отрывает ветром куски старого льда и уносит их на юг.

19 часов 30 минут. Разводье разошлось до 600 метров и расходится дальше. Противоположного края уже не видно.

21 час. Северо-западный ветер усилился до 8 баллов. После этого он стал несколько ослабевать. У кромки льда — молодой блинчатый лед идет полосой, ширина которой достигает 150 метров».

Какое-то смешанное чувство восхищения, страха и удивления перед совершившимся овладело нами, когда мы вглядывались в даль, силясь угадать в тумане исчезнувшую кромку льда. Словно море, необъятное, широкое море плескалось и

шумело перед нами. Эти волны, украшенные барашками пены, этот серебристый след луны на воде, этот блинчатый лед, покачивающийся у самого борта, создавали полную иллюзию выхода на чистую воду. Мы так истосковались за эти годы по необъятным морским просторам, что теперь с огромной жадностью разглядывали загадочную гигантскую попыню, у которой не было видно ни конца, ни края.

Но в то же время я прекрасно понимал, что это не больше, чем иллюзия, что только случайная комбинация льдов могла образовать гигантскую попыню, что, как ни велика она, — за нею снова начинаются пространства мощного, сплоченного пака. Больше того, распадок подсказывал, что это — крайне вредная и опасная иллюзия: чем дальше отойдут от нас льды, тем с большей силой обрушатся они на корабль, — их силу умножит инерция движения по чистой воде.

Сильно тревожила меня и судьба аварийного запаса, оставшегося по ту сторону этой гигантской попыни. Правда, в нашем распоряжении оставался второй комплект запаса, уложенный на палубе. Но все же было жалко терять продовольствие, меховую одежду, радиостанцию, горючее. Хуже всего было то, что мы не могли ничего предпринять для спасения своих запасов, — не плыть же в резиновой шлюпке за ними по этому морю, разверзнувшемуся внезапно среди многолетних льдов.

Я распорядился зажечь прожектор — надо было попытаться отыскать льдину с аварийными базами. Застучал «Червоный двигун», луч прожектора врезался в пелену тумана и затерялся в ней, — ни баз, ни даже самой льдины нигде не было видно. Повсюду на западе простирались обширные пространства воды, над которой дымился туман.

Как скоро вернутся к судну многолетние ледяные поля, отошедшие на запад? Когда начнется сжатие? Что мы сможем ему противопоставить? На эти невеселые вопросы никто не мог бы дать ответа. Пользуясь временным затишьем, я решил спуститься на лед и произвести пешую разведку, — быть может, где-нибудь на юге удастся разыскать ледяной

выступ или перпендикулярную разводью трещину, куда можно было бы завести корабль, чтобы уберечь его от сжатий. Ведь до тех пор, пока мы стоим на самой кромке проклятого разводья, — нельзя ни на минуту быть спокойным за судьбу судна.

Буйницкий вызвался мне сопутствовать, и мы в час ночи спустились по трапу. Ветер немного утих. Мороз также несколько ослабел — было около 20 градусов ниже нуля. Все же огромное черное озеро, лежавшее рядом с кораблем, выглядело как-то дико и страшно неестественно среди вечных льдов, под темносиним небом полярной ночи. На воде быстро образовывался молодой лед, но значительные пространства полыньи все еще оставались открытыми. По черным волнам плыли с севера на юг, медленно покачиваясь, обломки льда, похожие на каких-то сказочных лебедей, залетевших в это мертвое царство.

Как мы ни напрягали свое зрение, нам не удавалось разглядеть противоположную кромку разводья, хотя видимость заметно улучшилась: даже отойдя на целую милю от судна, мы различали во мраке красноватый огонек факела, горевшего на палубе.

Целый час бродил я с Буйницким вдоль кромки разводья. Она уходила далеко-далеко на юг, и на всем протяжении его ширина казалась все такой же беспредельной. Никаких выступов, никаких бухточек, никаких перпендикулярных разводий, куда бы мог спрятаться «Седов», — льды, словно ножом, были разрублены на две части, причем все, что находилось к западу от этого разрыва, куда-то исчезло.

Когда мы уже возвращались на корабль, я заметил, что молодой лед, образовавшийся вдоль кромки, медленно и бесшумно отходит на чистую воду. Это был верный признак того, что разводье продолжало расширяться. Признаться, становилось немного жутковато: было трудно постигнуть — куда девается весь лед, что сулит нам это необъяснимое явление? Никогда еще я не наблюдал такого быстрого образования гигантских полыньи.

Вернувшись в кают-компанию, мы уселись пить чай, выжидая, что произойдет дальше. В 2 часа 50 минут неожиданно раздался глухой удар, — висячая лампа дрогнула и несколько раз качнулась.

Мы выбежали на палубу. Там уже толпились люди. Они оживленно перекликались, показывая руками куда-то на север.

— Плывет, плывет! — закричал Буторин.

И мы отчетливо увидели, как на чистую воду выплыла огромная льдина длиной около 200 метров и шириною метров 50, только-что оторвавшаяся от кромки матерого льда метрах в 70 от судна к северу. Льдина медленно-медленно поплыла на юг, похожая на большой корабль.

К утру 27 декабря ветер утих совсем. Поземок прекратился. Видимость улучшилась. Благодаря яркому лунному освещению нам удалось более или менее точно определить ледовую обстановку. В вахтенном журнале она была описана так:

«От юго-юго-запада до западо-юго-запада льда не видно. От западо-юго-запада до северо-северо-востока видна кромка старого льда в расстоянии около одной мили от судна. От северо-северо-востока через восток до юго-юго-запада — старый лед, в который в расстоянии около мили от судна врезается разводье в направлении восток — запад. Над водою местами сильные испарения. В молодом льду — разрывы. Много плавающих льдин различных размеров».

Я сообщил эти сведения на ледакол «И. Сталин» И. Д. Папанину и М. П. Белоусову. Командование экспедиции приняло решение, — не дожидаясь, пока «Сталинград» подойдет к кромке льда, самим сходить в Баренцбург и погрузить уголь в воду. Это ускорило бы подготовку ледакола ко второму этапу операций. И флагманский корабль повернул на юг.

Тем временем мы продолжали подготовку корабля к выходу из дрейфа. Я распорядился немедленно приготовить все к поднятию паров, — в случае, если бы льды разредились еще больше, «Седов» мог бы самостоятельно-

но пробиваться навстречу «И. Сталину».

Самой трудной задачей было добыть воду для питания котлов. Трофимов, Токарев, Шарыпов и Недзвецкий упорно искали снежицы. Думали, что некоторые из них, близ судна, где толщина спрессованного сжатиями льда достигала 5 метров, еще не промерзли до дна. Хотелось наполнить котлы пресной водой. Выдолбив лунки глубиной в два метра, механики пускали в ход буры длиной в 2,5 метра. И хотя буры целиком уходили в лед, нам так и не удавалось добраться ни до пресной, ни до соленой воды.

Пока мы искали снежицы, часть команды занималась очисткой от льда роула и винта,—надо было освободить их от ледяного панцыря, чтобы в нужную минуту пустить в ход машину для маневрирования во льдах. Делая вокруг кормы в расстоянии 5—10 метров глубокие лунки, Буторин, Мегер, Гетман, Соболевский и Бекасов подрывали лед аммоналом и сплавляли его в разводье по каналу. Им удалось разрушить и околоть лед на глубину в полметра, но к вечеру работу пришлось приостановить: из майны всплывало все больше и больше битого льда, а сплавлять его в разводье уже не удавалось, так как лед смерзлся.

Так как поиски снежиц окончились безрезультатно, мы решили пробить лед у самого борта судна, чтобы открыть доступ к соленой воде через кингстон, а пока-что накачать вспомогательный котел брандспойтом, опустив шланг в майну, служившую нам для гидрологических работ. Это был довольно рискованный эксперимент: на 20-градусном морозе шланги могли быстро замерзнуть. Но другого выхода у нас не было,—пары во вспомогательном котле надо было поднимать возможно скорее, чтобы на случай сжатия обеспечить себя мощными паровыми водоотливными средствами. Расчистка же доступа к соленой воде через кингстон должна была отнять очень много времени.

И после короткого перерыва на ужин аврал возобновился. Хотя все люди очень устали, работая целый день на льду, отложить этот аврал нельзя было.

Мы и так должны были благодарить природу за небывало длинную паузу между сжатиями,—уже больше суток прошло с тех пор, как льды развело, а ушедшая на запад кромка льда все еще не вернулась. Такая пауза не могла быть бесконечной, и следовало ждать сжатий с минуты на минуту.

Люди приняли известие об аврале, как нечто само собою подразумевающееся. Быстро перетащили на лед наш брандспойт, установили его близ майны, которая теперь находилась в каких-нибудь пяти-шести метрах от края разводья, протянули шланг на корабль и начали перекачивать воду во вспомогательный котел.

Все без исключения принимали участие в этом аврале. Надо было качать воду возможно быстрее,—так, чтобы не успевали обмерзнуть изнутри шланги. Поэтому ручки брандспойта мелькали вверх и вниз с молниеносной быстротой. От людей валил пар, хотя мы старались сменяться возможно чаще.

Не без гордости поглядывал я на наш брандспойт. Сколько раз выручала нас эта немудреная машина! В руках наших механиков она превратилась в универсальное орудие. Брандспойтом откачивали мы из машинного отделения воду, хлынувшую туда во время аварии в сентябре 1938 года. Брандспойтом качали мы воду из снежиц в питьевые цистерны. Брандспойт помог нам очистить льяла, наполненные застоявшейся водой. Сделанный еще в 1912 году московскими металлстами, он работал безотказно и по справедливости считался самым незаменимым предметом на дрейфующем корабле...

В самом разгаре аврала, в 21 час 50 минут, со стороны разводья, успевшего покрыться молодым льдом толщиной 13—15 сантиметров, донесся знакомый звон и треск. Начиналось сжатие.

— Нажми, ребята! — крикнул я.

Впрочем, особых приглашений и не требовалось. Ручки брандспойта попрежнему мелькали в воздухе необычайно быстро. Под грозный аккомпанемент ломающегося молодого льда работа шла так быстро, как только это возможно. Уровень воды во вспомогательном котле по-

степенно повышался, хотя внутренние стенки шланга уже изрядно обмерзли, и теперь нужно было применять очень большие усилия, чтобы проталкивать сквозь сузившийся канал тонкую струю воды.

После 23 часов звон, грохот и треск усилились до предела. При свете луны было отчетливо видно, как быстро сминается и крошится молодой лед. Из мрака уже выступила довольно высоко поднятая над водой кромка матерого, многолетнего льда. Она быстро приближалась к «Седову».

— Пожалуй, пора кончать, — сказал я. — Механики! Как там в котле? Много воды надо?..

— Куда торопиться? Сейчас схожу узнаю, — сказал Недзвецкий и побрел к трапу.

Послышались голоса:

— Успеем... Не в первый раз...

— Наш лед заколдованный, его сжатие не возьмет...

Перебрасываясь шутками, люди продолжали работать так же хладнокровно, словно под ногами у них была твердая земля, а не зыбкий, трясущийся лед, готовый в любое мгновение лопнуть. Они настолько свыклись с подвижками ледяных полей, что эта привычка становилась попросту вредной для дела: Арктика не терпит панибратских отношений с нею; если пренебрегать опасностью, аварии и даже катастрофы неминуемы. И я решил немедленно прекратить работу, как только кромка многолетнего льда подойдет к нашему полю.

— Вода почти в норме. Осталось качать не больше, чем полчаса. Ребята уже огонь в топке разводят... — сказал вернувшийся из коцегарки Недзвецкий.

Я посмотрел на часы. Половина двенадцатого. Успеем ли мы убрать с льда до того, как поля сойдутся?

Прошло пять, десять, пятнадцать минут. Брандспойт захлебывался и хрипел, — шланги промерзли почти насквозь, и вода шла очень медленно. Еще через пять минут послышался глухой удар, и лед сильно затрясся у нас под ногами, — вплотную к корме подошли тяжелые глыбы 70-сантиметрового

льда, образовавшегося в разводьях, которые открылись 7—8 декабря.

Больше медлить нельзя было ни минуты. Я скомандовал:

— Убрать брандспойт и шланги на судно!..

Команда была выполнена.

И в тот самый момент, когда мы втянули обмерзший шланг на борт судна, послышался новый, еще более мощный удар, — и вернувшаяся кромка пака, преодолев сопротивление молодого льда, со всей яростью обрушилась на кромку, оставшуюся у судна. Затрещали, заревели, заухали 70-сантиметровые льдины, разрушаемые двумя могучими полями. Хотя лед, вернувшийся с запада, значительную часть своей силы растратил на раздробление молодого льда, сыгравшего роль спасительного для нас буфера, он сохранил еще достаточно энергии, чтобы при удобном случае протаранить борт корабля.

И на этот раз, как и 7 декабря, мы были бессильны предпринять что-либо. Утомленные почти круглосуточным авралом, иззябшие, промокшие, стояли мы на палубе, наблюдая единоборство двух кромок льда под самым бортом у корабля.

Вот как описано в нашем вахтенном журнале 28 декабря это незаурядное сжатие на $81^{\circ}29',4$ северной широты и $4^{\circ}24'$ восточной долготы.

«0 часов. За кормой сошлись кромки старого льда. Судно ощутило сильный толчок. В области винта и руля, а также трюма № 3 — сильное сжатие и горошение 70-сантиметрового льда. Горошение старого льда за кормой.

0 часов 32 минуты. Возобновилось сильное сжатие льда по всей кромке с левого борта и сильное сжатие по корме.

0 часов 46 минут. У кормы слышен сильный удар. Лед торосится вблизи руля и винта.

0 часов 50 минут. Сжатие прекратилось. По корме и против трюма № 3 образовались торосы вышиной до 3,5 метра. Убрали со льда палатку для гидрологических работ...»

На некоторое время наступила тишина. Льды давали нам небольшую передышку. Застучал «Червоный двигун». При свете электрических ламп мы тщательно осмотрели весь корабль. Ника-

ких повреждений не обнаружили. Мы даже радовались тому, что теперь сжатие само создало вокруг кормы огромный ледяной барьер, который мог послужить нам защитой от новых атак пака.

Но радость эта была преждевременной: уже через час послышался характерный стеклянный звон осыпающихся льдинок, и, выскочив на палубу, я увидел, что весь лед вместе с только-что нагромоздившимися торосами быстро отходит от судна на запад. Из наших защитников эти торосы превращались в самых заклятых врагов: при новом сжатии они должны были сыграть роль таранов.

Никогда еще наше положение не было столь тяжелым. Запись в вахтенном журнале гласит:

«Левый борт теперь почти беззащитен. У него осталась кромка старого льда шириной у кормы около 1—2 метров, а в средней части 5—6 метров. Торосы остались у судна только против трюма № 3. В пределах видимости от юго-запада через запад до северо-востока — крупно и мелкобитый лед с обломками полей — 8 баллов. Дальше видно водяное небо.»

Обстановка стала настолько серьезной, что теперь нужно было быть готовым действовать каждую минуту.

Вся ответственная вахта в течение суток была разделена на две части между мной и Андреем Георгиевичем. Я должен был не спать с 8 часов вечера до 8 часов утра, а Андрей Георгиевич — с 8 часов утра до 8 часов вечера. Официально это было так. Фактически же приходилось спать лишь урывками, на ходу, по 2—3 часа в сутки. Впрочем, и все члены экипажа теперь работали почти без сна. Авралы следовали один за другим.

Ледокол «И. Сталин» в час дня 28 декабря прибыл в Баренцбург и начал прием угля и воды. Радисты флагманского корабля поддерживали с нами непрерывную связь. Я не хотел сообщать руководству экспедиции о том, что подвижки на льду унесен аварийный запас, находившийся на льду, чтобы не вызывать лишнего беспокойства о нашей судьбе. Но Александр Алек-

сандрович Полянский, беседуя со своим приятелем, старшим радистом «И. Сталина» Гиршевичем, проговорился, бросив в эфир шутку:

— Будете итти к нам, — поищите по дороге наш аварийный запас...

Эта фраза дошла до Папанина, и он вызвал меня к телефону:

— Что у вас слышно?

Я ответил:

— Имеет смысл поторопиться, Иван Дмитриевич. Положение резко изменилось...

И я рассказал, как сложилась обстановка после нового сжатия. Теперь она была более благоприятна для ледокола. Внимательно выслушав меня, Папанин в упор спросил:

— А что у вас произошло с аварийным запасом?..

Пришлось рассказать все, как было. Взволновавшись, Папанин долго расспрашивал, есть ли у нас второй комплект запаса и каким оборудованием мы располагаем. Особенно он настаивал на том, чтобы мы всегда держали под руками аварийную радиостанцию, которую в первую очередь следует спускать на лед при гибели судна:

— Помните: она для вас важнее хлеба, важнее всего, — говорил он. — Не будет у вас радиостанции, тогда вам конец...

В заключение Папанин сказал, что он всемерно ускоряет подготовку ледокола к новому рейсу навстречу «Седову».

В 18 часов 28 декабря «Седов» находился на $81^{\circ}29',4$ северной широты и $4^{\circ}24'$ восточной долготы. То сжимаясь, то расходясь в стороны, мощные ледяные поля увлекали наше судно все дальше и дальше на юг. Вахтенные отмечали в журнале:

«28 декабря. 8 часов. Лед продолжает разводиться.

10 часов 45 минут. На разводье появился молодой лед толщиной 2—3 сантиметра.

17 часов. Молодой лед отошел от кромки старого. Разводье расширяется.

17 часов 30 минут. Ширина разводья достигает 70—100 метров.

19 часов 40 минут. Над разводьем началось сильное испарение.

20 часов. Началось сжатие молодого льда на разводье.

24 часа. Вплотную к кромке льда у судна подошло несколько старых льдин размером по 30—50 квадратных метров. Во льду по правому борту почти параллельно судну проходит трещина в 6 метрах от борта. Уходя с севера на юг, она соединяется с разводьем, открытым у левого борта.

29 декабря. 6 часов 30 минут. Всю ночь с небольшими перерывами продолжалось сжатие молодого льда в разводье по левому борту. В 6 часов 30 минут к кромке подошло несколько небольших льдин, и сжатие прекратилось.

16 часов 30 минут. Начало разводять молодой лед в разводье у левого борта.

17 часов 30 минут. Ширина разводья в молодом льду у левого борта достигает 100 метров.

21 час 45 минут. По корме слабое сжатие молодого льда на разводье. При сжатии молодой лед коробит. Против носовой части по левому борту — чистая вода.

22 часа 15 минут. Сжатие по корме прекратилось.

23 часа. Сжатие возобновилось...»

Льды играли с кораблем. Все время приходилось быть на-чеку, все время надо было ждать новых и новых сюрпризов.

В час дня 29 декабря во вспомогательном котле началось парообразование, а еще два часа спустя давление пара уже достигло полутора атмосфер. Теперь было бы совсем нетрудно, в случае нужды, довести его до нормального и пустить в ход мощные водоотливные средства и вспомогательные механизмы.

После того, как лед треснул у правого борта, «Седов» мог с часу на час оказаться со своим крохотным ледяным островком посредине широкого разводья. От правой до левой кромки осколка льдины, державшейся вокруг корабля, оставалось каких-нибудь 20—25 метров. Этот необычайно твердый многолетний лед, спрессованный сжатиями, перемешанный со шлаком, консервными банками, кусками леса и прочим мусором, накопившимся за годы дрейфа, цепко держал судно в своих объятиях. Но никто не мог бы гарантировать, что эта толстая и прочная ледяная чаша, посреди которой держался «Седов», уцелеет во время новых сжатий. По-

этому я решил возможно скорее заполнить главные котлы водой и поднять пар, — при первой же возможности, как только корма судна освободилась бы ото льда, мы немедленно привели бы в действие машину, отошли от губительной кромки и забрались подальше в молодой лед, в гуще которого удары сжатий менее чувствительны. Я надеялся, что при этом у бортов «Седова» образуется новая ледяная подушка.

Главные котлы, как я уже указывал, можно было в наших условиях заполнить водой лишь через кингстон. И мы в течение нескольких суток пробивали у самого борта судна глубокую шахту во льду, пытаясь пробуровать насквозь многометровую толщу своей ледяной чаши.

Эту трудную и опасную работу выполняли Буторин, Соболевский, Гетман, Бекасов и Мегер. Вначале они вырубали в твердом, как камень, льду котлован. Потом, когда он был углублен метра на полтора, устроили над ним некоторое подобие шахтного подъемника: через блок была перекинута веревка, на конце которой привязали сплетенную из прутьев корзину. В этой корзине люди опускались вниз и в ней же поднимали «на-гора» вырубленный лед. Сверху ледяная шахта освещалась электрической люстрой, спущенной с борта корабля.

Когда глубина этой шахты достигла четырех метров, работа стала особенно опасной: в любую минуту могла прорваться вода, которая мгновенно затопила бы шахту и находившихся на ее дне людей. Поэтому приходилось орудовать пешнями с большой осторожностью.

Вечером 30 декабря ледяная шахта была углублена до 4,2 метра. К кингстону, выходящему за борт судна на глубине около трех с половиной метров, пришлось пробить боковой ход длиной в 2 метра и высотой в 160 сантиметров. Судя по всем признакам, вода была где-то совсем рядом: пешни звенели более глухо, а лед стал податливее; кое-где выступили капли влаги. Пора было нанести решительный удар.

Этот последний удар произвел Будо-

рин, который руководил бригадой, окальвавшей кингстон. Обвязавшись веревкой вокруг пояса, он вооружился заранее приготовленной пешней с длиннейшей деревянной ручкой и спустился вниз. Соболевский и Бекасов крепко держали конец веревки, готовые по первому же сигналу быстро поднять своего бригадира. Механики отправились в машинное отделение, чтобы проверить поступление воды через кингстон.

Со дна шахты доносились размеренные глухие удары. Буторин методично, не торопясь, углублял ледяной колодезь. Вдруг что-то звякнуло, слышался шум воды, и боцман громко крикнул:

— Поднимай!..

Через минуту Буторин был уже на поверхности. Отряхиваясь от воды, он сказал с каким-то удивлением:

— Шибко бьет. Настоящий фонтан!..

Мы заглянули внутрь шахты. Действительно, со дна ее била высокая струя, искрившаяся в свете электрических ламп. Колодезь быстро заполнялся водой.

Бригада ледорубов сделала свое дело. Всю тяжесть дальнейшей работы должны были принять на себя механики. Как только вода затопила наружное отверстие кингстона, она проникла в сложную систему трубопроводов. В машинном отделении стоял девятнадцатиградусный мороз, и вода быстро начала замерзать. Вооружившись паяльными лампами, механики всю ночь ползали под трубами, отогревая их. Только под утро главные котлы были заполнены водой и механики развели огни в топках.

Люди окончательно теряли счет суткам. На корабле началось какое-то повальное увлечение работой, и мне тоже приходилось останавливать людей и в порядке дисциплины отправлять их спать. Но некоторое время спустя я снова находил то в кочегарке, то в машинном отделении тех же самых людей, которые только-что укладывались на койки и обещали вернуться на работу не раньше, чем через 8 часов.

Движимые чувством своеобразного патриотизма, механики решили во что бы то ни стало своими силами, не дожидаясь прибытия ледокола «И. Сталин», подготовить все механизмы к походу.

Белоусов, который прекрасно знал, как трудно это сделать, предложил мне во время одной из бесед по радиотелефону свою помощь:

— Пусть ваши ребята не надрываются. Подойдем к вам, — всех своих орлов пошлю на «Седов». Бери, сколько потребуется!..

Зная о замысле своих механиков, я ответил:

— Пожалуй, обойдемся своими силами...

Все же, вернувшись из радиорубки, я рассказал механикам о предложении капитана «И. Сталина». Это сообщение вызвало самый неожиданный эффект: люди восприняли его, как кровную обиду.

— Что же, они нас за работников не считают? Никого в машинное отделение не пустим! — упрямо заявляли они. И работа у машины продолжалась, почти без перерыва, круглые сутки.

В вахтенном журнале «Седова» записано:

«30 декабря, 18 часов. 81°21',7 северной широты, 4°34' восточной долготы. Механики продолжают работать в машине.

24 часа. Продолжаются работы в машине.

31 декабря. 81°15',4 северной широты, 4°16' восточной долготы.

2 часа 30 минут. Работы в машине прекратили.

9 часов. Работы возобновились.

11 часов. Механики и машинисты проверяют баласт и магистраль.

18 часов. Механики и машинисты продолжают работу в машине по подготовке механизмов. В главных котлах поднят пар до 1,5 атмосферы.

1 января. 81°06' северной широты, 3°09' восточной долготы.

0 часов. В машине продолжают работы по подготовке механизмов к походу.

8 часов. Механики прекратили работу.

14 часов. Машинный состав возобновил работу по подготовке механизмов к действию.

19 часов. Продолжаются работы в полном объеме.

22 часа. Механики продолжают работать. Производится сборка и проверка парового отопления жилых помещений.

2 января. $81^{\circ}01',9$ северной широты, $3^{\circ}18'$ восточной долготы.

2 часа. Работы в машине прекратили.

10 часов 30 минут. Машинный состав приступил к подготовке к действию механизмов. Сборка парового отопления. Проверка ходовых огней.

19 часов. Возобновили работы в машине и на палубе в полном объеме.

24 часа. Продолжается сборка парового отопления.

3 января. $80^{\circ}56',0$ северной широты, $3^{\circ}10'$ восточной долготы.

1 час. Пущен пар на отопление штурманской рубки, каюты капитана и салона.

2 часа. Работы прекратили.

9 часов. Механики и машинисты собирают паровое отопление и готовят к действию механизмы.

19 часов. Продолжается работа в машине и на палубе.

22 часа. Работа в машине продолжается».

Авралы действуют заразительно. И вскоре я заметил, что Буторин и Гаманков, которые уже закончили крепление грузов по-походному, ходят, как в воду опущенные. Я спросил боцмана:

— Что случилось, Дмитрий Прокофьевич?

Вначале он замялся, но потом внезапно выпалил:

— Так как же это так получается? В машине вон люди работают и работают день и ночь, а мы с Гаманковым вроде пассажиров. Отработали свое — и на покой...

— А разве это так плохо?

— Неловко выходит! Позвольте нам с Гаманковым, Константин Сергеевич, сверх плана подготовить кубрик для вновь прибывающих членов экипажа...

Отказать боцману невозможно. Я знал, что это была бы смертельная обида: его беспокойная натура никак не могла примириться с тем, что кто-то работает на его корабле больше, чем он.

Получив разрешение, Буторин и Гаманков с какой-то особенной страстью взялись за дело. Глядя на них, можно было подумать, что они всю жизнь мечтали только об этой работе. По вечерам, после окончания рабочего дня, они вооружались ведрами с теплой водой и тряпками и отправлялись мыть давно

заброшенный, грязный кормовой кубрик. Потом они выкрасили его мысляной краской. Потом убрали и выкрасили баню. Потом взялись мастерить деревянные койки для будущих жильцов кубрика.

В хлопотах мы не успели даже как следует отпраздновать новый год, хотя эту, третью по счету, новогоднюю встречу предполагалось провести особенно пышно. Теперь уже незачем было экономить продукты, и я распорядился выдать на камбуз все самое лучшее из того, что оставалось в наших кладовых.

К вечеру 31 декабря стол в кают-компании ломился от праздничных яств. Здесь были два копченых окорока в замысловатых бумажных папилютках, разнообразные закуски и вина, торты и прочая лакомая снедь. Хотели доставить в кают-компанию даже прошлогоднюю елку, которая бережно сохранялась в одном из помещений на верхней палубе. Но в этот вечер дул такой сильный ветер, что все украшения ветхой елки были бы уничтожены, если бы мы попытались перенести ее в кают-компанию. Поэтому пришлось обойтись без елки.

Праздничное настроение с раннего утра подогревали многочисленные приветствия, которые мы получали на этот раз в утроенном объеме по сравнению с предыдущими новогодними встречами. Больше, чем когда-либо, прибывало и запросов от редакций газет. Только на мою долю пришлось 25 заказов на статьи, очерки и приветствия. Редакция «Полярной правды» предупредительно сообщила даже заголовок статьи, которую я должен был написать, — «Здравствуй, Большая Земля!» Но при всем желании не удалось выполнить и десятой доли всех этих заказов: как-раз в канун нового года мы были загружены работой более, чем когда-либо.

За несколько часов до новогодней встречи механикам удалось поднять пар в главных котлах. В 18 часов 40 минут ветер резко перешел к востоку и усилился до 6 баллов. Началась пурга. Мы ждали новых подвижек, которые могли освободить корабль от ледяной чаши, и

усиленно готовились к пуску машины в ход.

Я решил было перевести часы назад и поставить их по московскому времени, чтобы вся команда могла хоть на час собраться вместе и отметить встречу нового года одновременно с москвичами. Но потом выяснилось, что одновременно всем оставить работу не удастся, и я перевел стрелку часов в прежнее положение.

В полночь свободные от работы члены экипажа собрались в кают-компании, и я провозгласил традиционный тост за отца и друга советских полярников, за товарища Сталина и за счастливое окончание дрейфа. После короткой застольной беседы все разошлись по своим рабочим местам. Механики приходили в кают-компанию по очереди, на ходу вытирая замасленные руки паклей. Посидев у стола минут десять, они торопливо возвращались в машинное отделение.

Уже через 55 минут после начала нового года мы услышали звон и треск ломающегося молодого льда, — в разводе по левому борту началось сжатие. Временами это сжатие достигало значительной силы, и судно испытывало толчки. До самого утра продолжались эти подвижки. Только в 7 часов 50 минут наступила тишина и мы смогли немного отдохнуть...

Всеобщее увлечение работой, конечно, имело свою положительную сторону. Оно поддерживало в коллективе дух соревнования, заставляло забывать об опасностях, которым мы подвергались, помогало людям сохранять самообладание. Но в то же время нельзя было до-

пускать физического истощения команды. Три арктические зимовки подточили здоровье людей, и такое перенапряжение крайне вредно отразилось на них.

Трофимов, Ефремов и некоторые другие бродили по судну, как тени, еле волоча ноги и буквально засыпая на ходу. Между тем, в любую минуту льды могли настолько решительно атаковать корабль, что нам пришлось бы спешно эвакуироваться на лед, унося с собою аварийные запасы, уложенные на палубе. Значит, нужно было поставить дело так, чтобы люди сохраняли максимум работоспособности. И за ужином, когда все члены экипажа собрались вместе, я объявил:

— Пора, товарищи, кончать со штурмовщиной. С завтрашнего дня на корабле вводится восьмичасовой рабочий день. Только чрезвычайные обстоятельства могут нарушать это правило. Виновных в нарушении придется наказывать...

Распоряжение о переходе на восьмичасовой день было встречено с явным неудовольствием, но все же после этого разговора круглосуточных авралов в машинном отделении почти не было. Правда, частенько под разными предлогами после официального рабочего дня люди проникали в машинное отделение и что-то там делали, но эти вылазки уже не имели ничего общего с всеобщими бдениями, как у нас шути прозвали бесконечные ночные авралы механиков. Если нам и не удалось полностью осуществить восьмичасовой рабочий день, то во всяком случае восьмичасовой отдых был обеспечен для большинства членов экипажа.

(Окончание следует.)

Физиология, физкультура и быт

Проф. Ю. П. ФРОЛОВ

★

1

Занятия гимнастикой являются необходимым условием максимального развертывания умственной и физической работоспособности.

«Правда» в передовой статье от 25 сентября 1940 года пишет: «Советские люди отлично отдают себе отчет в том, какое огромное значение имеют регулярные занятия спортом для укрепления здоровья и продуктивной трудовой деятельности населения, для укрепления обороны страны... У физически развитого человека лучше спорится всякая работа, он не так быстро утомляется, как другие, отличается более высокой производительностью труда. Таким образом, советские люди, занимаясь спортом, сочетают личные интересы с интересами социалистического общества.

У многих существует неправильное представление, что спорт — только удел молодежи. Кто рассуждает так и пренебрежительно относится к физической культуре, тот быстро становится обрюзгшим и отяжелевшим; рискует преждевременно состариться; легко подвергается заболеваниям».

К сожалению, в массе работников умственного труда распространено подобное же необоснованное мнение, будто физическая культура и занятия различными видами спорта являются уделом юношеского и молодого возраста, а не пожилых людей.

Но чем эти возрасты отличаются друг от друга? Явления старости в ор-

ганизме человека можно характеризовать следующими словами: в этот период жизни имеет место преобладание в организме процессов разрушения (диссимиляции) над ассимиляцией при общем понижении окислительных процессов.

Главная причина старческой «инволюции» организма — это старение коллоидов (Ружичка и Маринеско), входящих в состав протоплазмы всех без исключения клеток нашего тела. Результатом этого изменения коллоидов является резкий сдвиг в обмене веществ, в частности, в водном обмене (высыхание тканей).

«Старение плазмы возникает, как следствие утраты клеткой способности разрушать ставшие мертвыми белковые мицеллы и заменять их новыми, биологически активными, как это легко делает клетка молодая, сохраняющая способность к биохимическому возрождению» (акад. Богомолец).

В старости происходит также своеобразное перераспределение важного элемента — извести — в организме: кальций, который входит в состав костной основы тела (скелета), постепенно растворяется, кости истончаются, уменьшаются в весе, становятся более ранимыми. Кальций, разносясь током крови, откладывается в виде известковых солей в протоплазме клеток, в том числе клеток, образующих стенки кровеносных сосудов. Получается отвердение стенок артерий, артериосклероз, сосуды теряют свою эластичность и свои сократительные свойства. В результате

кровь начинает поступать в органы как бы толчками. Питание тканей нарушается, замедляется скорость нервных реакций, происходит окостенение межпозвоночных хрящей и др. Это — один из самых распространенных признаков старения.

Кроме того, обнаруживается исчезание жирового подкожного слоя, поседение и выпадение волос. Жир отлагается в излюбленных возрастом местах — в «сальнике» брюшной полости, в подкожной клетчатке шеи, бедер (особенно у женщин).

Наконец, происходит выпадение из растворов продуктов обмена клеток в виде желто-коричневых зернышек (пигментация), отчего зависит буроватый цвет покровов и внутренних органов у стариков наряду с их постепенным перерождением.

2

Причины всех этих неприятных, но неизбежных явлений «физиологического» старения еще не вскрыты наукой полностью. Существуют различные теории старости, причем некоторыми авторами особая роль придается расстройству в н у т р е н н е й с е к р е ц и и, в частности — ослаблению деятельности половых и щитовидных желез. Недостаточная функция, позднее развитие половой сферы или, наоборот, чрезмерная нагрузка на эту систему также способствует более раннему старению.

Наряду с общими причинами старения организма у лиц умственного труда существуют еще некоторые отягчающие обстоятельства.

Умственный труд — увлекательный труд, вызывающий «мобилизацию» многих сторон деятельности организма, стимулирующий самый высокий вид деятельности — высшую нервную деятельность, напряженную работу мозга. Последняя является истинной радостью для всех любящих и ценящих творчество во всех его видах. Но этот творческий труд часто оказывается связан с торможением многих других органов, в частности, с задержкой в деятельности мышц.

Всякая напряженная деятельность требует прежде всего сохранения соответствующей рабочей позы. При этом,

какова бы ни была эта поза, центр тяжести тела должен находиться внутри четырехугольника, образуемого точками опоры. Соответственно этому основному требованию мышцы шеи человека при сидячем труде несут значительную и притом статическую (непрерывную) работу. Они поддерживают в определенном положении голову, вынесенную при этом далеко вперед относительно центра тяжести туловища. Да и само туловище, центр его тяжести вынесен на значительное расстояние вперед по сравнению с нормальным положением тела. Это обстоятельство в свою очередь вызывает также непрерывное, статическое сокращение мышц позвоночника, а при длительном поддержании этой позы — даже его искривление.

Дополнительной, но важной опорой для тела при работе за столом служат л о к т и, поддерживающие корпус. Необходимость письма и вообще обращения с разными точными инструментами вызывает вытягивание рук вперед и их почти непрерывное движение в более мелких суставах (пальцевых фаланг). При этом вторая, локтевая, опора является скользкой, что также весьма невыгодно отзываясь на работе мышц верхнего «пояса». Сидячее положение обуславливает сдавление грудной клетки, а значит, неполную (вернее, ничтожную) вентиляцию легких. Все это вместе взятое противодействует полезному «присасываемому» действию грудной клетки, затрудняет движение венозной крови. Венозная кровь недостаточно быстро поступает в правое предсердие. Получаются благоприятные условия для задержки тока циркулирующей крови, создается трудность в работе центрального мотора всей системы нашего кровообращения — в работе сердца.

Ввиду отсутствия крупных массирующих движений плечевого пояса и таза лимфатические сосуды верхних и нижних конечностей недостаточно опорожняются: чем дальше, тем больше проявляется вялость передних прямых и косых мышц стенки живота, совершенно не функционирующих в условиях данной рабочей позы; получается атония кишечника, застой крови в сосудах

таза и его органов, наконец, происходит и механическое придавливание нервных стволов — бедренных и плечевых. Отсюда ведут свое начало столь часто встречающиеся на практике «радикулиты» и «плекситы».

Заметим, что употребление «вечных» перьев, получивших в настоящее время широчайшее распространение ввиду их портативности и удобства пользования ими, оказывает не совсем благоприятное влияние на состояние нервно-мышечного аппарата руки. При постоянном пользовании автоматическими ручками при обширной рукописной работе получается своеобразное напряжение в пальцевых суставах. Американские исследователи подсчитали, что у человека, пишущего обыкновенным пером, около 5 проц. общего времени идет на обмакивание в чернильницу, что уже само по себе предоставляет руке необходимый отдых, перерыв в ее напряженной работе. Еще важнее то обстоятельство, что при этом рука вытягивается, а сгибатели расслабляются. Происходит своего рода массаж, выжимание накопившихся в мышцах продуктов обмена, и в результате работоспособность руки сохраняется на более длительный срок, чем при пользовании «вечными» автоматическими ручками.

Но это, разумеется, лишь небольшой штрих в общей картине неправильного, нерационального использования физиологических функций нашего организма, на что мы обращаем при умственном труде слишком мало внимания.

Итак, условия, возникающие в результате длительного поддержания тела в определенном искусственном положении при сидячем труде, очень своеобразны. Роль самого человека — степень его личной организованности или неорганизованности — решает вопрос о том, разовьется ли у него переутомление. Стремление выйти из этого своеобразного «тупика», в котором наша природа неповинна, свойственна в большей или меньшей степени всем людям, имеющим какое-то понятие о необходимости оздоровления своего труда и быта. Каждый работник умственного труда решает эту проблему по-своему. Он

это делает иногда кустарно, иногда с чрезмерной опаскою, иногда «броском», и далеко не все додумываются до того, что главным фактором успешных занятий физкультурой является регулярность и постепенность втягивания.

Самым распространенным у нас видом физических упражнений является так называемая зарядка. Некоторые думают, что людям старше 30—35 лет в лучшем случае достаточно заниматься этой утренней зарядкой, передаваемой по радио.

Правда, и зарядка в конкретных условиях нашей повседневной работы, в особенности среди наиболее занятых умственным трудом людей науки и техники, представляет уже достижение. Следует регулярно заниматься зарядкой по утрам перед умыванием. Ежедневная гигиеническая гимнастика в течение 15—20 минут, особенно сопровождаемая легкими водными процедурами (обтирание, массаж), должна быть признана одним из отличных профилактических мероприятий, сообщающих бодрость телу и свежесть мысли на многие годы.

Но все же ежедневного короткого комплекса упражнений для поддержания высокого уровня трудоспособности, для обнаружения скрытых ресурсов организма и развития ценнейших физических качеств не достаточно. К тому же набор упражнений утренней гимнастики не рассчитан специально на лиц, занимающихся напряженным умственным трудом в пожилом возрасте и даже в старости. Наконец, гимнастика нужна им и в перерыве между занятиями, а иногда и во время самых занятий дома.

Поэтому необходимо незамедлительно организовать по линии наших профсоюзных органов физическую тренировку, систематические уроки гимнастики не только для молодежи; это особенно важно для лиц, имеющих за своими плечами многолетний стаж напряженной умственной работы. Совершенно ясно, что эта система должна быть лишена каких-либо даже отдаленных намеков на перенапряжение сердца и иных органов, уже охваченных в той или иной мере процессом старения.

Необходимо всеми возможными путями проводить физкультурные мероприятия и в нашу жизнь, в жизнь академий — этих «штабов» советской науки — и наркоматов. Пример в этом отношении должен показать Наркомздрав.

До недавнего времени, когда говорили о работоспособности, то имели в виду работоспособность и мощь мышечной системы, старались определить, измерить ее в тепловых единицах. При этом забывали, что жизненный итог каждого человека вовсе не обязательно выражается в форме определенного числа килограммо-метров передвинутых им грузов.

Человек перестраивает природу не только своими мышцами, дающими при своем сокращении тот или иной тепловой эффект, но и своим умом, своей творческой деятельностью, изобретением новых орудий труда. Большие полушария головного мозга (точнее, их серый корковый слой), которые дают «тон» всякой творческой, конструктивной работе, отличаются огромным развитием именно у современного человека. Они и поставлены в исключительно благоприятные условия защиты от внешних травм, в условия богатого крово- и лимфообращения. Мозговые клетки, кроме того, имеют свою собственную питательную среду, «отгороженную» от крови особым «гематоэнцефалитическим» барьером. Это барьерное приспособление действует избирательно по отношению ко многим веществам, поступающим извне. Одни вещества пропускаются барьером, другие задерживаются в пути (Л. Штерн). Наконец, в последнее время доказано работами О. Леви и др., что мозг, как и вся нервная ткань, в процессе своей работы выделяет в кровь своеобразные химические вещества, так называемые активные вещества мозга, несколько напоминающие по своей структуре холин. Таким образом, влияние центральной нервной системы на процессы обмена веществ во всем теле, как мы его теперь понимаем, исключительно велико.

Мы знаем, что именно мозг, — точнее кора больших полушарий головного мозга, является ведущим органом развития человека, и потому внимание лиц, интересующихся системой проф и л а к т и ч е с к и х мероприятий для пожилого возраста, должно сосредотачиваться прежде всего на работе мозга.

Возрастная статистика и ознакомление с биографиями великих людей, ученых, писателей показывает, что высокая умственная работоспособность, выражающаяся в создании замечательных произведений, в открытиях и изобретениях, может иметь место в различном возрасте.

Так, например, Гете жил до 83 лет, Тициан до 99 лет, а Гарсиа даже до 102 лет, и творчество их цвело необычайным цветом.

И. П. Павлов, доживший до 86 лет, всегда казался людям, наблюдавшим его, моложе многих своих молодых ассистентов, — сколько в нем было бодрости, умственной и телесной энергии. Известно, что Павлов всю жизнь занимался физической культурой.

Г. Гельмгольд, никогда не отличавшийся хорошим здоровьем, пишет в своей автобиографии, что в 50 лет он чувствовал себя значительно лучше, чем в тридцать и в сорок. Он не успел тогда еще узнать «меру своей работоспособности» и страдал неврастенией, от которой позже вылечился вполне. Все это свидетельствует, что работать в своей области регулярно и без срывов может каждый человек.

Уметь выкраивать дни и часы для заботы о своем физическом здоровье, а следовательно, и об обеспечении своей умственной продуктивности на многие годы вперед, — для этого нужно держать «в руках» весь свой быт, не подчиняться обстоятельствам и не оправдывать ими свою лень и инертность. Именно таким кипучим темпераментом, своего рода азартом в искании истины и в повседневном быту, в труде и в путешествиях отличались из ученых Т. Эдиссон и Шлиман, из полководцев — Наполеон и Суворов.

Все важнейшие органы тела находятся под непрерывным и бдительным регулирующим влиянием коры головного мозга. Все это дает право утверждать, что нормальная, деятельная, творческая жизнь человека может продолжаться до тех пор, пока функционируют наиболее важные, так называемые ганглиозные клетки коры головного мозга, а не сосуды мозга и сердца, хотя значение последних также чрезвычайно велико.

В самом деле: сколько можно указать примеров среди людей, физически уже состарившихся, с выраженными признаками склероза сосудов, которые, однако, продолжали жить и творить, которые надолго сохраняли ясный ум, твердую волю и бодрое настроение. И все это благодаря острой, всеподчиняющей деятельности их головного мозга и, добавим, благодаря твердому и последовательно проводимому режиму их труда!

С другой стороны, преждевременная, широким фронтом наступающая старость является результатом ухудшения функциональной деятельности мозга, а затем сердца, сосудов, печени и почек, что, конечно, в свою очередь влияет и на продуктивность высшего отдела нервной системы — коры его больших полушарий.

Мозг, с помощью специальной системы нервов, регулирует питание клеток во всех без исключения органах. Здесь наше внимание должны привлечь так называемые трофические нервы, описанные в трудах Самюэля, И. П. Павлова и А. Д. Сперанского. Именно эти нервы и центры регулируют окислительно-восстановительные функции наших органов и систем и противодействуют отклонениям от нормы в обмене веществ, о которых речь шла вначале. Это особенно хорошо видно хотя бы на примере так называемой круглой язвы желудка, возникающей именно на почве очень распространенного заболевания расстройства трофической нервной системы нашего желудка. Здесь роль трофических нервов является решающей. Если удастся вылечить расстройства нервной системы, установить режим труда, наладить сон, то в боль-

шинстве случаев болезнь стенки желудка также исчезает. Трофические нервы являются нашими союзниками в борьбе не только с явлениями болезни, но и с явлениями физиологической старости; но они же становятся нашими врагами, если ими пренебрегать.

Преждевременная старость обязана своим происхождением расстройству трофической нервной системы. Ясно, что беда эта должна и может быть исправлена с помощью воздействия на ту же нервную систему — на адаптационно-трофические центры нашего мозга.

Какую же роль во всем этом может сыграть спорт и физкультура?

Еще Дю-Буа Раймон, весьма интересовавшийся теорией физических упражнений, утверждал, что «гимнастика мышц есть гимнастика нервов». Но он не указывал, о каких нервах здесь идет речь. Мы можем теперь сказать, что гимнастика мышц есть гимнастика всего внутреннего химизма, всей нашей нервной трофики, как ее называет акад. А. Д. Сперанский.

На основании клинических наблюдений и экспериментальных работ последнего двадцатилетия, в частности работ И. П. Павлова и его школы, мы можем расширить и аргументировать положение Дю-Буа Раймона. Мы имеем в виду современное учение об эмоциях, основанное великим Ч. Дарвиным, и об их связи с нервными и химическими импульсами, имеющими место в нервной системе. Этот последний вопрос с успехом разрабатывается сейчас целым рядом американских физиологов (В. Кэннон и др.).

Что такое эмоции и какую роль они играют в жизни нашего организма и в жизни нашего мозга — распорядителя и регулятора химических процессов? Именно эти процессы больше всего интересуют сейчас физиолога. Эмоции разделяют на положительные и отрицательные.

Мощные положительные эмоции представляют собой основной фонд организма, своего рода «золотой запас» его реакций. Эмоции сообщают основной тон и всей высшей нервной деятельности, всей работе коры больших полу-

шарий. А ведь именно работа высших центров является материальной основой нашей психики.

Направить ее в соответствующее русло с помощью любых средств — и в первую очередь посредством системы корректирующих физических упражнений от юности и до старости — и составляет почетную задачу всякого деятеля физкультурного движения. Задача эта особенно важна в нашей стране, где забота о человеке стоит на такой недостижимой высоте, где право на здоровый и радостный труд, право на законный отдых является одним из величайших достижений. Разумеется, эмоции бывают более простые и более сложные: голод, гнев, радость — примеры более простых эмоций. С другой стороны, любовь, эстетическое чувство — примеры эмоций, достаточно сложных. Но все эти различные, качественно своеобразные эмоции так или иначе связаны с работой головного мозга, в особенности его полушарий, с изменением химизма его крови. У животных простые эмоции, или инстинкты, представляют единственный базис их мозговой жизни. Другое положение мы наблюдаем среди людей, в обстановке человеческого общежития. В конкретных условиях исторического развития человека все эмоции находятся под прочным контролирующим влиянием коры полушарий, они подчинены воздействию индивидуального опыта. Последний приобретается путем воспитания в коллективе, в социальной среде. Эти эмоции поддаются точной дозировке и регулированию.

Как показали исследования Павлова и целого ряда его учеников, аппарат высших, приобретенных реакций (кора больших полушарий мозга) и аппарат эмоций, помещающийся в так называемых подкорковых центрах, находятся между собой в тесной связи. Их взаимные отношения очень сложны. В одних случаях возбуждение корковых центров путем воздействия на органы внешних чувств возбуждает работу мало реактивной «подкорки», но иногда и тормозит ее. В других случаях чрезмерное возбуждение подкорковых клеток (на

пример, в приступах гнева и ярости) тормозит точную работу коры. Многие эмоциональные потрясения нарушают тонкую «мозаику», создающуюся в коре мозга в результате сложных выработанных взаимоотношений организма к внешнему миру.

В нашей нервной системе осуществляются, таким образом, следующие весьма сложные отношения: инертная, но мощная «подкорка» сообщает своеобразную зарядку коре, т.-е. посылает ей постоянные импульсы к действию, без чего кора не выходила бы из состояния покоя. «Подкорка» как основа эмоций поднимает «тонус» деятельности коры, сообщает поступкам человека известную темпераментность. Главным же источником повышения тонуса является мышечное движение. Трудно представить себе жизнь здорового, полноценного человека, протекающую без эмоций. Трудно представить себе человека, никогда не испытавшего радости движения. Но и в проявлении этих эмоций необходимо соблюдать чувство меры. Эту меру и дает занятие гимнастикой.

Тренированная воспитанием мозговая кора человека, вполне владеющего своими эмоциями, постоянно и дифференцированно тормозит деятельность «подкорки», так сказать, держит ее «в узде».

Подкорковые центры (их в мозгу установлен целый ряд, и они также имеют свое деление на высшие и низшие) управляют всей без исключения мускулатурой, всеми крупными и мелкими мышцами, которые обуславливают все сложные движения нашего тела, включая мимику и речь.

Заметим, что элементарные связи между чувствованием и движением осуществляются в сравнительно просто устроенном спинном мозгу: мышцы, как и органы чувств, все без исключения виды движений, посылают импульсы к мозгу (Шеррингтон), имеют каждый свое «представительство» в высшем отделе нервной системы, в специальной корковой области, расположенной впереди от «Роландовой борозды». Павлов называл

эту сферу двигательным анализатором. Итак, мышца есть такой же орган чувств, как глаз, ухо. Однако на работу мышц, как органов чувств, многие люди совершенно не обращают внимания. А так как всякий тонкий анализ наших движений связан с внутренним торможением условных двигательных рефлексов, то подкорковые центры, недостаточное тренируемые движением, зачастую погружаются в состояние длительной и чрезмерной задержки, а иногда и полной депрессии. Человек теряет импульс, волю к движению, к совершенствованию. Здесь-то и кроется упомянутый «тупик», из которого может вывести только разумно построенная и систематически проводимая гимнастика.

Поэтому первым условием гимнастики, построенной с учетом важнейшего эмоционального фактора, является умелое раскрепощение некоторых двигательных механизмов, а не только простое упражнение тех или иных групп мышц. Нам должно интересоваться не только развитие силы, но и развитие легкости и эмоциональности основных мышечных движений. Под эмоциональностью надо понимать интерес к движениям, доверие к своим мышцам, уверенность в своих силах, желание достигнуть раскрепощения основных двигательных фондов нашего организма. Человек, не владеющий процессами, происходящими в его двигательном анализаторе, человек, утративший эмоции, импульсы к организованному движению, представляется как бы связанным, переторможенным, аритмичным. У него исчезло самое главное — исчезла инициатива борьбы со старостью, исчезла уверенность в себе, в своих запасных силах. В процессе же занятия гимнастикой происходит в этом отношении замечательный перелом. Разумеется, этот перелом приходит не внезапно, а постепенно. Движения мышц растормаживаются, становятся более законченными, ритмичными, свободными, — и это достижение доставляет человеку огромную радость.

Ощущение «мышечной радости» является первой и главной основой и залогом успехов правильно понимаемой

физической культуры как юношей, так и взрослых. Человек, испытавший однажды эту радость, подчинивший свои внутренние ритмы общему ритму движений целого коллектива, начинает чувствовать усиленную тягу к занятиям не только гимнастикой, но и туризмом, и спортом, и т. д. Тем самым он начинает вести активную борьбу со старостью задолго до ее действительного наступления.

Некоторые работники умственного труда, среди которых немало и медиков, неправильно полагают, что в возрасте сорока лет и выше эта двигательная радость, это тренирование полезнейших механизмов движения, эта мобилизация запасных сил нервной системы, усиление ее влияния на химизм уже недоступны, невозможны. Неужели, однако, пластичность нервной системы, иначе говоря, мышц, способность совершенствования теряется вместе с первыми седыми волосами на висках?

Нет, целый ряд обширных опытов врачей и физкультурников показывает, что упражняемость мышц и в особенности нервной системы как у мужчин, так и у женщин в возрасте после 35—40 лет остается еще чрезвычайно высокой. Запасные силы организма вполне могут быть мобилизованы, и вопрос заключается лишь в том, как организовать занятия физической культурой для лиц зрелого и пожилого возраста. Последние, конечно, нуждаются в более серьезном и неотступном врачебном контроле¹.

Кроме ценных кадров пожилых и старых ученых, нуждающихся в особо бережном отношении к их здоровью в применении методов современной гимнастики, у нас имеются и растут огромные массы работников умственного труда, которым сейчас всего 25—35 лет отроду и которым, конечно, не следует доводить дело до того, чтобы их здоровье пришлось «охранять». Они могли бы уже сейчас шире включиться в работу спортивных секций соответствующих союзов, чтобы эти их занятия стали сейчас истинной профилактикой гря-

¹ Занятия, о которых здесь идет речь, успешно ведутся в Доме ученых Академии Наук (Москва) под руководством В. П. Ильина.

душих возрастных изменений. К сожалению, приток в коллективы и в секции лиц умственного труда своеобразного «переходного» возраста, людей, быть может, наиболее в этом нуждающихся, пока не велик. Вот почему надо шире знакомить членов секций научных работников с задачами и всею обстановкой физкультурных уроков через прессу, учебное кино и др. Неплохо было бы наладить и радиоуроки по физкультуре, специально предназначенные для средних и старших возрастов лиц умственного труда, как мужчин, так в равной степени и женщин.

3

В нашем мозгу устанавливается весьма тесное взаимоотношение между корой и ближайшими к ней подкорковыми областями, которые непосредственно управляют химизмом органов. Поэтому всякое достижение в области овладения новыми или давно забытыми формами движения нашего тела оказывает заметное благотворное влияние на общее состояние организма. Это наблюдение о влиянии «психического» на «физическое» подкрепляется не столь уже новыми, но мало известными широкой читающей публике исследованиями физиологов в области изменений химического состава крови. Последняя резко меняется под влиянием некоторых сильных чувств и переживаний. Так, во время футбольного матча в крови участников состязания находят увеличенные количества адреналина — вещества, возбуждающего и тонизирующего весь наш сложный мышечный аппарат, и, следовательно, в известной степени помогающего в борьбе с наступающей физической усталостью. Интересно, что такую же реакцию (повышение содержания адреналина) дает и кровь зрителей, следящих с трибун за ходом развертывания матча. Здесь — яркий пример влияния мозга на физическое состояние организма играющих! Работа, эмоционально направленная, вызывает усиление деятельности тех органов, которые в конечном итоге помогают забить хороший гол. Спрашивается: что

можно возразить против такого «само-внушения»?

Исследованиями Л. Орбели и его сотрудников установлено, что мышцы нашего скелета иннервируются, кроме центральной, также и симпатической нервной системой, т.-е. как-раз тем отделом нервной системы, который возбуждается адреналином к усиленной деятельности.

Наконец, исследованиями целого ряда советских авторов (Н. Гращенков и др.) установлено, что даже наши органы высших чувств (глаз и ухо) зависят в своих восприятиях от «адаптирующего» влияния все тех же трофических нервов, регулирующих остроту и повышающих общий «тон» их работы. Следовательно, даже наш «взгляд на вещи», на мир зависит от того, как работают высшие центры нашего мозга, регулирующие работу органов чувств!..

Известный психологический закон Джемса — Ланге, который кратко формулируется: «Мы не потому плачем, что нам грустно, а нам грустно оттого, что мы плачем...», — многих поражает своей парадоксальностью. Здесь как будто причина спутана со следствием. Но на самом деле этот «закон» лишь внешне парадоксален: ведь в организме деятельность всех органов и систем неразрывно связана друг с другом и наше настроение так же часто меняется в зависимости от состояния внутренних органов, как и функции внутренних органов находятся в прямой зависимости от состояния мозга.

В некоторых американских деловых кругах, в конторах и банках, вывешены краткие призывы: «Улыбайтесь!.. Сосредоточенное выражение лица требует сокращения семнадцати мышц, в то время как улыбка — только девяти!»

Правда, можно очень усомниться в «магической» силе этой рекламной арифметики. Да и вряд ли она может хоть немного поднять настроение у клиентов, пришедших требовать, предположим, свои вклады из банка в момент его краха...

Но все же заслуживают внимания те методы, которые употребляются практическими янки для того, чтобы лица

среднего и пожилого возраста активно заботились о своем здоровье. Американское здравоохранение, имеющее там совершенно частный, предпринимательский характер, осуществляет ряд мероприятий по линии повышения интереса пожилых людей к занятиям физкультурой. Страховые общества снижают ежегодные взносы для тех лиц, которые занимаются спортом и физической культурой.

В нашей стране, где создано и широко развивается движение советской физической культуры, где медицина является делом государственным и профилактический принцип в ней является одним из основных, — стимулы и средства к занятию профилактической гимнастикой лиц как самых старших, так и самых младших возрастов имеют совершенно другой характер.

Наша советская физкультура является прежде всего коллективной, — она должна проводиться и проводится главным образом групповым, коллективным методом; во-вторых, она направлена к достижению конкретных целей — к подъему трудоспособности человека и имеет значительные оборонные элементы; в-третьих, наша гимнастика неразрывно связана с использованием естественных сил природы; в-четвертых, она немыслима без научного врачебного контроля и самоконтроля.

Самым бодрящим, самым активизирующим является не просто «улыбайтесь!», не проповедь беспредметного оптимизма, а возможность через посредство системы физических упражнений переключаться на совершенно новые, иные, чем обычно, виды деятельности, т.е. воссоединять гармоническую связь между умственным трудом и всесторонним физическим развитием человека.

4

Правильно поставленная физкультура должна прежде всего обращать сугубое внимание на управление дыханием, возвратить грудной клетке ее естественную дыхательную функцию, затрудненную при сидячем труде, а мышцам брюшной

стенки обеспечить прочность и сократимость. При этом сердце само по себе будет разгружено в двух отношениях: при каждом глубоком вдохе отрицательное давление, усиливающееся в полости груди, присасывает венозную кровь из верхней и нижней полых вен, а диафрагма опускается ниже. Она не стесняет больше движений сердца, как это часто бывает при ее высоком расположении, когда сердце получает «лежащий» характер.

В остальном все корректирующие мышечные упражнения должны исходить из принципа противоположения неудобной, неправильной позы человека, работающего за письменным столом. Если, например, шейная мускулатура страдает от непрерывного поддержания веса головы, то во время занятия гимнастикой голова должна быть высоко поднята вверх и совершать при этом движения наклона вправо и влево, осуществлять вращение вокруг своей вертикальной оси.

Итак, дело коррекции начинается с головы и шеи, но, разумеется, не ограничивается ими.

Если длинные мышцы спины при работе были статически перегружены, то все движения надо перенести на пол, на ковер, разумеется, соблюдая все предосторожности относительно гигиены этого вида упражнений и относительно состояния сердца и сосудов. Для этого вида гимнастики и еще ряда других необходимо предварительный осмотр со стороны врача, наблюдающего за здоровьем данного коллектива.

Уже спокойное лежание на ровной поверхности пола, сопровождаемое глубоким брюшным дыханием, само по себе, без всяких активных движений в конечностях, создает благоприятные условия для отдыха спинной мускулатуры и может быть рекомендовано как простая и целесообразная коррекция. Для лиц со здоровым сердцем может быть осуществлена более энергичная «редрессация» спины, пользуясь «шведской стенкой», а в отсутствие ее — обыкновенной палкой длиной в 1 м и толщиной в 3 см, с которой можно проделать ряд интересных и полезных упражнений.

В особенности полезны для поясничных и крестцовых мышц легкие поднятия и опускания вытянутых нижних конечностей (при лежании на спине), тренирующие также и мышцы передней брюшной стенки. Нужно лишь твердо помнить, что все эти упражнения надо производить, ни в коем случае не задерживая дыхания (не закрывая голодосовой щели) и соблюдая вдох и выдох к движениям всего тела.

Самым главным и безусловно дозволенным для всех упражнением, даже для самых старых возрастов, является ходьба. Акт ходьбы с течением возраста значительно изменяется, движения ног теряют свою эластичность. Если во время движения пользоваться только длинными мышцами бедра и голени, «волоча» стопы по земле; если забывать о необходимости движений в коротких мышцах бедра, голеностопном суставе и в пальцевых фалангах; если держать при этом голову и плечи опущенными книзу, — то никакой ощутимой пользы такая ходьба, конечно, не принесет или даст эффект в недостаточной степени.

Террен-кур практикуется на всех наших курортах с известным эффектом. Но этот эффект быстро исчезает при возвращении в городскую обстановку. Надо добиться того, чтобы каждый выход на улицу стал своеобразным террен-куром. Если, отправляясь на прогулку, сразу выпрямить спину, развернуть плечи, если двигаться, слегка отталкиваясь ступней, чувствуя нажим большого пальца на землю, то эффект ходьбы будет гораздо более положительным.

Закрепленная в правильном, разогнутом положении мускулатура спины дает возможность пустить в действие дополнительные дыхательные мышцы, прикрепляющиеся одним своим концом к позвоночнику, благодаря чему вентиляция легких дает резкий прирост. Кровообращение в голеностопном суставе также улучшится, исчезнут подагрические боли в больших пальцах ног, и походка постепенно приобретет характер гибкости и эластичности.

Разумеется, простая ходьба может

быть в условиях организованных, систематических уроков физкультуры для лиц пожилого возраста несколько осложнена введением дополнительных движений (поднятие рук до горизонтального и вертикального положения, поднятием ног со сгибанием их в коленных суставах, закладыванием сложенных рук за спину — так называемая фигурная маршировка — и другие упражнения).

Этот принцип может быть проведен и дальше: предположим, что вам никогда не приходится двигаться под музыку, — старайтесь организовать занятия физкультурой под ритм музыкального инструмента — под рояль, под радио, даже патефон (в домашних условиях). Предположим, что вы никогда не ездили на лодке, не плавали, не передвигались на лыжах, не катались верхом, не играли в мяч, что вы даже боитесь ходить в гололедицу по улицам, — все это в условиях правильно поставленных занятий с опытным инструктором физкультуры вполне поправимо.

Возможно ли, однако, заниматься туризмом и даже верховой ездой в гимнастическом зале? Все указанные виды физической культуры состоят из определенных, притом не столь значительных по числу элементов. Изучить их порознь, а затем соединить их в определенный комплекс, сообщить им известный общепринятый стиль — и значит, в сущности, приблизиться к спорту, научить человека владеть своим телом, поднять тонус его нервной системы, выработать в нем смелость, находчивость и другие качества спортсмена.

Известно, что некоторые пловцы проходят основные приемы стильного движения на суше, пользуясь для этого невысокой скамейкой. Следовательно, нет никаких препятствий к тому, чтобы люди, желающие научиться играть в теннис, прорабатывали бы некоторые технические приемы этой игры без мяча и даже без ракетки, а только с помощью собственных мышц, которыми воображение и эмоция сообщают определенную нагрузку и которые наряду с нервной системой решают успех всякого спортивного мероприятия.

В спорте есть своя теория и своя практика, которые должны быть тесно между собой связаны в процессе работы. Чтобы сделать тренировочный урок интересным и полноценным как в чисто физическом, мышечном, так и в нервно-эмоциональном отношении, нужно очень много и упорно поработать над методами втягивания пожилых людей в физкультуру.

Лица, обладающие значительным стажем умственной работы, относятся ко всем мероприятиям, ко всем новым проблемам обучения движению с большой долей критики, которая подчас даже мешает им приступить вплотную к занятиям физкультурой. Некоторые из них предпочитают лишь присматриваться и «обсуждать» чужие движения, но не заниматься своими собственными.

Но и руководитель гимнастики, продумывающий заранее свою программу для такой квалифицированной аудитории, как, например, преподаватели вузов, академий или работники наркоматов, должен особенно заботиться о стройной и увлекательной, программе работы кружка, о впечатлении, остающемся у участников от проведенного урока. Он обязан считаться с индивидуальностью обучающихся. Он должен логически обосновать перед занимающимися каждое свое движение, каждое упражнение и не требовать слепого доверия к проводимым мероприятиям по физкультуре в гораздо большей степени, чем это требуется в аналогичном кружке, где обучается молодежь. Кроме того, он обязан позаботиться о придании бодрого тона всему занятию. Монотонности, скуки, нотациям на занятиях со взрослыми как и вообще на занятиях физкультурой, не должно быть места.

Педагогика физических упражнений является наиболее трудным пунктом во всей организации этого дела, особенно при работе с пожилыми людьми. И все же наш Всесоюзный комитет по делам физкультуры и спорта сделал бы очень хорошо, если бы, не считаясь с трудностями, стал готовить кадры инструкторов для работы с людьми зрелого и пожилого возраста.

5

Итак, регулярные физкультурные упражнения в пожилом возрасте — это не заплатки на организм, а способ изменить весь химизм организма, задержать многие из процессов наступающего старения. Они дают при систематическом подходе к ним длительный постоянный и все возрастающий эффект и поэтому могут быть рекомендованы всей массе работников умственного труда.

Разумеется, даже длительно проводимая гимнастика, равно как и обычная утренняя зарядка, сама по себе не может еще обусловить решительное оздоровление организма. Но она является первым толчком для возбуждения внимания к процессам, происходящим в нашем организме, а, главное, она помогает выявлять его запасные силы. Получаемый от нее эффект должен быть дополнен заботой о специальном режиме труда и быта, о правильной организации рабочего места, об обязательных прогулках перед сном и об активизации и о рационализации летнего отдыха.

Каков же должен быть режим жизни людей, приближающихся к возрасту полустолетия и перешедших этот возраст?

И какую роль в этот период должна играть физкультура? Наконец, в чем заключается активный отдых занятого человека?

В предисловии к наставлению для командного и начальствующего состава «Индивидуальная гимнастика на каждый день» (1939 г.) маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов говорит: «Чтобы предупредить преждевременные неприятности в виде ожирения и всех его спутников (склероз, одышка и пр.), необходимо всякому честному и разумному командиру, политработнику, начальнику, где бы он ни работал, и сколько бы лет ему ни было (хоть сто!), обязательно и непременно и немедленно заняться, а затем уже систематически заниматься, как правило, ежедневной физической тренировкой».

«Кто не занимается регулярной физической тренировкой, тот уподобляется человеку, сознательно решившему соста-

ряться к 45 годам и форсировать свое одряхление...» («Наставление», стр. 9.) «Все это относится исключительно к людям физически малоподвижным, ленивцам, физической подготовкой не занимающимся, к натурам инертным и предпочитающим преждевременную отдышку, склероз, регулярные (6 раз в году) насморки и гриппы...» (Там же, стр. 8.)

Нельзя сказать, чтобы культурный человек вовсе не интересовался рационализацией своего труда, быта и отдыха.

Обычно раз в году, находясь на курорте или в доме отдыха, люди под влиянием советов врача подумывают о том, что неплохо было бы сменить сидячий образ жизни на более подвижной, — раньше вставать и отправляться в лес, в горы, на трех-четырёхчасовую прогулку до наступления жары.

Но часто берет верх другое желание: проспять эти часы и выйти из комнаты лишь ко второму завтраку, да и то с большим запозданием. Есть и такие наивные люди, которые хотели бы летом выспаться «прозапас», на всю предстоящую зиму.

Они забывают, что хороший семичасовой сон вполне достаточен для здорового организма, а в пожилом возрасте нормально люди спят меньше, чем молодые.

То же самое «недоразумение» происходит с участием в утренней зарядке. Человек предпочитает смотреть на нее издали из окна и удивляться со стороны, как это занимающиеся «смешно» поднимают руки и ноги, то склоняясь до земли, то вытягивая шею. Быть может, и впрямь, с точки зрения театрального «представления», все это кажется недостаточно эстетичным, но попробуй этот зритель выполнить хотя бы самое простое из упражнений, и он убедится, что, не работая над своим мышечным аппаратом, нельзя выполнить даже простейшей «стойки» в строю, не говоря уже о более сложных построениях.

Такой «наблюдатель» готов иногда выполнить на курорте сотни «процедур», пройти через все виды гидро-свето-электро- и механотерапии—по нескольким номерам в день; он в состоянии пере-

числить все тонкости применения нарзанных и иных ванн, но, если ему предложить проехать верхом или погresti на шлюпке, этот «специалист» тотчас ответит вам: «Знаете, у меня невроз сердца» и т. д.

Спору нет: за сердцем нужно следить и не утомлять его понапрасну; суставы беречь от сырости, легкие от переохлаждения. Но сердце и сосуды надо тренировать движением, суставы надо упражнять, легкие почаще расправлять, наполняя их воздухом и используя для этих целей все виды физкультурной нагрузки под контролем врача-специалиста, физкультурника.

Заметим, что в настоящее время так называемая дозированная лечебная гимнастика прописывается даже больным с пороком сердца, даже лежащим в постели после перенесенной полостной операции, не говоря уже о беременных женщинах, для которых физическая культура является совершенно необходимой.

Но вот летний отпуск окончился, некоторое улучшение здоровья достигнуто, советы лечащего врача касательно зимнего режима получены и записаны, — надо проводить их в жизнь. Но, увы, этих благих пожеланий у человека, не втянувшегося в активную физкультурную жизнь, хватает только до прибытия на станцию, до момента возвращения в свою обычную обстановку, к своему рабочему месту, к труду, ради повышения продуктивности которого он ездил отдыхать.

И вот зимой, встретясь где-нибудь на заседании ли, на ходу в коридоре, или кулуарах, двое «бывших» курортников начинают опрашивать друг друга, осматривая пытливым оком вновь нарощие пласты жировых отложений или приглядываясь к нездоровой худобе и желтизне лица собеседника:

— Ну, а как у вас с гидропатией и массажем живота? Продолжаете, как обещали?

И получает в ответ только взмах рукой да грустную улыбку:

— Где уж там... гидропатия...

Скажем прямо, у некоторых даже выработался такой своеобразный «биоло-

гический ритм» существования, нечто вроде превращения куколки в бабочку: одиннадцать месяцев полного забвения о своей физиологии, о законах действия нервной системы и один месяц полного «dolce far niente» (сладкого безделья), во время которого якобы должно произойти очищение от всех грехов и болезней режима.

Людам с таким «ритмом» жизни необходимо терпеливо и систематически разъяснять, что от общего массажа теряет вес больше всего массажист, а не больной, что физкультура — это не курортная мода, что зимним спортом и горным туризмом можно заниматься и под Москвой, что при правильном распределении времени можно и должно выкроить на физическую культуру один час в день, что выходной день следует проводить на лыжах или в пешеходных экскурсиях, что существуют, наконец, секции для взрослых и пожилых во всех почти спортивных союзах и обществах, а где их нет, можно их создавать, подобрав себе компанию или группу по силам и по возрасту, и систематически улучшать свои достижения из месяца в месяц, из года в год. Это и будет по праву называться активным отдыхом трудящихся.

6

Что свое рабочее место надо организовать, выбрав подходящий для роста стол и удобный стул, что во время обеденного перерыва можно и должно сделать несколько вольных движений, что в это время надо открывать форточку, — это знает всякий, хотя и эти элементарные гигиенические требования не всеми выполняются. Но что дорогостоящий массаж можно заменить самомассажем по утрам, что спать с открытой форточкой надо стараться в течение круглого года, — это для многих является неожиданностью.

Главным «открытием» для тех, кто даже занимается физическими зарядковыми упражнениями в короткие утренние десять минут, является историческое происхождение всех тех комплексов движений и приемов, которые

мы иногда готовы считать внезапно появившимися в голове какого-то «изобретателя». На самом же деле каждая система физических упражнений, в частности, каждый урок, составленный с учетом возрастных особенностей, носит на себе следы работы нескольких поколений энтузиастов этого дела, иногда шедших научным путем, иногда же двигавшихся опытным путем, эмпирически в течение целых десятилетий и даже столетий. Каждое организованное занятие физической культурой (мы не должны в этом отношении делать исключение для поздних возрастов) состоит всегда из следующих основных частей:

1. В т я г и в а ю щ и е упражнения. На них не требуется много времени. (5 — 6 минут). Сюда относятся подготовительные военные упражнения — выстраивание в одну или две линии, знакомые еще римским гимнастам, откуда вообще ведет свое начало военный строй с его благотворным, организующим действием на коллектив. Здесь могут также с большим успехом быть применены некоторые упражнения из нашего современного комплекса ГТО или хорошо знакомые участникам приемы утренней зарядки (типа «потягивания», наклоны и легкая маршировка). Заметим, что «порядковые» движения в том виде, как они практикуются сейчас, были введены как необходимый элемент урока Я. Тыршем (1832 — 1884 гг.), дыхательная же гимнастика, т.-е. более точное соответствие ритма движения и ритма дыхания, — шведским ученым гимнастом Лингом (1776 — 1839 гг.).

2. Далее следуют «вольные» движения, т.-е. движения без снарядов и какого-либо отягощения работающих мышц, за исключением собственной тяжести тела, расслабление и напряжение конечностей и перемещение их по всем трем возможным осям (направлениям в пространстве). Это необходимое разучивание техники движения, анализ собственных физических возможностей, выявление запасных сил введено в практику греческими палестрами, где, кстати сказать, твердо соблюдается возрастной принцип. Покойный П. Ф. Лес-

гафт, основатель русской физкультуры, придавал этому разделу урока особенное значение и требовал, чтобы объяснения производились без показа; он хотел соединить работу движущихся мышц с работой воспринимающего и анализирующего ума. На практике показ движения является необходимым. Длительность этой части урока 15—20 минут.

3. После небольшого перерыва наступает главная часть урока у молодых спортсменов — занятия гимнастикой на снарядах, предложенных Гутс-Мутсем (1759—1839 гг.) и Ф. Яном (1778—1852 гг.), так называемый «Turnen». Они производились с самого начала на тех же основных приборах, что и сейчас (параллельные брусья, «конь», трапеция, турник и др.).

У лиц более солидного возраста эта часть урока должна быть заменена и с успехом заменяется упомянутой разнообразной тренировкой, легким бегом и другими упражнениями, корректирующими неправильную сидячую позу. Однако к производству ползанья (упражнения военного типа) и так называемых «кульбитов» надо в данном возрасте относиться с большой осторожностью, дозировать их, как дозируют лекарственное вещество. Безусловно, показаны шведская стенка и скамейка.

4. Четвертая часть урока — это перерыв 7—10 минут с полным расслаблением мышц, во время которого современные американские тренеры, работающие со взрослыми, проводят короткие беседы и консультации о режиме и диете занимающихся, в короткой, остроумной форме сообщают отдыхающим последние данные из статистики страховых обществ, показывающие пользу физкультуры и спорта. Это, скорее всего, легкая психическая обработка, — чтение длинных, сухих лекций здесь было бы ошибочным мероприятием.

5. Пятой частью урока [мы придерживаемся здесь схемы, предложенной впервые французским исследователем Демени (1850—1917 гг.), хотя и видоизменяем ее согласно современной практике] являются игры с легким мячом

(волейбольшим) и элементы прикладных упражнений военного типа, нетрудные командные состязания и движения при некотором «живом» сопротивлении. При этом дыхательную сторону упражнений нельзя ни на минуту упускать из виду, делая короткие перерывы для коррекции дыхания.

Без этого постоянного возврата к правильному дыханию даже самые лучшие упражнения окажутся бесцельными, а для пожилых людей даже вредными.

6. Шведская система, а в особенности система так называемой ритмоластики Дельсарта (1811—1877 гг.) и Ж. Далькроза, из школы которого вышло много представителей так называемой художественной гимнастики у нас в Союзе, требует введения в урок движений «раскрепощающего» и успокаивающего типа. Необходимое условие этих упражнений — музыка, и притом хорошая. В наших условиях упражнения этого типа особенно желательны в конце урока, когда требуется, чтобы занимающийся, только-что поработавший всеми мышцами, получил «разрядку» — постепенное снижение возбуждения в нервной системе — и ушел бы из зала в отличном, спокойном и ровном настроении. Эстетическая сторона и качество этих сложных «свободных» движений вначале, конечно, не очень высоки, но интересно отметить, что даже и в этом сложнейшем виде физкультуры люди среднего и вышесреднего возраста с течением времени оказывают заметные успехи.

На основании этого краткого обзора с необходимыми ссылками на историческое происхождение каждого элемента урока мы убеждаемся, что советская физическая культура впитала в себя все лучшее, что оставили предшествующие эпохи, и, связав их воедино, добавила одно главнейшее качество — целеустремленность всей системы упражнений для достижения не каких-либо рекордов, а на общее благо — на повышение умственной и физической продуктивности коллектива, занятого делом социалистического строительства.

Современная война и США

Я. ВИКТОРОВ

★

Это было в августе 1928 года. В знаменитой Salle de l'Horloge французского министерства иностранных дел на Орсейской набережной происходила торжественная процедура подписания Парижского пакта, известного иначе под названием пакта Келлога — Бриана. В зале было душно не только потому, что жарко грело августовское солнце, но и потому, что столпилось много людей вокруг стола, на котором лежал документ, предлагавший всем государствам мира отказаться от войны, как орудия национальной политики. У стола толпились министры, а несколько далее журналисты, фоторепортеры, кинооператоры, чиновники и т. д., и т. п.

Франк Келлог — государственный секретарь (министр иностранных дел) США — был героем дня. Его имя пестрило во всех французских газетах, которые торжественно возвещали, что «Америка вернулась в Европу», что переброшен мост из Вашингтона в Париж, что отныне и впредь дружба между Францией и Соединенными Штатами установлена навечно.

Келлог купался в лучах своей славы. Он собирался в Лондон, чтобы и там вновь и вновь вкусить всю славу триумфатора. Но Келлог не поехал в Лондон, он ограничился поездкой в Ирландию, оговорившись к тому же, что цель поездки — личные интересы и ничего от политики. Келлогу испортил настроение американский журналист Гарольд

Хоран, который опубликовал секретный меморандум, касавшийся взаимоотношений Англии и Франции. В этом секретном меморандуме сообщалось, что между Англией и Францией достигнуто временное соглашение по вопросу о морских вооружениях. Обе стороны договаривались между собою о том, чтобы требовать ограничения постройки именно тех типов кораблей, которые наиболее выгодны Соединенным Штатам. Короче говоря, был создан англо-французский единый фронт против США в вопросе морских вооружений.

Этот факт не был известен широкой публике, и если было испорчено настроение у Келлога, то это во всяком случае не нарушило общего торжества по поводу подписания в Париже «мирного документа», на который различные его участники возлагали различные надежды. Англия и Франция стремились прикрыть этим документом свою политику подготовки к новой войне, Америка — свой возросший интерес к европейским делам и стремление играть более активную роль в мировой политике в интересах американского империализма.

Один английский журналист, присутствовавший при торжественной процедуре подписания пакта Келлога, сказал, что все это напоминает ему торжественные дни создания Лиги наций. Когда его французский коллега на это возрадил — а не повторится ли история, подобная той, которая случилась с Виль-

соном, т.е. Америка не захочет признать действий своего представителя в Европе? — последовал невозмутимый ответ:

— Соединенные Штаты не могут жить в изоляции. Им нужна Европа.

Прошло много лет. Ни один из инициаторов пакта Келлога — Бриана не выполнил своих обязательств, ибо и не собирался их выполнять. Но опять в мировой политике выдвигается все больше на передний план роль американского империализма, формально не участвующего в нынешней войне, но являющегося одной из основных движущих сил ее. Американская дипломатическая игра продолжается, но только сейчас поблекли и увяли все ее пацифистские фиговые листки, которыми всегда пыталась прикрываться империалистическая политика Соединенных Штатов. Нынешняя война разрушила много легенд и в том числе легенду об американском пацифизме. Да и сама американская печать отбросила сейчас как ненужную ветошь пацифистскую декларацию и говорит откровенно империалистическим языком. Американский публицист Джон Гюнтер в своей характеристике политики Соединенных Штатов выдвигает сейчас новую «концепцию» того, что следует понимать под границами Соединенных Штатов.

«Каждое государство, — заявляет он, — каждая страна имеет четыре или пять границ. Во-первых, обыкновенную, так называемую географическую границу. За ней следует совпадающая с географической либо выходящая далеко за ее пределы, а иногда и не доходящая до ее пределов военная граница. Приближение или отдаление этой границы от географической зависит от размеров и значительности военной мощи государства. Под военной границей понимается та специфическая линия, которую государство готово защищать своими сухопутными и морскими вооруженными силами. На третьем месте стоит экономическая граница. Так, например, наша экономическая граница, несомненно, включает и кофе в Бразилии, и олово в Боливии. Четвертой границей является дипломатическая. Под этим

надо понимать защиту наших интересов в районах, находящихся далеко за пределами нашей географической границы. Наконец, на пятом месте — моральная граница, которую можно определить формулой «бремя белого человека», или в иных случаях формулой «открытые двери»¹. С этой точки зрения, если учесть все выше приведенные обстоятельства, весь мир является границей каждой страны».

Другие высказываются менее сложно, но не менее откровенно. Дрю Пирсон пишет: «Мы никогда не претендовали на то, чтобы называться пацифистской нацией». Пирсон прав в одном смысле. Факты, история не дают Соединенным Штатам возможности претендовать на такое название уже хотя бы потому, что за 164 года существования заокеанской республики она вела 114 войн. И большинство этих войн или интервенций служило одной цели — империалистической экспансии Соединенных Штатов. В 1898 году произошла аннексия Гавайских островов. В результате американо-испанской войны, которая была начата в том же 1898 году, Соединенные Штаты захватили Филиппины, затем последовал захват Гуама, Самоа, установление протектората над Кубой, фактического контроля над Панамой, Гаити, Никарагуа, Гондурасом и т. д., и т. п. В Латинской Америке захваты, установление протекторатов или контроля осуществлялись под лозунгом «доктрины Монро». Если же речь шла об интересах США там, где уже заранее укрепились на определенных позициях другие империалистические державы, как, например, в Китае, то на сцену выступал лозунг «открытых дверей» и «равных возможностей».

★

В Соединенных Штатах скоро предстоят президентские выборы. Но надо сказать, что на сей раз предвыборная кампания проходит в совершенно необычных формах. Нет обычной шуми-

¹ Под «моральной» надо понимать колониальную границу, которую автор явно стесняется назвать. — Я. В.

хи, нет фактически настоящей предвыборной борьбы. И сторонники Рузвельта, и сторонники Уилки говорят на одном и том же языке, выдвигают одни и те же лозунги, одинаково призывают общественное мнение к оказанию широкой помощи Англии, к осуществлению громадной программы вооружений и проведению соответствующих хозяйственных мероприятий. В этом нет ничего удивительного, и республиканская, и демократическая партия — одинаково партии крупного капитала, — партии крупнейших монополий. И в нынешний «чрезвычайный момент» они, естественно, говорят одним языком, языком американского империализма. Японский журнал «Контемпорари Джэпэн» не без ехидства замечает: «Когда дело доходит до «доктрины Монроэ» или принципа «открытых дверей» и «равных возможностей», все американские президенты, будь то демократические или республиканские, придерживаются одинаковых взглядов».

Соединенные Штаты Америки, несмотря на то, что они формально не участвуют в войне, можно смело назвать невоюющим союзником Англии. По сути дела в ходе нынешней войны, которая уже видела распад одного империалистического блока, а именно англо-французской «сердечной Антанты», происходит формирование нового империалистического блока — англо-американского. Но если в Антанте, бесспорно, ведущая роль принадлежала Англии, то сейчас на эту роль совершенно явно претендует американский империализм.

Едва ли нужно доказывать, что помощь, которую оказывают Англии Соединенные Штаты, принимает все большие размеры. Об этом говорят факты, публикуемые каждодневно во всей мировой печати. Соединенные Штаты поставляют Англии самолеты, артиллерийские орудия, всякого рода стратегическое сырье. Только недавно Соединенные Штаты передали Англии 50 эсминцев. Сейчас идут разговоры о передаче также так называемых «летающих крепостей» — сверхбомбардировщиков дальнего радиуса действия. Американская

печать ведет настойчивую кампанию за дальнейшее расширение помощи Англии, на все лады подчеркивая, что Англия является первой линией обороны Соединенных Штатов.

Чрезвычайно любопытно и знаменательно, что неудача англичан, пытавшихся захватить Дакар, т.-е. захватить французские колониальные владения в Западной Африке, вызвала неудовольствие в первую очередь в Соединенных Штатах. Ибо в разгар боев за Дакар американская печать уже оценила его значение как новой базы в южной Атлантике, которую могли бы использовать с успехом не только Англия, но и Соединенные Штаты. Помощь, которую сейчас оказывают Англии США, меньше всего — бескорыстная помощь. Уже в обмен на 50 эсминцев Соединенные Штаты получили в свое распоряжение английские базы в Западном полушарии. Соединенные Штаты устраивают свои военно-морские авиационные базы в Ньюфаундленде, на Бермудских и Багамских островах, на Ямайке, в Тринидаде, на территории Британской Гвианы и т. д.

Соглашению о передаче Англии эсминцев предшествовало соглашение между США и Канадой о создании совместного управления обороны. Короче, между США и Канадой установлено тесное военное сотрудничество. Если принять во внимание, что американский капитал занял в Канаде более прочные позиции, чем английский, и продолжает все сильнее проникать в Канаду, то станет ясным, что уже сейчас Канада в значительно большей мере является американским доминионом, чем британским.

Для Англии сотрудничество США играет крупнейшую роль. И поэтому она и поступает некоторыми своими позициями в Западном полушарии. При этом надо иметь в виду, что переход важнейших стратегических позиций Англии в Западном полушарии в руки Соединенных Штатов означает нечто большее, чем временное отступление британского империализма. Это значит, что Соединенные Штаты взяли на себя не только оборону и защиту британских владений в Западном полушарии. Это

значит, что Соединенные Штаты закрепляют свой контроль в Западном полушарии за счет Англии. За счет той же Англии укрепляют Соединенные Штаты и свои экономические позиции на всем американском континенте.

В результате нынешней войны Германия, которая вела довольно обширную торговлю со странами Латинской Америки, ушла с этих рынков. Соединенные Штаты постарались заполнить «пустое пространство» и не допустить, чтобы это «пространство» заняла Англия.

А что представляет собою Латинская Америка? Богатство ее сырьевых ресурсов общеизвестно. Как-никак, на страны Латинской Америки приходится 88,1 проц. всего производимого в мире кофе, 21,4 проц. меди, 8,8 проц. хлопка, 14,9 проц. нефти, 25,6 проц. сахара, 13,2 проц. олова, 6,8 проц. пшеницы, 15,9 проц. шерсти, 42,7 проц. серебра, 7,2 проц. золота.

Какое значение имело это сырье для Англии, Франции, Германии, можно судить по следующим данным. До войны из всего экспорта Латинской Америки на долю Соединенных Штатов приходилось 37,4 проц. меди, на долю Англии — 29,7 проц., на долю Франции — 9,1 проц., на долю Германии — 8,7 проц. Если взять хлопок, то на долю Германии его приходилось 34,8 проц., на долю Англии — 34,9 проц. Пшеница шла: в Италию — 19,7 проц., в Англию — 19,7 проц., в Германию — 13,5 проц. Шерсть шла: в Англию — 46,6 проц., в Германию — 33,3 проц., в Соединенные Штаты — 32,1 проц., во Францию — 25,8 проц.¹

Само собою понятно, что торговля не была односторонней. Импортируя из стран Латинской Америки медь, хлопок, шерсть и другие товары, — Англия, Германия, Япония, Италия ввозили туда промышленные изделия и полуфабрикаты. При этом Англия ввозила еще и капиталы. Латинская Америка была одной из основных сфер приложения британского капитала.

Война изменила все это положение и изменила резко. Латинская Америка не только перестала быть источником снабжения для Германии и Италии, она потеряла свои рынки сбыта. И это затруднительное положение латино-американских стран широко используют Соединенные Штаты Америки. Американский капитал устремился в Латинскую Америку. И когда американская печать лидерно шумит о необходимости американской помощи в деле обороны всего Западного полушария, то под этим скрывается не что иное, как стремление закрепить свои усилившиеся экономические позиции контролем иного порядка, а именно такого, когда на позицию той или иной страны влияет близкое присутствие крейсеров и бомбардировщиков.

Именно в этой связи и были начаты переговоры со странами Латинской Америки об организации морских и авиационных баз США вдоль южного побережья американского континента.

Если присмотреться к политике Соединенных Штатов в отношении стран Латинской Америки, то станет ясным, что они стремятся к большему, чем к преимущественному, положению на рынках Латинской Америки. Американский капитал стремится к монополии на этих рынках, стремится к тому, чтобы держать в своих руках всю торговлю всего американского континента с Европой. Именно для этой цели и был выдвинут проект создания пан-американского экспортного картеля. Ведь надо учитывать то обстоятельство, что США и страны Латинской Америки являются конкурентами на мировых рынках. В самом деле, и Соединенные Штаты, и Аргентина экспортируют пшеницу, и Соединенные Штаты, и Бразилия экспортируют хлопок, и Соединенные Штаты, и Мексика экспортируют нефть. И вот, задача создания экспортного картеля представлялась американским капиталистам таким образом, что картель будет покупать все экспортные излишки всего американского материка по заранее установленным ценам и продавать их потом по своему усмотрению. Короче говоря, монополистический капитал США будет

¹ По данным бюллетеня Американской Ассоциации внешней политики «Foreign Policy Reports».

диктовать свою волю всему американскому континенту.

Американский журнал «Джорналь оф Коммерс» с достойной откровенностью характеризует все эти мероприятия Соединенных Штатов как подготовку к новой экономической войне против Европы после окончания ныне идущей войны. Тем самым журнал раскрывает весь размах устремлений американского империализма, который уже сейчас готовится к тому, чтобы иметь возможность оказывать давление на Европу, на европейские рынки всей силой американского континента.

Характерно, что германская печать с чрезвычайным вниманием следит за этой политикой Соединенных Штатов, расценивая ее как подготовку к борьбе против Германии. И действительно, борьба за рынки Латинской Америки, равно как и за европейские рынки, — одна из основ германо-американского антагонизма, который вырисовывается все ярче и ярче на фоне нынешней сложной международной обстановки, где основным противоречием является сейчас англо-германский антагонизм.

Соединенные Штаты зависят от Европы и связаны с Европой тысячами нитей. Надо не забывать, что в 1937 году доля Европы в американском экспорте составляла 40,6 проц., а в американском импорте — 27,3 проц. Немецкий журнал «Дейче Фольксвиртшафт» пишет: «Не будет преувеличением, если мы скажем, что способность Европы поглощать американский хлопок является ключом ко всей внутренней политике США». За хлопком идут минеральные масла. Так, например, в 1938 году континентальная Европа (без Румынии, СССР, Франции и Англии) импортировала 14,1 млн. тонн минеральных масел, из которых 3,6 млн. тонн получены из США. Надо не забывать также и о том, что, например, американская пшеница шла в больших размерах в европейские страны. Наконец, если взять медь, то в импорте ее из Америки крупнейшую роль играли европейские страны.

Значение взаимоотношений Соединенных Штатов с капиталистической Евро-

пой имеет для американского капитала тем больший смысл, что на Дальнем Востоке положение становится все более сложным, что доступ на китайский рынок затруднен, что идет жестокая борьба с Японией, развязка которой еще впереди.

★

Соединенные Штаты, укрепляя свои экономические позиции на американском континенте, готовятся к тому, чтобы вести упорную борьбу за свои экономические позиции в Европе. Ныне идущая война создала для американского империализма в своем роде «золотой случай», о котором без стеснения пишет японская печать, расценивая новое соотношение сил на Тихом океане. Американские капиталисты наживают на войне, на военных заказах громадные прибыли. Как пишет «Джорналь оф Коммерс», 400 промышленных компаний США получили за первое полугодие 1940 года 2 250 млн. долларов прибыли, что составляет на 59 проц. больше, чем прибыль за тот же период прошлого года. Дивиденды этих компаний увеличились на 14 проц. Соединенные Штаты пока еще не представили займа Англии, но к этому дело идет и, вероятно, придет. Таким образом, создается конъюнктура, напоминающая конъюнктуру первой мировой империалистической войны. Война широко используется американскими миллионерами для получения огромных сверхприбылей, для накопления громадных капиталов.

Однако американский империализм не хочет повторить «ошибки» прошлой войны, когда после окончания ее он очутился в роли кредитора, который не в состоянии был реализовать до конца накопленные им векселя. Он не смог этого осуществить тогда в полной мере, потому что ему нехватало «основного аргумента», играющего решающую роль во взаимоотношениях капиталистических государств, а именно бронированного кулака. Потому-то сейчас американский капитализм развернул громадное строительство вооружений, стремясь создать «флот» двух океанов,

многочисленную воздушную армию и многомиллионную сухопутную армию.

Само собой разумеется, что Соединенные Штаты, усиленно вооружаясь, преследуют не только цель иметь соответствующие «аргументы» на случай «мирной конференции», но и активно участвовать в происходящей борьбе за передел мира.

★

Соединенные Штаты стремятся и к господству в Атлантике, и к господству на Тихом океане. Именно потому, что они твердо рассчитывают на утверждение своего господства в Атлантическом океане, проявляют они столь большой интерес к судьбе британского флота. Больше всего опасается американский империализм того, как бы не попал британский флот в руки Германии. Потому-то и оказывается столь широкая помощь Англии. Американский империализм рассчитывает, что если Англия сохранит свой флот, то, каков бы ни был исход войны, при наличии тех взаимоотношений, которые создаются сейчас между Англией и Соединенными Штатами, решающее влияние в Атлантике сохранится за Соединенными Штатами.

Соединенные Штаты строят флот. Но это требует времени. И это одна из причин заинтересованности США в длительном сопротивлении Англии, в затяжном характере англо-германской войны. (Не приходится, конечно, говорить о том, что американские капиталисты заинтересованы в затяжном характере войны также и потому, что чем дольше длится война, тем больше их нажива.)

На вооружения Соединенных Штатов ассигновано в 1940 году больше 10 миллиардов долларов. Эта программа вооружений предусматривает создание сухопутной армии мирного времени численностью примерно в $1\frac{1}{2}$ млн. человек. Силы авиации должны быть доведены в ближайшие же годы до 18 тыс. самолетов, а в дальнейшем — до 50 тыс. самолетов. Но главные средства поглощает флот. Надо иметь в виду, что и нынешний флот достаточно велик, он не уступает английскому. Следует учиты-

вать также и то, что все эти годы шло усиленное морское строительство. В 1934 году был утвержден первый билль Винсона, названный так по имени председателя сенатской комиссии по морским делам. Этот билль предусматривал постройку 102 кораблей водоизмещением в 430 тыс. тонн. Вторым билль Винсона, утвержденный в 1938 году, предусматривал строительство 72 кораблей в 400 тыс. тонн. Третий билль Винсона, утвержденный 17 июня 1940 года, предусматривал дополнительную постройку еще 43 кораблей. Летом же 1940 года Винсон внес новый билль, предусматривавший увеличение морской программы на 23 проц. Однако этот билль был отменен, и был принят проект адмирала Старка об увеличении военно-морской программы на 70 проц. Короче говоря, программа строительства предусматривает увеличение тоннажа американского флота вдвое.

По данным «Нью-Йорк Таймс», американский флот, по выполнению намеченной программы, будет представляться в следующем виде:

линкоров	—	34—35
авианосцев	—	20
крейсеров	—	88
эсминцев	—	378
подводных лодок	—	180

При этом, как отмечают военно-морские эксперты, обращает на себя внимание строительство кораблей с чрезвычайно дальним радиусом действия. Так, например, дальность плавания отдельных крейсеров достигает 12 тыс. миль. Печать связывает строительство такого типа кораблей с задачами американского флота на Тихом океане.

★

Тихоокеанская политика США представляет не меньший интерес, чем их, так сказать, атлантическая политика, которая на данном этапе сводится в основном к оказанию поддержки Англии. Что же касается Тихого океана, то там создалась чрезвычайно сложная и напряженная обстановка, характеризующаяся резким обострением отношений между империалистическими державами, в

первую очередь между США и Японией.

Японский журнал «Контемпорари Джэпэн» (сентябрь 1940 г.) следующим образом характеризует позицию США: «Говорят, что Соединенные Штаты играют на Дальнем Востоке роль охранителя интересов Британии. В действительности Америка имеет в виду свои собственные интересы».

Далее журнал пытается дать более глубокий анализ политики США на Тихом океане. «Невзирая на то, — пишет журнал, — что Соединенные Штаты имеют сравнительно небольшие капиталовложения в Китае, они с чрезвычайной силой стремятся к защите там своих прав и интересов, ибо, если не считать Голландской Индии, Китай является наилучшей сферой приложения капиталов для США. Если судить по нынешней позиции Америки, то она не только заинтересована в сохранении «открытых дверей» в Китае в случае, если Япония установит новый порядок в Восточной Азии. Она добивается большего. В действительности Америка стремится окончательно вытеснить Японию из Китая. Если предположить, что Япония согласилась бы урегулировать все разногласия, связанные с американскими правами и интересами в Китае, и урегулировать их к полному удовлетворению Америки, то все же сомнительно, дадут ли Соединенные Штаты обещание не идти дальше пределов статус-кво, установленного таким образом».

Такова точка зрения японской печати. В свою очередь американская печать утверждает, что соглашение с Японией сейчас едва ли возможно, ибо японская экспансия на юг имеет целью установить японское господство во всей западной части Тихого океана.

Американский журнал «Фореин Афферс» в статье, посвященной тихоокеанской политике США, подчеркивает взаимосвязь, которая существует между этой политикой и политикой США в Европе.

И действительно, Соединенные Штаты принимают все возможные меры для укрепления своих стратегических позиций на Тихом океане. Весь флот скон-

центрирован у Гавайских островов, которые являются основным географическим и военно-стратегическим пунктом всей системы стратегических позиций США на Тихом океане. Вся эта система образует форму неправильного треугольника от Аляски до Гавайских островов и до Панамского канала. На Аляске укрепляется гавань в Датч Харбор, созданы морские базы в Ситке и на острове Кодиак. Кроме того, в Фербенксе и других пунктах имеются военно-воздушные базы. «Наша военная и морская программа в Аляске, — пишет «Фореин Афферс», — прямо рассчитана на случай конфликта с Японией». Гавайская зона является наиболее укрепленной. По словам «Фореин Афферс», укрепление Пирл Харбор, главной стоянки американского флота, обошлось в 700 млн. долларов. Там находится база подводных лодок, сухие дски, склады горючего и амуниции, воздушная база, военный гарнизон, продовольственные склады и т. д., и т. п. Далее идут острова Мидуэй и Уэйк, которые также укрепляются.

Но речь идет сейчас не только об использовании американских баз, об укреплении Гуама и, возможно, Филиппин. Сейчас речь идет о другом. Ставится уже вопрос о возможности использования английских баз на Тихом океане, в частности Сингапура, сильнейшей военно-морской базы Англии на Дальнем Востоке. Больше того, по сообщениям американской печати, идут переговоры о том, чтобы Соединенные Штаты в случае необходимости взяли на себя оборону Австралии и Новой Зеландии. Иными словами, речь идет о распространении англо-американского военного сотрудничества на всю зону Тихого океана.

Все эти переговоры и мероприятия правительства США являются прямым отражением сложности обстановки, создавшейся на Тихом океане, и обострения американско-японских отношений.

Оба империалистических соперника уже давно готовятся к встрече, готовятся к борьбе. Японский империализм стремится использовать благоприятную обстановку, которая создалась в резуль-

тате войны между Англией, опирающейся на помощь США, и итало-германским блоком. Те колебания, которые предшествовали нынешнему вторжению Японии во Французский Индо-Китай, имели своей причиной как внутреннее положение в Японии, так и развитие японо-китайской войны, но также в большой мере и позицию других империалистических держав, в частности, Соединенных Штатов.

Япония зависит от внешнего мира в отношении снабжения ее стратегическим сырьем, а первую очередь нефтью, хлопком, каучуком, железным ломом и т. д. Одним из главных поставщиков всех этих материалов были Соединенные Штаты. Можно прямо сказать, что Соединенные Штаты и Англия поддерживали японскую экспансию, несмотря на широковещательные заявления о сочувствии Китаю. Соединенные Штаты и Англия исходили из расчета, что им удастся этим путем сделать Японию еще более зависимой от них и таким образом отстоять свои интересы. В то же время Соединенные Штаты готовились и к иному повороту событий, и стремились заручиться средствами давления на Японию. С этой целью был расторгнут торговый договор с Японией, с этой целью были введены лицензии на экспорт нефти и железного лома. Соединенные Штаты заранее хотели иметь в своих руках оружие, которое могло бы быть пущено в ход в любую минуту.

Вторжение Японии во Французский Индо-Китай было первым сигналом, свидетельствовавшим о том, что Япония решила осуществить свою программу экспансии на юг даже с риском экономических репрессий со стороны Соединенных Штатов. Нет никакого сомнения, что одной из причин, которые ускорили японское продвижение на юг, являются англо-американские переговоры о сотрудничестве на Тихом океане... Япония стремится заранее получить в свои руки наиболее выгодные стратегические позиции для грядущей ожесточенной борьбы. Ибо обладание Французским Индо-Китаем, несмотря на всю его ценность как с точки зрения стратегиче-

ской, так и с точки зрения экономических интересов Японии, не решает проблемы господства в западной части Тихого океана. Главная добыча — это острова южных морей, это Голландская Индия, богатая нефтью, каучуком, это Малайя, богатая оловом и каучуком, и т. д. Японцы отлично понимают, что если Сингапурская база окажется в руках американского флота, то это значит, что крупнейший стратегический пункт будет в распоряжении противника.

Правительство в США ввело полный запрет на вывоз железного и стального лома во все страны, за исключением стран Западного полушария и Англии. Американская печать открыто расценила это мероприятие как ответ на японское вторжение во Французский Индо-Китай.

★

28 сентября был подписан берлинский пакт о тройственном союзе между Германией, Италией и Японией. Значение этого пакта в том и состоит, что Япония отказалась от политики невмешательства в европейские дела, в европейскую войну. Заключением пакта о тройственном союзе был как бы перекинут мост от европейско-африканского фронта второй империалистической войны к тихоокеанскому. И если расширение англо-американского сотрудничества ускорило заключение тройственного союза, то наличие берлинского пакта в свою очередь послужило стимулом для дальнейшего усиления англо-американского сотрудничества и его распространения на Тихом океане.

6 октября английская газета «Дейли Мейл» опубликовала сообщение из Нью-Йорка о том, что в результате переговоров между государственным секретарем США (министром иностранных дел) Хэллом, английским послом в США лордом Лотгианом и австралийским посланником Кэсей достигнуто англо-американское соглашение об объединенных действиях на Тихом океане.

Соглашение, по сведениям газеты, предусматривает следующие действия:

1. Англия предоставляет американскому флоту право всесторонне использовать Сингапурскую базу.

2. Когда будет признано целесообразным, корабли американского флота посетят с «миссией доброжелательства» австралийские и новозеландские порты.

3. Возможное открытие дороги Бирма — Китай должно повлечь за собой переброску крупных войсковых частей Австралии в Бирму и Британскую Малайю.

4. США в случае необходимости введут полное эмбарго на экспорт всех военных материалов в Японию.

Характерно, что вскоре за появлением этого сообщения английское правительство объявило об открытии дороги Бирма — Китай, закрытой англичанами в свое время по настоянию японцев.

Таким образом, в борьбе империалистов за господство на Тихом океане начинается новый этап.

★

Развитие ныне идущей империалистической войны раскрыло всю глубину, всю сложность империалистических противоречий. Одновременно с усилением борьбы на фронтах англо-германской и англо-итальянской войны обозначился резко и отчетливо тихоокеанский фронт, где столкнулись с небывалой остротой интересы американского и японского империализма. В то же время в результате борьбы между Англией и Герма-

нией обозначилось новое значение германо-американского антагонизма, вырастающего в одно из крупнейших противоречий империалистического мира. Этот процесс выявления новых противоречий, все более острых, определяет и затяжной характер ныне идущей империалистической войны. В самом деле, многим казалось, что исход войны будет решаться на полях Франции, в сражениях между Германией и англо-французским блоком. Англо-французский блок распался, Франция потерпела поражение, но это оказалось отнюдь не концом войны, а началом нового ее этапа, более упорного, более длительного. Германия значительно усилила свои позиции в результате истекшего года войны, но основной своей задачи она не решила. Идет смертельная борьба между итало-германским блоком с одной стороны и Англией — с другой. И на фоне этой борьбы совершенно отчетливо выявляются контуры новых конфликтов. Ибо фактически войну против итало-германского блока ведет не Англия одна, а Англия, опирающаяся на широкую помощь Соединенных Штатов. И уже определились контуры двух империалистических блоков: с одной стороны итало-германо-японского, с другой — англо-американского.

Все это говорит о том, что война приобретает все больший размах и что громадную роль в дальнейшем развитии войны играет американский империализм.

Певец народного гнева

П. БАЛАШОВ

★

В американскую литературу пришел певец народного гнева.

Он пришел со своими «Гроздьями гнева»¹, величественно-эпическим романом, вызвавшим в Америке бурю восторга среди друзей и улюлюканье и злобные выпады врагов.

О судьбе «простых людей», об угнетенных кочующих фермерах и скитальцах-батраках с подлинно поэтическим воодушевлением и огнем заговорил во весь голос Джон Стейнбек, талантливый и требовательный к себе художник, человек большого и отзывчивого сердца, стремительно идущий навстречу людям, за которыми будущее. Джон Стейнбек заметил и ярко изобразил то, мимо чего равнодушно проходили другие, — закипающий в сердцах угнетенных гнев, горы злости и отчаянной решимости, и это окрылило его и выдвинуло в первый ряд крупнейших художников слова современной Америки.

★

Всеми своими чувствами, всеми своими помыслами Джон Стейнбек связан с цветущей и солнечной Калифорнией, с ее народом, описанию жизни которого посвящены почти все его книги.

¹ В переводе Н. Волжиной роман напечатан в журн. «Интернациональная литература», №№ 1, 2, 3—4 за 1940 г. и выходит отдельной книгой в Гослитиздате; иллюстрации худ. Бродаты, тир. 50 тыс. и в серии «Роман-газета», тир. 300 тыс.

Здесь он родился (в 1902 г.), здесь он вырос и провел большую часть своей жизни среди тех, кто стал героем его произведений, кто его воодушевил и напитал непокорной, протестующей силой. Здесь он живет и по сей день, может быть, несколько замкнуто и уединенно.

Джон Стейнбек держится особняком и вдали от «литературного мира». Но его образ жизни несколько не похож на то калифорнийское изгнание, на которое добровольно обрек себя один из крупнейших современных американских поэтов (да и только ли он?), автор поэмы «Сияй, гибнущая республика», поэт-отшельник и пессимист Робинсон Джефферс, пытающийся отгородиться от козней «проклятой цивилизации» и найти забвение в размышлениях и одиночестве в своем тихом гранитном домике-башне на берегу Тихого океана.

Стейнбек столкнулся лицом к лицу с тем, что называется грязью капиталистического общества. Он многое видел и испытал. Он прошел путь, который можно назвать «школой Горького», «школой Джека Лондона»; он пулся в бурное жизненное плавание, сменил не одну профессию, — он был и маляром, и батраком, и плотником, — прежде чем стал писателем. Он знал и тоску отрешенности и одиночества, но это не стало его культом, — Стейнбек написал не одну книгу, чтобы убежденно и выстраданно сказать: в одиночестве нет спасения. И его путь, — слож-

ный и противоречивый, — путь все большего слияния с теми, кто охвачен ненавистью и гневом.

Слава и известность не пришли к нему неожиданно-негаданно. И певцом народного гнева Джон Стейнбек стал не сразу. Созревание «Гроздьев гнева» длилось годами, и нам кажется, что все то, что вышло до сих пор из-под его пера, не более как эскизы к этому подлинно большому полотну.

Писать Джон Стейнбек начал, по собственному признанию, очень рано, еще в годы юности. Но слепки с чужих, пусть и любимых вещей не нравились ему: в них он не чувствовал горячего дыхания жизни, которую видел перед собой, в них он не слышал своего голоса. И только в 1929 году он решается опубликовать свой играющий красками и, может быть, излишне цветистый «Золотой кубок» — романтическую повесть о приключениях пирата Гарри Моргана. От «Золотого кубка» до «Гроздьев гнева» пройден большой путь исканий, — у писателя складывался свой взгляд на вещи, свой круг тем и образов, свой стиль. Нужно было преодолеть инородные влияния (они порой уводили Стейнбека в сторону от основного пути), чтобы запеть не чужим, а своим голосом.

Были Теодор Драйзер, Элтон Синклер, Шервуд Андерсон и Эрнест Хемингуэй, но еще не было Джона Стейнбека, верней, еще не многие знали его. О нем заговорили не сразу, хотя и в ранних его вещах угадывался талантливый художник. Книгу за книгой выпускает Джон Стейнбек, и вот уже о нем несомненно говорят, как об авторе «Мышей и людей», как о писателе, у которого свои, стейнбековские, темы и герои и свое отношение к ним. Роман «Райские пастбища» (1932 г.), книга «К неведомому богу» (1933 г.), рассказ «Убийца» (1934 г.), вошедший в сборник имени О. Генри, повесть «Тортилла Флэт» (1935 г.), роман о борьбе сборщиков фруктов «В неравной схватке» (1936 г.), повесть о скитальцах-батраках «Мыши и люди» (1937 г.), новелла «Обещание» из цикла «Рыжий пони», получившая в

1938 году премию Генри, и сборник новелл, написанных в разные годы под названием «Широкая долина» (1938 г.), — вот далеко не все, что написал Стейнбек за это время. Его повесть «Мыши и люди» — своеобразный эксперимент, нечто вроде «повести-пьесы» — легко поддавалась инсценировке и шла с большим успехом на сцене американских театров. Монументальный роман «Гроздьев гнева», завершающий этот неполный перечень книг Стейнбека, экранизирован и, судя по отзывам американской прессы, принес автору необычайный успех, имеющий свои прочные корни и свою историю.

★

Начало Джона Стейнбека падает на годы кризиса, последовавшего вслед за паникой на нью-йоркской бирже осенью 1939 года. Каково было изумление тех, кто еще вчера кричал о вечном равновесии и процветании, а сегодня увидел печальные следы разрушения: точно губительный смерч пронесся над всей страной. Волна банкротств захлестнула Америку, и людей, очутившихся за бортом, с каждым часом становилось все больше и больше. Наивные сказочки об исключительности и гармоничности капиталистической Америки уже больше никого не утешали. Разве только слепцы и завязые церберы капитализма не хотели признавать фактов, упорно не желали видеть того, что давным-давно было гениально подмечено Энгельсом: американский рай на поверку оказался адом.

Мог ли пройти мимо всего этого такой отзывчивый художник, как Стейнбек, пролагавший свои пути в годы великих потрясений, в годы крушения розовых легенд и иллюзий. Внимательно всматриваясь в картины, нарисованные неуверенной рукой молодого художника, вы, конечно, заметите связь между тем, что происходило в ту пору в стране, и миром героев, вызванных к жизни фантазией Стейнбека; но эта связь все же не была такой ясно выраженной и легко осязаемой, как в годы зрелости писателя, и принимала порой

неуловимые, причудливо капризные формы. Далеко не все ясно было и самому Стейнбеку, — ему предстояло испытать и преодолеть воздействие фрейдистских и иных «модных» концепций и традиций.

Романом «Райская долина» отозвался Джон Стейнбек на годы кризиса и смятения. Пусть это будет не роман, а всего лишь цикл новелл о жителях калифорнийской долины, здесь есть единство авторского замысла и мысль, пробивающаяся наружу сквозь толщу всяких инородных наслоений.

Может показаться, что грозовая туча прошла стороной, нисколько не потревожив героев «Райской долины». Никаких явных следов разрушительного смерча, пронесшегося над страной. Ничто, кажется, не потревожило величественного спокойствия дубовых рощ, тишины зеленых долин. Что имеет общего с реальной жизнью этот разлад между мечтой и действительностью? Кому интересны эти экскурсии в область психопатологии и преувеличенного внимания к тайникам подсознательного и чисто «клиническим» случаям кретинизма и умственной неполноценности таких героев, как взрослый ребенок, Безобразная лягушка — Туларесито. Не все так просто у Стейнбека, как может показаться на первый взгляд. Если бы мы видели во всем этом только сентиментальную идиллию, мы бы уподобились тем верхоглядям туристам из обрамляющей главы «Райской долины», которые приходят в умиление от этого «рая на земле», совсем не подозревая, что и здесь человека преследуют жестокие удары судьбы.

«Райская долина» — это звучит у Стейнбека иронией. Райская долина — это благословенный уголок земли, как бы созданный только для счастья, как бы воплощающий мечты человека о прекрасном. Сюда приходят искать забвения и радости. Сюда первым пришел безвестный испанский капрал, случайно открывший плодородную долину, которую он назвал Райской. Вот, наконец, он нашел то, о чем грезил всю жизнь: в этом раю он будет

коротать дни в своем домике на берегу реки. Но нет такой идиллии, которая не была бы нарушена. Нет такого счастья, которое не рассеялось бы. Нет таких грез, которые осуществились бы. Все разбивается вдребезги, все исковеркано и сломано. Слепые силы — случай, превратности судьбы — разрушают воздушные замки, построенные сентиментальными мечтателями. Очень немного добивался в своей жизни испанский капрал, но волей капризного случая он погиб, заживо разлагаясь, не сумев осуществить своих сокровенных намерений.

Так было двести лет тому назад, так происходит и теперь, — говорит Стейнбек, протягивая нить повествования к нашим дням. И здесь нет покоя и нет умиротворения. И здесь мимолетно человеческое счастье, как вспышка молнии, озаряющее темную жизнь людей. Тайные грезы и сбивчивые романтические мечты людей странной судьбы не выдерживают столкновения с грубой и грязной капиталистической действительностью, — прозрачное человеческое счастье оказывается построенным на зыбком песке.

Всю жизнь трудился старый Джон Бэтль, всю свою душу вложил он в ферму, но это не принесло ему радости. Его жена болела падучей, а бесноватый сын гонялся с дубиной за призраком дьявола. Один-на-один, как и всякий фермер, воевал с природой Джон Бэтль. Он отдавал всего себя фруктовым деревьям, зеленым грядкам, которые только и имели смысл в его жизни. Скрючились и затвердели его пальцы. Согнулся в дугу старый Джон Бэтль, никогда не отрывавший глаз от земли, над которой упорно трудился от зари до зари. Так бессмысленно и одиноко прожил он свою жизнь, не зная радости, живя ожиданием своей Сильвии, которая так и не пришла и не принесла ему счастья. Может быть, семейная драма Джона Бэтль не типична, — ведь дело случая, что все так сложилось, что Джон Бэтль провел одинокую жизнь. Стейнбек еще не ставит вопроса, почему и как, его пока больше интересует спле-

тение курьезного, необычайного с обыденным и повседневным.

Есть в Америке миф о self made man¹, нашедший свое отражение и в литературе. Каждый, кто захочет, может стать миллионером. Как это заманчиво и как соблазнительно! Каждый может «выбиться в люди», стать богачом, купить яхту, путешествовать и поживать в свое удовольствие. О том, что это удел немногих акул, построивших свое благополучие на костях других, не могло быть и речи.

Бедный фермер Эдуард Уик, герой «Райской долины», поддался очарованию этого мифа — если другие идут в гору, так почему же он, фермер Уик, должен отставать от них. Он жил, правда, в маленьком домике, как и многие другие. Но кто ему мешает разбогатеть и построить замок, дворец. И Эдуард Уик строит... воздушные замки, — уже пошла молва, что он богатеет не по дням, а по часам, хотя и ведет прежний, скромный образ жизни. Он создает легенду, которой верят, но, в конце-концов, все откровенно, и самоутешительная ложь выплывает наружу. Бедняк Уик покидает ферму, здесь ему не везло, но он еще покажет тем, кто не верит в его силы, каков он есть — Эдуард Уик.

К утешительной лжи и самообману прибегли и две девушки, сестры Лопез, открывшие нечто вроде испанской харчевни, где в придачу к испанским блюдам они совершенно бескорыстно и безвозмездно развлекали посетителей, как могли. Обманывали себя и молились, молились и обманывали себя эти две дочки старого Лопеза, оставившего им после смерти сорок акров каменистой оскудевшей земли и ни копейки денег. Не желая умереть голодной смертью, девушки вынуждены были искать спасительных средств — они опускаются все ниже и ниже, утешая и обманывая себя, пока не спала с глаз пелена, — ведь они выброшены за борт, уничтожены и оплеваны, как «плохие женщины», — им осталось одно: проституция.

Очень любовно изображает Стейнбек чистые, как снег, годы детства и юности, непосредственные порывы непосредственной детской души, ребяческую наивность и косноязычие, искреннюю привязанность и первые огорчения, Неподражаемы и трогательны его рассказы «Рыжий пони», «Вождь народа»; хороши детские образы в «Гроздьях гнева» — Руфь и Уинфилд, наивные, непосредственные, по-своему воспринимающие события кочевой жизни. К лучезарным дням своего детства обращаются и герои «Райской долины». Детство это не было сплошным счастливым праздником, но оно все же манило своими незатейливыми радостями, — в те годы детства возникли вера и любовь к отцу, который и теперь представляется Молли сказочно добрым и необычайно хорошим. Но что, если это только романтика, только миф?

Молли Морган, претендовавшей на место учительницы, пришлось рассказывать о своей жизни. Она тихо роняет слова: «Да, мы были бедны. Мы, действительно, были очень бедны. У меня было два брата старше меня. Отец разъезжал по стране, сбывая товары, мать очень много работала...»

Сказано только несколько слов, но за ними кроется очень многое. В воображении Молли встают картины детства, и поток воспоминаний, живых, ярких, непосредственных, уносит нас в прошлое, встающее во всей своей картинной наглядности: радость коротких и всегда неожиданных встреч с любимым отцом, привозившим такие чудесные игрушки и умевшим так увлекательно рассказывать о том, что он видел, путешествуя по разным местам, горечь разлуки и нежелание примириться с мыслью, что его уже нет, что он куда-то бесследно исчез.

Как самое дорогое сокровище, берегла учительница Молли Морган эти воспоминания детских лет, они скрашивали и обогащали ее жизнь, они переносили ее в светлый, иллюзорный мир радости. Она настойчиво будила в себе эти воспоминания, вызывая в памя-

¹ Человек, самому себе обязанный.

ти идеальный образ любимого отца, которому она хотела подражать и следовать в те счастливые минуты, когда он возвращался к ней. Она жила в светлом, фантастическом, ирреальном мире грез, и тем горше было ее разочарование, ее боль и возвращение к жуткой реальности, когда в силу случайного совпадения обстоятельств ее, как молния, поразила мысль: а что, если все это, чем она жила, было только призрачной мечтой, и все лучшее, что она видела в жизни в образе отца, оказалось только ложью и обманом? Поверженная и смятенная Молли Морган покидает «райскую долину», как многие другие герои этого романа душевных катастроф и потрясений.

В «райской долине» никому нет пощады: ни умственно неполноценному Туларесито, отыскивающему мир сказочных гномов и попадающему в дом умиленных, ни угрюмому бирюку фермеру Гумберту. Одиноко, точно улитка в раковине, замкнулся на своей ферме старый холостяк Гумберт, скованный томлением и страхом перед отвратительными призраками прошлого. И вот лихорадочно, таясь от других, он начинает переделывать свой дом по тем «красивым» образцам, какие ему предлагает «процветающая» Америка. Жизнь Гумберта как бы преобразилась; с диким злорадством и яростью он бросает в огонь старую, дряхлую мебель, — она напоминает ему ненавистное прошлое. Гумберт захвачен сильным и сладостным чувством, какого он еще никогда не испытывал, и это придало смысл его однотонной жизни: он воспылал любовью к своей соседке, в которой он хотел видеть «хозяйку дома». Самые радужные сцены рисовались ему, но он пришел со своим «сюрпризом» тогда, когда уже было поздно.

Нелепо, странно, невероятно, но — что поделаешь — такова ирония судьбы, таковы капризы жизни, таковы неожиданности и случайности, подстерегающие человека на каждом шагу, — как бы говорит Стейнбек. Всюду он подмечает конфликты — разлад между

романтической мечтой и грубой действительностью, между прекрасным и отвратительным, между возвышенным и низменным. Герои «Райской долины» словно подхвачены вихрем, они во власти яростной слепой стихии, сметающей их жизнь и розовые мечты. Автор остро воспринимает катастрофичность бытия этих чудачковатых простаков, угрюмых отщепенцев и мечтателей, но что кроется за всем этим, он еще не умеет показать, и это дает возможность критике говорить о том, что «Райская долина» оставляет впечатление нарочитой искусственности и даже отдаленности и оторванности от реальных конфликтов капиталистического мира. Абсолютной оторванности, конечно, нет и быть не может, но эта связь не всегда ясна и уловима, как, скажем, в «Гроздьях гнева». Понадобились годы, чтобы Стейнбек сумел дать потрясающий по силе художественный слепок реального Нового Света. Гнев еще не созрел, преобладали разрушительная ирония и всепрощающая жалость, иногда вносящая в его ранние произведения сентиментальные ноты.

★

Если бы вам предложили ознакомиться с психологическим этюдом под названием «Хризантемы», утаив имя автора, вы могли бы сказать: этот красочный рассказ о смутных порывах, о полусознанных, интуитивных ощущениях, о внезапно нахлынувшем чувстве написан в манере Шервуда Андерсона. Но есть что-то такое, что выделяет его и делает оригинальным, — здесь только отголоски Шервуда Андерсона. Джон Стейнбек по-своему описывает пейзаж, по-своему рисует эту внезапную взволнованность и смятение, и сотрясающие все тело подавленные рыдания.

Если вам предложат новеллы вроде «Змеи» или «Виджилант», то вы, наверное, скажете: такие рассказы мог бы, пожалуй, написать Уильям Фолкнер — этот крупнейший и талантливейший современный американский писатель, замкнувшийся в узком и душном

кругу «кошмарных», психо-патологических тем, рисующий болезненную извращенность и бессмысленную жестокость людей, доходящую до садизма. Вряд ли этот путь обещает большие возможности, скорей он обедняет и обессиливает художника, приводит его в тупик, как наглядно и подтверждается на примере самого Фолкнера, художника, вообще говоря, очень большой силы и изощренного мастерства. И Стейнбек по-своему пытается повернуть эти малообещающие, бесплодные «клинические» темы.

Можно только удивляться тому, как это некоторые американские критики, именующие себя «левыми», могли одну из неудач Стейнбека — рассказ «Виджилянт» — считать победой, «реалистическим и значительным произведением, дающим яркую картину линчевания и связанной с этим массовой истерии». Никогда еще, вероятно, фрейдизм, под влиянием которого и был написан рассказ «Виджилянт», — сознательно или бессознательно, это не меняет дела, — не пожинал таких плодов и не имел таких услужливых и близоруких друзей.

Стейнбеку не нужна подсахаренная ложь, и он сам в другом своем рассказе, «Змея», — о болезненной извращенности любительницы острых ощущений, — пытается устами главного героя, ученого-исследователя, выразить свое здоровое отношение к подобного рода темам. Но на этом пути ему было тесно, это ограничивало его поле зрения, суживало его большие возможности, что блестяще подтвердила с большой душой и блеском написанная повесть «Мыши и люди».

Что составляет поэзию этой повести о двух странствующих батраках, кочующих с фермы на ферму и находящихся во власти все тех же романтических грез о собственном клочке земли, о райском уголке на этой планете, где они одиноки и никому не нужны? Конечно, не описание странных и патологических наклонностей слабоумного гиганта Ленни, большого наивного ребенка, слепо сокрушающего все, что попадает в его руки; ни то, как он

забавляется с дохлыми мышами, ни то, как он невольно становится убийцей легкомысленной женщины, вздумавшей играть с огнем, не вызывает у нас восхищения и восторга. Скорее разочарование и чувство досады испытываем мы, когда видим, с каким мастерством все это изображено, сколько души и любви вложено в описание этого «клинического» случая. Мы, конечно, далеки от того, чтобы не понять остроты личной трагедии слабоумного Ленни, не способного отвечать за свои поступки, приводящие его и других к неизбежной гибели. Но, на наш взгляд, большие возможности ждут художника не на этом пути.

Повесть сильно проникновенным пониманием трагической судьбы скитальцев-бродяг, воспетых поэтом-бунтарем и протестантом Джо Хиллом¹:

Где сын мой бродяжит в эту ночь,
О, где мой любимый сын?
По шпалам бредет с мешком на плечах
Иль где-то ночует один?

Бесприютная, скитальческая жизнь, одиночество, отупляющая работа на хозяйчика, настроения отчаяния и угрюмой тоски. Нет семьи, нет счастья. Жизнь сломана и исковеркана. Такова Америка бродяг-хобо, Америка скитальцев. Эти люди — «самые одинокие в мире. У них нет семьи. У них нет родного угла. У них нет ничего радостного впереди». Но они ищут, они стараются найти выход. Ищет угрюмый, необщительный Джордж вместе с доверчивым другом Ленни свою «райскую долину». Ищут батрак Слим и одинокий, более, чем кто-либо, одинокий негр Крук. И если одни хотят найти временное забвение в городских трущобах, там, где продается любовь, то другие, как два друга Джордж и Ленни, грезят о том, как они вместе будут разводить кроликов на собственной ферме. Точно замороженные, они не говорят, а прямо-таки поют песни о том, как сладко они будут жить, исполняя все свои капризы и желания. Но все

¹ Джо Хилл. Мой бродячий сын.

это только сон и несбыточные мечты, рассеивающиеся, как дым, при первом же столкновении с действительностью.

★

Надо мечтать, но мечта мечте рознь. Есть действенные мечты, которые увлекают и зовут человека вперед, завладевают им целиком и становятся для него самым дорогим и сокровенным. Это мечты революционеров, преобразователей мира, опирающихся на революционную теорию и большой опыт жизни и борьбы. Эти мечты не стоят в непримиримом разладе с действительностью, они обогащают и одухотворяют человека-борца, стремительно рвущегося вперед, не боящегося опасности и трудностей борьбы. О новом типе мечтателя начинает писать теперь Джон Стейнбек.

В калифорнийских городках и долинах появились новые люди, решительные, стойкие, люди твердых и ясных убеждений, — они пришли, чтобы сказать правду, они пришли изменить мир. Эти двое «в синей прозодежде», эти два друга по партийной работе — Дик и Рут — хорошо знают, что их может ожидать впереди: непонимание, может быть, даже вражда и дубинки, побои, увечья, но они все же идут, не могут не идти, к этому зовет их партийный долг, — они должны преодолеть все препятствия и сказать правду народу. Один из них видел всякие виды, а другой совсем еще молодой. Ему страшно: он знает, что налетчики ему не дадут пощады, как они не давали другим, но он умеет совладать с собой и побороть этот панический страх. Эта выдержка и стойкость даются не легко.

«— Держись, мальчик! Ты держись крепче! И послушай меня — если тебя кто-нибудь ударит, помни: это не он, это — система. И не тебя он бьет. Он пытается разбить наше учение. Можешь это запомнить?»

— Я не хочу бегать, Дик. Видит бог, я не хочу. Если я побегу, ты меня держи! Ладно?

Дик подошел к нему и положил ему руку на плечо.

— Ты будешь молодцом! Я сразу вижу человека, который может держаться».

Налетчики делают свое дело в «демократической» Америке, они безнаказанно проламывают черепа тем, кто осмеливается сказать правду, но разве это заглушит голос мощного протеста, идущий из глубины народной, — с таким убеждением написан этюд Стейнбека «Налет». Его и нужно рассматривать, как первый набросок, где художник только намечает контуры новых людей, поражающих писателя своей изумительной стойкостью, выдержкой и готовностью до конца постоять за великие революционные идеи. Может быть, этим людям еще недостает революционного опыта, уменья возглавлять борьбу, быстро перестраиваться на ходу, но они знают, чего они хотят, и это встречает горячее сочувствие автора.

Смятение, неосознанный романтический порыв к лучшим идеалам, игра подспудных желаний, темная и разрушительная власть непознанного и таинственного стихийного начала, — вот что больше всего занимало раннего Стейнбека. Теперь перед ним встают иные проблемы, и прежде всего — соотношение и столкновение сознательного и стихийного, героическая борьба американского народа, возглавляемая коммунистами. Стейнбек пытливно наблюдает теперь за тем, как все в тех же его «райских долинах» прорывается наружу долго сдерживаемое недовольство. Сюда приходят люди, которые хорошо знают, что враг силен, коварен и вооружен до зубов, а те, к которым они пришли на помощь, эти сборщики фруктов, еще очень слабо организованы, распылены, неустойчивы и не закалены в борьбе. Эти новые люди, что пришли сюда, — американские коммунисты.

«— Почему ты вступаешь в партию?» — спрашивает Джима Нолана коммунист Гарри Нильсон, герой романа Стейнбека «Неравная схватка». Он предупреждает его, говорит о трудно-

стях, которые его ожидают впереди: «—К членам партии мы предъявляем большие требования. Нужно подчиняться дисциплине... Есть у нас деньги, мы дадим долларов двадцать на месяц. Но я уже и не припомню, когда они у нас водились. Ты будешь работать вместе с другими сборщиками фруктов, а партийные поручения будешь исполнять, поработав 16, а может быть, и 18 часов в день. Выдержишь ли ты?»

— Да!

— Люди, которым ты будешь помогать, могут ополчиться против тебя. Ты знаешь об этом?

— Да.

— Почему же все-таки ты хочешь вступить в партию?»

Что в самом деле заставляет людей вроде Джима Нолана идти в партию? На это Стейнбек дает ответ, не оставляющий никаких сомнений. Отец Джима всю свою жизнь боролся в одиночку, как кошка, загнанная в угол, безнадежно борется со сворой псов. Рано или поздно они разорвут ее. Джим и его отец всегда проигрывали, всегда терпели поражение. Они никогда не знали ни надежды, ни мира. В доме царил атмосфера бессильной злобы и ярости. Все, что делал до сих пор Джим, не имело никакого значения и смысла. Да, он знает: трудно и опасно работать в этих «райских садах». Всегда могут проломить череп хозяйские наемники. Но Джима это не страшит. Он кое-чему научился, пока сидел в тюрьме за участие на митинге. Он читал Маркса, Гегеля, Спинозу. Он много размышлял, прежде чем решил прийти сюда и сказать: он хочет быть членом партии.

Большого искусства, отваги и выдержки потребовала от коммунистов Джима Нолана и Мака разгоревшаяся борьба в «райской долине» во время сбора фруктов. Против бастующих брошены все силы, какие только есть в распоряжении капиталистической Америки. Завязывается ожесточенная и неравная схватка с местными властями и «виджилянтами». Настроение забастовщиков то поднимается, то падает. Стейнбек не скрывает трудностей

борьбы. Он прекрасно показывает, какую «суровую школу» проходят здесь коммунисты Джим и Мак. Чтобы стать во главе стихийной борьбы и ею руководить, надо завоевать доверие разобщенных «кочующих фермеров», надо научиться во-время отражать бешеные наскоки врага, не останавливающегося ни перед убийством, ни перед провокацией, надо вскрыть и разоблачить его тайную подрывную работу. Все время на-чеку, все время настороже. Ясная голова, спокойствие и выдержка, умение побороть панические настроения, — вот что потребовала жизнь от руководителей. Нервничает и делает грубые промахи и ошибки Мак, зато спокоен Джим, — он растет и закаляется в борьбе, принимающей острые формы.

Образы Джима и Мака, рабочего-вожака Лондона, благородного идеалиста славного доктора Бэртона нарисованы Стейнбеком с большой любовью.

В «Неравной схватке» выражен накал классовой борьбы, взрыв народного негодования и возмущения.

Есть в этом романе и досадные слабости, идущие от неясного представления о стихийности и сознательности, от традиционного противопоставления «героя» и «толпы». У Стейнбека стихийность почти не включает элементов сознательности. В романе «Неравная схватка» еще очень заметны следы биологического восприятия мира и «массы», как слепо бушующей неудержимой стихии.

В этом противопоставлении «героев» и «массы» вы чувствуете какую-то фальшь, ослабляющую идейную и эмоциональную силу романа и кладущую свой отпечаток на весь строй отношений героев между собой. Все это, очевидно, было неясно Стейнбеку, всего этого ему счастливо удалось избежать в романе «Гроздь гнева», яркими красками запечатлевающим пробужденное революционное сознание масс.

★

Как это у него получилось, как ему удалось написать такую поразительно сильную и цельную вещь, как «Гроздь

дья гнева?» — недоуменно спрашивают некоторые критики. Никаких кривотолков быть не может: ранний Стейнбек дает ясный ответ. Расцвет незаурядного дарования писателя начался лишь тогда, когда он сложным и противоречивым путем вплотную подошел к самым острым, глубоким и волнующим темам нашего времени. И кто знает, как долго блуждал бы Джон Стейнбек по перепутьям «модернизма», как долго он повторял бы других и искал своего истинного призвания, если бы, наконец, не попал на след, ведущий к поднимающемуся во гневе народу. Перед писателем открылись большие и ясные цели. Он пришел и сказал то, что надо было сказать, и с таким поэтическим очарованием и негодующим пафосом, с такой проникновенной убедительностью, с какой говорить ему еще никогда не удавалось.

Стейнбеку не к чему было надевать схему, обеднять и сдерживать свой буйно красочный талант. Задача была увлекательная — нарисовать и природу, и общество, и людей, и не раздельно, а слитно, в каких-то связях, часто тонких и неуловимых, часто принимающих мистические формы таинственных сил. И краски должны быть яркими, ибо Стейнбек любит фламандскую сочность красок, переливы и игру цветов, весомые и точные слова, живую народную речь, ядреную, порой грубоватую шутку. И выбор слов должен быть строгим — мы видим, что, чем ближе к зрелости, тем впечатлительней его рисунок, тем богаче мысль, тем доходчивей и глубже западают в душу его слова. Стейнбек шел от вычурности и цветистости к сложной и трудно дающейся простоте. Он много и долго работал над формой, и она стала его, Стейнбека, формой, его манерой мыслить в образах глубоких и значительных, и передавать свое волнение читателю.

Стейнбек переносит вас в мир природы, и вы изумляетесь потрясающей силе суховея, и вы чувствуете, что это не просто украшающая картинка, а что поникшие стебли кукурузы и пропитанный пылью воздух, приглушающий

пенье петухов, и мертвая тишина — все это предвещает гибель, начало трагедии. Нужно прочитать только первый абзац романа, чтобы почувствовать, как мастерски и сильно написано вступление к одной из трагедий современной Америки:

«Последние дожди только окропили красные поля и часть серых полей Оклахомы, и этого было слишком мало, чтобы размягчить запекающуюся рубцами землю. Плуги прошли по полям, исчерченным струйками не впитавшейся в почву воды. После дождей кукуруза быстро дала ростки, по обочинам дорог зазеленели травы и бурьян, и серые поля, и темнокрасные поля начали исчезать под зеленым ковром. В конце мая небо выцвело, и облака, всю весну державшиеся кучками высоко в небе, исчезли бесследно. Горячее солнце день за днем слало лучи на подрастающую кукурузу, и вот, по краям зеленых побегов уже начала проступать коричневая полоска. Облака появлялись ненадолго и исчезали, а потом их совсем не стало. Зеленый бурьян потемнел, защищаясь от солнца, и уже не захватывал новых участков. На поверхности земли образовалась тонкая спекшаяся корка, и по мере того, как выцветало небо, выцветала и земля, — красные поля становились жухло-розовыми, серые выгорали до белизны».

Ни одной фальшивой, лишней строчки не найдешь в этом могучем поэтическом запеве об опаленных и сжигаемых солнцем полях кукурузы, где гибли последние надежды американского фермера. Вы чувствуете, как велико горе этих людей, что стояли на полях и с надеждой смотрели на тяжелые грозовые тучи, втягивали ноздрями воздух, «поднимали руку, послунив предварительно палец, — пробовали, есть ли ветер». Но вот какая обида: тучи сбрызнули землю дождем и ушли, «дождевые капли, упав на землю, пробуравили в пыли маленькие воронки, немного промыли кукурузные листья, — и это было все». Потом поднялся ветер, небо потемнело от пыли. Стейнбек дает прекрасные зрительные образы.

Вот взметнулась пыль и потянулась к небу серыми, похожими на дым, космами. Вот вы слышите и видите, как ветер с сухим шуршанием хлещет кукурузу; обессиленная, она «боролась с ветром до тех пор, пока он не вырвал ее корни из земли, и тогда стебли устало повалились набок, верхушками указывая направление ветра».

Не нужно обладать богатым воображением, чтобы представить себе, что означало это стихийное бедствие для американского фермера, опутанного сетью долгов, заложившего и перезаложившего эти свои сорок акров земли, на которых искони жили его деды и прадеды. Да в этом и нет нужды. Стейнбек так умеет сблизить вас с жизнью этих людей, что вы невольно начинаете понимать это большое человеческое горе, эту трагедию мелкого фермера. И вы понимаете это тягостное, угрюмое молчание и раздумье застигнутых несчастьем людей, — погибли их труды, погибли их надежды.

«Мужчины стояли у изгороди и смотрели на погибающую кукурузу, которая быстро увядала теперь и только кое-где проглядывала зеленью сквозь слой пыли. Мужчины молчали и не отходили от изгородей. И женщины вышли из домов и стали рядом с мужьями, спрашивая себя, выдержат ли мужчины на этот раз. Женщины украдкой приглядывались к лицам мужей — кукурузы не жалко, пусть пропадает, лишь бы сохранить вот это... И вот выражение задумчивости и растерянности покинуло лица мужчин, уступив место злобе, ожесточению и упорству. Тогда женщины поняли, что все обошлось, что на этот раз мужчины выдержат. И они спросили: что же теперь делать? И мужчины ответили: не знаем. Но это было не страшно. Женщины знали, что это не страшно. Женщины и дети знали твердо: нет такой беды, которую нельзя было бы вынести, лишь бы она не сломила мужчин».

Погибли посевы, погибло все. Природа, с которой фермер ожесточенно сражался всю свою жизнь, на этот раз одолела его, но это не страшно. Есть более страшное и дикое, чем слепая

стихия природы. Есть более бессмысленные и враждебные силы, разрушающие его жизнь, его дом, его ферму. Человек, возделывающий землю, больше не хозяин земли. Над ним стоят какие-то отвратительные чудовища, какие-то банки и тресты, — это они поймали его в ловушку и распоряжаются его судьбой. Приезжают холеные посредники и диктуют ему волю спрута-банка. Фермеры-арендаторы обступают их машины, «присаживаются на корточки и подбирают с земли прутик, чтобы выводить им узоры в пыли». Сколько в этом сосредоточенном молчании большого человеческого горя. Фермеры мучительно думают, они просят об отсрочке — ведь будет же когда-нибудь хороший урожай. Фермеры вопросительно поглядывают на посредников, но для них нет уже больше надежды. «Холеные пальцы начинают постукивать по оконной раме кабины, закорючлые пальцы крепче сжимают снующий в пыли прутик». Надвигается самое страшное и грозное. «Чего вы от нас хотите? Ведь нельзя же уменьшить нашу долю с урожая, — мы и так голодаем. Дети никогда не наедаются досьта. Нечего надеть — ходим в лохмотьях. Не будь у соседей так плохо с одеждой, мы бы постыдились показываться на людях». Но какое дело до всего этого банку! Посредник есть только посредник, и он говорит начистоту, что должен сказать: вам придется уехать отсюда. Плуг пройдет прямо по двору.

Вот где они — истоки и корни народного гнева, и кто их не видит, тот не замечает очень важного в американской жизни.

Как! Они, эти чудовища, хотят забрать у них ту землю, которую еще их дед отнял у индейцев! Ту землю, на которой они родились и умирали. Этому не бывать! «Мы выйдем с ружьями, как выходил дед навстречу индейцам». Но изменились времена. В одиночку, хотя и с ружьем, не одолеешь врага. Земля давным-давно перешла в руки банка. Приезжает хозяйский трактор, и трактор сгоняет фермера с земли. Здесь трактор во вражде с фер-

мером. «Трактор пересекает двор, и вот уже твердый, утопанный грунт становится засеянным полем, и трактор поворачивает. Невспаханная полоса сужается до десяти футов. Трактор снова идет назад. Железное крыло врежется в угол дома, крушит стену, срывает дом с фундамента, и он валится набок, раздавленный точно букашка». Нет фермы и нет фермера, арендатор становится кочевником. По дорогам Америки тянутся вереницы «примусов на колесах», — это едут в «райскую» Калифорнию искать счастья «кочующие фермеры».

Неужели и впрямь все это творится в цивилизованной стране? — могут недоуменно спросить некоторые читатели. Мы могли бы сослаться на показания «экспертов» детективного агентства, посланных из Голливуда в те места, что описаны Стейнбеком, — они нашли, что Стейнбек нисколько не погрешил против истины. Но мы предпочитаем привести весьма любопытные данные официального американского журнала «The Agricultur Situation».

«В Соединенных Штатах Америки, — пишет этот журнал, — двое из пяти фермеров в настоящее время являются арендаторами. Один арендатор из трех каждый год перебирается на другую ферму. Лишь трое из десяти остаются на ферме достаточно долго, чтобы провести пятилетний севооборот».

Комментарии, как говорится, излишни.

★

Спугнутые с насиженных гнезд фермеры отправляются в «золотую» Калифорнию, манящую своими фруктовыми садами и виноградниками, чтобы и здесь пережить новое разочарование, — в этой «прекрасной» стране они никому не нужны. Здесь еще контрастней выступает кричащая бессмыслица капиталистического строя, обрекающего людей на голодную, медленную смерть. Стейнбек находит простые, запоминающиеся образы и слова. Особенно сильно и вдохновенно написаны им так называемые «вставные главки», полные страстного зова и негодования, глубо-

кого лиризма, философских размышлений. Эти «вставные главки» расширяют обычные рамки романа, но не ломают их — они тесно и неразрывно слиты с движением и развитием его вместительного «бродячего» сюжета, они не только не скучны и не риторичны, как это показало некоторым критикам, нет, напротив, они естественны и живы, они просто необходимы в этом монументальном эпосе, ставящем самые большие и глубокие социальные проблемы сегодняшнего дня Америки.

Стейнбек не скупится на краски. Мир у него богат, цветущ и наряден, но это не режет глаз, не кричит. Краски ложатся естественно и ровно. Он любовно изображает природу, но ни на минуту не забывает, что делается вокруг него. Он забываемо рисует калифорнийский пейзаж, но он не превращается в его романе в идиллическую безмятежную пастораль.

«Весна в Калифорнии прекрасна. Долины, где зацветают фруктовые деревья, — словно полные благоуханья белые и розовые волны на морской отмели. Со старых, узловатых лоз протягиваются первые виноградные усики, каскадом спадающие к стволам. Широкие зеленые холмы округлы и мягки, как женские груди. А в низинах, на огородных участках, миля за милей тянутся грядки — бледнозеленый салат и долговязая брусельская капуста, и серо-зеленые артишоки. А потом на деревьях распускаются листья, и лепестки падают на землю и устилают ее розово-белым ковром. Сердцевина цветка набухает, растет, розовеет: вишни и яблони, персики и груши, винные ягоды, замыкающие цветок в своем плоде. Пульс Калифорнии бьется учащенно, а фрукты тяжелеют и ветви мало-по-малу сгибаются, не выдерживая этого груза, и под каждую из них надо ставить подпорки».

Какая пластичность и емкость образов, какой четкий рисунок! Но, может быть, это все-таки идиллическая влюбленность в мир розовых красок? Нет, эта идиллия обманчива. Потому так и больно видеть художнику эти изможденные и хмурые лица кочевников-фер-

меров и их детей, потому так искрен и величественен его гнев, что он остро ощущает эту щедрость природы и дикое варварство строя, уничтожающего плоды человеческого труда. Стейнбек любит изображать не только то, как набухают соками плоды, как завываются и зреют зеленые кисти винограда, как на нежных персиках появляется первый пушок, но и то, как трогательно пекутся о плодородии люди, вдумчивые, знающие, умелые, как они непрестанно совершенствуют технику высоких урожаев, борются с заразой, грибком, болезнями, как они изменяют природу, выжимая все из самих себя и из земли. Все это прекрасно, — скажет читатель, — но к чему все это ведет?

Стейнбек теперь ясно видит «угрюмый ужас» капиталистического строя, «где миллионы голодных нуждаются во фруктах, а золотые горы (апельсинов) поливают керосином». Он знает, что здесь становится никому не нужной и бессмысленной изобретательность ума «царя природы». И чем богаче и плодородней земля, тем безрадостней картина жизни тех, кто возделывает ее. Только художник, близко стоящий к народу и остро почувствовавший «запах тления, встающий над страной», мог так сильно и взволнованно рассказать о тяжком горе, постигшем мелкого фермера, — гниют плоды его труда, он весь в долгах, а сам он еще не знает, что надо сделать, чтобы голодные могли есть любовно возвращенное им. И вот — «...сизые сливы становятся мягкими и сладкими. Собирать их, сушить, окуривать серой? Какое там! Нечем платить за уборку даже по самой низкой цене. И сизые сливы ковром устилают землю».

Стейнбек видит, что армия бездомных скитальцев наполняет страну, а в стране режут свиней, зарывают в землю, — пусть и земля пропитается гнильем. Распад, разложение увидел Стейнбек в этих «райских долинах», куда голодных фермеров загнала нужда. Он увидел «преступления, которым нет имени», и заклеил их огненным словом. Он увидел «горе, которое не

измерить никакими слезами». Вот откуда идут его гневные и жгучие слова обличения. Они просты и человечны, эти слова, и не нужно удивляться тому, что они не встретили одобрения некоторых американских гувернанток от литературы, не преминувших прочесть сентенции по поводу «хорошего тона», риторичности и т. п.

Если ты не возвышаешь голоса и не смеешь сказать правду, — это признак хорошего тона.

Если ты закрываешь глаза на народное горе и строчишь детективные романчики на потребу невзыскательной публики, — это признак хорошего тона.

Если ты гонишься за дешевой сенсацией и роешься в ворохе грязного белья какой-нибудь «кинозвезды» или миллионера, — это признак хорошего тона.

Джон Стейнбек, как и все честные и передовые художники Америки, великим долгом считает как только можно нарушать эти правила «хорошего тона», оставаться верным самому себе и во весь голос говорить о самом главном и самом дорогом.

«В душах людей наливаются и зреют гроздь гнева — тяжелые гроздь, дозреть которым осталось недолго».

★

Тема фермерского «горя-злосчастия» и народного гнева имеет в американской литературе свою историю. Гневный голос Стейнбека не одинок. Талантливый художник с большой впечатляющей силой по-своему продолжает великие традиции американской реалистической литературы. Он в первом ряду своих славных современников и не менее славных предшественников, выступавших с обличением пороков и язв загнивающего капиталистического строя. Изложение того, в какие формы выливался в американской литературе стихийный или осознанный протест против тупых и хищных хозяев жизни, против мертвящей власти «железной пяты», слишком далеко ушло бы нас от темы нашей статьи, и мы позволили себе бросить лишь беглый

взгляд на то, что непосредственно граничит с темой фермерской «злой доли».

История американской литературы знает хмурых, смертельно усталых и нищих людей «Проезжих дорог» Гемлина Гарленда. Пусть эти простые и безыскусственные рассказы бедного фермера Гемлина Гарленда были, по определению Уильяма Гоуэллса, основателя и главы школы «нежного реализма», «уроками политической экономии», но — это были наглядные и жизненные уроки, и какую горькую правду таили они в себе. Именно потому «Проезжие дороги» и были оплеваны и освистаны буржуазной критикой. Гемлин Гарленд правдиво рассказал о том, что американские фермеры находятся «под лапой льва», что «призраки нужды и голода» неотступно следуют за ними, а хищные и изворотливые спекулянты пожирают плоды их труда и прибирают землю к своим рукам, ту землю, за которую они сражались и ради которой они напяливали на себя синие мундиры.

Перед нами как бы деды и прадеды семьи фермеров Джоудов, главных героев романа «Гроздь гнева». Фермеры полагают, что они свободны и независимы в этой «божьей» и «демократической» стране. Они работают на себя, на свою жену и детей, которых они по-своему любят, и вольны делать то, что захотят. Но не есть ли это иллюзорная, призрачная свобода? Фермер Гаскинс «работал, как черт», но ферма уже не принадлежала ему, и он стал арендатором. «Ни один раб на римских галерах не выдержал бы такого страшного труда, но этот человек считал, что он свободен и работает на жену и детей. Когда он со стоном облегчения валился на постель, слишком усталый, чтобы сменить грязную промокшую рубаху, он чувствовал, что близится время, когда у него будет свой дом, что призрак нужды и голода отступает от его дверей» («Под лапой льва»). Здесь выражены типичные для мелкого фермера идеалы и надежды — свой дом, своя земля и ферма, ибо нет «отчаяния глубже, чем

отчаяние бездомного». Как бы ни были тяжелы удары судьбы, он цепляется за этот клочок «кормилицы-земли», что попал в руки Джима Бетлера, одного из тех, кого на Западе насмешливо называют малоземельными.

Чего ради, спрашивается тогда, люди вроде фермера Эдварда Смита, героя рассказа Гемлина Гарленда «Возвращение солдата», надевали синий мундир, жертвовали жизнью, сражаясь с южанами за «любимую родину», в то время как «миллионеры для большей сохранности переводили деньги в Европу». Неужели только для того, чтобы смертельно усталыми вернуться на свою запустевшую ферму, где оставлена «девочка-жена с тремя детьми», и вновь начать «нескончаемую повседневную борьбу с природой и людской несправедливостью». Ощущением этой «людской несправедливости», любовью и сочувствием к «мрачным и трагическим фигурам» усталых людей, «глядящих на свою могилу», чувством боли и обиды за их скудную жизнь пронизаны эти простые рассказы автора книги «Проезжих дорог», не утратившие и до нашего времени своего значения и интереса.

У нас знают незаконченную «Пшеничную эпопею» рано умершего Фрэнка Норриса, его романы: «Спрут» (1901 г.) — из калифорнийской жизни и «Омут» — из чикагской жизни (издан в 1903 г.). Не мистические и похоронно-элегические мотивы составляют главный интерес его романов, а отражение той реальной борьбы американских фермеров за землю, которая развернулась в последние десятилетия прошлого века. Эта стихийная борьба со спрутами-трестами и биржей была безуспешной, но она обнаруживала глубочайшие социальные противоречия капиталистического общества. Золаист Фрэнк Норрис поставил себе целью с естественнонаучной точностью показать производство пшеницы («Спрут»), ее распределение («Омут») и потребление («Волк»). И он показал, что разоряются те, кто сеет и выращивает пшеницу, и обогащается тот, кто ею спекулирует.

Роберт Фрост, Джозефина Хербст, Эрскин Колдуэлл, Джозефина Джонсон и многие другие поэты и писатели современной Америки пишут об американской деревне.

В гротескных, полных юмора рассказах талантливого Эрскина Колдуэлла угадывается реальная Америка, страна затихших «табачных дорог», где гибнут и теряют свой человеческий облик привязанные к земле люди. Не всегда Эрскин Колдуэлл знал чувство художественной меры, не всегда его насмешка попадала в цель, но нельзя не заметить и его сильных сторон, его сдержанного негодования. В его произведениях также звучат обида, боль и горечь людей, которые знают, как сладко пахнет осока и бурьян во время весеннего пала, — это горечь обнищавших и опустившихся людей, которые не в состоянии засеять даже малюсенький клочок земли.

В минорно-печальных и сентиментальных тонах написана повесть поэтессы и писательницы Джозефины Джонсон «Теперь в ноябре» — книга о гнетуще-тоскливой, однотонной и беспросветной жизни фермера, о безрадостном труде, тяжком бремени долгов. Писательница изображает узкий и замкнутый в себе мирок. В ее произведениях предельно заострены: грустная печаль одинокого «зимнего сада», заброшенность и отрешенность, «смутное беспокойство и страх, как серый туман», страх потерять старенький, обветшавший дом и оскудевшую землю. Никаких надежд и никакого просвета впереди!

Не перепевая других, оставаясь самим собой, Стейнбек рассказал нам по-своему о том, что волновало и трогало не его одного, — судьба народа, судьба бездомных людей, выброшенных на большие дороги, приводящие в неистовый восторг и умиление любителей «американского сервиса». Героям «Гроздьев гнева», семье Джоудов, пришлось столкнуться с тем, чего так пугались герои «Проезжих дорог» Гемлина Гарленда, чего пуше смерти страшился Джитер Лестер из романа Эрскина Колдуэлла «Табачная дорога» или

Арнольд Гольдмарн из повести Джозефины Джонсон «Теперь в ноябре», — быть оторванным от земли, скитаться по дорогам страны и пережить «отчаяние бездомного человека». Джоуды прошли через все это, прошли через капиталистический ад, но не утратили веры в силы человека и народ, не упали духом, — по крайней мере, мать и ее любимый сын Том. Из этих странствий по стране каждый из них извлек свои уроки, и в этих уроках есть что-то новое и великое, что сильнее всего захватило художника и на чем он сделал акцент.

В теме фермерского горя-злосчастья и гнева Джон Стейнбек сделал ударение на слове «гнев», и тема как бы преобразилась — мы увидели этих простых и, может быть, грубоватых людей в новом, неожиданном свете. У Стейнбека сложился свой суровый и правильный взгляд на вещи — он не испугался фактов, больше того, он захотел узнать, что кроется за этими фактами, за этими переменами в жизни фермера, и что они несут с собой. Тракторы проводят борозду за бороздой на опустевшей земле, но что думают эти выкорчеванные из земли люди об этих тракторах и об этой земле? Ничего плохого в тракторе они не видят, но вот беда — это не их трактор, не их земля. «Если бы трактор принадлежал нам, тогда было бы хорошо, — не мне, а нам. Если б наши тракторы проводили длинные борозды на нашей земле, тогда было бы хорошо, не на моей земле, а на нашей. Мы любили бы этот трактор, как мы любили эту землю, когда она была наша». Стейнбек видит, что назревают перемены, и он видит, кому они угрожают, кто страшится этих перемен и революций. Пробуждение классового сознания, рождение новых дум и мыслей, переход от «я» к «мы», от слов «моя» земля к словам «наша» земля, начало тесной дружбы между людьми, застигнутыми одной и той же бедой, — вот что теперь больше всего занимает Джона Стейнбека и придает его роману определенную революционную направленность, силу и свежесть.

Можно поплакать над судьбой «бедного», «несчастливого» фермера, можно впасть в слезливо-сентиментальный тон и сколько угодно сокрушаться и ахать над его печальной судьбой, — бедные, бедные фермеры... Эти сентиментальные нотки мы замечали в повести «Теперь в ноябре» Джозефины Джонсон и в других произведениях из жизни фермеров, но это были только нотки щемящей жалости, тоскливого отчаяния и мрачного, безысходного пессимизма. Этих нот нет в романе Стейнбека, и он значительно от этого выиграл. Можно было все изобразить и представить в стиле этакого бездумного гротескового фарса, можно было позабавить читателя смешными сценками из жизни опустившегося фермера, показать половодье примитивных вожделений, как это сделал Эрскин Колдуэлл в своей «Табачной дороге». Но не значит ли это заводить своих героев и самого себя в тупик и сосредотачиваться не на существенном и главном, не видеть в человеке труда здорового и крепкого, и ядреного, как орех, «внутри», не замечать того, что его сближает со всей армией труда. У Колдуэлла был крен в сторону натуралистического обыгрывания некоторых сторон нищенского фермерского быта, хотя Колдуэлл частично и выразил тоску фермера, оставшегося не у дел. Стейнбек не пошел по этому пути. Он, как нам кажется, взял более крамольный тон и нашел форму, отвечающую его идейному замыслу и содержанию романа.

★

Самое обычное, самое прозаическое и вместе с тем глубоко жизненное и реальное становится у Стейнбека предметом поэтического изображения, и «Гроздь гнева» воспринимаются, как мощная, богатая оттенками, тонами и полутонами симфония яростного гнева. Никакого искусственного расцвечивания и никакого принижения выведенной на большую американскую дорогу семьи фермеров Джоудов. Они такие, как есть. Это люди с очень ярко выраженным индивидуализмом, своеволием

и ограниченностью мелкого собственника. «Мы — Джоуды. Мы ни перед кем на задних лапках не ходим. Дед нашего деда сражался во время революции. Мы были фермерами до тех пор, пока не задолжали банку». Да, «старый греховодник» дед, нарисованный с мягким юмором, большой озорник и своевольник, но в нем есть какая-то притягательная сила, крепость и бодрость духа. Да, свободолюбивый Том всего-навсего рядовой американец, он побывал в тюрьме и хватил горя, но сколько в нем выдержки, спокойного мужества, привязанности и любви к матери и закипающей в сердце ненависти к угнетателям. Да, мать всего лишь простая крестьянка, но сколько в этом образе подлинного величия, благородства, сердечной простоты, отзывчивости и человечности. И кто этого упорно не желает понять, тот, очевидно, не способен видеть, как в народе зреют гнев и ненависть. Стейнбек в этих «гротесках» людях, которых капитализм лишил возможности прибегнуть к культуре, нашел подлинно человеческие черты — чувство собственного достоинства и веру в людей.

В столкновении с враждебным капиталистическим миром узнают себя и находят свой путь Джоуды — эти «презренные очи», пришельцы из штата Оклахома. Стейнбеку нужно показать их сложный путь в капиталистическом мире, и он находит очень простую, но очень удачную форму повествования — он описывает странствие Джоудов в «райскую долину» и все, что ведет к неизбежному конфликту с капиталистическим миром. Вот откуда идут его совершенно необходимые и нисколько не нарушающие цельности романа отступления, или «вставные главы», рисующие социальный фон и в обобщенных образах большого наполнения и смысла запечатлевающие противоречия капиталистического мира.

Книга потому и захватывает вас, что о самом простом и обычном, о самом сложном и абстрактном рассказано здесь с большой наглядностью, с превосходным знанием предмета и поэтическим одушевлением, — и вы не нахо-

дите ничего лишнего в книге, все как будто становится на свое место в этой большой панораме современной Америки. Вы изумляетесь тому, с какой потрясающей силой можно изображать нестерпимый зной и поникшую кукурузу или медленно-медленно ползущую к своей цели черепаха, как Тому приятно возвращаться домой, как поникли в раздумье люди, охваченные большим горем, как стоически ведет себя мать, принимающая на себя удары судьбы, как за грошевую плату голодающая семья Джоудов целый день собирает фрукты, как ливень застигает людей в их хижинах-«дворцах», как преподобный Кэйси зло высмеивает то, чему он слепо верил всю жизнь, как чудаковатый Мьюли, точно призрак, одиноко бродит среди покосившихся и сдвинутых трактором фермерских домиков.

Стейнбек может рассказывать о том, как, покидая родные края, Джоуды убивают и засаливают свиней или как голодные дети неотрывно смотрят на пищу, которой они лишены, или как предприимчивые дельцы наживаются на продаже «примусов на колесах», и о многом другом, что ярко характеризует капиталистическую Америку, — и все это воспринимается с живейшим интересом и говорит уму и сердцу читателя больше, чем многие серые «ученые» и неученые компиляции на темы о «новой эре» «демократической» Америки и т. п.

Некоторые американские критики нашли, что образ матери у Стейнбека, перекликающийся с образом горьковской матери, неудачен, что это во всяком случае не живая фигура, а нечто вроде «проекции» положительных взглядов самого автора. Критикам кажется странным и непонятным, как это можно, чтобы простая женщина-крестьянка держалась с таким достоинством, чтобы в ней было столько душевной чистоты и величия, благородства, и красоты и нестремимой веры в народ. Любовно, тепло и сильно нарисованный образ матери, которая держит всю семью в своих руках и собирает все свои силы, чтобы не упасть под бременем за-

бот и не предаться отчаянию, видите ли, вызывает у этих критиков сомнения. Что делать Стейнбеку с этими критиками, которые не знают народа и не хотят его знать, которые не заметили слез матери, когда она расставалась со своим любимым сыном Томом, который уходит от нее, уходит, повидимому, навсегда, чтобы вместе с другими установить в этом грязном мире новый порядок.

Образы, нарисованные в этой книге, живут своей полной жизнью, имеют свои запоминающиеся лица, свой облик. Вы запоминаете деда и бабушку, погруженного в мрачное раздумье отца, дядю Джона, чудаковатого Мьюли, отшельника Ноя, наивных и непосредственных ребят Уинфилда и Руфь, Розу Сарона, с тревогой ожидающую ребенка. Даже эпизодические фигуры Уилсонов не случайны — автор показал возникновение горячей и тесной дружбы между кочующими людьми. Стейнбек находит для своих героев нужные краски и только в некоторых случаях «срывается» с верно взятого тона и отдает дань примитивному натурализму.

★

Роман Стейнбека дошел до американского рядового читателя, несмотря на тщетные попытки окружить его стеной молчания, несмотря на ехидные булавоочные уколы мелкотравчатых журналистов. Не обошлось и без обычных в таких случаях обвинений во всех смертных грехах — в «безнравственности» книги и «бездарности» ее автора. Стейнбек мужественно прошел сквозь строй палочных ударов и терпеливо выслушал и грубые окрики, и подсахаренную, льстивую, хвалебную ложь. В одном из своих интервью он недоуменно спрашивал, чего от него хотят, к чему еривозносить его, — он ведь еще не окончил своего пути и не достиг своего потолка. Почитайте лучше «Тысяча и одна, ночь», — вот как хорошо писали в старину!

Стейнбек выступает не часто, но

если выступает, то говорит с достоинством и мужеством. Когда гуверовский комитет по оказанию помощи белофиннам обратился к нему с просьбой поддержать деятельность комитета, Стейнбек иронически ответил: «Я не получал от вас телеграмм с просьбой о помощи Испании и Абиссинии» («Правда», 3/VI—40 г.).

Зная нравы Голливуда, Стейнбек твердо и недвусмысленно заявил, когда давал разрешение на инсценировку романа «Гроздь гнева», что он тотчас расторгнет договор и вернет аванс обратно, если мастера из Голливуда попытаются исказить тему его романа. Теперь фильм «Гроздь гнева» идет с большим успехом и, как пишет коммунистическая пресса, пользуется большой любовью зрителей.

Успех, выпавший на долю романа «Гроздь гнева» был поистине необычайным. И это не был успех «одно-

дневки-боевика». Выход романа в свет был крупным литературным событием. Все, что есть передового и лучшего в американской критике и литературе (Драйзер и другие), горячо приняло эту книгу. «Роман жалости и гнева», «Хижина дяди Тома» нашего времени», «книга негодования и морального пафоса», «один из лучших американских романов» — так восторженно пишет о нем передовая американская критика. Эти оценки, возможно, не разделяет и сам скромный автор «Гроздь гнева», но и мы должны признать его книгу несомненно редкостной и талантливой.

С большим интересом встречены «Гроздь гнева» советским читателем, и мы уверены, что и в дальнейшем эта насыщенная социальным пафосом книга будет пользоваться заслуженным успехом в нашей социалистической стране.

Лирика Степана Щипачева

БОРИС ГРОССМАН

★

Начало пятого, но мне не спится.
Мутнеет вьюга. Ночь летит в рассвет.
Земля, как заведенная, вертится...
Пройдет и сто, и десять тысяч лет,
и дальний век (мы и о нем мечтали)
все так же станет вьюгами трубить.
В той, даже мыслям недоступной, дали
хотел бы я ну хоть снежинкой быть,
чтоб, над землею с ветром пролетая,
на жизнь тогдашнюю хоть раз взглянуть,
пушинкою над тополем порхнуть
и у ребенка на щеке растаять.

Стихотворение «О снежинке» печаталось неоднократно. Но читатель, думается, снова с удовольствием прочитает эти волнующие лирические строки, посвященные любимой теме поэта: вечному движению и изменению жизни.

Первая книга стихов Щипачева («По курганам веков») вышла в 1923 году (в Симферополе). Однако лишь в стихах последних двух-трех лет он нашел себя, как оригинальный лирик. «О снежинке» — показательное для нынешнего Щипачева стихотворение.

Тема вечного движения и изменения природы находит у поэта наглядное, предметное выражение. Такие стихи, как «Цветок», запоминаются.

Была недолгой жизнь цветка —
давно покосены луга.
Зима. Метелица метет,
буран влетает в сени, —
но аромат цветка живет
в сухом колхозном сене.
Струей парного молока
звонит степная жизнь цветка.
И, если песня хороша,
любую тронь строку —
пусть вьюги все заporшат —
и в ней дышать цветку.

Поэт пылливо вглядывается в настоящее и стремится увидеть черты будущего. Прошлое для Щипачева — средство утверждения настоящего и будущего. Вот стихотворение «О любви» — про молодого буденновца:

... Целовал он в жизни первый раз.
В поле — синь да рожь со всех сторон.
Он ушел — и полем через час
поскакал в атаку эскадрон..

Жизнь буденновца оборвана вражеской пулей. Поэт обращается к незнакомому молодому другу:

...Ты влюблен, ты обо всем забыл.
Но, быть может, счастлив ты в любви
потому, что он — не долюбил.

Так перекликается прошлое с настоящим. Благодарность героям Октября, завоевавшим счастливую жизнь, гражданская война, социалистическое строительство, раскрепощение человека и глубина чувства — обо всем этом думаешь, прочитав «О любви». В любовном стихотворении поэт выразил и высокое чувство советского человека, — патриотизм.

Поэзия Щипачева патриотична и тогда, когда речь идет, казалось бы, только о частностях пейзажа.

Любовь к пейзажу страны — это одно из проявлений любви к родине. Вдохновенно воспевали природу Пушкин и Лермонтов, Гоголь и Тургенев. И для Левитана пейзаж был художественным воплощением его любви к России.

Патриотизм — естественное чувство советского поэта. Оно свойственно каждому человеку, воспитанному коммунистической партией — и Щипачев является талантливым выразителем этого чувства советских людей. Его Мичурин, который мечтает «открыть такой секрет, чтоб, яблока отведав, прожить еще сто лет»; дети, играющие в папанинцев; туристы, путешествующие по Кавказу; другие «товарищи по жизни хорошие друзья», — все они советские патриоты, близкие люди поэта.

Стихи Щипачева не декларативны, он не выдает паспортов своим героям. Он показывает, как они ощущают мир, — и вы узнаете в них советских людей. Поэт видит в настоящем ростки будущего именно потому, что он смотрит на нашу действительность в ее закономерном и естественном развитии:

Тут нужного и не подыщешь слова.
Склонилась мать, от радости света:
впервые сын ее белоголовый
прошел один от стула до стола.

Он вырастет, подымет два крыла.
но тасса кругосветного полета,
быть может, легче будет для пилота,
чем этот путь от стула до стола.

Трогает сердечная теплота и простота этого стихотворения.

У Щипачева тихий, почти камерный голос, проникающий в душу читателя, в его интимный мир. Этот мир давно расширился, он включает в себя большие мысли и чувства. «Первые шаги» выходят за пределы «семейно-бытовой» темы. Это более значительное обобщение, это тема роста человека, движения жизни.

Несколько лет назад Щипачев напечатал родственное «Первым шагам» стихотворение «6 апреля» (о рождении ребенка), оно было декларативным и тусклым, не выделявшимся из многих безжизненных и безличных стихов разных авторов. Теперь он говорит языком искусства.

То, о чем все мы думаем, Щипачев показывает очень человечно, а потому сильно. Он мастерски выделяет значительную, на первый взгляд, деталь, черту — и роль ее возрастает, потому

что эта деталь выражает явление в целом. Население Западной Украины восторженно встречает армию-освободительницу — Красную армию («Вступление в Чертков»). Вслед за этим несколько созерцательным стихотворением в новой книге Щипачева (1940 г.) напечатано восьмистишие:

Здесь было горе горькое бездонным,
нуждой исхожен невеселый шлях,
где каменные польские мадонны
с младенцами грудными на руках.
Они глядели в сельские просторы,
где за сохой крошился тощий пласт, —
единственные матери, которым
слезами горе не мутило глаз.

Каменные изваяния «единственных матерей» — это деталь, благодаря которой горе других матерей — крестьянок из бывшей панской Польши — приобретает зрительные очертания. В памяти всплывает недавнее — и такое уже далекое! — прошлое. Мадонна становится запоминающимся образом. Это не обыгрывание детали, а поэтически проникновенное раскрытие темы: материнского горя горького в капиталистических государствах.

Лучшие стихи Щипачева — это индивидуальное, яркое воплощение мысли и чувства; «одно без другого быть не может, если только данное сочинение художественно»¹ — писал Белинский о мысли и чувстве в поэзии.

Еще скупа земля якута,
но он увидит край в цвету
и от мороза будет кутать
босые яблони в саду.
И заслонят густой орешник,
где женщине цвести платком,
с полтавской косточкой черешни,
чуть тронутые холодком.
Пусть будет тот же тракт, заставы
и та же северная муть,
но от Якутска до Полтавы
куда короче будет путь.

Поэт обходится без рассуждений о перспективах роста Якутии и якутского народа. «Земля якута» воздействует на чувство читателя и дает пищу уму. Жаль только, что в этой хорошей миниатюре есть искусственная метафора,

¹ В. Г. Белинский. Избранные сочинения, том I. Гослитиздат, 1934, стр. 130.

плохая строка: «где женщине цвести платком», что неудачна инверсия: «с полтавской косточкой черешни», — стихотворение проигрывает от этого. Мы увидим и дальше, что, хотя Щипачев нашел себя в поэзии, вкус нередко изменяет ему и теперь.

★

Любопытно начало литературного пути Степана Щипачева. Вот, например, последние строки стихотворения «Человек»:

Смотрите,
Я землю
Себе на мизинец надел,
Из солнца
Колпак сделал.
Я ширюсь, расту
И слышу
Вселенский голос:
«Слава тебе, человек!»

Трудно поверить, что это писал Щипачев. В таком стиле — его книжки «По курганам веков» (1923 г.), «Крымская лирика» (1924 г.). В ранних стихах Щипачева было много сокрушительно-громовых восклицаний и невысказанных метафор-гипербол. И все-таки есть внутреннее родство между его стихами, отдаленными друг от друга семнадцатью-восемнадцатью годами. Прорываясь через вычурные строки «По курганам веков», чувствуешь индивидуальность автора, который видит смысл жизни в вечном ее движении и, главное, в революционной переделке мира. Недаром Щипачев славил человека и посвятил темпераментный прозаический этюд «Могут» «вечно движущемуся вперед человечеству». Эта тема характерна и для сегодняшнего Щипачева, давно отказавшегося от ученического подражания, — а ведь подражал он одновременно и футуристам, и имажинистам, и «космистам».

Но отказаться от подражания — еще не значит найти себя. В «Одной шестой» (1931 г.) и в следующих сборниках, по которым Щипачев известен читателю, он заговорил более спокойно, но безлично и вяло. Поэзия Щипачева, как и многих других, испытала на себе губительное влияние некоторых раппов-

ских «теорий» (например, печально знаменитого «одемяживания»), тормозивших свободное развитие творчества. Конец этим «теориям» был положен, как известно, историческим постановлением ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года. Но потребовалось время, чтобы поэт покончил с инерцией, чтобы он ощутил индивидуальный свой голос, индивидуальное свое призвание.

Стихотворная речь Щипачева долго была монотонной. Метафоры рассыпаны густо, а образа не видишь. Сейчас автор «Лирики» не мог бы написать от лица краскома Еланина:

Темносиние бриджи
Прошиты кантом зари, —

потому что кажущаяся оригинальность не соблазняет теперь поэта.

Некоторые старые стихи Щипачев включает и в новые сборники — и это наиболее слабые его вещи. Правда, отдельные произведения поэт настолько серьезно перерабатывает, что они приобретают другое качество.

★

Щипачев возвращается к большим и «малым» темам, волновавшим его еще на заре творчества. Очень показательный пример. В сборнике «Крымская лирика» напечатано стихотворение «Подсолнухи» (1924 г.):

В огородах цветут подсолнухи,
Режут желтым глаза оконц,
И, казалось, по грядкам на колышках
Дни развесили сотни солиц.

В огородах цветут подсолнухи,
Хороводом желтеет село.
В жарком небе рыже солнышко
Подсолнухом расцвело.

В сборниках «Лирика» и «Стихи» напечатан «Подсолнух» (1938 г.):

Подсолнуху от ливня
не скрыться никуда —
в грязи увязли ноги,
меж грядками вода.

Веснущатый и рыжий
стоит он в картузе.
Зачем сбежит он с грядки,
когда он рад грозе?

Первое стихотворение написано под явным влиянием имажинистов. Второе отличается реалистической простотой. В обоих стихотворениях по восемь строк. Это сходство любопытно, потому что и в ранних сборниках Щипачева были миниатюры. Он провозгласил даже лозунг, которому остался верен: «Долой многомность поэм! Долой многострочность поэм! Всю душу в три строчки втисни!..» Поэт вернулся к миниатюре, но теперь он владеет ею свободно.

В прежних книгах Щипачева попадались отдельные стихотворения или отрывки, свидетельствовавшие о его способностях. Новые книги стихов отчетливо показывают его поэтическое лицо. Щипачев как бы совершил неожиданный прыжок. Но, конечно, «прыжок» этот подготовлен был развитием поэта, его исканиями.

Большие сюжетные вещи — «Поэма о дружбе» (1931 г.), «Фронтовики» (1933 г.), «Курсанты» (1935 г.) — не удалось Щипачеву. В эпических, повествовательных стихах он не сказал ничего нового, своего. Лирическая поэма «Бермамыт» рассыпается на ряд слабо связанных между собой эпизодов, — это довольно скучная, лишенная эмоциональной силы вещь, хотя в ней и встречаются интересные отрывки. И в последнем, сокращенном варианте она не украшает новую книгу Щипачева («Стихи», 1940 г.). Возможно, что теперь, обогащенный новым жизненным и литературным опытом, он создаст значительную и действительно оригинальную лирическую поэму, — это было бы закономерно.

★

Щипачев учится, видимо, у Тютчева искусству лаконического выражения мысли и чувства. Поэт отталкивается от тютчевской лирики для утверждения иного, материалистического мировоззрения. «Молчи, скрывайся и тай», «Мысль изреченная есть ложь» — это знамя индивидуализма. Советский поэт провозглашает другое отношение к «мысли изреченной». Стихотворение Щипа-

чева «Зерно» воспринимается, как ответ Тютчеву:

В гробнице найдено зерно
сухой египетской пшеницы.
Тысячелетия оно
лежало в каменной гробнице.
На солнце вынесли его
и в землю бросили — и вот
поднялся колос золотой,
зерном тяжелым налитой.

Нас время судит без уловок.
Что будет через сотню лет,
когда отыщут наше слово
и так же вынесут на свет?

Упрекнуть Щипачева нужно в том, что нередко его стихи как-то безмятежны. Уверенность в настоящем и будущем, вера в силы своего народа и в собственные силы — неотъемлемая черта советской литературы. Но ведь за будущее надо бороться, борьба эта требует жертв, она рождает в действительности острые столкновения и конфликты. Вспомним, что Маяковский — жизнеутверждающий поэт — был и очень беспокойным поэтом; сопротивление старого новому, социалистическому, он всегда вскрывал с большой остротой. Лирика Маяковского — высокий образец действительного вмешательства поэта в жизнь.

Щипачев оригинален; его поэтический глаз зорко всматривается в повседневность и замечает деталь, мимо которой другой пройдет равнодушно. Наблюдение обогащено новой или по-новому высказанной мыслью, и оно приобретает значительность. «Первые шаги», «Солнце», «Спор», «Земля якута», «О снежинке», «Цветок» и т. д. — всюду есть эта значительность.

Но есть у Щипачева и слишком спокойные, созерцательные стихи.

Трудно согласиться с А. Роммом, который утверждает, что в стихотворении «Танки в колхозе» «...всемирная надежда на Красную армию, всемирная любовь к ней с редкостной поэтической силой (выделено мною. — Б. Г.) выражена Щипачевым...»¹ Да, всемирная надежда на

¹ «Красная новь», 1939, кн. 10—11.

Красную армию, всенародная любовь к ней выражена, но редкостную поэтическую силу А. Ромм приписал этому стихотворению сгоряча.

★

Можно по-разному подходить к оценке лирики Степана Щипачева, может нравиться или не нравиться то или иное его стихотворение, но нельзя не почувствовать поэзию в последних стихах Щипачева. Поэтому критика встретила его лирику не только сочувственно, но и довольно горячо. Тем более удивительно появление рецензии В. Друзина¹, в которой мы читаем: «мысли поэта Щипачева производят странное впечатление. Как будто они есть, и в то же время, по существу, их нет» (?). Любовная лирика Щипачева «после любовной лирики Блока и Маяковского выглядит каким-то курьезным анекдотом». «Многочисленные концовки стихотворений... оказываются при ближайшем рассмотрении набором банальностей». В. Друзин объявляет свет звезды, «березку, которую ласкает ветер», «адреса, забытые в пожелтевшем блокноте», вне закона; боже упаси, пользоваться перечисленными «банальностями». По мнению другого критика—А. Евгеньева,— существует запретная зона (так прямо и написано), в которую ни один поэт не имеет права вступать. Послушайте, как сокрушается критик из «Литературного обозрения» по поводу вторжения в вышеуказанную зону: Щипачев, «к сожалению, часто еще восторгается тем, чем уже восторгались раньше, поэтизирует то, что было уже опоэтизировано его предшественниками». Далее «девушка (?!), прощающуюся с возлюбленным именно у плетня, простить нельзя, потому что у плетня в поэзии расставались тысячи влюбленных пар. Когда-то это прощание было поэтичным, сейчас оно превратилось в свою противоположность. Это банально, а потому—запретная зона². Подсолнух тоже не инте-

ресен. В нем поэт не увидел ничего нового. Луна настолько примелькалась в стихах, что как поэтический образ может вызвать лишь ироническое отношение, у Щипачева же она подана всерьез»¹.

Нужно, стало быть, согласно «теории» В. Друзина и А. Евгеньева, составить список поступков, явлений, ощущений, предметов—одушевленных и неодушевленных,—небесных тел и всего прочего, входящего в запретную зону.

Вот как выглядело бы начало списка (по материалам А. Евгеньева и В. Друзина):

- 1) Прощание с девушкой у плетня.
- 2) Луна.
- 3) Свет звезды.
- 4) Березка.
- 5) Хорошо в тиши такой.
- 6) Адреса, забытые в пожелтевшем блокноте.
- 7) Подсолнух.

Можно продолжать этот список до бесконечности и вряд ли останется что-нибудь существенное за пределами «зоны». Придется лишиться поэтов не только луны и звезд, но, разумеется, и солнца, ветра (даже легкого ветерка), моря, гор, любви и всяких иных «банальностей», без которых до сих пор, по неосмотрительности своей, не обходился ни один поэт.

А. Евгеньев, которому нравятся в отличие от В. Друзина некоторые стихи поэта, противоречит самому себе, когда справедливо замечает, что «в образе березки, перепетой на все лады всеми лириками, он (Щипачев) сумел найти что-то свое и новое». Да, но, чтобы найти это новое, поэт должен был ворваться в запретную зону, то-есть совершить незаконный или, скажем мягче, неэтичный поступок. Видимо, суть, т. Евгеньев, все-таки в индивидуальном подходе к любому явлению. Отчего же нельзя

чонку целовал» заменена другой: «У межи девчонку целовал». И, право, второй вариант хуже, искусственной первого, хотя, очевидно, свидания у межи бывали... намного реже, чем у плетня.

¹ «Литературное обозрение», 1939, № 16.

¹ «Звезда», 1939, кн. 10—11.

² В «Лирике» и «Стихах» Щипачева, изданных в 1940 году, строка «У плетня дев-

индивидуально и, вместе с тем, всерьез, писать о луне? И разве в подсолнухе Щипачев не увидел ничего нового?

★

Пусть твердят, что и моря мелеют,
я не верю, чтоб любовь прошла.

По этому двестишью можно узнать Щипачева, с его лаконизмом, с его умением строить концовку стихотворения, как поэтический афоризм. Друзин называет почему-то эти строки банальными. Между тем следовало бы сказать, что только они и хороши в стихотворении «У моря». Вообще же, в этой вещи нет почти ничего индивидуально-щипачевского. Она невыразительна. Причина вовсе не в обыденности ситуации (влюбленные у моря), а в бледности, неоригинальности стихов, которые, за исключением последнего двестишья, могли бы быть подписаны и другим именем.

Или такое стихотворение:

Любовью дорожить умеете,
с годами — дорожить вдвойне.
Любовь — не вздохи на скамейке
и не прогулки при луне.

И слякоть будет, и пороша:
ведь вместе надо жизнь прожить.
Любовь с хорошей песней схожа,
а песню — нелегко сложить.

Последнее двестишье хочется повторить, запомнить. Но все стихотворение рассудочно и назидательно по тону (к счастью, Щипачев говорит таким тоном редко).

Щипачев любит аллегорию. Яблоня, березка, звезда — все они призваны олицетворять человеческие характеры и человеческие отношения. Если березка, которая, «видать, характером прямая, кому-то третьему верна», живописна и аллегория не выглядит навязчивой, то там, где автор подчеркивает смысл сопоставления, получается не всегда удачно:

Мне бросились в глаза две ясные звезды.
Их свет струится на дома и на сады.

Дружней не вижу звезд, чем эти две:
взгляни,
почти в одну звезду сливаются они.

И я пою — я сам семейный человек —
их близость нежную, согласие навек.

Параллель спорная, но важнее другое: перед «Двумя звездами» мы прочитали «Тебе» — стихотворение, в котором влюбленные сравниваются с двумя липами. Своеобразие начинает уступать место однообразию. Чувствуется нарочитость приема, который может стать привычкой поэта. Аллегорический смысл Щипачев умеет великолепно выражать в самих образах, и прямое авторское указание является, чаще всего, просто лишним. Попутно заметим, что лобовая атака темы редко пока приводит Щипачева к неоспоримой победе. Такой победой является «Земля с высоты»; пафос поэта выражен здесь прямо и, вместе с тем, горячо, с большим и выстраданным чувством, которым воспламеняется и читатель:

И понял я, что землю молодую,
за много лет исхоженную мной,
родную нашу землю обжитую
люблю во всей подробности земной.

★

Довольно часто и в лучших стихах Щипачева попадают недоработанные строфы и строки. Вот стихотворение «Седина». Факт личной биографии поэта приводит его к неожиданному, но прекрасно оправданному обобщению:

... Ну, что ж — мы были в жарком деле.
Пройдут года — заговорят,
как мы под тридцать лет сидели
и не старели в шестьдесят.

В «Седине», как и во многих других стихотворениях Щипачева, слышится непринужденно-шутливая, разговорная интонация. Жаль только, что предпоследняя строка сделана небрежно: при чтении слух «д» и «т» сливаются, получается не «под тридцать», а «по тридцать». Мелочь, но досадная.

Приведем самое короткое стихотворение Щипачева:

Мне кажется порой, что я
вот так и буду жить и жить на свете.
Как тронет смерть, когда кругом друзья,
когда трава, и облака, и ветер, —
все до пылинки — это жизнь моя.

В этой миниатюре, завершающей сборник «Лирика» (изд. 1940 г.), выражено наиболее лаконично мироощущение поэта. Но лаконизм требует особой тщательности в отделке каждой строки. Между тем, в строке: «вот так и буду жить и жить на свете» — звуки опять-таки сливаются, на слух она воспринимается иначе: «в атаке буду жить...»

Подобных «стыков» много, от этого проигрывает и музыкальность стиха.

Щипачев не жонглирует рифмой. У поэта другой недостаток: невнимание к ней. Нет строгости в отборе.

★

Не каждый писатель сразу находит свой стиль. Известно, что С. Михалков писал литературно грамотные и «актуальные», но серые стихи. Лишь в «Дяде Степе» и в более поздних произведениях Михалков нашел себя и приобрел популярность у читателей — детей и взрослых. Многие советские поэты, влачившие долгое время ремесленное существование в литературе, проявили недюжинные способности в художественных переводах с языков народов СССР. Именно в этой области ряду поэтов удалось по-настоящему показать свои индивидуальные черты. А некоторые, наиболее серьезно, творчески работающие переводчики стали авторами интересных оригинальных произведений.

Путь Степана Щипачева подтверждает, что найти себя в искусстве не так просто. Нужны неустанные искания, нужен, если хотите, подвижнический труд, ибо «поэзия — вся — езда в незнаемое», ибо «изводишь единого слова ради тысячи тонн словесной руды» (Маяковский).

Есть поэты, которые как бы считают, что умение писать гладкие и злободневные стихи дает право почитать на лаврах. Между тем, еще Некрасов заметил, что «гладкость и правильность стиха не составляет в наше время ни малейшего достоинства». А Маяковский говорил с язвительной иронией: «У скольких поэтов легкость руки. Тянет, как фокусник, строчку изо рта и у себя и у дру-

гих». Подобная легкость руки не совместима с творческими исканиями. Не следует ли тому советскому поэту, который все идет и идет по дороге, давно проторенной другими, углубиться в чащу и попытаться проложить свою? Пусть она будет не очень гладкой, но своей.

Успех лирики Щипачева — не только личная его удача, но и один из признаков движения вперед всей советской поэзии. Поэтому появление новых стихов Щипачева вызвало споры о поэзии вообще.

Некоторые товарищи, говоря об успехах Степана Щипачева, теряют чувство меры и превозносят его до седьмого, до десятого неба. А. Адалис, беря «на свою душу ответственность», называет Щипачева «лучшим нашим лириком, в типичнейшем и буквальнойнейшем смысле этого слова», а два стихотворения — «Девочка» и «Полдневка» — стихами совершенными¹:

Качала зыбку девочка. К братишке
ее за няньку приставляли днем,
Подсолнухи, как рыжие мальчишки,
кивали головами за плетнем.

Она росла: носила корм скотине,
влезала на соломенный омет,
без памяти лежала в скарлатине,
проваливалась с ведрами под лед.

Соседский бык мотал башкой лобастой,
бодаться шел, нацелив правый рог.
Где не грозила в детстве ей опасность?
О, как бы я ту девочку берег!

Пускай моя, мужицких предков, сила
еще под спудом времени спала, —
и жизнь моя не зачата была, —
та девочка ее в себе носила.

Хорошее, сильное стихотворение. Нельзя, однако, согласиться с таким утверждением А. Адалис: «Ясность и определенность миропонимания переходят здесь в ясность и определенность — качества искусства». Переходят, но не вполне и не всюду. Замысел глубже и яснее выполнения:

... и жизнь моя не зачата была, —
та девочка ее в себе носила, —

сказано коряво, а т. Адалис утверждает

¹ «Литературная газета», 1940, № 28.

ет: «Девочка» — совершенное стихотворение.

Пусть это частности, — неудачную строфу или строку (которых у Щипачева, к сожалению, немало) можно исправить. Но ведь А. Адалис называет Щипачева вообще лучшим нашим лириком. Дело не в том, что у Щипачева может закружиться голова на той высоте, на которую некоторые товарищи его поднимают, а в том, что его лирика—это только прекрасное начало нового пути. Кругозор, размах, сила и мастерство поэта не таковы, чтобы можно бы-

ло говорить о нем, как о самом лучшем лирике нашего времени. Стихи Щипачева иногда излишне спокойны, действительность уступает место созерцательности, язык его еще не богат, повторяющиеся приемы приводят его подчас к однообразию. Щипачеву всерьез могла бы угрожать опасность, если бы он поверил А. Адалис и признал, что достиг совершенства. Лучшие стихи Степана Щипачева позволяют, однако, утверждать, что он не оставит дальнейших исканий.

Успех — обязывает.

Гамзат из аула Цада

Г. КОРАБЕЛЬНИКОВ

★

Прошлое Дагестана виднее в горах, чем на узкой полосе Прикаспийской низменности.

Над кручами, ущельями, пропастями нависли отвесные скалы, а к ним прилепились аулы, селения — людское жильё, тот же дикий камень, обтесанный и вновь приложенный к горе рукою человека.

К аулам вели узкие, потайные тропы. Непроходимы, неприступны горы, но, взобравшись на их вершины, человек, племя, род постарались их сделать ещё более недосыгаемыми. Боязнь, как бы новые пришельцы с плоскогорья не вытеснили их с отвоёванного у природы места, была сильнее страха одиночества на каменном пустыре. К преградам, нагроможденным стихией, прибавилась ещё одна: горцы оградились от остального мира своим языком.

Страну гор — Дагестан — звали также «Горой языков». Десятки народностей, разбитых на племена и роды, населяют этот многогорный край, и у всех свой язык, пестрящий многочисленными диалектами, наречиями, говорами. Есть местности, где жители одного аула, ещё совсем недавно изъяснялись на языке, не понятном населению близлежащего аула. И так веками люди жили рядом, бок о бок, не перекинувшись даже словом, отчуждённые и враждебные друг другу.

Был однообразен быт горца, как только могут быть однообразны край-

няя нищета и бедность. У разноязычных племён была одна и та же горестная судьба. Но эту социальную общность жизни мешали постичь предрассудки, суеверия, привычки, выросшие на почве хозяйственной замкнутости, изолированного существования.

Племенная и родовая рознь разъединяла народные массы, лишала их общей силы, способной разбить гнет феодально-клерикальных верхов, господствовавших в аулах.

Но вот пришла социалистическая революция. Она проложила широкие дороги в горы. Но прежде всего она открыла путь от сердца к сердцу горца. Ленинско-сталинская национальная политика дружбы народов разомкнула уста горцев. Она принесла народам Дагестана письменность, печать, культуру.

Перед горцами открылся прекрасный и просторный человеческий мир. Открылся перед ними в настоящем своём виде и Дагестан — край, в котором они жили, но, в сущности, мало его знали. Край, где ранее народы влачили полуголодное и беспросветное существование, оказался сказочно богат и многоцветен.

Прежде забытые горем, нуждой и бесправием, народы таили в себе непочатые творческие силы. При советской власти эти силы расцвели. Заиграло и заблестало многовековое народное искусство, способное учить и веселить людей. Возродилась поэзия. Революция

придала ей небывалый идейный размах и вывела ее из прежнего захолустья на широкие просторы Советского Союза.

Мудрые и простые стихи лезгина Сулеймана Стальского разнеслись по всей Советской стране. В Дагестане приобрели широкую популярность песни и других народных поэтов: кумыка Абдулы Магомедова, лакского поэта Абуталима Гафурова, аварца Гамзата Цадасса.

Все это поэты замечательного и своеобразного дарования, которое развернулось в советские годы. Их творчество вошло в быт, в культуру всех народов Дагестана. Оно вливается в широкое русло всей многонациональной советской литературы.

О творческом пути одного из этих поэтов, о том, как горы перестали быть преградой для поэтического слова и как это слово стало понятно всем в многоязычном Дагестане, я и хочу рассказать.

★

Народный поэт Дагестана Гамзат Цадасса, награжденный орденом Трудового Красного Знамени, родился 63 года тому назад в маленьком аварском ауле Цада, близ Хунзаха.

Эти места хранят следы героической борьбы, которую полвека вел аварский народ, отстаивая свою независимость. Однако уже в то время, когда Гамзат стал поэтом, ничто вокруг, кроме памятников и замечательных исторических песен, сложенных и распеваемых народом, не напоминало о былой свободолюбивой жизни.

В ауле властвовали ханы, кадии и муллы. Суровые и нелепые адаты опутывали народ. Родовые распри и обычай кровной мести сводили в могилу немало людей. Не было семьи в ауле, где не носили бы траур и не мстили за убитого родственника. Бездорожье отрезало на большую часть года Хунзахское высокогорное плато от всего мира. Народ был темен и нищ. Поборы были велики, а сухая земля, лишенная

лесной защиты, обдуваемая со всех сторон ветрами, обрабатываемая примитивными орудиями труда, рожала скудно. Народ жил впроголодь.

Отец Гамзата, Юсупий Магома, был бедняком. За всю свою жизнь он так и не приобрел нательной рубахи, а соломенное ложе его никогда не покрывалось одеялом. Семи лет отроду Гамзат лишился отца. Вскоре умерла и мать. Из семи детей только один Гамзат ходил под шапкой (т.-е. был мужского пола). Сиротский, запустевший дом, где совы уже свили свое гнездо, аульное общество передало в руки опекуна — дальнего родственника Гамзата. Чтобы сбыть с рук десятилетнего Гамзата, опекун отдал его к мулле соседнего аула учиться корану. В то время светских школ в аулах Дагестана не было, и только муллы имели право обучать детей. В одну из таких «духовных школ» и попал Гамзат.

Ученики, в большинстве такие же сироты, как и Гамзат, должны были заботиться о своем пропитании сами. Мулла раз в месяц выдавал каждому из них «нафекадун кали» — небольшой мешочек муки, остальное они добывали, прося милостыню. По пятницам с хурджинами на плечах обходили они все дворы аула. Жили ученики в мечети и спали на полу, застланном рогожей. Изо дня в день мулла заставлял своих учеников заучивать, побороря нараспев, непонятные арабские стихи корана.

Это было бессмысленное, отупляющее занятие.

Гамзат как-то заметил, что и сам мулла не разбирается в сурах, которые он задавал учить. Это толкнуло Гамзата затеять одну шутку, в которой и проявились его поэтические задатки. Из слов, похожих по своему созвучию на слова из корана, он сложил свои суры, подговорил остальных учеников, и на уроках они вместо текстов корана отвечали мулле стихами Гамзата.

Вскоре эта шутка была раскрыта. Мулла прогнал Гамзата. Зато в народе стало известно о замечательной способности мальчика сочинять веселые и язвительные стихи. Гамзат перешел

учиться к мулле соседнего аула. Но и здесь он долго не продержался. Однажды мулле нужно было отлучиться из мечети. Гамзат был старшим по возрасту из мутаалимов, и ему полагалось исполнить вместо муллы службу в мечети. Во время произнесения одной из молитв верующие должны были пасть ниц и подняться лишь тогда, когда будет провозглашена новая молитва. Гамзат полюбопытствовал: долго ли может продлиться религиозное усердие верующих, — он оставил их лежащими лицом к земле, а сам вышел из мечети. Вряд ли много времени выдержали правоверные это испытание, но, поразмыслив, Гамзат нашел, что возвращаться ему в мечеть не следует. Это стоило бы ему не только места в школе, но и кой-чего большего. Он предпочел уйти к мулле другого аула. Так, скитаясь по аулам, Гамзат более десяти лет проучился в «духовных школах», отличавшихся одна от другой только именами и степенью невежества и злобности своих наставников.

Должность муллы не прельщала Гамзата. Он хотел есть хлеб, заработанный своими руками. Гамзат пошел искать заработка в Бейтинские леса. Чтобы рубить растущий по крутым склонам лес и сплавлять его по горным, бурливым, стремительным рекам, надобны были выносливость, сноровка и ловкость, которые не даются воспитанием в «духовных школах». Пробыв в Бейтинских лесах год, Гамзат решил спуститься в долину, пробраться в город Грозный на нефтяные промыслы, где, по слухам, хорошо платили.

Слухи о высоких заработках оказались ложными. В Грозном Гамзат заболел малярией, — болезнь, о которой в горах не имели никакого представления. Попржнему нищий и измученный длительной лихорадкой, Гамзат очутился вновь в своем ауле. Ему пришлось заняться делом, от которого он сбежал, — стать служкою мечети.

Гамзату уже перевалило за тридцать лет. Его ровесники давно обзавелись семьей и домом. Их жены, держа на руках детей, посмеивались над Гамзатом. Они относились к нему с презре-

нием, которое в ауле вызывает к себе всякий мужчина, оставшийся холостяком. Пора было подумать о будущем, о своем дворе. Следовало жениться. Но к кому ни сватался Гамзат, везде встречал отказ — он не был выгодной партией. К тому же отпугивала от него скверная репутация озорника, сочиняющего стихи. Наконец, Гамзат женился на Хандулае — бедной женщине.

И вдруг к Гамзату пришла удача.

Аул лишился дибира. Гамзат был грамотен и знал письмоводство. Ему предложили занять эту должность. Должность дибира была очень выгодной для всякого стяжателя, плута, подхалима перед богачами и жестокосердного к нуждам бедняков. Для честного человека эта должность была затруднительна, отнимала все время и не приносила никакой пользы. Дибирю аул предоставлял вместо платы за службу небольшой участок земли, который он должен был обрабатывать сам. Однако не с этого участка дибир собирал большие доходы. Он их получал, используя свое административное положение в ауле, занимаясь лихоимством, сдирая незаконные сборы с бедняков, за составление жалоб, присваивая себе при разделе наследства имущество сирот, продавая верующим всякие талисманы; дибир брал взятки за всякое попустительство и поблажки лавочникам и богатеям.

Словом, случаев нажиться за чужой счет, на горе и беде бедняков представлялось много. Но не таким человеком был Гамзат, чтобы ими воспользоваться.

В своем поэтическом рассказе «Про себя» Гамзат объясняет, почему он, будучи дибиром, остался тем же бедняком:

В халат облачившись, я людям капканы не ставил,
Узорчатым поясом не украшал свой живот,
Я, бороду глядя, с бедняком не лукавил
И на амулеты ему не выписывал счет.
Напыщенной речью ни разу себя я не славил,
Наследство деля, не присвоил я денег сирот.
Подобно муллам, угощать я себя не заставлял,
И, в гости придя, не умел я заглядывать в рот.

Претил мне обман, ведь бедняцкую долю
 съедали
 Муллы; лихоимца был первый я враг и судья.
 И сердце мое, и уста кулаков проклинали.
 Так власти гнилой обличителем сделался я!

Простой народ уважал Гамзата за его честность, прямоту и постоянную готовность вступить за обиженного и слабого. И все же Гамзат чувствовал себя не на месте среди дибиров и прочего аульного начальства — сборища пройдох, ханжей и мздоимцев. Это свое чувство, окрашенное тонким юмором печальной усмешки над своим двусмысленным положением, Гамзат выразил в излюбленной им манере поэтической речи — в разговоре с животными.

Дибир сетует на хомяка за то, что он пожирает урожай с поля, доставшегося дибирю за его службу в ауле и проповеди в мечети, и грозит сжечь хомяка со света. Однако хомяк вполне резонно ему отвечает, что такой поступок противоречил бы его пастырским проповедям о том, что все делается на свете по воле всевышнего и следует покоряться предначертанной судьбе:

Ты, кади¹ аула, собирающий кади,
 Снеси же безропотно божьи удары,
 Как учишь свою бессловесную пасту,
 Которая пастыря кормит обильно.

Хомяк уличает дибира в лицемерии и ханжестве, сравнивает свою тяжелую участь зверя, гонимого и травимого безжалостными людьми, с беззаботной жизнью дибира. В конце-концов, — говорит хомяк, — убыток, нанесенный его полю, с избытком покрывают «зьякат» и «сах»² — приношения жителей аула.

Однажды на сходе крестьян, когда они подбирали пастуха для стада аула, Гамзат попросил, чтобы его перевели с должности дибира на службу пастуха, которая ему больше по душе. В 1916 году Гамзат всенародно снял с себя «сан» муллы. Для того времени и в условиях аула — поступок исключительный.

Однако пребывание на должности

¹ Кади — духовный судья.

² «Зьякат» и «сах» — поборы с верующих.

дибира не прошло впустую для развития поэтического дарования Гамзата. Будучи дибиром, он близко соприкоснулся со всеми слоями населения аула, он познал жизнь без всяких прикрас, разглядел пакостную изнанку показного благочестия мулл, беззаконие и произвол ханов, хищную эксплуатацию, которой подвергался народ. И все это было освящено адатами, предрассудками, дикими обычаями, призванными вселять в массы безволие и покорность. Гамзат не мог остаться равнодушным к страданиям народа. Он видел зорче и понимал больше темного крестьянина. Он мало чем мог ему помочь, как дибир, потому что не во власти дибира было устранить этот несправедливый уклад жизни, но зато у него было сильное оружие — стихи, их он и обратил против всего паразитарного, косного, дикого в быту аула. Его стихи приобрели социально-сатирическое направление, которое ранее было несвойственно аварской поэзии.

До начала XX столетия аварская письменная литература носила характер религиозно-назидательный. То было несколько книг исламистского толка. Народ был неграмотен, и с этой литературой соприкасался только через проповеди муллы. В народе жила устная поэзия — героические песни о богатырях прошлого века. Они будили воспоминаниями о славном прошлом и надежду на будущее, но ничего не говорили о повседневных буднях народа, о его настоящих горестях.

В начале XX века появился поэт Чанка. В его стихах уже проблескивала современность, но все же и они были еще очень далеки от живой жизни народа. Вслед за Чанка выступил Махмуд из Бегль-Кохаб-Росо (Ак-Кента), замечательнейший певец-импровизатор, соловей аварской поэзии, вскоре ставший любимцем народа.

Никто до него не пел так вдохновенно, свободно о любви. Никто с таким поэтическим блеском и очарованием не раскрывал все богатство личных переживаний, которое несет с собой любовь. Его песни распевались повсюду, и люди удивлялись, как мо-

жет быть сердечно, одухотворенно и сложно чувство любви. Любовь не только как наступающая в известном возрасте половая потребность, а любовь как человеческое чувство впервые открылась аварцам в песнях Махмуда.

И все же и эти песни о любви были еще романтикой, далекой от действительной жизни. Девушки и парни до поры, до времени распевали песни Махмуда, а вступали в брак не по любви, а по указке родителей, по законам адата. Положение женщины оставалось униженным.

Нет, и лирический строй песен Махмуда не привлек Гамзата. Время требовало иных песен, не чарующих и ласковых, а разящих и сокрушительных. Надо было вгрызаться в жизнь, зло осмеивать и разоблачать косный быт, надо было поведать настоящую правду об этом мире.

Старой пандуре¹ аварской поэзии — по образному выражению Гамзата — нехватало струн, чтобы на ней звучали новые мотивы. Пандура знала только два лада — протяжный и короткий. Протяжный вторил словам о героических подвигах предков, короткий — любовным песням. Обросшей мхом пандуре Гамзат подарил третью струну. Он изобрел новые поэтические размеры, в которые укладывались социальные мотивы современной жизни, и заговорил с иронией, смехом и сарказмом о вещах, до которых ранее никогда не касалась аварская поэзия. Он сочинял веселые и едкие стихи обо всем, чем жил повседневно аул, — о погибшей собаке муллы, которую хозяин не кормил, полагая, что об этом должны заботиться верующие, о беспрестанных судебных тяжбах одного аула с другим, от которых остаются в прибыли только сами судьи, о быте и нравах односельчан и о многом другом.

«Что проскакивает сквозь зубы, то перескочит и горы» — говорит аварская пословица о силе правдивого слова. Стихи Гамзата быстро распространя-

лись в народе, становились ходячими анекдотами.

Однажды хозяин местной харчевни, зная популярность Гамзата и как авторитетно сказанное им слово, пригласил к себе поэта и попросил сочинить стихи о его харчевне. Гамзат не отказался. Но, когда он прочел хозяину написанное, тот увидел, что меткое описание его грязного заведения не только не привлечет новых посетителей, но разгонит и тех, кто еще ходит в харчевню. Он стал просить Гамзата только об одном — не разглашать эти стихи. Он привел белого коня, оседланного и снаряженного, и предложил его поэту лишь за то, чтобы остаться единственным читателем «Харчевни». Это предложение только добавило новые строки к стихотворению, которое вскоре распевал весь аул.

Однако широкий социальный размах и осознанную идейность творчество Гамзата приобрело лишь после Октябрьской социалистической революции.

Советская власть установилась в горах не сразу. Ей предшествовала длительная гражданская война. Турки, англичане, русские белогвардейцы и местные националисты пытались завладеть Дагестаном. Обманом и ложью «скотовод имам» Нажмудин Гоцинский и другие главарь контрреволюции стремились отвратить горцев от большевиков. В те годы Гамзат писал стихи — обращения к горцам, — в которых высмеивал распускаемую кулаками клевету о советской власти. И, когда пришли красные, он стал постоянным сотрудником аварской газеты, начал работать в местном исполкоме.

Стихи, которые ранее никак не отвечали должности дибера, теперь оказались под стать советскому работнику. Они довершали дело, начатое советской властью, — борьбу с тухумными (родовыми) предрассудками, с адатами, со всем старым, косным бытом. И не случайно первая книжка стихов Гамзата, вышедшая в 1934 году в Махач-Кала, называлась «Метла адатов». Действительно, его изобличительное слово, метко подмечающее старое в быту, вы-

¹ Пандура — щипковый музыкальный инструмент.

метало из горных аулов грязь былых отношений.

Сатира Гамзата язвительна и по-хорошему зла. Она вовсе не навязчива. Внешне его стих поражает каким-то добродушием. Гамзат не возвышает голоса, не обрушивается сразу готовыми сентенциями, не преподает уроки. В сущности, он в стихах обходится так, как бы поступил друг, желающий показать своему соседу, как нечисто и захлавлено в его темном доме: он приходит и распахивает ставни — и в свете солнечного дня становится видно все омерзение давно непрветренного и неубранного жилища.

«Долг не пропадает, кровь не высыхает» — говорится в аварской поговорке об обычае кровной мести. По поводу этого страшного обычая можно было наговорить много громких фраз. Но Гамзат предпочитает вместо них дать живую и обыденную картину, из которой тем не менее выступает губительное значение этого обычая, не совместимого с человеческим достоинством. Гамзат в «Ослином побоище» рассказывает, как однажды поспорили меж собой Хочбар и Мухума по самому пустяковому поводу:

— Телка нашей Зулэйкат
С быком Али одних лет, —
Так промолвил Мухума,
А Хочбар ответил: — Нет!
Мухума совсем не злой,
Только вспылчив Мухума.
На хочбаровы слова
Рассердился он весьма.

Слово за слово, и Хочбар и Мухума осыпали друг друга взаимными оскорблениями. Уже позабыто ими, собственно, из-за чего начался спор, они уже поносят родню с каждой стороны, и дело доходит до того, что Хочбару и Мухуме стало тесно жить на одном свете. Меж ними завязывается вражда не на жизнь, а на смерть. И «по серьезной причине» из-за быков и коров четыре рода в ауле проливают кровь, мстя за Хочбара и Мухуму.

Вывод в конце стихотворения о законе кровной мести напрашивается сам собой, и кажется, что его написал не Гамзат, а опомнившийся Хочбар

или Мухума, которых автор заставил оглянуться на себя как бы со стороны.

Мы люди, а не звери,
Нельзя ни в какой мере
Отличаться от скота
Лишь отсутствием хвоста.

Так и в других стихах о пережитках прошлого, о предрассудках и невежественных обычаях Гамзат дает верные и знакомые каждому горцу бытовые картины, но рисует их так, что они раскрывают свои смешные стороны, свою нелепость. Смешна андижанка Ашурал Пати в головном уборе «чохто», своей тяжестью согнувшего ей голову.

Снять чохто с головы, — говорит Ашурал Пати, — ей не позволяет обычай аула Анди. А поэт ей остроумно отвечает:

— Кто умен, тот не будет себе врагом.
Тут причина другая, может статься, —
Когда бы ты была собой хороша.
Ты не стала бы за чохто держаться!

И верно, после этого стихотворения Гамзата многие горняки расстались с чохто.

Светлая разумность, человечность всего нового, что несет в аул социалистическая культура, выступает в стихах Гамзата тем прозрачнее и убедительнее, что ее обычно или оспаривает какое-нибудь живое лицо, всей своей аргументацией, доводами, подходом к жизни обнаруживающее отсталость, тугодумность и ограниченность своего кругозора, или, наоборот, эту культуру утверждает живой человек всей убедительностью своей биографии.

Два старика Иса и Сурхан смеются над детьми, посещающими школу. Они приводят друг другу примеры из своего детства, говорящие о том, как не похоже времяпровождение современных детей на их собственное:

— Играли в «каргу» мы. Прекрасная штука!
От края до края летит каменюшка,
А этим ребятам лишь книжки давай!..

Иса и Сурхай смеются, глядя на современных детей. И в самом смехе выдают всю бесцветность и унылость прежних детских развлечений, кажущихся им милыми. А глядя на этих

стариков, радостно улыбаешься: как в самом деле стала занимательна и интересна жизнь советских детей!

Или вот рассуждение человека, которому люб заскорузлый, примитивный быт прежнего аула, рассуждение: «Что такое Москва по сравнению с нашим аулом?!»

Посуди: стоят большие дома —
Высокие крыши, длинные стены, —
А лестницы не видать ни одной!
Спрашивается: где они сушат сено?

В таком «ауле», как Москва, нигде нельзя обнаружить кизяка, никто не ест хинкала на чесночном соку, не слышно ослиного рева, женщины не носят чо-то, и прохожие не останавливаются на улице, чтобы посудачить и посплетничать.

Аварийцы живут высоко в горах. Но горизонт Хунзахского плато был узок, очень узок. Гамзат в своих стихах стремится расширить поле зрения своего народа и поднять его на ту вышку, откуда открывается просторный и прекрасный социалистический мир. Гамзат зорко видит, что в родном ему Хунзахе еще сохранились люди, которые не хотят вылезать из темных закоулков, куда их загнало тяжелое про-

шлое: свет им все еще режет глаза. Он видит и скрытых врагов. Для них он находит клеймящие позором слова. Но Гамзат видит в ауле и другое — новых людей социалистического склада, прекрасную молодежь, старуху, поющую песню во славу дня 8 марта, — о ней он сложил замечательное стихотворение. Оно вошло во все школьные хрестоматии Дагестана и в хорошем переводе заслуживает того, чтобы его включили и в хрестоматии на русском языке.

Стихи Гамзата из аула Цада в годы советской власти стали уже известны далеко за пределами родного селения. Его книги переводятся на языки братских народов. Поэт поражается такому успеху своих стихов:

А ведь стихи мои очень простые, —
Простые стихи для людей простых.
Подумать только, какое значение
Имеет простой и честный стих.

Действительно, ранее простой и честный стих не всегда бывал в почете. Но такова уж природа советского общества, что в нем все честное, благородное и талантливое, признанное любовью к родине, не остается в неизвестности и получает всеобщее признание.

Павел Низовой

АВТОБИОГРАФИЯ

Родился я в деревне, лесной, медвежьей, в 18 дворов. И люди в ней были похожи на медведей, и уклад медвежий. Шестнадцать верст от железной дороги и двадцать от врачебного пункта. Весь род — потомственные почетные «сухари». Но отец мой дослужился до чинов — бомбардир-наводчик армии Александра III.

Образование свое я начал 10 лет отроду, у старого николаевского солдата-инвалида. Целую зиму изучал азбуку и часослов. Отстающих учеников солдат подгонял веревочной заверткой от саней. Вторую зиму набирался письменных ананий у своего родителя. Весной отец заявил: «Ну, довольно на собаках шерсть бить, пора и за работу приматься! Не маленький!» Через месяц он взял меня с собой в Москву работать по маляром делу. Сначала я тер краску, мыл кисти, носил на плече стремянки и ведра с крахмалом и поibelкой (в правом плече и до сих пор чувствуется боль).

Работал крепко, вплотную с 12- до 25-летнего возраста. Был маляром, стекольщиком, кровельщиком, живописцем, фотографом, делал мыло и краски. В промежутках «глтал» книжки. Первая пленившая меня книга была «Космография», — купил старую, без начала, и название ее узнал только несколько лет спустя. Из изыщной словесности были: «Бова-королевич», «Ерусал Лазаревич», «Как солдат спас Петра Великого» и т. п. И только около 17—19 лет — стихи Кольцова, Никитина и Некрасова.

Умственное развитие шло убийственно медленно. Рабочая среда (строительные рабочие), в которой я проводил дни и ночи, совершенно не интересовалась книгой и наполнину была неграмотной. Исключением был только один рабочий-маляр, бывший ротный фельдшер; он говорил мне что-то о звездах и стихах. Работая с ним в одной паре-подмастерье и ученик — и получая на обед по 10 копеек (5 копеек чай в трактире и 5 копеек фунт ситного), мы ухитрились сэкономить из этой суммы на газету или на какую-либо книжку-листочку. Вместе читали и обсуждали.

Потом, когда денег стало несколько больше, начал покупать на «толкучке» более серьезные книги.

В течение более десятка лет наполнял свою голову чем придется, поспешно, сумбурно, не подозревая, что это можно делать по определенной системе. Узнал об этом только тогда, когда стал ходить на Пречистенские курсы. Одновременно с этим я слушал лекции в об-ве Народных университетов, позднее — в университете Шанявского: по литературе, по истории искусств, по астрономии, римское право. Кроме того, принялся за французский и немецкий языки. Но заниматься по плану было для меня уже трудно — нехватало времени и терпения.

Главными учителями моими были и есть все-таки книги...

На 26-м или 27-м году захотел сделать переплышку и ударился путешествовать. Тянул меня Кавказ. Поехал с 17 рублями. Хватило только до Липецка. Продал кое-что из одежды — и дальше. Четыре года чертил Россию во всех направле-

ниях. Обехал около трехсот городов и местечек. Был и вояжером, и корреспондентом, и просто бродяжил. Не одну пару подметок истоптал по Кавказу и Крыму. Под Кутаисом окапывал виноградники, в маленьком городишке Бессарабии читал лекции по астрономии, в Лодзи три недели состоял учеником «знаменитого всесветно известного графо-психо-астролога, хироманта и проч., профессора Восточного университета м-ра Лифт» (потом оказался вилениским мешанином). Знаменитый профессор предлагал мне открыть в гор. Калеше хиромантический кабинет — там у него было знакомство в канцелярии губернатора — или же работать с ним на паях: с каждого клиента он мне будет выплачивать по 20 копеек, остальные, сколько бы ни было, берет себе. Уверял, что это даст много больше литературы. Но я не соблазнился и поехал на Украину: захотелось побывать на родине Гоголя, посмотреть на Днепр...

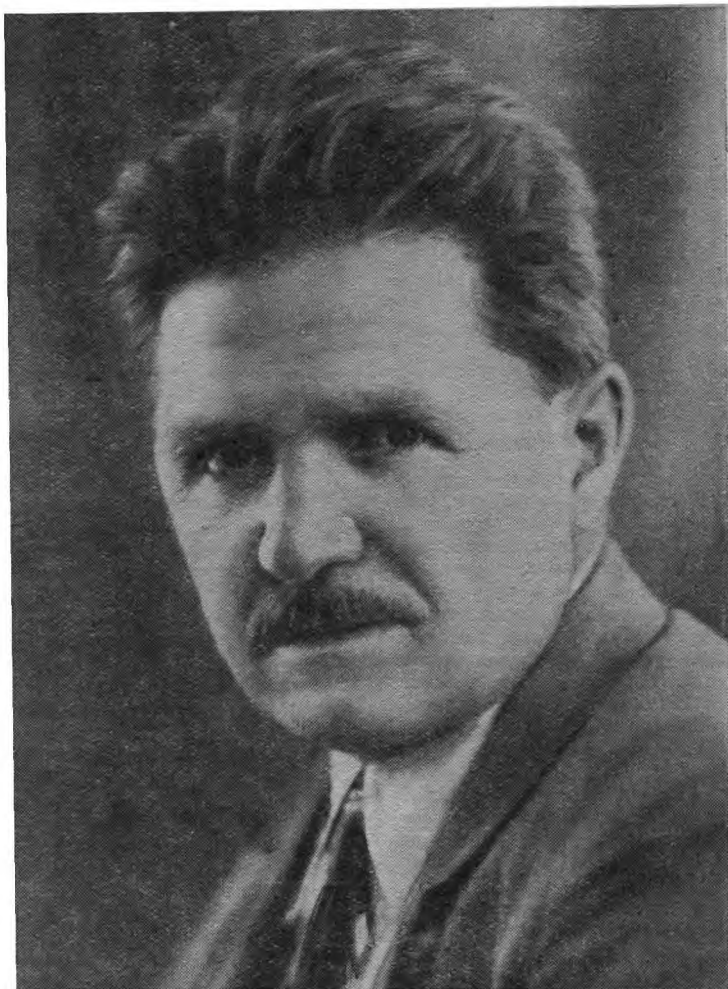
Германскую войну провел на западном и юго-западном фронтах. За эти 4 года не написал ни строчки.

Но самая лучшая глава вписана в мою жизнь Алтаем. В 1918 году с художником Г. И. Гурьным сидели мы на скалистом берегу голубой ревушей, изумительной Катуня и вслух мечтали. Он — о Каракорумской республике русского и монгольского Алтая, — это давнишняя мечта его. Я — о колонии писателей и художников в горах на Катуня (это моя давнишняя мечта) и об издательстве «Алтын-Куи» («Золотое солнце»).

Конечно, я не думал того, что год спустя сам буду чем-то вроде президента республики, ведающей территорией в несколько тысяч квадратных верст. Буду ходить в самодельных сапогах из оленьей шкуры, самодельных кожаных штанах и такой же шапке. Владения мои простирались от истоков р. Бии до границ Монголии, — непроходимая горная черневая тайга с ледниковыми и каменными хребтами, с бесчисленными горными озерами и реками. И посередине — чудесное 90-верстное «Алтын-Коль» («Золотое озеро»). А я всего был только старший объездчик-лесник Телецкого лесничества, куда меня от колчаковских улан надежно влиняли надежные товарищи.

Неделями гостил я в юртах первобытного народа — черневых, кочующих татар, дружил с камами (шаманы), пил «священную» араку (молочная водка) и ел жертвенное мясо только-что задушенного коня. В одиночестве безумно тосковал по далекой, горящей в горне родной Москве. В иные минуты хотелось падеть шаманскую шубу с 9 парами колокольцев, взять бубен и кружиться, быть в страшной горной пустынности. Годичный плен мой кончился с приближением партизан.

Первое свое произведение — стихотворение — напечатал я в 1907 году, первый рассказ — в 1911 году. Но по-настоящему подошел к литературе значительно позднее: мешали всякие обстоятельства. С 1921 года явилась возможность отдаться художественно-литературной работе целиком.

Редакция «Нового мира» скорбит о смерти талантливого советского писателя, постоянного автора нашего журнала — Павла Низового.

Творческая жизнь художника оборвалась, когда он был еще полон неосуществленных литературных замыслов. После романа «Недра», который печатался на страницах «Нового мира», Павел Низовой работал над второй частью своего романа «Океан», над рассказами и очерками, мечтал о создании книг на боевые темы современной советской действительности.

Любовь к советской литературе, глубокая заинтересованность в ее судьбах, в путях ее развития, скромность в быту, высокая честность художника и преданность своему народу характеризовали Павла Низового как человека и писателя. Таким он и останется в нашей памяти.

БИБЛИОГРАФИЯ

ПРИНИЖЕНИЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

В вышедшем не так давно «Московском альманахе» напечатан роман Тихона Булагина «Китайская стена». Кое-кто из критиков попытался было сразу поднять это произведение на щит, отыскав там даже куски, достойные «войти в школьные хрестоматии». Что же касается недостатков «Китайской стены», то они были объяснены единственно «спешкой», с которой роман якобы писался. Интересно прозерить, в какой мере эти критические восторги обоснованы.

Сюжет романа Тихона Булагина крайне несложен.

Главными действующими лицами «Китайской стены» являются муж и жена Сандуновы, причем кончается роман тем, что жена уходит от мужа. Что же между ними произошло, что обусловило их разрыв?

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, нужно охарактеризовать вкратце обоих основных героев романа.

Муж — Андрей Иванович Сандунов — бывший напман, сидевший в тюрьме и забравшийся затем в глушь, в маленький городок Киргизии Коктаргау, заготовителем зверей для Зоотреста.

Автор или, вернее, авторы романа («Литературная газета» поспешила зачем-то объявить, что под псевдонимом «Тихон Булавин» скрываются два молодых писателя) рисуют Сандунова человеком энергичным, предприимчивым, всегда готовым проявить свою инициативу. Но отличительная черта его в том, что к любому делу он подходит с одной мыслью: нельзя ли на нем подзаработать? Чуть ли не каждый день он рассылает письма по самым неожиданным адресам, в различнейшие учреждения и организации. Институту санитарии и гигиены он пишет об оздоровлении воды, кинофабрике «Мосфильм» предлагает заснять фильм о ловле диких зверей. Осоавиахиму представляет обстоятельный доклад о постоянно дующем ветре Сантас и возможности создания планерной станции. И все свои, корреспонденции он неизменно заканчивает фразой: «По роду своей деятельности я мог бы принять на себя полномочия по дальнейшей, более конкретной, разработке этой, интересующей вас и меня проблемы...» «Казалось солнеч-

ный закат и горный ландшафт, полет совы и крик ишака — решительно все могло вызвать в нем мысли о доходах, всему он мог бы придать коммерческое выражение». Нет, пожалуй, надобности, добавлять, что клиентов своих Сандунов при всяком удобном случае обсчитывает, в чем не видит ничего для себя зазорного, — это само собой разумеется. «Все, все зиждется на личной заинтересованности» — так гласит незатейливая философия Андрея Ивановича, в правильности которой он совершенно искренно убежден.

Весьма любопытно рассуждает о Сандунове его начальство — Жариков: «...За этот год Сандунов заготовил больше зверья, чем все три базы на озере. Сандунов — прекрасный организатор. Весьма возможно, что Андрей Иванович жулит, но что поделаешь... Половина плана держится на Сандунове... А потом, ну его к черту, подозревать подлеца в каждом человеке. Надоедливая это штука. Крад бы Сандунов тысячи. Тогда Жариков первый бы посадил его. А так, по мелочам.. подумаешь — вора поймали».

Страсть приобретателя, переросшая в конце концов в инстинкт, приводит Сандунова к полнейшему краху.

После того, как его покидает жена, Андрей Иванович, чувствительно этим «предательством» затронутый, едет в Москву, куда везет, между прочим, для Академии Наук найденные в горах метеориты. «На что он надеялся — этот человек с метеоритами? Он не собирался, конечно, сделать карьеру в Академии Наук, нет, командировка с метеоритами нужна была, как официальная зацепка, как визитная карточка — удостоверение в гражданской активности и положительности».

Но по дороге в одном из камней, по ошибке принятом за метеорит, он неожиданно обнаруживает золотую жилу. И сразу же резко нарушается душевное равновесие Сандунова. Такой камень, понятно, Сандунов никому не отдаст. В Москве, в гостинице, он пробует извлечь из камня его золотое ядро. Он спешит, боясь, что его поймают и отберут драгоценный металл. Когда администрация гостиницы, обеспокоенная непрерывным стуком в номере, взламывает двери, она застаёт Андрея Ивановича

в таком состоянии, что пришлось немедленно вызвать к нему карету скорой помощи...

Жена Сандунова — Раиса Львовна — чужда стяжательских интересов своего мужа. О том, что он собой представляет, ей известно, но только — «в общем и целом»; держать жену в курсе всех своих комбинаций Сандунов находит излишним. Впрочем, они ее и не занимают особенно. «Что бы муж ни делал, — считает она, — муж есть муж». И если бы Андрей был более к ней внимателен и жила бы она не в таком захолустье, — Раиса была бы, по всей вероятности, вполне довольна своей судьбой. Но так как Сандунов по-настоящему Раису не любит и так как ему не всегда удается скрыть свою природную грубость и эгоизм, то между ними нередко вспыхивают ссоры.

На протяжении всего романа тщательно подчеркивается, что уход Раисы от Сандунова смог осуществиться лишь благодаря ряду случайностей.

«Раиса вернулась домой. Она медленно оглядела комнату, прощлась по ней, от вещи к вещи, достала рубашки Андрея, — просмотрела их, пришила пуговицы, заштопала дыры. Она не торопилась. Села возле своей корзины и стала потихоньку складывать туда: пудреницу, вазочки, портреты родителей, платья, туфли, два бронзовых подсвечника. Туфли она завернула в старое полотенце.

Если бы кто-нибудь вбежал сейчас и крикнул Раисе: «Не надо», — тогда, может быть, все пошло бы по-другому. Но никто не вбежал». И Раиса, сама того не очень желая, уехала.

Даже из города Таш, куда она попала после Коктару, Раиса, возможно, возвратилась бы к мужу. Телеграмма, отправленная ему, несмотря на свой сухой тон («Прошу не беспокоиться. Письма пересылайте Таш востребования»), должна была послужить мостиком для нового их сближения. Но, оскорбленный в своих лучших чувствах, Сандунов вовсе не намерен был торопиться с розысками сбывшей жены, а в Таше тем временем Раисе на ее счастье встречается Жариков, разъезжающий по обязанностям службы от одной базы к другой. Он устраивает Раису на работу в зверосовхоз, способствуя, таким образом, началу ее самостоятельной жизни.

Вот по существу и все события, развертывающиеся перед читателем в романе «Китайская стена». Все остальное играет в нем только подсобную роль.

Пока читаешь роман, неоднократно задаешь себе вопрос: «А что же будет дальше?» Но не беспокойством за судьбу героев, не стремлением скорей узнать, по какому пути они пойдут, порождается такой вопрос. Задаешь его себе потому, что уже первых двадцатитридцати страниц романа достаточно, чтобы понять, чем являются и Сандунов, и Раиса. Это — существа довольно примитивные и когда, перелистывая страницу, видишь, что авторы и дальше продолжают скрупулезно изучать своих малозначительных героев (ничего нового о них, однако не говоря), то поневоле стано-

вится скучно. Ведь в конце-концов перед нами не рассказ, а роман, и роман большой, «отменно длинный, длинный, длинный». Выбор жанра должен быть оправдан содержанием произведения.

Лишь из последней страницы «Китайской стены» мы узнаем, что все наши предположения относительно смысла прочитанного были ошибочны и что авторы не просто бытовую историю нам рассказывали, а что они поставили сложную и важную проблему. Раису в конце романа, «под занавес», так сказать, дважды называют «товарищем».

Так вот, оказывается, в чем состоял авторский замысел! Мы думали все время, что люди так, характерами не сошлись, а на самом деле, как выясняется, между ними целая «китайская стена» воздвиглась! Обращение к Раисе, как к «товарищу», по всему судя, символично: оно должно свидетельствовать о начавшемся (или, может быть, только предстоящем) «перерождении» молодой женщины.

Различие жизненных путей в условиях советской действительности — такова, по заданию, тема романа. Один путь — Сандунова — ведет к гибели; другой — Раисы — к новой жизни, несравненно более красочной, интересной и содержательной, чем ее прежнее серенькое существование. Но это лишь задание, которое никак в романе не реализовано. Не реализовано из-за ложной, порочной установки авторов, поведших повествование в обход темы.

Наша страна, большевистская партия в самом масштабе переделывают, перевоспитывают людей, затронутых в той или иной мере собственнической, буржуазной и мелкобуржуазной психологией. Тема переделки сознания людей — законная и естественная тема советской литературы, более того, это — одна из основных ее тем, и неудивительно, что многие советские писатели посвятили свои произведения ее разработке. Но, к сожалению, во многих произведениях разрешена она поверхностно, несерьезно.

«Перерождаются» герои в таких произведениях с поражающей быстротой и легкостью. Глубокие и трудно распознаваемые подчас процессы переделки психологии сводятся в них нередко к простоватой, игрушечной схемке. Увидал, скажем, одиночник, как работают тракторы и комбайны, и — бац! — моментально появилась у него социалистическая психология, и он сразу же стал горячим приверженцем колхозного строя!

Авторы «Китайской стены» учли в своей работе ошибки такого рода произведений и отказались от неправдивых, упрощенческих схем скоропалительного «перерождения». Они отлично понимают, что если они Раису (такую, какой она изображена ими) представят в конце романа «новым человеком», то вряд ли кто им поверит. Но вместо того, чтобы, оттолкнувшись от схематического подхода к изображению нашей современности, попытаться показать процесс изменения своей героини во всей его сложности и противоречивости, они предпочли, грубо выражаясь, заняться разма-

званием внешних обстоятельств ухода Раисы от мужа. Так, дескать, никто нам упрека в неправдоподобности придуманных нами ситуаций бросить не сумеет! А от того, что должно было составить сердцевину вещи, они сочили возможным отделаться невинным намеком.

Художественную «методологию», которую применили в своем романе авторы «Китайской стены», можно было бы назвать методологией «вокруг да около». Писатели ходят вокруг да около большой, настоящей важной темы, но прикоснуться к ней всерьез они как-то не осмеливаются. В решительный момент, когда ход событий, ими же самими замеченный, подводит их вплотную к необходимости показать глубочайшие переломы в психике человека, они прибегают вдруг к малоразумительной скороговорке, хотя они щедры на слова, когда дело касается второстепенных подробностей. «Сотворчество» читателя зовется ими на помощь там, где всего настоятельнее требуется их собственное творчество. Нужно ли говорить много о том, что и художественная, и идейная ценность произведений, написанных по такому методу, минимальна?

Чем же можно объяснить такое отсутствие художественной смелости, заставляющее обходить в теме то, что составляет ее существо? Где следует искать источник этой писательской работы (чтобы не употребить более резкого слова — трусости)? Несомненно, ее следует поставить в непосредственную связь с непониманием нашей советской действительности, с неумением различать ее ведущие тенденции, видеть в ней новое, растущее, побеждающее. Но подобная близорукость неизбежно должна привести и приводит к искажению действительности. В «Китайской стене» оно сказывается, в частности, в чрезмерном выпячивании обывательщины, мещанства, которые якобы чуть ли не совершенно захлестывают советскую «провинцию».

Кого видит вокруг себя в Коктарау Раиса, каково ее окружение? Это — «счастливый Васенька», продавец в керосинной лавке, сентиментальный и трусоватый молодой человек; это — старуха Вера Павловна, которой становится «легче», когда она измажет во сне своему мужу лицо чернилами; это, наконец, — тот же Жариков, покровительствующий жульническим махинациям Сандунова, о котором речь шла у нас выше. Как будто людей иного типа в городе вовсе и нет или Раисе встретиться с ними «не дано»!

Правда, в виде некоей противоположности Жарикову авторами романа задуман, повидимому, Карпенко. Этот Карпенко, постоянный спутник и помощник Жарикова, явно недоволен тем, что последний покрывает подозрительные проделки Сандунова. Но свою точку зрения Карпенко отстаивает в высшей степени вяло. «Он высказал все, что считал нужным. А там, — рассуждает он, — пусть разбирается начальство». Такая же вялость, если верить Тихону Булавину, свойственна и другим советским людям, живущим в Коктарау. В результате в «Китайской стене» стирается, сво-

дится на-нет грань между людьми маленькими и людьми мелкими, между «маленькими» людьми, которые, по выражению А. М. Горького, совершают великую работу, и мелкими людьми, которых можно с большим или меньшим правом отнести к разряду «механических граждан» СССР.

Действительно новых людей в «Китайской стене», в сущности, нет совсем. Нет там тех людей, которых так ярко охарактеризовал В. М. Молотов в своем докладе от 6 ноября 1939 года, посвященном XXII годовщине Октябрьской революции.

«Самое важное, — говорил тов. Молотов, — в достижениях Советского Союза к сегодняшнему дню заключается в том, что у нас, по всей стране, у всех советских народов выросли кадры новых, сознательных советских людей, которые ведут за собой миллионы и десятки миллионов. Эти люди по-новому, не так, как это встречается на каждом шагу в капиталистическом обществе, и не так, как это было еще недавно в нашей стране, а действительно по-новому, по-социалистически относятся к своему труду и к своим обязанностям перед государством. Это не значит, что в нашей советской среде нет отсталых людей. Нет, их еще немало. Больше того, нельзя не признать, что общественно-культурный уровень широких слоев еще поднялся совершенно недостаточно, если судить с точки зрения перспектив коммунизма. Но наши люди, люди советской страны, прошли уже 22 года Октябрьской Социалистической Революции, у них уже, в известной мере, выросли новые представления об отношениях между людьми и новые взгляды на обязанности перед народом и социалистическим государством, которые в корне отличаются от представления людей, пропитанных буржуазными предрассудками капиталистического общества. Именно эти-то новые люди и задают тон в нашей стране, вплоть до заводов, фабрик и колхозов»¹.

Передовые советские люди, люди, «задающие тон» в нашей стране, своим примером, своей самоотверженной работой по-новому увлекают за собой отстающих, способствуют их перестройке, их воспитанию в духе коммунизма. Иначе не бывает и быть не может. Думать, что отсталые люди смогут выйти из состояния своей отсталости лишь благодаря тому, что они живут в Советском Союзе, без поддержки передовиков, — значит, представлять себе процессы переделки людей совершающимися автоматически.

Кто же, спрашивается, «задает тон» в «Китайской стене»? Получается так, что — Жариков. Более достойного устроителя судеб Раисы авторы романа подыскать не захотели.

Вывигание на первый план Жариковых, как чуть ли не преобладающей на периферии силы, отразилось определенным образом и в описании крушения Сандунова.

¹ В. М. Молотов, XXII годовщина Октябрьской Революции. М. Госполитгиздат. 1939, стр. 15.

Продемонстрировав довольно убедительно живучесть, цепкость и пронзительность этого своего «героя», авторы «Китайской стены» заставляют его затем внезапно... сходить с ума. Но этим самым проблема социальной обреченности подменяется проблемой психологической неустойчивости. На самом деле типы, подобные Сандунову, куда более толстокожи, чем это изображает Тихон Булавин: они спокойно и уверенно живут себе, приспосабливаясь к меняющимся обстоятельствам, и до тех пор, пока к ним не присмотрятся и по-серьезному за них не возьмутся, они упорно продолжают свою вредную, паразитическую «деятельность».

Однако найти в Коктарау людей, которые, быть может, на первых порах и были обмануты Сандуновым, но потом сумели разглядеть его и воздать ему должное, авторы романа опять-таки не захотели.

Серость, которой наделены в «Китайской стене» все без исключения персонажи и боль-

ше всего персонажи «положительные», — Карпенко, комсомольцы, доктор, председатель райисполкома, — по всей видимости, принципиальна. И вызвана она не просто недостатком таланта, не только скудостью изобразительных средств, имеющихся в распоряжении художника, но и сознательным желанием избежать ярких красок.

Прямым следствием этого является принижение советской действительности, в которой самое ценное оставляется в тени. С какой же холодной незаинтересованностью надо к ней подходить, чтобы в таком вот свете ее изображать?!

Остается добавить, что недочеты, обнаруженные нами в «Китайской стене», присущи далеко не одному этому роману. Но в романе Тихона Булавина недостатки эти проявились особенно отчетливо и выпукло, с показательной, если можно так выразиться, ясностью.

Г Ленобль

ВЫДАЮЩИЙСЯ КРИТИК И ПУБЛИЦИСТ *

Писарева у нас издают мало. Еще меньше пишут о нем. Рецензируемая книга является последним по времени изданием статей Писарева, но как неполно представляет она наследие талантливого критика и публициста! В сущности говоря, мы до сих пор не имеем еще советского собрания сочинений критика. Выпущенный в 1935/36 г. двухтомник ни в коей степени не может восполнить этот пробел.

Не лучше обстоит и с трудами о Писареве. Известная книга В. Кирпотина «Радикальный разночинец Писарева» сыграла свою роль в освещении творчества критика. Но, даже будучи переизданной, а в отдельных частях повторенной во вступительных статьях к разным изданиям Писарева, эта работа все же не может заменить систематическое и серьезное исследовательское изучение, которое заслуживает большое литературное наследие критика.

Об этом нужно напомнить в связи с исполняющимся столетием со дня рождения Писарева (1840 — 14/X — 1940). Выдающийся критик, пламенный публицист, замечательный литератор не может не привлечь внимания советских читателей, бережно относящихся ко всем ценностям классической литературы. И, однако, Писарев еще мало известен, взгляды на творчество критика поражают своей неопределенностью, и, наряду с традиционными хулителями знаменитого «разрушителя эстетики», все еще редко можно встретить людей, справедливо оценивающих истинное значение автора «Реалистов» и «Мыслящего пролетариа-

та». Противоречия творческой деятельности Писарева характерны для развития русской критической мысли и отражают реальные противоречия жизни той эпохи. Только с этой точки зрения можно правильно взглянуть на сущность эстетики Писарева и оценить действительное значение его литературного наследия для социалистической культуры.

В. Кирпотин во вступительной статье рецензируемого сборника указывает, что «для Писарева искусство есть одно из проявлений тунеядства. Для хозяйственного преобразования нужны капиталы; их мало, а тут еще русский человек способен и последний двургривенный поставить ребром, выкинуть его на ветер, истратить на сивуху или на искусство, в зависимости от индивидуальных вкусов и привычек. Таковы причины борьбы Писарева с искусством» (стр. 18). Это суждение Кирпотина, являющееся заключительным в ряду аналогичных доказательств о причинах «борьбы Писарева с искусством», нам представляется мало основательным. Можно ли утверждать, что для Писарева всякое искусство было лишь проявлением тунеядства и что трату денег на сивуху критик принципиально отождествлял с тратой на искусство? Может быть, отдельные полемические выражения Писарева и дают формальное право сделать этот вывод, но такое обобщение точки зрения критика вряд ли соответствует истинному духу и реальному смыслу его эстетической программы.

А между тем вопрос заключается в том, против какого искусства боролся Писарев, какие эстетические каноны он ниспровергал, какое художественное творчество считал бесполезным для народа. Не поставив этих само собою разумеющихся вопро-

* Д. И. Писарев, Литературно-критические статьи (избранные). Вступ. ст. В. Я. Кирпотина. Гослитиздат. М. 1939, стр. 638.

сов, исследователь рискует отрезать себе путь к правильному пониманию всей эволюции критических идей Писарева.

Не удивительно поэтому, что в упомянутом вступлении мы находим и такие строки: «Разрушение искусства вовсе не открывало тропы в обход самодержавия и крепостника-помещика (?! — Г. Б.). Оно свидетельствовало лишь о мелкобуржуазной природе Писарева, ибо радикальный и решительный тон, взятый им по адресу искусства, был признаком его поворота вправо в основной области — в области политики. Вместе с тем социальный идеал Писарева второй половины его деятельности лишний раз обнаруживал свой буржуазный характер. В разрушении искусства сказался тот самый пуританский дух, который на Западе, проповедуя умеренность в потреблении, и ополчаясь против излишеств и украшений в быту и общественной жизни, создал наиболее благоприятные психологические условия для капиталистического накопления. А ведь и цель писаревского наступления на эстетику сводилась к стремлению изъять средства из чисто потребительской сферы приложения и бросить их на капиталистическое грюндерство» (стр. 20).

Итак, Писарев — разрушитель эстетики не более, чем идеолог капиталистического грюндерства. Трудно поверить тому, что изложено в этом абзаце! Непонятно также, что хотел сказать автор о Писареве, не открывающем «тропы в обход самодержавия и крепостника-помещика». Неужели отсюда следует, что эстетическая теория Писарева не направлена против идеологии самодержавия, а как-то совпадает с ней?!

Мы не собираемся хотя бы и в юбилейные дни искусственно обелять знаменитого критика и изображать его творческий путь прямым, как Невский проспект, или гладким, как полированное дерево. Но нельзя в то же время равнодушно проходить мимо несправедливых оценок деятельности Писарева, имеющих к тому же немалое распространение. Нельзя не отвергнуть обвинения в каком-то, хотя бы и косвенном, созвучии с крепостничеством, обвинения, направленного против одного из наиболее замечательных русских просветителей, которые, по словам Ленина, были одушевлены «горячей враждой к крепостному праву и в сем его порождениям в экономической, социальной и юридической области», и отстаивали интересы народных масс, главным образом крестьян¹. В такой же мере неправильно связывать эстетические идеи Писарева с капиталистическим грюндерством в той форме, как это делается в названной вступительной статье.

Нельзя, разумеется, впасть и в другую крайность, как склонны поступать некоторые историки литературы, целиком отождествляя Чернышевского и Добролюбова с Писаревым и превращая последнего в верного продолжателя идей революционной демократии. Не лишне

напомнить, что, неоднократно говоря о предтечах русской социал-демократии, Ленин нигде не упоминает в этой связи Писарева, в то время как именно Белинский, Чернышевский и Добролюбов, по мысли Владимира Ильича, и являются этими предшественниками.

Односторонние суждения не могут, разумеется, пролить свет на сложный и противоречивый путь выдающегося критика, и в этом смысле вступительная статья рецензируемого сборника оставляет желать лучшего.

Обратимся, однако, к текстам Писарева. В книгу литературно-критических статей включены следующие работы: «Генрих Гейне» (1862), «Русское правительство под покровительством Шедо-Ферроги» (1862), «Реалисты» (1864), «Роман кисейной девушки» (1865), «Пушкин и Белинский» (1 гл.) (1865), «Разрушение эстетики» (1865) и «Мыслящий пролетариат» (1865). Конечно, это только небольшая часть литературного наследства критика, и многие отличные статьи Писарева (например, «Базаров») остались за пределами книги. Но и собранные здесь работы дают яркое представление о творческом пути одного из наиболее талантливых деятелей русской культуры.

Раньше всего об отношении к искусству и художникам. Выше мы уже выразили свое сомнение в справедливости тезиса о враждебности Писарева ко всякому художественному творчеству. Сейчас мы можем рядом выдержек из статей критика показать, что он был, действительно, непримиримо враждебен, но только по отношению к писателям определенного типа и к некоторым видам искусства. Писарев вел ожесточенную борьбу с реакционными эстетическими теориями и аристократическими канонами в искусстве. Он боролся с защитниками так называемой чистой поэзии, с теми, кто утверждал искусство, отрывающее от жизни, чуждое и враждебное массам. Критик ненавидит тех художников, которые замыкаются в узком кругу своих личных переживаний, игнорируют жизнь с ее реальными противоречиями, занимаются изображением того, что они находят в своем скромном существовании, и что совсем не отвечает идеалам и требованиям народа

«Они, — указывает Писарев, — чрезвычайно довольны теплой жизнью и, в наивности души, принимают свой крошечный теплый уголок за великий, богатый и разнообразный мир, в котором все высшие человеческие потребности находят и должны находить себе полное и всестороннее удовлетворение. Эти пигмеи, говорю я, или не знают великих вопросов широкой, действительной, мировой жизни, или же не хотят их знать, прикидываются глухими и слепыми, чтобы оправдывать в своем собственном мнении свою канаречную жизнь и деятельность» (стр. 255 — 256). Вот в кого посылает критик свои разящие стрелы. Он борется за искусство, насыщенное социальными вопросами. Не отзывчивость «на каждый грошовый вздох смазливой барышни» нужна в литературе, а подлинное сочувствие действительным интересам и нуждам народа. Только

¹ В. И. Ленин, Соч., том II, стр. 314.

такие писатели могут, по мнению Писарева, привлечь симпатии общества, и только они отвечают высоким требованиям истинной поэзии:

Как видим, критик совсем не отвергает всякое искусство безотносительно к его идеям, к его содержанию. Наоборот, критерий идейности, содержательности является для Писарева решающим, и это действительно и для нашего времени, как актуальны для нас и выступления критика против людей, изображающих свою «канареечную жизнь, в качестве «мировой жизни». По адресу некоторых советских писателей можно было бы с полным основанием направить приведенные выше слова.

А разве не созвучны нам блестящие строки Писарева, которые находим в «Реалистах»? Поэту, по словам критика, нужно «писать кровью сердца и соком нервов, необходимо беспредельно и глубоко сознательно любить и ненавидеть. А чтобы любить и ненавидеть и чтобы эта любовь и эта ненависть были чисты от всякой примеси личной корысти и мелкого тщеславия, необходимо многое передумать и многое узнать. А когда все это сделано, когда поэт охватил своим сильным умом весь великий смысл человеческой жизни, человеческой борьбы и человеческого горя, когда он вдумался в причины, когда он уловил крепкую связь между отдельными явлениями, когда он понял, что надо и что можно сделать, в каком направлении и какими пружинами следует действовать на умы читающих людей, тогда бессознательное и бесцельное творчество делается для него безусловно невозможным. Общая цель его жизни и деятельности не дает ему ни минуты покоя; эта цель манит и тянет его к себе; он счастлив, когда видит ее перед собой яснее и как будто ближе; он приходит в восхищение, когда видит, что другие люди понимают его пожирющую страсть и сами с трепетом томительной надежды смотрят в даль, на ту же великую цель» (стр. 259—260). Разве не должны наши критики и этими острыми мыслями руководиться в процессе анализа явлений советской литературы? Разве не должны и наши писатели учесть эти пламенные строки?

Таким образом, Писарев был не только разрушителем, каким он себя заявил еще в «Схоластике XIX века» — первой своей большой работе. Он не только ниспровергал, как пытаются доказать его критики, но и утверждал, причем его положительные, созидательные идеалы, его взгляды на роль и значение писателя, его мысли о типе художника представляют живой интерес и сегодня.

Увлеченный стремлением расчистить почву для ростков нового искусства, Писарев иногда оказывался в плену крайностей, и многие его суждения (вспомним знаменитые статьи о Пушкине и Белинском, о Щедрине и др.) были совершенно ошибочны. Это, конечно, объясняется и приверженностью Писарева к философии механического материализма Бюхнера и Мошотта; в значительной мере это обусловлено и антигисторизмом Писарева, тем, что он не по-

нимал и не принимал диалектический метод. Все это, как и несомненные политические колебания, разумеется, ограничивало размах критической мысли Писарева, приводило его к парадоксам и опрометчивым высказываниям и создало ему громкую славу нигилиста.

Между тем значительное количество статей Писарева свободно от парадоксальности и несообразностей, и многие статьи его содержат блестящие образцы критических оценок и суждений. В рецензируемом сборнике мы находим ряд таких статей.

Одним из наиболее любимых героев нашего критика был тургеневский Базаров. Это он «с первой минуты своего появления приковал к себе все мои симпатии, и он продолжает быть моим любимцем даже теперь» — говорит Писарев уже три года спустя после появления «Отцов и детей» (стр. 139).

Критику близок был созданный великим реалистом образ демократа-разночинца, и он посвящает ему много восторженных страниц. Пожалуй, именно эти высказывания Писарева дают наиболее интересную и по сей день характеристику «нового типа» в русской литературе. Писарев понимает, что сочувствие Тургенева, человека других взглядов, не могло быть полностью на стороне Базарова. Но критик далек от того, чтобы обвинить художника в фальсификации жизни, как это делали некоторые недалековидные современники. «Вглядываясь в своего Базарова,—говорит Писарев,—Тургенев, как человек и как художник, растет в своем романе, растет на наших глазах и дозревает до правильного понимания, до справедливой оценки созданного типа» (стр. 162).

И, однако, Тургенев создал своего героя, наблюдая его лишь со стороны. Изнутри же показать героя-разночинца может, по мысли Писарева, только художник, целиком вдохновленный идеалами новых людей. Таким писателем и явился для Писарева Чернышевский. «Что делать» — это целая галерея характеров новых героев. Автор этого романа, как указывает Писарев, «знает не только то, как думают и рассуждают новые люди (это знает и Тургенев по журнальным статьям, писанным новыми людьми), но и то, как они чувствуют, как любят и уважают друг друга, как устраивают свою семейную и повседневную жизнь и как горячо стремятся к тому времени и к тому порядку вещей, при которых можно было бы любить всех людей и доверчиво протягивать руку каждому» (стр. 531).

Роману «Что делать?» Писарев посвящает специальную статью — «Мыслящий пролетариат». В ней он обстоятельно характеризует моральный облик героев Чернышевского — людей, целиком отдавших себя высокому гражданскому долгу.

Писарев сочувственно оценивает изображение в романе семьи и дружбы новых людей, он радуется их умению любить без разъедающей рефлексии и неизменных страданий, которыми характеризуются персонажи дворянской литературы, он приветствует оптимизм этих людей, их здоровые чувства, их светлый взгляд на

будущее. Восторженно пишет критик о трудовых идеалах новых героев. Эти слова следует привести: «Новые люди считают труд абсолютно необходимым условием человеческой жизни, и этот взгляд на труд составляет чуть ли не самое существенное различие между старыми и новыми людьми... Для них труд действительно необходим, более необходим, чем наслаждение» (стр. 610). И в этом Писарев — наш великий современник!

Таковы только некоторые черты положительной программы Писарева в искусстве и жизни. Как видим, эта программа весьма значительна и содержит мысли, вполне подтвердившиеся в ходе последующих исторических событий в жизни русского общества и искусства. Понятно, почему Писарев не выносил апологеты обветшалых рутинных форм общественной жизни. Его ненавидели всяческие охранители и реакционеры, но его любили действительно новые люди, подлинные строители разумных и справедливых социальных отношений. Известно, как ценил Писарева В. И. Ленин, который неоднократно сочувственно цитирует его работы, в том числе знаменитое высказывание критика о революционной мечте.

Интересно для характеристики отношения В. И. Ленина к Писареву и свидетельство

Н. К. Крупской, которая познакомилась с сочинениями критика на пути в ссылку к Владимиру Ильичу. «Меня пленила, — пишет Надежда Константиновна, — резкая критика крепостного уклада Писаревым, его революционная настроенность, богатство мыслей. Все это было далеко от марксизма, мысли были парадоксальны, часто очень неправильны, но нельзя было читать его спокойно. Потом в Шуше я рассказала Ильичу свои впечатления от чтения Писарева, а он мне заявил, что сам зачитывался Писаревым, расхваливая смелость его мысли. В шушенском альбоме Владимира Ильича среди карточек любимых им революционных деятелей и писателей была фотография и Писарева»¹.

Творчество Писарева относится к высоким ценностям классического литературного наследия, которое принадлежит народу. Сотая годовщина со дня рождения критика должна быть использована для популяризации лучших его статей. Нужно приступить к изданию собрания сочинений Писарева и выпустить ряд сборников наиболее интересных его работ. Изучению наследия критика надо придать большую глубину и размах, как того заслуживает замечательный критик-демократ, пламенный публицист-просветитель.

Г. Бровман.

★

КНИГИ ПИСАТЕЛЕЙ ВОРОНЕЖА *

Не говоря уже об обширной литературе народов братских республик, даже литературу на русском языке было бы неправильно представлять себе в виде книг, выходящих только в Москве и Ленинграде. Колоссальный расцвет областных центров за годы Сталинских пятилеток, количественное увеличение и повышение роли молодой советской интеллигенции в жизни периферии, — все это естественно привело к выявлению литературных талантов, к появлению интересных произведений, в стихах и прозе, в городах, в которых когда-то даже проезд случайной театральной труппы считался значительным культурным событием.

Нельзя забывать, что многие известные ныне писатели были когда-то «неизвестными» и «провинциальными». К сожалению, наша критика зачастую ограничивается освещением деятельности, так сказать, «литературных китов», не замечая, что территория нашей литературы так же велика, как территория нашей страны, и что было бы своеобразным столичным самонением считать литературных работников на

местах не стоящими внимания людьми. Областными издательствами выпускается много книг, заслуживающих серьезного разбора без скидок на периферийность». Интересное литературное явление в любом уголке нашей страны должно привлекать внимание всей общественности. Только так и может строиться работа по выдвижению, воспитанию, выращиванию новых литературных кадров. Не парадно, а повседневно, не огулом, а индивидуально подходя к каждому писателю в отдельности, — так, как нас учит этому партия.

В 1940 году в Воронеже выпущено немало изданий. Здесь выходит альманах «Литературный Воронеж». Появляются в свет книги отдельных авторов. Ряд работ воронежских литераторов и составляет предмет нашей рецензии.

На страницах, довольно объемистого альманаха «Литературный Воронеж» читатель встречает много имен, разнообразие жанров.

Значительную часть альманаха занимает большая повесть П. Прудковского «Касиловцы». Она же наиболее интересна и в художественном отношении.

Действие повести происходит в совхозе, выращивающем коноплю. Обилие технических подробностей сначала пугает читателя. Не имеем ли мы здесь дело с «конопляной повестью», подобно тому, как бывали когда-то «нефтя-

* «Литературный Воронеж» № 1(8). Альманах воронежского отделения СОП. Воронежское обл. книгоиздательство. 1940 г. Стр. 344.

М. Подобедов, Рождение человека. Рассказы. Воронежское обл. книгоиздательство. 1940. Стр. 244.

О. Кретьова, Старший брат. Рассказы. Воронежское обл. книгоиздательство. 1940. Стр. 200.

¹ Н. К. Крупская. Современные цитаты. «Правда», 3 октября 1935 года, № 273.

ные» и «текстильные» сочинения? Но эти опасения не обоснованы. Автор, к его чести, не ставит перед собой ложной задачи: «отобразить конополо в художественной литературе». Подлинная тема повести — труд, созидательная человеческая деятельность. И там, где автор говорит о труде, об отношении к труду, об его результатах, — он сильнее-всего. А это уже не мало. Мы не сможем рассказать как следует о наших советских людях, если не научимся показывать в литературе их трудовую деятельность, характер которой ярче всего отличает наших людей от людей прошлого, от людей капиталистического мира. А между тем как еще часты во многих произведениях герои, не связанные повседневной работой, показанные читателю лишь во «внеслужебные часы».

Менее удачны страницы повести, посвященные интимным человеческим чувствам. Автору повести кажется, что он ставит интересную бытовую проблему, показывая путанные отношения между редактором районной газеты Борисом Ямпольским и его женой Ксенией. Эти отношения развиваются главным образом в письмах, в подтексте которых решается вопрос жить или не жить вместе Борису и Ксении. «Оригинальность» этих отношений в том, что «на повестке дня вопрос о любви должен стоять в разных», как пишет жене Борис. Все это надуманно и довольно фальшиво. Ксения не участвует в развитии действия повести, и повесть ничего не потеряла бы, лишившись этого персонажа, тем более что и сейчас при чтении легко пропустить страницы, связанные с Ксенией, и целостность впечатления нисколько не нарушится.

Так же не обязательна в повести Сима — жена директора совхоза Назарова. Эта пустая, вертящая мешанка введена лишь для того, чтобы окончательно скомпрометировать в глазах читателя ее мужа — Назарова. Но Назаров ясен и без нее. Описана же она шаблонно, так как десятки раз описывали подобных женщин.

Примитивно введена в повесть линия вредительства. Прудковский последовал здесь плохому примеру многих литераторов, не осмыслив заранее тему. Есть немало произведений, в которых, ткнув пальцем в заранее облюбованного героя, — это-де вредитель, — автор считает себя свободным от художественного раскрытия коллизий, связанных с этим явлением, предполагая, что читатель, знакомый с публицистической литературой о методах иностранных разведок и их агентуры, и сам все знает. Этот нехитрый способ завязывать и развязывать сюжетные узлы не имеет ничего общего с искусством. Ведь тема «преступления» так же должна быть показана рукой подлинного художника, как и тема «подвига», и наказать преступника в литературе отнюдь не означает только передать его в последней главе в руки соответствующих органов. Отрицательные персонажи из произведений Чехова в чеховские времена жили и здравствовали во всей стране, но читатель ясно понимал, что не может так продолжаться вечно, что рано или

поздно история накажет этих людей, этот быт. Дело в том, что писатель «наказывает» художественным разоблачением. Это Прудковский несколько примитивно проделал с Назаровым. Но Назаров у него лишь потенциальный вредитель. Он себялюбив, шкурник, карьерист, а поэтому объективный пособник врагов, но грань, где начинается сознательный враг, он еще не перешагнул. В результате фигура Назарова оказывается слишком мелкой для серьезного разговора. Читатель удивится, как мог долго процветать такой тип в наших условиях. И победа над такой мелюзгой не прибавляет лавров нашим людям, в действительности имевшим дело с врагами более умными и хитрыми.

Как уже говорилось выше, — удачи Прудковского в другом. Они там, где люди действуют, стремясь умножить плоды своих трудов. Не только Борис Ямпольский, но и второстепенные персонажи здесь оживают, и борьба за совхоз не оставляет читателя равнодушным. Думается, что автору следует еще и еще раз порабатать над окончательной редакцией повести, которая может стать интересней, если не гнаться за дешевыми, лишь внешне эффектными положениями.

Хорошо задуман рассказ Бориса Пескова «Годовые кольца». Небольшой по размеру, он привлекает четкостью психологического рисунка, умелым раскрытием внутреннего мира героя. Сюжет его не сложен. Батрак Егор, замученный кулаком-хозяином, решил повеситься. Его спасли. Дерево, с которого сняли полуживого Егора, с тех пор в селе прозвали «Егоркин ясен». Прошли годы. Егор Никитич уже бригадир колхоза. Он знатный человек, уважаемый всеми. Лишь постаревший ясен напоминает ему о тяжелом прошлом. Сегодня Егор знает цену жизни. И он упрямивает лесника: «...заодно спилить и мою виселицу. Не хочу я, совестно мне, понимать? Чтобы не мозолила глаза ни мне, ни людям!»

Чувство человека, ставшего иным, поднявшегося над своим прошлым, здесь удачно передано читателю.

Не без интереса читаются коротенькие «Монгольские рассказы» Евг. Ашуркова. Это сюжетные зарисовки газетного типа о Монгольской народной республике и ее людях. Не отличающиеся особыми художественными достоинствами, они дают читателю интересный познавательный материал.

«Новогодний рассказ» М. Сергеевко и «В грозу» Романа Рязанцева — наиболее слабые произведения в альманахе.

У Сергеевко скучно и нечетко в сотый раз рассказана история о бывших учениках, приехавших почтить своего старого учителя. Язык рассказа серый, невыразительный. Речи всех персонажей как будто произнесены одним и тем же человеком, и только автор может отличить одного героя от другого.

Ссора влюбленных Наташи и Сергея, связанная с колхозными делами, и их примирение показаны в рассказе Рязанцева так мелко и многословно, что глубины чувства людей заметить не удастся.

Стихи Вадима Земного, Садофа Данилова, Бориса Портнова и Вадима Покровского написаны гладко. Но это не похвала для стихов. Запомнить их не хочется, вновь перечитывать их не будешь.

Совсем неудачны стихи Г. Рыжманова. Им свойственно косноязычие, которое нельзя оправдать даже попыткой передать особенности речи людей:

Рассказывали мне в колхозе:
— Случилось то на третью осень,
Колхозную-то, значит. Вот,
Ведь время быстро как идет!
Кажись недавно хоронили
Маришу, что враги убили,
А пролетело семь годов,
Но то забыть нам нелегко.

Даже безымянный рассказчик из колхоза не имеет права говорить такими плохими стихами.

Напечатание их в альманахе безусловная ошибка редколлегии.

«Литературный Воронеж» редактирует М. Подобедов. Подобедов не новичок в литературе. Он печатается уже около двух десятилетий. Творчество Подобедова не часто отмечалось нашей критикой. Возможно отчасти этим объясняется ряд пороков его манеры письма, от которых хочется предостеречь молодых писателей Воронежа.

От большой и волнующей темы еще очень не близкий путь до значительного художественного произведения. Эта тривиальная (но от этого не перестающая быть справедливой) мысль приходит в голову при чтении сборника рассказов М. Подобедова «Рождение человека».

В рассказе «Рождение человека» речь идет о женщине, ставшей в колхозе большой силой; в рассказе «Я поживу» — о том, как творческий труд молодежь людей в нашей стране, Подобедов рассказывает о злобе издыхающего врага («Незваный гость»), о единстве всех поколений рабочего класса в борьбе за лучшую жизнь («Отец», «На подступах к городу»).

В таких общих формулировках рассказы Подобедова как будто отвечают основным жизненным интересам советских читателей, говорят именно о том, о чем хотелось бы услышать от писателя, работающего в наши дни.

Но в искусстве писателя решает не одна тема, а главным образом конкретное художественное воплощение рассказа. Тут-то и начинаются неудачи Подобедова. Создается впечатление, что вопрос «как написать» сравнительно мало волнует автора. И вот мы читаем в рассказе:

«Пирогова работала председателем колхоза недавно, год с небольшим, но за это сравнительно короткое время она заслужила всеобщую любовь. Ее любили за напористый характер, за самоотверженную горячность, с которой она относилась к интересам колхоза.

Любили за то, что именно под ее руководством колхоз «Красная звезда» из расстроеного и отсталого превратился в передовой, получил известность во всей области».

Так целый год жизни героини, год, за который она приобрела много новых и ценных человеческих качеств, укладывается автором в десять строк, звучащих канцелярски и чересчур общо даже для газетной статьи. А таков язык всех рассказов, включенных в сборник. Речь героев еще менее выразительна, чем речь автора.

Написанные таким образом произведения трудно отнести к художественной литературе. Это публицистика, причем неумелая, не согретая чувством, обедняющая нашу жизнь.

Рассказ «Рождение человека» во многом повторяет отдельные коллизии широко известного сценария Виноградской «Член правительства». Речь идет, конечно, не о прямом заимствовании. Фильм по сценарию Виноградской именно потому и пользовался заслуженным большим успехом, что в нем были прекрасно показаны типичные жизненные явления. Они же послужили материалом и для Подобедова, но в его передаче потеряли свою остроту и силу. Подлинные трудности автор сгладил. Противоречия затушевал. И образ новой женщины новой деревни не получился ни в какой мере.

Если бы автор и его редактор Н. Н. Прудковский поработали над тем, чтобы эти же самые факты подать не столь растянуто; если бы любовь Матрены Пироговой к мужу не только декларировалась, а была бы показана, как настоящая чувство; если бы стиль, язык рассказа были бы предметом заботы редактора и автора, — тогда, возможно, вместо длинного, не имеющего кульминационного пункта повествования мог бы получиться рассказ, если не волнующий, то хотя бы интересный.

Фабульные положения, избираемые М. Подобедовым, вообще не блещут оригинальностью. Надо сказать, что это и не так обязательно. Но тем обязательней внимание к раскрытию образа — этой основной задаче писателя, внимание к языку — этому единственному оружию писателя.

С большой серьезностью, с большим чувством ответственности за свое литературное дело написана книга рассказов О. Кретовой «Старший брат», также выпущенная в Воронеже.

Однако из шести рассказов, собранных в книге О. Кретовой, может быть, стоило оставить в сборнике лишь три, помещенные последними. И не потому, что остальные малоудачны, плохо написаны. И в них чувствуется наблюдательность писательницы, ее стремление ярче показать читателю задуманную ею картину.

И все же рассказы «Старший брат», «В ночном», «Директор» хотя читаются легко, но столь же легко и забываются. В них нет «своей изюминки», чего-то нового, свойственного только этому автору.

«Старший брат» повторяет многие рассказы о гражданской войне. Свообразие его в том, что О. Кретова показывает войну с точки зрения мальчика Андрейки, горячо любящего своего старшего брата Романа, гибнущего от

рук белогвардейцев. Здесь хорошо передано беззаботное ребячье спокойствие накануне большого события в жизни родного села — прихода белых. Но в целом кажется, что автор все это вычитал из множества произведений о гражданской войне. Более или менее внимательно вычитано, но не настолько, чтобы рассказать по-своему.

В рассказе «В ночном» интересна лишь сюжетная линия. Мальчик-батрачонок кидает в воду снаряд, приготовленный кулаком для взрыва сельсовета. Но что движет мальчиком в этом славном и не детском деле, О. Кретьова не показала. Враг тоже только назван ею. Это скороговоркой рассказанная сюжетная конструкция.

Таковы первые 130 страниц сборника.

Три последние рассказа из помещенных в нем — «Неизвестное имя», «Маргарита» и «Для себя» — можно, пожалуй, обвинить в чрезмерной лаконичности. Как будто автору кажется, что тема немного мелка и не стоит на ней задерживаться. Но и в этих набросках видно, что их темы по-настоящему близки автору, который может о них хорошо рассказать.

В рассказе «Неизвестное имя» комсомолец Павел Индертов женится и принимает фамилию жены — Пронин. Это не так уж часто бывает. Дело в том, что Павлу надоело слышать, как о нем говорят: «А, это сын знаменитого хирурга Индертова!» О. Кретьова показывает, что в этом законном стремлении не быть «только сыном знаменитости» у Павла все же содержится значительная доля эгоцентризма. Но Павел взрослеет. Чудес, о которых мечтал, он не совершил. Но научился испытывать творческую радость от внесенных им, пусть небольших, усовершенствований в свою работу. И когда его спрашивают, пока-

зывая портрет одного из знатных людей страны: «А вы не брат этого Пронина?», ему уже не обидно, что он опять только однофамилец. Дело, оказывается, не в «известном имени». Важнее всего честный труд, сознание важности своего, хотя бы и маленького дела.

В рассказе «Маргарита» профессор Гуров, у которого 17 лет назад ушла жена, встречается со своей дочерью, которую он не видел все эти годы. Дочь изломана нелепым воспитанием матери — пустой, неумной женщины. И лишь внезапно вспыхнувшая любовь отца пробуждает в девушке человеческие чувства.

Очень интересен рассказ «Для себя». Речь идет о «праве на искусство», о его назначении. Молодой художник терзается творческими сомнениями. Они разрешаются неожиданно для него. Украшая предприятие к празднику, он выполнял большое панно, на котором был изображен Сталин, окруженный детьми. Невольно художник придает лицам детей портретное сходство с детьми, бегающими вокруг, детьми рабочих этого предприятия. Ведь Сталин близок и дорог не только детям, снятым с ним на одной фотографии, но детям всего народа, — значит, и этим тоже!

Так — как будто не хитро, но волнующе верно — раскрылась для него нерушимая связь вождя с каждым человеком из народа. И, показав эту связь в своем искусстве, молодой художник понял — рисовать «для себя — значит для народа» — это неотделимо. В том, как его рисунок был принят родителями изображенных на нем детей, он находит веру в свои творческие силы и сознание «права на искусство». Думается, что в этих простеньких лаконичных рассказах о наших днях и наших людях — подлинная сила О. Кретьовой. Здесь есть свое видение нашего мира и умение по-новому о нем рассказать.

Евгений Крекшин

★

ЗОЛЯ-ХУДОЖНИК *

Под изучением творческого опыта классиков иногда понимается одна текстология; анализ черновых набросков, вариантов, рассмотрение того, как писатель последовательно обрабатывал и шлифовал отдельные места, замечая слово, фразу и т. д.

Автор нового исследования о творчестве Золя М. Эйхенгольд не пошел по этому пути, хотя он добросовестно дает ответ и на все вопросы технологии, кратко рассказывает, как работал Золя, как собирал материал, как классифицировал и систематизировал его, какими пользовался источниками.

Литературный опыт Золя свидетельствует о методичности его работы: сначала составление «наброска», представляющего идеологический

по преимуществу анализ проблематики романа, затем перечень персонажей со сжатой, но четкой характеристикой, потом аналитические «планы»-конспекты, наконец, изучение источников, — книжных, газетных, живых свидетельств, ознакомление с местом действия романов.

Но надо здесь же сказать, что, как ни интересна литературная техника Золя, его метод работы, его писательская самодисциплина, — все это не представляет ничего исключительного. Так же, как он собирал материал для каждого своего будущего романа, составляла заметки плана, конспекты и т. д., — поступали и многие другие писатели до него и продолжают делать после него. Не был он и «мучеником» творчества, «одержимым», как Флобер, например, который месяцами искал какого-нибудь адекватного эпитета и способен

¹ М. Эйхенгольд, Творческая лаборатория Золя. Изд-во «Советский писатель». М. 1940, стр. 232.

был ночью вскочить с кровати, чтобы записать найденное, наконец, нужное слово. Не писал он и много часов под ряд с лихорадочной напряженностью Бальзака.

В процессе работы Золя вносил в свои «планы»-конспекты изменения, и окончательная редакция романа зачастую отличалась от намеченного вначале. В книге М. Эйхенгольца приводятся соответствующие выдержки и даются примеры постепенной кристаллизации образа. Но все же в ней больше говорится не о постепенном созревании образов, а о завершенных замыслах, об образах в романах, и раскрывается их социальный смысл. Помимо описания различных этапов работы писателя, дается обобщающая характеристика творчества Золя в целом, его особенностей, и попутно поднимаются важнейшие принципиальные проблемы, связанные с характером его реализма. И в этом — ценность книги, которая не только трактует о творческой лаборатории Золя, но и о Золя-художнике, об особенностях его реалистической живописи.

Иные критики находят в произведениях Золя некое механистическое единство между физиологическим и социальным началом и считают, что в конечном счете поведение и судьбы персонажей у писателя определяются их наследственностью, их физиологической конституцией. Автор рецензируемой книги присоединяется к тем, кто утверждает, что все содержание эпопеи «Ругон-Маккары», романов «Рим», «Париж» и большинства рассказов Золя опровергает такое сужение его творчества. И он приходит к правильному выводу, что «для большинства романов из серии «Ругон-Маккары» проблема наследственности почти не существует или она является лишь формальной... Проблема наследственности в физиологическом смысле этого слова касается лишь немногих членов семьи Ругон-Маккаров. К тому же нужно иметь в виду, что на тысячу двести, приблизительно, персонажей серии «Ругон-Маккары» членов семьи Ругон-Маккаров насчитывается не больше четырех десятков». (Стр. 15.)

Подавляющее большинство героев серии — это, прежде всего, социальные типы. Физиологическая наследственность не играет никакой роли в таких романах, как «Утроба Парижа», «Добыча», «Эжен Ругон», «Дамское счастье», «Деньги», «Жерминаль». «Ругон-Маккары» — вовсе не история одной семьи, как сказано в подзаголовке, а история нравов и событий целой эпохи. В романе «Утроба Парижа» только одна представительница «семьи» — Лиза Кеню. Но как-раз она физически совершенно здорова, не страдает каким-либо унаследованным недугом, что не мешает ей быть воплощением «социальной подлости», как говорит Золя. В «Жерминале» только Этьен отдаленно связан с «генеалогическим деревом». В подготовительных материалах, в рубрике «Персонажи», в характере Этьена акцентируются его психо-физиологические свойства. Но в самом романе образу Этьена дана всесторонняя социальная характеристика. Этьен дан в движении,

росте: работа в шахте и борьба рабочих воспитывают его. Идеология его складывается и оформляется в процессе классовой борьбы.

Поведению всех остальных героев серии, не связанных с семьей Ругон-Маккаров, дана исключительно социальная мотивировка. В 1869 г., представляя свой план издателю, Золя намечал сюжеты своих романов не только в социально-историческом и социально-психологическом разрезе, но и в физиологическом, ставя во главу угла проблему наследственности. Однако уже в этом проспекте четко выражена та социальная задача, которую ставят себе художник: «Я хочу изучить всю Вторую империю, начиная с государственного переворота до наших дней, воплотить в типах современное общество, прохвостов и героев, изобразить, таким образом, целую эпоху в тысяче подробностей, нравов и событий. Мои персонажи становятся типичными актерами, резюмирующими эпоху», т.-е. индивидуализированными социальными типами. И в предисловии к «Карьере Ругонов»: «...Когда в моем распоряжении будет целая социальная группа, я покажу ее за делом, как агента исторической эпохи (разр. моя. — Б. Г.). Ругон-Маккары... своими личными драмами отражают Вторую империю». Наконец, в письме к Ульбаху по поводу романа «Добыча»: в «Ругон-Маккарах» будет изображена «политика правительства Второй империи, ее финансы, суды, ее церкви, ее система народного разращения».

И именно эта задача выполнена в «Ругон-Маккарах». Последовательно развернут социальный, а не физиологический план. Действие развивается в определенный исторический период, индивидуальные особенности персонажей связаны с типичными явлениями этого периода. Дана социально-классовая мотивировка поведения, строя чувств и мыслей персонажа.

Золя показывает, как под влиянием окружающих условий изменяются даже вкоренившиеся черты, как поведение индивидуума определяется классовой принадлежностью, обстоятельствами, условиями его жизни и борьбы за существование, общественными отношениями. «Ругон-Маккары» — социальная эпопея, представляющая панорамическое воспроизведение состояния классов французского общества 1849—1871 годов. В ней изображены движущие силы эпохи, действующие лица — типические представители классов. Классовая борьба, общественные отношения — стержень всего действия. И эта эпопея, в которой воспроизводится классовое общество со своими противоречиями и противоборствующими силами, действительно является «социальной историей в образах и типах». В этой серии романов не только и не столько обрисованы «нравы» в узком смысле, а вся социальная жизнь, вся полнота общественных отношений и связей. В ней нарисованы во весь рост антагонистические классы. (И в этом, по нашему мнению, коренное отличие «Ругон-Маккаров» от «Человеческой комедии» Бальзака.) В трех романах дана картина состояния пролетариата и его героической борьбы против капиталистического общества.

Золя, как и его предшественник Бальзак, разумеется, не игнорировал физиологии. Образы его героев отличаются полнокровием. Это не бесплотные существа иных романтиков, не ходячие идеологемы. Но Золя стремился, говоря его словами, «показать человека, живущего в определенной социальной среде, которую он каждый день видоизменяет и в лоне которой в свою очередь, претерпевает постоянные изменения». Он не ставил в один ряд социальную среду, природные условия, бытовую обстановку, профессиональную деятельность и т. д. Хотя нужно помнить, что материально-бытовые условия и деятельность человека — его социальная функция, — все это входит в содержание понятия «социальная среда».

Золя прослеживает процесс становления характеров героев под влиянием окружающей их действительности, вскрывает социальную обусловленность их психики. Психологические закономерности и поведение индивидуума, интимное и общественное, строго согласованы и даны в диалектическом единстве. Художник показывает внутренний мир человека в связи с его социальной ролью и в зависимости от нее, показывает классовую практику и раскрывает через нее психологию людей. Психика Ругонов, Мурс, Кеню, Грегуаров, Энбо, Маэ и т. д. социально типична, раскрытием ее типизируется бытие класса. Сохраняя свою индивидуальность, герои Золя — концентрированное выражение общественных типов и отношений. При всей глубине индивидуальных характеристик здесь даны широкие социальные обобщения, ибо писатель ставит себе задачей, по его словам, итти «через отдельных людей — ко многим: к социальной категории, к эпохе». Таковы достижения не теоретика, а художника Золя.

М. Эйхенгольд убедительно отвергает «легенду о психологическом примитивизме Золя», доказывая, что Золя не упрощает жизненные драмы своих героев и зачастую достигает большой лиричности. В известном письме к критику Леметру Золя писал: «Вы помещаете человека в мозг, я же во все его органы. Вы отделяете человека от природы, я же не представляю его вне земли; душу, которой вы наделяете живое существо, я чувствую повсюду». И Золя, мастер социального портрета, создатель психологических образов большой силы и яркости, занимает почетное место среди художников-реалистов и является достойным продолжателем гениального Бальзака.

Хотя такое понимание творчества Золя только намечено в книге М. Эйхенгольда, все же довольно неожиданно звучит на стр. 99 его заявление, что Золя нивелировал человека и природу. Впрочем, автор не приводит этому никаких доказательств и всем своим анализом сам себя опровергает.

Как известно, Золя, так сказать, психологизирует натюр-морт. Некоторые люди, стремящиеся снизить значение Золя во что бы то ни стало, пытаются доказать, что он декадент от реализма, эпигон и т. п., и видят в этом показатель общего декаданса художественной ли-

тературы «после 1848 г.». Между тем все это совершенно ошибочно. Для объяснения социального смысла психологизации натюр-морта у Золя М. Эйхенгольд удачно обратился к разделу первой главы «Капитала» Маркса, названному «Товарный фетишизм и его тайна». «На первый взгляд, — пишет Маркс, — товар кажется очень простой и тривиальной вещью. Его анализ показывает, что это — вещь, полная причуд, метафизических тонкостей и теологических ухищрений... таинственность товарной формы состоит просто в том, что она является зеркалом, которое отражает людям общественный характер их собственного труда... Это — лишь определенное общественное отношение самих людей, которое принимает в их глазах фантастическую форму отношения между вещами»¹.

«Метафоры в описаниях натюр-морта Золя, — говорит автор рецензируемой книги, — в значительной степени могут быть объяснены приведенной мыслью Маркса. Действительно, образы Золя обычно основываются на конкретном позитивном наблюдении; имея это в виду, его метафоры можно считать преувеличенными образами действительности. Золя писал о правдивости в своих романах, как о «прыжке фантазии с трамплина точного наблюдения», стремясь этим подчеркнуть реальную, а не произвольную основу образов своей фантазии. И действительно, зачастую метафоры и сравнения Золя следует рассматривать лишь как литературный способ выражения определенных социальных отношений, которые связывают действующих лиц романа. В них процедируется не чувство или суждение автора, а эмоционально выраженное восприятие окружающих явлений самими действующими лицами романов» (стр. 154).

Как на один из пороков творческого метода Золя, указывали на его знаменитые описания, которые якобы органически не связаны с действием, механически вставлены в повествование и зачастую являются инвентарной описью, простым перечислением. Разумеется, все это можно было приписывать Золя, только совершенно игнорируя как то, что он сам говорил о своих описаниях, так и то, как он их строил. Художник ставил себе задачей изображать среду, формирующую характеры. Поэтому «описание, — говорил он, — состояние среды, которая определяет и дополняет человека». Но это не должно быть самоцелью. И он противопоставляет свой метод приемам Т. Готье. В произведениях последнего среда никогда не служит к определению живого существа, благодаря чему в них — гробовое молчание, они полны только неодушевленными вещами, и из этого мертвого мира не доносится ни человеческого голоса, ни трепета. Описания же Золя, как правильно указывает М. Эйхенгольд, служат раскрытию идеи, играют динамическую роль в композиции романа, органически связаны с фабулой, жизнью действующих лиц. Особенно ярки описания, когда речь идет о совре-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., том. XVII, стр. 80—82.

менных экономических организациях. Однако, по мнению Эйхенгольца, временами «человек исчезает на фоне жанровой картины или приобретает натюр-мортный облик» (стр. 139). Впрочем, такие оговорки не подтверждаются анализом конкретного художественного материала.

Один из важнейших композиционных приемов Золя — повторные описания. Но тот же самый пейзаж или натюр-морт, сопровождая действие, участвуя в нем, принимает все новые социально-психологические оттенки. Пейзаж, сложно оркестрированный, эмоционально окрашенный, как бы звучит и переливается всеми красками, всегда социально-динамичен и является важнейшим компонентом психологической характеристики. Так называемые «описания» в «Карвере Ругонов», «Добыче», «Западне», «Нана», «Жерминале», «Париже» — не безразличные декорации и не простое бытописание, — они насыщены социальным содержанием, они изображают не вещи, как таковые, безотносительно к чему-нибудь, не просто внешний вид города, а его политическую, общественную атмосферу. Эти «описания», хотя Золя не без основания возражал против такого названия своих композиций, отражают настроения действующих лиц, соответствуют их внутреннему состоянию или контрастируют с ним. Характер картин, их колорит и тональность все время меняются в зависимости от характера событий и переживаний персонажей. Причем в самой манере изображения сказывается различное идеологическое осмысление.

В письме к доктору Сен-Полю, написанном в середине девяностых годов, Золя говорит о своей замечательной памяти: «Когда я вызываю в памяти виденные мною предметы, я вижу их снова такими, каковы они в действительности, с их линиями, формой, цветом, запахом, звуком. Это доведенная до крайности материализация». Этим в значительной мере объясняется сила и яркость описаний Золя, их динамичность, осязательность, наглядность, жизненность, то, что Ленин назвал «правдивым восстановлением» всех сторон явления, указав, как пример, описание акта родов в романе Золя «Радость жизни»¹.

Интересно и совершенно правильно указание М. Эйхенгольца, к сожалению, за недостатком места не развернутое им, что публицистичность, тенденциозность произведений Золя «включена в самую художественную форму» (стр. 221). Золя не был бесстрастным наблюдателем, равнодушным регистратором, как уверяет Г. Лукач. В ряде произведений Золя мы находим прямые его оценочные суждения. Но прежде всего он стремился дать правдивую картину, правдиво изобразить социальную жизнь в ее движении, и в ряде его романов авторский вывод из показанного им как будто отсутствует. В этом хотели видеть «натуралистический объективизм» Золя, ущербность его творчества. Между тем, Энгельс уже давно разъяснил, что «тенденция должна сама по

себе вытекать из положения и действия, без того, чтобы на это особо указывалось, и что писатель не обязан подносить читателю в готовом виде будущее историческое разрешение изображаемых им общественных конфликтов». Социальный роман, продолжает Энгельс, «целиком выплывает, на мой взгляд, свое назначение, правдиво изображая реальные отношения, разрывая господствующие условные иллюзии о природе этих отношений... хотя бы автор и не предлагал при этом никакого определенного решения и даже иной раз не становился явно на чью-либо сторону»¹. Это можно отнести к ряду романов Золя. В них он не только правдиво изображает реальные отношения и общественные конфликты, но и явно становится на сторону пролетариата.

Повторяем, эти проблемы только затронуты вскользь в книге М. Эйхенгольца. Но его исследование говорит о высоком мастерстве Эмиля Золя, воссоздает большого художника и опровергает имевшие столь недавно хождение представления с ним, как о бездушном регистраторе, протоколисте и хроникере. Поэтому совершенно неожиданным являются заключительные слова М. Эйхенгольца, что творчество Золя временами было репортажем. Ведь в книге превосходно охарактеризован сложный, многообразный творческий процесс Золя и нигде не показано, что в него входил элемент поверхностного репортажа. Собрание сведений, специальных данных, свидетельства участников события, запись их и т. д. — отнюдь не возбраняется романисту. Такими же «репортерами» можно назвать и многих других писателей, далеких от всякого «натурализма». Но у Золя не «фактография», а преображенная искусством реальность: весь наблюдаемый и собранный материал он, как и каждый подлинный художник, отбирает, обобщает, синтезирует, идеологически осмысливает.

«... Классовая борьба между эксплуататорами и эксплуатируемыми составляет основную черту капиталистического строя»². Все содержание «Ругон-Маккаров» есть изображение именно этой борьбы. И этим Эмиль Золя, бесспорно, положил начало новому социальному роману, как это признал еще Поль Лафарг. Золя, писал он, «указал роману новый путь, — введя в него описание и анализ современных экономических организаций-гигантов и их влияния на характер и участь людей». Оригинальность его в том, что он «взялся за большие социальные явления», что он — «единственный писатель, решившийся сделать попытку изобразить в полном объеме, как социальная необходимость покоряет человека». Поэтому прав был Анри Барбюсс, когда говорил, что западноевропейская литература «найдет себя лишь на том пути, которым шел Золя».

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве, М. 1937, стр. 161—162.

² «История ВКП(б)», Краткий курс, стр. 121.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XXIII, стр. 108.

В романах Золя — не разрозненные действия средних характеров, как утверждали его хулители, вопреки очевидности, вопреки конкретному художественному материалу. Наоборот, особенность его как социального романиста можно охарактеризовать словами Ленина, обращенными им к народникам по вопросу о социологическом исследовании общественно-экономических формаций: в подлинно научном исследовании, в работах Маркса, действия отдельных личностей были «обобщены и сведены к действиям групп личностей, различавшихся между собою по роли, которую они играли в системе производственных отношений, по условиям производства, и, след., по условиям их жизненной обстановки, по тем интересам, которые определялись этой обстановкой, — одним словом, к действиям классов, борьба которых определяла развитие общества»¹.

У Золя — типы, представители класса, социальной группы, и они совмещают в своей психике черты, в отдельности свойственные многочисленным индивидуумам, одной и той же категории.

Отсюда — еще одна особенность Золя, то новое, что он внес в социальный роман. Он любит человеческие массы в движении, волнуемые, охваченные высоким порывом или страстью, деятельные, работающие, борющиеся, и мастерски передает многоголосую жизнь коллектива. Поэт коллектива, он изображает лицо класса, класса в движении, в борьбе, в осуществлении своей социальной функции, воспроизводит, как писал в семидесятых годах один русский пропагандист его творчества, «коллективные проявления общественной жизни, в связи с политическими событиями». Масса изображается динамически, с борьбой внутренних сил, и никогда не обезличена. К тому же, стремясь дать «взаимодействие толпы и индивидуума», как писал он А. Сearу 22 марта 1885 г., он выделяет из массы индивидуальные

образы. Эпический поэт огромной силы, он изображает массу в действии и во взаимодействии с типизированными индивидуальностями.

Сила реализма Золя прежде всего в том, что он вскрывает материальную основу человеческих мыслей и поступков, определяемых реальными интересами. Как немногие другие западноевропейские реалисты, он показал, что мотивом и исходной точкой поступков общественного человека являются не абстрактные принципы, а его действительные интересы.

Золя ближе, чем его западноевропейские предшественники, подошел к правдивому, всестороннему, синтетическому изображению действительности с ее противоречиями и конфликтами. Творчество его в целом, по своей идейной направленности, по своему социальному звучанию, выступает против практики и идеологии буржуазии. Все художественные средства, все элементы стиля использовал Золя для обличения господствующего класса и оправдания и возвеличения класса угнетенных и эксплуатируемых. Именно он первый и единственный из великих западноевропейских реалистов XIX века выдвинул, как он писал в своих подготовительных заметках, «основную решающую идею — что буржуазия закончила свою роль, что она пришла к реакции, чтобы сохранить свою власть и свои богатства, и что вся надежда — в энергии народа».

Изображая с разоблачающей силой реальные отношения и общественные конфликты, Золя, как социальный романист, не только доказал средствами искусства необходимость и неизбежность коренного переустройства общества, но и открыто становится на сторону борющихся за свое социально-экономическое освобождение народных масс. В происходившей на его глазах битве между буржуазией и пролетариатом, между «капиталом и трудом», он стоял на стороне армии труда. В этом огромное значение и ценность Золя для социалистического общества.

Б. Гимельфарб

ТВОРЧЕСКИЕ ПЕРЕВОДЫ

Известный переводчик Сулеймана Стальского — поэт Эффенди Капиев выпустил книгу стихов², составленную частично из переводов, а частично из авторской обработки народного творчества. В «Резьбу по камню» включены и одна из предсмертных песен Стальского, посвященная тов. Ворошилову, и стихи знаменитого даргинского певца Батырая, жившего в XIX веке, и песни романтического бродяги Махмуда, вместе с царской армией проделавшего карпатский поход 1914—1916 гг., и многие безыменные образцы горского фольклора. Книга богата темами и разнородна в

стилевым отношении, но большинство составляющих ее произведений отмечено одним признаком, — неподдельной поэтичностью.

Воскрешая вековые традиции восточной поэзии, книга Эффенди Капиева открывается циклом любовной лирики. Как сообщает об этом автор в своих комментариях, эта любовная лирика принадлежит народному певцу Батыраю, которому народная молва приписывает все яркое, красочное в поэтическом горском фольклоре. Документальные свидетельства об авторе отсутствуют, они заменены авторитетом народной памяти и народного воображения. Образцы, переведенные и воссозданные Эффенди Капиевым, поражают своей лаконичной выразительностью и силой метафорической гиперболы. Поэт обращается к девуш-

¹ Е. И. Ленин, Соч., т. I, стр. 284.

² Эффенди Капиев. Резьба по камню, «Советский писатель», М. 1940, стр. 124.

ке — предмету своей мечты и источнику глубоко возвышенного страдания:

Если б мной ты увлеклась,
Как тобой я увлечен, —
В самый знойный летний день
Льдм покрылась бы река.

Сравнение — достаточно неожиданное и энергичное. Но, не удовлетворяясь им, в следующей строфе автор дает еще более насыщенный, даже парадоксальный по своей крайности образ:

Если б полюбила ты
Так, как я тебя люблю, —
В самый лютый зимний день
Лед покрылся бы травой.

Интересно, что в первой строфе метафорическое выражение любви пессимистично, но, несмотря на глубокую горечь неразделенного чувства, вторая строфа этой исключительной по своей силе лирической миниатюры утверждает любовь как силу творческую, животворную, могущую заставить вопреки законам природы превратить лед в плодородную почву.

Нашим поэтам следует поучиться на образцах этой народной лирики непосредственности и глубине, удивительному благородству и цельности чувства. Острая трагичность переживания порождает в авторе не пессимистические размышления, а возвышенную и могучую страсть, исполненную обаянием силы:

Я ношу в груди огонь,
Гибель сеющих в лесах,
Но, когда, не знаю сам,
Он испепелит меня,
Он испепелит меня.
Разрушительницу гор —
Бурю я ношу в глазах,
Но когда, не знаю сам,
Впрах сметет она меня.

Обычно лирику Востока принято трактовать, как плод сильной, но изнеженной страсти, очень яркой, чувственной, но до некоторой степени условной. Отсюда и пышная декоративность ее образных особенностей. Такое представление читатель усвоил, знакомясь, например, с рядом произведений древнеиранской культуры. Образцы, с которыми познакомил нас Эфенди Капиев, — иного характера. Для горской лирики Батырая характерен скорее строгий и привлекательный своей чистотой трагизм любовного переживания, нежели чувственность Гафиза или Саади.

В цикле стихов народного поэта Махмуда, умершего в 1919 году, и в других образцах лирики, переведенной Эфенди Капиевым, мы явственно различаем связь стиля авторов с традиционными чертами так называемой «восточной» поэтики. Это опять-таки, как и у Батырая, сказывается в яркой метафоричности. Но сама эта метафоричность не отличается декоративной пышностью, ее лаконичность строга, даже как-то по-воински аскетична. Вот один из ее прекрасных, выразительных примеров:

Точно надпись на клинке —
Брови черные твои,
Точно кровь на том клинке —
Губы красные твои.

В цикле песен о герое, переведенных Эфенди Капиевым, еще более полно раскрывается образ воина, человека народа, богатыря, которого «взрастил отец всем трусливым на беду», который руками берет в плен волчьих стаи, жизнь которого неразлучна с египетским клинком, положенным еще в его колыбель. Образ этого героя легендарен, он прямо связан с вековыми представлениями о народном джигите, храбреце. Талант переводчика заставил эти вековые образы наполниться близким и понятным нам содержанием. Вот одна из этих песен, в которой образ народного героя дан в условиях царской России:

Время ль трудное придет,
Против ста — один пойдешь,
Взяв египетский клинок,
Заостренный, как алмаз.
Если встретится беда,
Вступишь с тысячами в спор,
Взяв кремневое ружье,
Все в насечке золотой.
Не уступишь ты врагам,
Не наполнятся пока
Темной кожи сапоги
Красной кровью через край.

Но кремневку точит ржа,
Конь хороший в западне,
А прославленный герой
Сослан в царскую Сибирь.

Старинные горские песни о свободе, песни, рисующие знаменитого Хаджи Мурата, песни, интересовавшие в свое время Л. Толстого, — все они отлично переданы Эфенди Капиевым, сохранившим героический дух исторически обреченного свободолюбия, присущий этим фольклорным образцам. Особенно сильно звучат песни «Черный день», в которой рисуется завоевание горского аула царскими войсками, «Зелимхан», зовущая горцев объединиться против общего врага. Песни эти проникнуты социальной скорбью и гневом. Образы защитников родины даны здесь приподнято, в романтическом ореоле. Непосредственно к этому героическому циклу народных песен примыкают и произведения, созданные горскими певцами в эпоху гражданской войны. Образ красного партизана, борющегося за свободу против Деникина, наделяется теми же легендарными чертами. Но если в песнях эпохи царизма верх берут скорбные, трагические ноты, то здесь на первый план выступает уверенность в бессмертии народа, гордость за героя-партизана, которого не могут сломить никакие тяготы походов и боев:

Сколько ласточек в Чечне,
Столько буйных жеребцов
Ты объездил партизан.

Сколько листьев на айве,
Столько воинских одежд
Износил ты, партизан.

Сколько молний по весне,
Столько сабельных клинков
Испытал ты, партизан.

Надо будет, — ты, как лев,
Выйдешь подвиг совершить.

Вслед за героическим эпосом эпохи гражданской войны Эфенди Капиев дает в своей книге песню о Ленине, которую в 1923 году на октябрьских торжествах в Гунибе пели девушки-горянки, песню Сулеймана Стальского о Ворошилове, эпос, посвященный Серго Орджоникидзе, как народному полководцу, руководителю гражданской войны на Северном Кавказе, песню старого чабана Абуталима «Плач о Кирове», текст которой автор попросил комсомольцев вместе с бюстом Сергея Мироновича отнести на вершину Базар-Дюзи, песню старика хуторянина Омара, которую автор назвал «Будем на-чеку», и, наконец, песни о товарище Сталине. Одна из них, сложенная старым лудильщиком, лакеем Муртазали, недавно овладевшим грамотой, особенно выразительна по силе своей традиционной метафоричности и непосредственности социального чувства:

Реки стремятся к морю,
Железо стремится к магниту,
Травы стремятся к солнцу,
Птицы стремятся на юг.
А люди стремятся к счастью,
Они стремятся к правде,
Сердца их стремятся к дружбе,
Мысли стремятся к тебе.

Любовь к великому вождю народов выражена здесь с такой естественностью и в такой органически целостной поэтической ткани, какие не так часто можно встретить в стихах других поэтов.

Не менее интересны и те подлинно поэтические комментарии-рассказы, в которых Эфенди Капиев дает обстановку записи фольклорных произведений, раскрывает образ автора, говорит о его жизни. Вот как он рассказывает, например, о Муртазали:

«Работает он и до сих пор, несмотря на преклонный возраст, но уже не в затхлом подвале, а в большой и шумной мастерской артели «Новая жизнь». Недавно научившись читать и писать, Муртазали стал завсегдаем местной читальни и поэтом. Мне рассказывали, с каким трудом овладевал он грамотой: пальцы, затвердевшие в долгодетней грубой работе и всю жизнь привыкшие обращаться лишь с молотком и паяльником, не справлялись с тонким, непослушным карандашом. Тогда Муртазали обворачивал карандаш толстым картоном и только в таком виде мог им владеть и водить по бумаге...

Я сожалелю, что не мог дожидаться своего земляка и поговорить подробно о его новой

жизни. Муртазали в то время проводил отпуск дома, в своем родном ауле, а я остановился в Дербенте проездом на два дня специально затем, чтобы описать развалины древнейшей и великой Кавказской стены... Тысячелетия прошли с тех пор, как стоят эти камни. Арабы и хазары поочередно зажигали здесь боевые костры. Караваны, идущие от сердца Азии,—из Ирана, Индии и Афганистана,—непрерывно останавливались здесь, у южных ворот Баят-Капы, что значит «ворота поэта». Над этими воротами на камне высечены знамя и лев. Камень давно уже выветрился и почернел...»

Эта запись-комментарий Эфенди Капиева очень не похожа на те текстологические примечания, которыми снабжают свои фольклорные записи ученые специалисты. Но она имеет все преимущества подлинно поэтического сказа и органически связана с самим текстом песни. Ее хотелось бы видеть не в конце книги, а рядом со стихами.

Работа Эфенди Капиева отличается от тех переводов, которые без знания языка, по подстрочникам творятся иными нашими стихотворцами-ремесленниками в уюте московских квартир. Эфенди Капиев не только собирает фольклор, путешественник, исследователь и переводчик, но прежде всего поэт, чувствующий и понимающий стихи обоих языков, в сфере которых протекает его работа.

Эфенди Капиев знает и горские наречия, и хорошо владеет русским литературным языком. Отсюда — оригинальность его метафор, своеобразие оборотов речи, острота в передаче шутки:

Мне заморская лиса
С красноватою спиной
Пишет письма, чтоб ее
Перевез я в этот край,
— Чтоб тебя перевезти,
Разве я, как армянин,
Пароход арендовал
С сорока огнями в ряд?

В этих строфах ничего нет от традиций русской поэзии, в них весь колорит, все интонации, вся манера иносказательной шутки из стихии другого языка. Но они органически воплощены в строй русского стиха, и потому производят оригинальное, острое и самобытное художественное впечатление.

Как испорчены переводы многих поэтов братских народов СССР благодаря отсутствию у переводчиков художественного такта и вкуса. Нельзя же, в самом деле, переводить Джамбула и употреблять при этом такие банальные, стертые выражения русского псевдопоэтического языка, как «летает горячая кровь», «штыки наготове и порох сухой», «в боях закаленный», «сердца биенье и пламя ума», «над нами горят бирюзой небеса», «песня на битву и счастье вела»¹ и т. д., и т. п.

От национальной формы здесь ровным сче-

¹ Примеры взяты из книги Джамбула «Песни и поэмы», изданной Гослитиздатом в 1938 году.

том ничего не остается, и Джамбул становится похожим на какого-либо шаблоннейшего поэта эпохи «Пролеткульта», а то и конца XIX века.

Эффенди Капиев работает иными методами. Не прибегая к заимствованию уже найденных и ставших обиходными в русской поэзии приемов, он стремится найти для оригинала, созданного на том или ином из горских наречий, особые художественные средства. Именно поэтому книга Эффенди Капиева не только знакомит русского читателя с песнями и стихами горцев, но и вносит нечто новое, свое в русскую советскую поэзию. Его «Резьба по кам-

ню» — отличная работа мастера, показывающая, как многонациональная, многоязычная социалистическая культура обогащает наши художественные приемы, наши изобразительные средства. И социальное, и литературное значение книги Эффенди Капиева, способствующей дальнейшему взаимопроникновению национальных культур Советского Союза, необходимо признать незаурядным. «Резьба по камню» принесет читателю радостное удивление знакомства с интересными и значительными поэтическими явлениями прошлого и настоящего.

Ан. Тарасенков

ЩЕДРИН В ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНИИ

Книга Н. Журавлева «М. Е. Салтыков (Щедрин) в Тверской губернии»¹ написана на основе материалов Калининского областного исторического архива и посвящена изображению деятельности великого сатирика в Тверской губернии в разные периоды его жизни.

Тверская губерния — родина М. Е. Салтыкова (Щедрина): здесь прошли его детские годы, сюда приезжал он позднее, в годы учения, ссылки, служебной и литературной деятельности. Одно время Салтыков (Щедрин) служил в Твери вице-губернатором и немало боролся с административным и помещичьим произволом, защищая угнетенное крепостное крестьянство и фабричных рабочих. После выхода в отставку с поста вице-губернатора, проживая в Твери, Салтыков задумал издание журнала «Русская правда», в котором, в контакте с «Современником», пытался сгруппировать силы, близкие к демократии. В Твери Щедрин написал ряд художественных и публицистических произведений, разоблачающих крепостников-помещиков и либералов. В эти же годы окончательно сложились общественные взгляды М. Е. Салтыкова (Щедрина), — он сближается с «Современником» и становится в ряды революционной демократии 60-х годов.

Журавлев немало поработал над разысканием архивных материалов, над изучением бытового фона и окружения Салтыкова (Щедрина). Привлечение новых фактов и документов позволило Н. Журавлеву осветить ряд моментов в жизни и деятельности великого сатирика, уточнить уже известные факты и дополнить их новыми данными. Все это является большим достоинством работы.

Книга начинается изображением жизни предков и родителей М. Е. Салтыкова. Автор пользуется хроникой «Пошехонская старина» и сопоставляет с нею факты, извлеченные из архивных материалов. В распоряжении Журав-

лева были только материалы из Калининского исторического архива, а семейный архив Салтыковых, переданный не так давно в архив Института литературы Академии Наук, ему не знаком. Но и те материалы, которые привлекает автор, интересны. Они наглядно показывают, как много в «Пошехонской старине» автобиографических моментов, много «своего», которое в сочетании с «чужим» позволило М. Е. Салтыкову создать художественное произведение, исключительное по силе сатирического разоблачения старого мира.

Щедринские прототипы существовали в жизни. Но напрасно мы стали бы искать полного совпадения типа художественного произведения с прототипом в действительности. Правда, иногда «сходство с прототипами простирается так далеко, — пишет Журавлев, — что местами рассказ из «Пошехонской старины» целиком совпадает с биографией теток», но в целом «сопоставление жизненных фактов с картинами произведения дает читателю возможность проследить за тем, как жизненные факты перерабатываются в творческом сознании писателя в картины и образы, обладающие большой обобщающей силой».

Вывод автора из всего анализа и сопоставлений представляется нам совершенно правильным.

«Я слишком близко видел крепостное право, чтобы иметь возможность забыть его, — писал Щедрин в «Признаках времени». — Картины того времени до того присущи моему воображению, что я не могу скрыться от него никуда. Я видел разумные существа, которые, зная, что в данную минуту их ожидает истязание или позор, шли сами, шли собственными ногами, чтобы получить это истязание или позор. Я видел глаза, которые ничего не могли выражать, кроме испуга, я слышал вопли, которые раздирали сердце, но за которыми не слышалось ничего, кроме физической боли; я был свидетелем зверских вождлений, которые разгорались исключительно по поводу куска хлеба. В этом царстве испуга, физического страдания и желудочного деспотизма нет ни одной потребности, которая не минула ме-

¹ Н. Журавлев, М. Е. Салтыков (Щедрин) в Тверской губернии. Калининское обл. изд-во Калинин. 1939. Стр. 120.

ня, которая в свое время не причинила бы мне боли».

Эти воспоминания М. Е. Салтыкова (Щедрин) о мрачной эпохе своей жизни относятся во многом ко времени пребывания в Тверской губернии.

Отсюда вовсе не следует еще вывод, что усадьба Салтыковых, о жизни и быте которой автор приводит немало ярких архивных документов, была исключительной по своей жестокости и что мать писателя была каким-то извергом. Приводимый в книге бытовой фон окружения Салтыковых ясно показывает, что мать писателя была если и не лучшей, то во всяком случае и не худшей среди крепостников-помещиков. Такова была жизнь и в других крепостнических усадьбах, зачастую даже еще более жестокой. Об этом крепостническом быте Щедрин пронес воспоминания через свою жизнь и воплотил его в «Пошехонской старине» уже в 80-е годы. Сила его художественных образов была так велика, что «Пошехонская старина» на многие годы стала острым оружием борьбы с угнетением и эксплуатацией всех рангов и положений.

Интересный материал приведен в главах, рисующих деятельность М. Е. Салтыкова (Щедрин) в Твери в качестве вице-губернатора.

Еще в Рязани, как рассказывают современники в своих воспоминаниях, Щедрин всегда выступал в защиту крепостного крестьянства. «Я не дам в обиду мужика, — говорил он, — будет с него, господа, очень слишком даже будет». За эту защиту крестьян рязанские крепостники прозвали его «вице-Робеспьером» и «злейшим интригантом».

Тверской жандармский штаб-офицер писал о Салтыкове в донесении: «Он искренне жалеет уничтожения крепостного права и деятельно преследует злоупотребления оною, о чем свидетельствует значительное число следствий, бывших в минувшем году, о жестоком обращении помещиков с крепостными людьми...»

Материалы из фондов тверского архива свидетельствуют о заступничестве М. Е. Салтыкова за крепостных крестьян. Он настаивал на утверждении опеки над помещиками Тельповым, Зиловой и Иваненко, которые жестоко обращались с крестьянами. Он защищал крепостных крестьян, которых помещики хотели сослать в Сибирь «за неповиновение», освобождал их из тюрьмы. Факты, приводимые Журавлевым, красноречиво говорят о большой заботе М. Е. Салтыкова о крепостном крестьянстве. Но защищать их и тем более отстоять их дело было необычайно трудно.

М. Е. Салтыков (Щедрин) был беспощаден в борьбе с административным произволом и взяточничеством. Он преследовал всякое злоупотребление. В конце 1860 и в начале 1861 гг. по настоянию губернского правления, которым руководил Салтыков, было возбуждено 22 дела против чиновников тверских губернских и уездных учреждений за взяточничество, воровство казенных денег, произвол и пр. Много злоупотреблений выявил М. Е. Салтыков при ревизии уездных горо-

дов. Отдельные жанровые картины из своих поездок по уездам Щедрин нарисовал позднее в сатирах, а прототипами созданных им художественных образов во многом служили лица, с которыми Щедрин сталкивался в своей служебной практике. Так, описание встречи Салтыкова с исправником Дементьевым, во время ревизионной поездки по уездам, очень напоминает известную картину встречи начальства Хмыловым в «Господах ташкентцах».

Интересные материалы приведены в книге о выступлении М. Е. Салтыкова (Щедрин) против экзекуций, которые широко практиковались после объявления «воли» — манифеста 19 февраля 1861 года. Крестьяне отказывались от барщины и платежа оброка. По Тверской губернии насчитывалось более 500 крестьянских выступлений. Проведением крестьянской реформы руководило губернское по крестьянским делам присутствие, которое состояло из крепостников и возглавлялось губернатором графом Барановым. Кандидатура М. Е. Салтыкова в члены губернского комитета по крестьянскому делу была отведена министром внутренних дел. И, тем не менее, Салтыков пытался повлиять на ход реформы и в первую очередь предотвратить военные экзекуции.

В письме к Якушкину, говоря о деятельности губернского комитета по крестьянскому делу, М. Е. Салтыков замечает, что комитет, «очевидно, впадает в сферу полиции, и в нем только и речи, что об экзекуциях... Уже сделано два распоряжения: о выводе войск для экзекуции». И дальше: «Крестьяне не хотят и слушать о барщине и смешанной повинности, а помещики, вместо того, чтобы уступить духу времени, только и вопят о том, чтобы барщина выполнялась с помощью штыков... Я со своей стороны подал губернатору довольно энергический протест против распоряжения присутствия и надеюсь, что на-днях мне придется слететь с места за это действие».

Протест, о котором говорится в письме к Якушкину, не повлек за собой увольнения М. Е. Салтыкова с поста вице-губернатора, но и не изменил общего течения дел в губернии. Повсеместно применялись экзекуции, и крепостники оружием подавляли крестьянские выступления. М. Е. Салтыков опротестовывал посылку экзекуций. Но и здесь он оставался одиноком и бессильным. Против него стояли крепостники-помещики, и власть находилась в их руках. Нужна была революционная сила другого класса, чтобы уничтожить самую государственную систему крепостнического строя. М. Е. Салтыков (Щедрин) после отставки сближается с «Современником», становится в ряды революционной демократии 60-х годов.

М. Е. Салтыков выступал в защиту не только крестьян, но и рабочих. Приводимые в книге документы о его защите рабочих князя Щербатова и рабочих тверской фабрики Морозова заслуживают внимания.

Н. Журавлев приписывает целиком М. Е. Салтыкову записку о проекте новых фабричных законов, отправленную из канцелярии тверского губернатора в министерство внутренних дел, хотя из контекста видно, что она мог-

ла быть написана другим лицом. Дело в том, что составление записки было «поручено губернатором чиновнику Забелину. Но составлялась записка в тот период, — пишет Журавлев, — когда Салтыков временно исполнял обязанности губернатора».

Журавлева можно упрекнуть в небрежности при ссылаках на архивные фонды цитируемых документов: не везде указаны источники, из которых автор пользовался материалами (напр., на стр. 29, 47, 68 и др.).

По самому замыслу и характеру книга Журавлева эскизна. Отсюда проистекает ее композиционная разбросанность. Перед автором стояла трудная задача: охватить разные периоды жизни и деятельности М. Е. Салтыкова (Щедрина), связанные с Тверской губернией. С этой задачей автор не плохо справился. Приводимые в ней новые материалы представляют большой интерес.

Написана книга популярно, — и в этом ее бесспорное достоинство.

Б. Папковский

★

НОВАЯ КНИГА О БЕЛИНСКОМ

До сих пор мы не имеем, в сущности, ни одной основательной работы, которая суммировала бы весь громадный философско-эстетический опыт гениального критика и осмыслила значение его наследия для современной литературы и критики.

Нет у нас и книг о Белинском, рассчитанных на массового читателя, книг, с помощью которых должно было бы состояться «первое знакомство» с великим критиком.

Этот второй пробел восполняет отчасти не так давно вышедшая работа М. Иовчука¹.

Она посвящена, как справедливо замечает автор в своем введении, наименее изученной области: философским и социально-политическим взглядам Белинского. Действительно, в литературе о Белинском этот круг вопросов редко являлся предметом специального изучения. И тем с большим интересом берешь в руки новую книжку.

Кратко и, в общем, верно охарактеризованы в ней политические взгляды великого критика: отношение Белинского к самодержавию² и крепостничеству, славянофилам и западникам. В этом разделе имеется ряд тонких замечаний, самостоятельных и свежих наблюдений. Правильно, например, вскрывает автор сложный характер отношений Белинского к западникам и славянофилам. Белинский боролся не только с славянофилами, но и с теми «гуманистическими космополитами» типа Кавелина и В. Майкова, которые в своем нигилистическом отрицании русской культуры и прошлого русского народа были для Белинского, в сущности, столь же антинародны, сколь и славянофилы. Отсюда следует важный вывод: Белинский приемлет не всякий европеизм и отвергает не всякое отрицание его.

Много места уделяет автор изложению философских взглядов Белинского. И в этой части книги есть ряд верных наблюдений и точных выводов. Но вместе с тем этот раздел книги вызывает много серьезных возражений.

Прежде всего: философские взгляды критика излагаются вне какой бы то ни было связи с

эстетической его программой. Ведь Белинский не был, так сказать, «чистым» философом. Те или иные философские принципы он защищал не в отвлеченном их выражении, а в их эстетическом и литературно-критическом преломлении. И в этом, между прочим, глубокое своеобразие Белинского-мыслителя.

Схематично и несколько поверхностно изложена М. Иовчуком философская эволюция Белинского. Она приобретает в книге характер некоего имманентного процесса.

Вот несколько примеров. Увлечшись шеллингианством, Белинский вскоре убедился, что оно «никак не могло удовлетворить» его (стр. 60). Придя к Фихте, Белинский и тут «скоро понял, что он пришел не к тому, чего искал» (стр. 65). Наконец, после непродолжительного увлечения Гегелем Белинский снова «скоро понял несоответствие...» (стр. 76).

Так, легко приспособленная отмычка «Белинский понял» избавляет автора от неприятной необходимости кропотливо исследовать исторические и объективные, т.е. действительные, корни и причины философской эволюции Белинского.

Автор справедливо указывает на то, сколь плодотворным для эстетических взглядов Белинского оказался переход великого критика на позиции материализма и социализма. Но М. Иовчук не ограничивается этим общим определением. Он, кажется, единственный раз изменяя своему принципу, пытается раскрыть сущность эстетических взглядов Белинского в 40-е годы. И вот что из этого получается.

«Он требует, — говорит Иовчук о Белинском, — чтобы искусство и литература отражали жизнь народа, а не только его верхушки, чтобы литература из «игрушки праздных ленивцев» сделалась выражением общественных интересов» (стр. 90).

Что же здесь такого, что привело нашего автора в столь неумеренное восхищение? В самом деле, в какой мере цитированная тирада характеризует специфическую позицию Белинского в сороковые годы?

Достаточно заглянуть в «Литературные мечтания», и мы на любой странице натолкнемся на одну из тех мыслей, которые Иовчук делает достоянием лишь Белинского 40-х годов.

¹ М. Иовчук, Белинский. Соцэкгиз, М. 1939. Стр. 192.

Это не только поверхностное разрешение очень важного вопроса. Автор здесь находится под влиянием старой, обветшалой традиции, согласно которой весь этап философских исканий Белинского в 30-е годы изображался, как период сплошных заблуждений и срывов.

Говоря о переходе Белинского с позиций философского идеализма к материализму, М. Иовчук замечает: «Уже в начале 40-х годов Белинский выступал против теории «искусство для искусства» (стр. 90).

На этом подчеркнутом нами «уже» стоит остановиться подробнее.

Одно из существенных преимуществ Белинского-материалиста перед Белинским 30-х годов, по мнению автора рецензируемой книжки, состоит, таким образом, в том, что критик «уже в начале 40-х годов» отказывается от идеи «чистого искусства», идеи, которая истолковывается как признак величайшего заблуждения раннего Белинского.

Сложность и противоречивость философской и эстетической эволюции Белинского в 30-е годы создавали почву для многочисленных недоразумений и ошибок.

Особенно не повезло раннему Белинскому — периода его шеллингианских увлечений. Обычно склонны были преувеличивать характер влияния немецкого идеалиста на автора «Литературных мечтаний» и «О русской повести и повести Гоголя». Либерально-буржуазная историография ставила эти замечательные работы в полную зависимость от идеалистической философии искусства Шеллинга, всячески подчеркивая несамостоятельность и незрелость эстетических позиций Белинского.

Примечательно, что подобные взгляды провоздвигались и в работах сравнительно последнего времени. Так, например, с точки зрения Н. Лернера («В. Г. Белинский». 1922. Берлин), Белинский относился к философии Шеллинга, как к религии, а по глубочайшему убеждению Иванова-Разумника в Шеллинге «Белинский и его друзья нашли ответ на нравственные, эстетические и отчасти социологические запросы» («Книга о Белинском», Петроград, 1923). Даже в совсем недавно вышедшей книжке «Три великих русских демократа» Лебедев-Полянский, влекомый традицией, продолжает преувеличивать характер влияния Шеллинга на Белинского. С его точки зрения, даже «проблема народности в литературе вытекала из лучших сторон шеллингианской системы».

В 30-е годы интерес к Шеллингу поддерживается, как известно, кружком Станкевича, в который входил и Белинский. Существенно, однако, то, что шеллингианство у Белинского отливало в принципиально иные формы, чем, например, у Станкевича. В отличие от последнего Белинский не просто впитывал в себя идеи автора «Системы трансцендентального идеализма», но критически их преломлял через собственные эстетические воззрения. Достаточно лишь сравнить шеллингианскую статью Станкевича «Моя метафизика» (1833) и шеллингианскую статью Белинского «Литератур-

ные мечтания» (1834), чтобы почувствовать глубокое отличие, которое лежало между этими разными восприятиями одной и той же философской концепции.

Белинский не только воспринимал Шеллинга, но и резко ему противоречил. Отправляясь от общих шеллингианских посылок, Белинский приходил нередко к враждебным им выводам. Борясь за объективизм в искусстве, предпочитая одностороннему Байрону и Шиллеру Шекспира, у которого нет любимых идей и героев и «каждая его драма есть мир в миниатюре», Белинский в тех же «Литературных мечтаниях» дает такую концепцию русской литературы, которой в основных ее линиях не изменял до конца своей жизни. Его знаменитый парадоксальный тезис об отсутствии в России литературы доказывался аргументами, отнюдь не взятыми из арсенала шеллингианства. Главным пороком предшествующего этапа в развитии русской литературы Белинский считает ее антидемократизм, недостаточную связь этой литературы с народным самосознанием.

Именно из этого критерия он исходил, когда восторженно приветствовал в 1835 году автора «Вечеров» и «Миргорода» как «поэта жизни действительной». Шеллингианское учение о художнике, как о творце, демиурге, оторванном и противопоставленном жизни, находит у Белинского, таким образом, существенный корректив.

Кошунственной должна была звучать, с точки зрения правоверного шеллингианства, мысль Белинского о том, что комедия и трагедия стоят в одном ряду жанровой иерархии. Если для Шеллинга «высшую» и «свободнейшую» область поэтического творчества составляет трагедия, то Белинский в «Литературных мечтаниях» утверждает: «Комедия, по моему мнению, есть такая же драма, как и то, что обыкновенно называется трагедией».

Вот почему Грибоедов в его глазах — «Шекспир комедии».

Как видим, в так называемом шеллингианском периоде Белинский отнюдь не замыкался в кругу абстрактно-эстетических вопросов, то-и-дело связывал их с кардинальными общественно-политическими проблемами современности. Он первый в России практически показал связь эстетики с жизнью, с политикой. И в этом он был гениальным предшественником автора «Эстетических отношений искусства к действительности», а вовсе не учеником Шеллинга.

Между тем М. Иовчук ставит себе целью доказать, что Белинский лишь в сороковые годы хотел видеть в литературе и искусстве «выражение общественных интересов» и «отражение жизни народа».

Когда хотя бы особенно подчеркнуть идеалистические заблуждения Белинского в 30-е годы, то обычно приводят его известную мысль о том, что в подлинном искусстве нельзя искать цели вне искусства.

На первый взгляд эта мысль действительно порождает недоумение. Как могла, в самом деле, эта идея одновременно сочетаться с требованием сближения искусства с жизнью?

Вполне осязаемый здесь парадокс не приобретает, однако, характера необъяснимого противоречия.

В эту эстетски-идеалистическую формулу Белинский вкладывал несколько иное содержание, чем то, которое ей обычно приписывается.

Эта идея «чистого» и «свободного» искусства в конкретно-исторической обстановке 30-х годов даже в своей фразеологически шеллингианской оболочке имела свой особый, прогрессивный смысл.

Уже в «Литературных мечтаниях» Белинский обрушился на нравственно-сатирическое, или нравственно-«полицейское», по терминологии автора, направление в современной ему романистике, направление, возглавляемое Фаддеем Булгариным.

В предисловии к своему историческому роману «Мазепа» Булгарин так определяет задачу художника: «Поучать, забавляя»¹.

Белинский всю свою жизнь боролся против поверхностного, пресного морализма, не достойного искусства, принижающего его. Против такого лежащего за пределами подлинного искусства булгаринского дидактизма и была прежде всего направлена мысль Белинского.

Недаром в тех же «Литературных мечтаниях» Белинский пишет, что:

«Комедия должна живописать несообразность жизни с целью, должна быть плодом горького негодования, возбуждаемого унижением человеческого достоинства, должна быть сарказмом».

Он не против цели в искусстве в смысле высокой и благородной идеи, к которой, естественно, стремится каждый подлинный худож-

ник. Но эта цель должна лежать не на поверхности произведения. Она должна доходить до сознания читателя не через самое себя, а через художественный образ. Вот тогда цель перестает быть собственно целью и становится органическим элементом искусства.

Белинский боролся против «цели», существующей в произведении лишь благодаря авторскому велению. Он мечтал о литературе, проникнутой великими народными идеалами, но «чистой» и «свободной» от антихудожественного утилитаризма и поучительства.

В шеллингианскую формулу «Искусство не имеет цели вне себя» Белинский, таким образом, вкладывал содержание, глубоко враждебное реакционно-идеалистической эстетике. Так, его понятия об искусстве вообще приходили в противоречие с теми идеями, которые возникли у него на почве конкретного анализа конкретного искусства.

Таким образом, идея «чистого искусства», которую защищал Белинский в 30-е годы, вовсе не была тем страшным жутелом, которым привыкли страшать нас иные историки литературы.

В рецензируемой книжке можно было бы отметить и ряд других более или менее значительных недочетов. Но не в них, впрочем, дело.

В работе М. Иовчука есть одно существенное достоинство. Оно состоит в том, что книжка эта, рассчитанная на массового читателя, ставит серьезные и малоисследованные вопросы, возбуждает в читателе мысль и, вместе с тем, желание глубже разобраться в творчестве гениального критика.

С. Машинский

★

О ЛИТЕРАТУРНОЙ ТЕХНИКЕ И РЕДАКТУРЕ

Две книги², вышедшие в этом году в Архангельске, свидетельствуют о двух противоречивых, но тем не менее совмещающихся друг с другом явлениях.

В любом уголке нашей страны немало молодежи, тянущейся к литературному труду, имеющей в различной мере свою долю способностей. Эти способности могли бы быть развиты и направлены на пользу советской литературе, если бы выше была квалификация людей, руководящих на местах этим делом, если бы творческая общественность писательских организаций и издательств столицы как-то помогала бы созданию хороших книг

на периферии. Увы, наличию молодых авторов зачастую сопутствует отсутствие хороших редакторов.

Сборник «Север», выпущенный архангельскими писателями, посвящен двадцатилетию освобождения Севера от интервенции и белогвардейщины.

Читается сборник с интересом. Его материалы воскрешают в памяти читателя те дни, когда английская военщина, верная своей традиционной методике ведения войны, пыталась руками чехословаков и русских белогвардейцев захватить советский Север, превратить его в источник доходов для купцов и банкиров лондонского Сити. Павлин Виноградов и другие герои освобождения советского Севера, большевики, победившие самых хитрых, самых оснащенных вооружением интервентов — англичан, никогда не будут забыты.

Лучшее в сборнике, это — сказки Ст. Писахова. Свообразие языка, народный юмор делают невозможным пересказ этих произведе-

¹ Ф. Булгарин, Мазепа. СПб. 1833. Предисловие, стр. III.

² «Север», № 6, Литературно-художественный сборник. Архангельское областное издательство. 1940. Стр. 216.

Георгий Суфтин. Стихи. Архангельское областное издательство. 1940. Стр. 64.

ний. В них добродушная усмешка народа, гордого сознанием своей силы.

«Было тако время, понаехали инстервенты, быдто у нас своих стервентов мало было, да и инстервенток с собой привезли, — тьфу!»

Сказки кончатся радостным утверждением: «На волках, мол, уехали инстервенты, коли волки не стрясут, дак далеко унесут!»

На прозе сборника — эпизоды К. Коничева «С двух сторон», рассказы Евгения Коковина «Детство в Соломбале», Конст. Тюляпина «Хатанзей», К. Симкина «Простой рассказ» — лежит тень плохой, небрежной редактуры. Все эти произведения надо было править, возвращать авторам, заставлять переделывать, переписывать начисто.

«С двух сторон» Коничева скромно названо автором «эпизоды». Это удобный жанр, при котором легко отводить обвинения в рыхлой композиции вещи, в примитивной прямолинейности описываемых характеров. Но и в «эпизодах» нельзя писать: «Чубаш изменил тон своих рассуждений и, выдвинув ящик письменного стола, достал коробку с кокаином...»

В «Простом рассказе» К. Симкина герои разговаривают совсем не просто. Автор приводит письмо, адресованное героине рассказа:

«На днях, — писал Анатолий. — когда я размечтался о недалеком будущем, когда я мысленно пел великий гимн советскому человеку, преклонялся перед авторитетом его разума, провозглашал бурное «ура» дерзанию и смелым мыслям, непрестанному, неудержимому движению вперед к пленительным вершинам культуры, когда я пел гимн сказочному расцвету моей родины, ее богатству, ее материнским ласкам, ее силе и здоровью, ее нежности и красоте, ее благородству и величественной гордости, ее прекрасной неповторимости, — в это время мне передали письмо от моего друга Коли Яромльчука».

Человек мысленно пел гимны и тут-то ему и вручили письмо! Это, конечно, сказано не «просто» и прежде всего попросту не отредактировано. Весь этот пошловато звучащий набор якобы «высоких слов» надо было зачеркнуть еще в рукописи.

В большинстве стихов сборника — Сергея Барэнца, Александра Миронова, Недзевецкого, Королева — оборонная тема осознана только как повод для рифмованной риторики.

Лишь Наталья Болотова в стихотворении «Слово», столкнув мысли над «Словом о полку Игореве» с мыслями о наших днях, избежала

примитивности рифмованных лозунгов, которой грешат остальные участники сборника.

По-настоящему песенны «Проводы» Вик. Сидельникова. Их хочется петь. Введенные в них колхозные частушки звучат так же тепло и безыскусственно, как и все стихотворение.

Кажется, что в Архангельске вообще рассматривают стихи, как нечто, не поддающееся редактированию. Этот неверный взгляд сказан на сборнике стихов Георгия Суфтина.

Георгий Суфтин ограничивает тематику своих стихов Севером. И вы видите, что этот дикий, и по своему красивый край, переделываемый большевиками, действительно поэтичен.

Природа Севера приводит поэта к большим образам. «Ненец увидел солнце» называется первый раздел книги. Как солнце после полярной ночи, встретили жители тундры свет сталинской мудрости.

Понятно стремление автора говорить о Севере «северными» словами, вводя в стихи выражения из языка народа тундры — ненцев. Но здесь, пожалуй, автору изменяет чувствительность К. небольшому сборнику стихов приложен словарь ненецких слов, занимающий две страницы. В таком количестве это уже не обогащает, а засоряет русский литературный язык. Нет необходимости говорить «хад», когда можно сказать «пурга» и слово «ясосей» ничем не лучше и не поэтичнее слова «проводник».

Ритмический рисунок стиха у Суфтина не всегда точен.

Суфтину удастся в своих стихах передать поэзию жизни возрожденного северного народа. В этом заслуга поэта. Но большее внимание к технике стиха помогло бы ему избежать неуклюжих прозаизмов («взволнован подобным фактом» и т. п.), сделать строку и стихотворение в целом компактнее, напряженнее.

Умелый грамотный редактор мог бы помочь автору. Своевременно замеченная ошибка многому бы научила поэта. Читатель получил бы книгу без «неделенок».

Радостно, когда на далекой окраине нашей страны вырастают молодые авторы, любящие родину, славящие ее в стихах и прозе.

Печально, когда видишь, что росту этих людей в Архангельске мало помогают, что лишние руководства и критики они зачастую принимают свои недостатки за достоинства, выступают перед читателем, как авторы сырых необработанных произведений.

Д. ТИММ

На книжной полке

☆☆☆

Джемс Бертрам. На фронтах Северного Китая, пер. с англ. Н. Дарузес и О. Холмской. Иллюстрация (живопись, гравюры) современных китайских художников. Гослитиздат, М., 1940, стр. 315. Цена 15 руб.

«На фронтах Северного Китая» — книга художественных очерков, принадлежащая перу видного английского журналиста Джемса Бертрама.

В июне 1937 года Джемс Бертрам прибыл в Токио. Яркими штрихами изображает он предвоенную грозную атмосферу, знакомя читателя с кулисами японской военной кухни.

Преодолевая препятствия, Джемс Бертрам спешно отправляется в Китай, на фронт военных действий. Он следит за развитием событий, и ничто, кажется, не ускользает от его зоркого взгляда.

Джемс Бертрам рассказывает в своей книге о том, как постепенно растет и крепнет единый национальный фронт, как вначале разрозненные китайские войска научились поражать прекрасного вооруженного противника.

Северный фронт Китая, где развернулась острая борьба, всего больше привлекает Джемса Бертрама. Здесь он близко знакомится с рядовыми бойцами и командирами героической 8-й Народно-Революционной армии. Его интересуют и методы партизанской войны, и ведение боя в гористой местности, и тактика внезапного удара, и культурно-политическая работа в армии и в тылу, проводимая китайскими коммунистами во главе с Мао Дзе-дуном, портрет которого нарисован Бертрамом живо и тепло.

В книге Бертрама — яркая галерея образов героических бойцов и командиров Джу Дэ, Хэ Лу и других, нарисованных человеком, близко обшавшимся с героями национально-освободительной войны.

Джемс Бертрам правдив, но это не значит, что он беспристрастен. «Там, где раздается грохот орудий, люди испытывают жалость, страх, негодование и решимость, но редко остаются в стороне...» Бертрам не коммунист, и предоставленную ему возможность совершить поход с 3-й армией он принял с тем условием, что «будет свободно писать в каком угодно духе обо

всем, что увидит». И он написал правдивую книгу.

Его первая книга о Китае («Crisis in China») пользовалась в свое время большим успехом. Этот успех обеспечен и книге «На фронтах Северного Китая».

Книга богато иллюстрирована фото и гравюрами современных китайских художников (Дуань Гень-Пин, Фан Ци, Цзинь Ван, Тзянь Ань, Цзян Фин, Ван Хуа, Лю Цинь и др.).

Н. Пфлаумер, Моя семья. Записала и литературно обработала Ольга Зив. «Молодая Гвардия», М., 1940, стр. 240. Цена 4 р. 10 к.

Имя Пфлаумер вряд ли нуждается в особой рекомендации читателям: оно заслуженно пользуется широкой популярностью в нашей стране. Супруги Пфлаумер известны тем, что они, не имея собственных детей, взяли на воспитание и усыновили пять беспризорных ребят. Они вырастают настоящими, полноценными людьми, достойными гражданами советской, социалистической родины. В 1935 году партия и правительство отметили трудовой подвиг жизни Натальи Александровны и Давида Ивановича Пфлаумер, наградив их грамотой ЦИК Союза ССР.

Педагогический опыт, накопленный в течение ряда лет Натальей Александровной, представляет огромный интерес и огромную ценность. Множество конкретных примеров, приведенных ею, наглядно показывает, насколько важно для родителей установить правильные взаимоотношения с своими детьми и как глубоко, как любовно нужно проникнуть в психологию ребенка, чтобы уверенно и успешно руководить его воспитанием.

Но в первую очередь успех воспитательной работы в семье решает личный пример, поведение родителей. В семье Пфлаумер — Наталья Александровна об этом не говорит, но это вытекает из всех сообщаемых ею фактов — детям было кому подражать и у кого учиться. Книга Н. А. Пфлаумер привлекает, несомненно, горячее внимание самых разнообразных кругов читателей.

Редакция: **Ф. В. Гладков**
Л. М. Леонов
В. П. Ставский
М. А. Шолохов

Ответственный редактор **В. П. Ставский**

Редакция: Москва, 6. Пушкинская площадь, 5.

Издательство: «Известия Советов депутатов трудящихся СССР»

A 31367. Сдано в набор 13/IX—10/X—40 г.
16 печ. листов. Тираж 80.000. Зак. 3212.

Подп. к печ. 16/X—4/XI—40 г.

Технический редактор С. Ардашникова.

Типография «Известий Советов депутатов трудящихся СССР», Москва, Пушкинская пл., 5.